Е. И. Мартыновъ.

А / 56

Воспоминанія о Японской войнѣ

КОМАНДИРА ПѢХОТНАГО ПОЛКА.

Е. И. Мартыновъ.

А I 6/56

ВОСПОМИНАНІЯ
о Японской войнѣ

КОМАНДИРА ПѢХОТНАГО
ПОЛКА.

Г. ПЛОЦКЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1910

554
11-11 1931 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая книга, основаніемъ для коей послужилъ веденный мною во время войны дневникъ, содержитъ въ себѣ воспоминанія о томъ періодѣ кампаніи, когда я командовалъ доблестнымъ Зарайскимъ полкомъ.

Въ ней, какъ видно изъ самаго заглавія, я не задаюсь цѣлью описывать общій ходъ войны, а касаюсь его лишь настолько, насколько это необходимо для моей болѣе скромной задачи. Зато съ полною точностью выяснена мною дѣятельность полка, въ бояхъ же важнѣйшіе моменты удостовѣрены полевыми записками. Писанныя на полѣ сраженія, подъ давленіемъ необходимости, эти лаконическія записки представляютъ самый важный историческій матеріалъ, одна строка котораго иногда разрушаетъ до основанія цѣлыя пышныя реляціи. Въ данномъ случаѣ такіе безспорные документы особенно полезны потому, что на фонѣ общихъ пораженій Зарайцы имѣли частные успѣхи, а между тѣмъ въ послѣднюю несчастную войну вокругъ

каждаго мало-мальски удачнаго эпизода всегда скоплялось много зависти, интригъ и беззастѣнчиваго стремленія примазаться къ успѣху. Передъ печатаніемъ книги составленное мною описаніе боевъ было прочтено въ собраніи уцѣлѣвшихъ послѣ войны офицеровъ Зарайскаго полка, коихъ осталось еще 27 человѣкъ и согласно ихъ замѣчаніямъ исправлено въ нѣкоторыхъ частностяхъ и дополнено многими подробностями.

Грандіозныя сраженія русско-японской войны раздѣлялись долгими антрактами, когда враждебныя арміи отдыхали и готовились къ новымъ столкновеніямъ. Я описываю подробно эту мирно-боевую жизнь войскъ, не оставляя безъ вниманія и хозяйственные вопросы. Нѣкоторымъ читателямъ могутъ показаться скучными краткія періодическія свѣдѣнія о состояніи въ полку одежды и обуви, о продовольствіи солдатъ, указанія на то, гдѣ и какъ нужные предметы добывались. Однако, при существующей системѣ хозяйства, всѣ эти вопросы относятся къ обязанности полкового командира не меньше, чѣмъ самое управленіе полкомъ въ бою. У тѣхъ командировъ, которые во всемъ полагались на интендантство, не проявляя собственной хозяйственной иниціативы, солдаты зачастую бѣдствовали.

Въ продолженіе указанныхъ перерывовъ военныхъ дѣйствій и при нашихъ почти полутора-годо-

выхъ странствованіяхъ по Манджуріи отъ Ляояна до Вафангоу и обратно до Гунчжулина, проживъ долгое время рядомъ съ китайцами въ однѣхъ и тѣхъ же фанзахъ, я имѣлъ возможность наблюдать жизнь этого своеобразнаго народа. При каждомъ удобномъ случаѣ я вступалъ, при помощи переводчика, въ разговоръ съ моими хозяевами, распрашивая о нихъ и русскихъ людей, долго жившихъ въ этомъ краѣ. Въ моихъ воспоминаніяхъ разбросаны отрывочныя свѣдѣнія о семейномъ и общественномъ бытѣ китайцевъ, ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, земледѣліи, торговлѣ, судѣ, школѣ, благотворительности и т. п. Конечно я далекъ отъ мысли придавать этимъ наблюденіямъ какое либо научное значеніе и прошу смотрѣть на нихъ лишь какъ на бѣглыя замѣтки туриста.

Е. И. Мартыновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отправленіе въ дѣйствующую армію.

(25 февраля—6 апрѣля).

Объявленіе войны.—Мое назначеніе командиромъ Зарайскаго полка.—Равнодушное настроеніе народа и интеллигенціи.—Общее пренебреженіе къ военному дѣлу.—Злорадство передовыхъ кружковъ.—Знакомство съ противникомъ.—Въ Сибирскомъ поѣздѣ.—Иностранные офицеры.—Станція Манджурія.—Харбинъ.—Мукденъ.—Уличная жизнь въ немъ.—Древній императорскій дворецъ.—Прибытіе въ Ляоянъ.—Представленіе командующему арміей.—Мое первоначальное мнѣніе о Куропаткинѣ 1

Стоянки въ окрестностяхъ Ляояна и Хайчена.

(6 апрѣля—24 мая).

Бригадное начальство.—Пріемъ полка.—Составъ его.—Сформированіе конно-охотничьей команды.—Обозъ.—Одежда, снаряженіе и вооруженіе.—Китайскія жилища.—Довольствіе людей и лошадей.—Сельское хозяйство въ Манджуріи.—Наше отношеніе къ китайцамъ.—Командировки отъ полка.—Евреи.—Движеніе бригады къ Феньшуйлинскому перевалу и обратно.—Обученіе войскъ.—Неизвѣстность.—Моя жизнь въ фанзѣ.—Пища китайцевъ.—Стычка съ хунхузами.—Передвиженіе бригады къ Хайчену.—Улучшеніе довольствія солдатъ.—Диспозиція Штакельберга.—Инструкція Куропаткина 21

Бой при Вафангоу.

(24 мая—9 іюня).

Передвиженіе бригады отъ Хайчена къ Вафангоу.—Диспозиція Штакельберга для оборонительнаго боя.—Странный способъ отдавать приказанія о наступленіи.—Переговоры Гласко съ Гернгроссомъ.—Первоначальныя дѣйствія бригады.—Переходъ ея въ наступленіе.—Конецъ боя.—Отступательное движеніе корпуса на сѣверъ.—Безпорядочное мотаніе войскъ.—Прибытіе бригады къ станціи Дашицяо.—Мое первое сомнѣніе въ Куропаткинѣ 63

Расположеніе близъ Дашицяо и Хайчена.

(9 іюня—22 іюля).

Бивакъ у Дашицяо.—Раздача Георгіевскихъ крестовъ.—Австрійскій военный агентъ.—Поѣздка въ Инкоу.—Передвиженіе бригады въ Танчи.—Наводненіе.—Затрудненія въ довольствіи.—Работы на позиціяхъ.—Передвиженіе бригады къ Хайчену.—Бивакъ у д. Вань-эръ-Гуантунь.—Ожиданіе періода дождей.—Народное образованіе въ Манджуріи.—Прибытіе генерала Добржинскаго и его первый дебютъ.—Передвиженіе бригады къ д. Шаньчжу.—Торжественное заявленіе Куропаткина.—Китайскій судъ.—Общій переходъ японцевъ въ наступленіе.—Паника подъ Хайченомъ.—Движеніе бригады къ дер. Таогуантунь 96

Командировка въ Мукденъ и возвращеніе въ Ляоянъ.

(22 іюля—12 августа).

Прибытіе бригады въ Мукденъ.—Отношеніе окружавшихъ Алексѣева къ Куропаткину.—Бивакъ у Корейской башни.—Безвѣріе китайцевъ.—Мои распоряженія по хозяйству.—Китайскій театръ.—Нищіе въ Мукденѣ.—Сѣверныя императорскія могилы.—Неожиданный пріѣздъ Добржинскаго.—Намѣстникъ.—Раздача крестовъ.—Китайская казнь.—Отсутствіе у китайцевъ патріотизма.—Переѣздъ бригады въ Ляоянъ.—Укрѣпленіе позиціи у дер. Фанцзятунь.—Плата за плѣнныхъ.—Довольствіе полка.—Курьезный транспортъ.—Семейный бытъ китайцевъ.—Переходъ полка въ дер. Цофантунь . . . 140

Бой при Ляньдянсанѣ.

(12—16 августа).

Отправленіе охотниковъ въ Сяолинцзы.—Расположеніе нашей арміи къ востоку и югу отъ Ляояна.—Приказаніе Зарайскому полку изъ Цофантуня перейти въ Кофынцы.—Движеніе до Безымянной деревни.—Мое рѣшеніе вмѣсто Кофынцы направиться на Павшогоу.—Положеніе на правомъ флангѣ Ляньдянсанской позиціи.—Наступленіе по моей иниціативѣ во флангъ и тылъ обходящему крылу непріятеля.—Потери.—Оцѣнка дѣйствій съ нашей и японской стороны.—Сосредоточеніе полка у Павшогоу.—Общее отступленіе на передовыя Ляоянскія позиціи 164

Ляоянское сраженіе.

(16—25 августа).

Присоединеніе полка къ дивизіи. — Рекогносцировка Добржинскаго. — Переправа японцевъ черезъ Тайцзыхэ. — Оборонительное положеніе занятое дивизіей. — Выдвиженіе Зарайскаго полка на уступную позицію. — Взятіе японцами Нѣжинской сопки. — Наступательный планъ Куропаткина. — Отступленіе Орлова. — Неудачная атака Добржинскимъ Нѣжинской сопки. — Отправленіе на сопку Зарайскаго полка. — Произведенная мною рекогносцировка. — Занятіе оборонительной позиціи. — Общее отступленіе. — Стратегическое значеніе боя за Нѣжинскую сопку. — Паника у Сандопа. — Перемѣна въ обращеніи съ китайцами. — Жестокость Добржинскаго. — Впечатлѣніе произведенное на армію отступленіемъ отъ Ляояна . 206

Стоянка подъ Мукденомъ и переходъ въ наступленіе.

(25 августа—28 сентября).

Расположеніе на бивакѣ. Представленіе къ Георгію. — Жизнь солдатъ. — Полковой праздникъ. — Торговля въ Манджуріи. — Гастрономическій обѣдъ въ Мукденскомъ ресторанѣ. — Назначеніе съ отрядомъ въ Мучанъ. — Восточныя императорскія могилы. — Пожалованіе мнѣ Георгіевскаго креста. — Возвращеніе на старый бивакъ. — Широковѣщательный приказъ о наступленіи. — Сборы въ походъ. — Раздѣленіе арміи. — Переходъ къ ст. Суятунь. — Перепалзываніе къ дер. Линшинпу. — Трехдневное рытье окоповъ. — Дальнѣйшее ползаніе къ дер. Ліусандіаза. — Опять укрѣпленіе позиціи. — Довольствіе полка . . 238

Шахэйское сраженіе.

(28—30 сентября).

Расположеніе XVII корпуса 28 сентября. — Приказаніе генералу Гласко выбить японцевъ изъ Ендоуніулу. — Гласко поручаетъ мнѣ ближайшее руководство атакой. — Взятіе деревни ударомъ въ штыки. — Раздѣленіе отряда Гласко на двѣ части. — Ходъ оборонительнаго боя до полудня 29-го сентября. — Рѣшительное наступленіе японцевъ противъ участка генерала Защука и очищеніе его. — Отступленіе Моршанскаго полка изъ Ендоуніулу. — Гласко съ главными силами отходитъ на Безымянную деревню, поручивъ мнѣ съ однимъ баталіономъ прикрывать отступленіе. — Атака Юхновскаго полка. — Отпра-

вленіе Моршанцевъ къ Ванновскому.—Занятіе мною позиціи у Ліутхангоу.— Общее отступленіе.—Потери.—Соперничество . 268

Сраженіе на Шахэ.

(30 сентября—2 октября).

Расположеніе XVII корпуса 30 сентября. — Странная задача данная Зарайскому полку на ночь. — Бой 1 октября до полудня. — Мое назначеніе начальникомъ лѣваго участка.— Положеніе на этомъ участкѣ.—Ходъ боя до вечера. — Ночь съ 1 на 2 октября.—Распоряженія генерала Оку для атаки Ламатуни.— Начало боя. — Передача уступной позиціи войскамъ X корпуса.—Оку направляетъ противъ Ламатуни весь артиллерійскій резервъ арміи. — Словесное приказаніе командующаго корпусомъ въ случаѣ отступленія войскъ праваго участка отходить въ связи съ ними.—Двѣ записки начальника дивизіи о томъ же.—Отступленіе войскъ праваго участка. — Очищеніе Ламатунской позиціи. — Приказаніе снова занять Ламатунь. — Отмѣна этого приказанія.— Потери.— Крушеніе вѣры въ Куропаткина 303

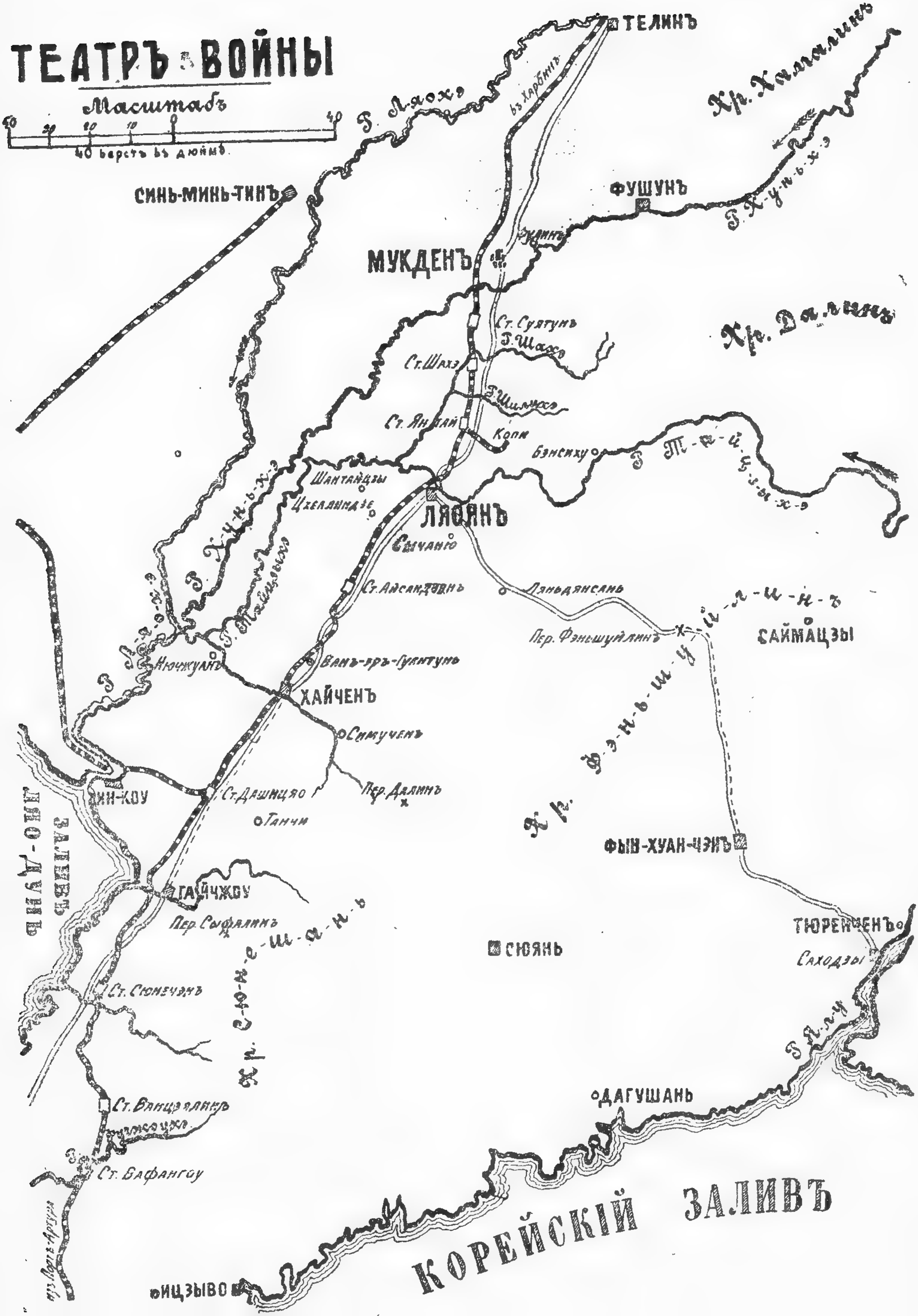
Зимовка на позиціяхъ.

(2 октября—20 декабря).

Занятіе позиціи впереди д. д. Ханченпу и Каулитунъ.—Неудавшееся покушеніе Добржинскаго.—Вопросъ объ атакѣ Ламатуни и Линшинпу. — Назначеніе Куропаткина Главнокомандующимъ.—Загроможденіе нашего участка укрѣпленіями.—Охраненіе его.—Слабость артиллеріи.—Жизнь на позиціи.—Китаянка и китайченокъ. — Китайскіе контрасты. — Поддержаніе связи.—Блиндажъ Добржинскаго. — Въ корпусномъ резервѣ у дер. Суятунь.—Недовольство офицеровъ.—Посѣщеніе Куропаткинымъ позиціи. — Инцидентъ съ мастерскими. — Опять въ боевой части.—Поискъ охотниковъ.— Восторгъ Добржинскаго.— Устройство новой позиціи.— Японская развѣдка.— Въ дивизіонномъ резервѣ за д. Каулитунъ.—Прибытіе Каульбарса и объѣздъ войскъ. — Возвращеніе полка въ боевую часть.— Бомбардировка.—Настроеніе арміи. 340

Сдача полка.

Разговоръ съ Харкевичемъ. — Характеристика генерала Добржинскаго.—Мой уходъ изъ полка.—Проводы.—Прощальный приказъ.—Назначеніе начальникомъ штаба корпуса.—Отношеніе ко мнѣ подчиненныхъ 392


ТЕАТРЪ ВОЙНЫ
Масштабъ
40 верстъ въ дюймѣ
СИНЬ-МИНЬ-ТИНЪ
ТЕЛИНЪ
Р. Ляохэ
въ Харбинъ
Хр. Хадагалинъ
ФУШУНЪ
Р. Хуньхэ
МУКДЕНЪ
Ст. Суятунъ
Р. Шахэ
Хр. Далинъ
Ст. Шахэ
Р. Шилихэ
Ст. Янтай
Копи
Бэнсиху
Р. Тайцзыхэ
Шантайцзы
ЛЯОЯНЪ
Сычаньо
Ст. Айсандзянь
Ляньдянсань
Пер. Фэньшуйлинъ
Хр. Фэньшуйлинъ
САЙМАЦЗЫ
Ванъ-эръ-гуантунъ
Нючжуанъ
ХАЙЧЕНЪ
Симученъ
ИНКОУ
Ст. Дашицяо
Пер. Далинъ
Ганчи
ЗАЛИВЪ ЛЯО-ДУНЪ
ФЫН-ХУАН-ЧЭНЪ
ГАЙЧЖОУ
Пер. Сыфалинъ
Хр. Сюньеншань
ТЮРЕНЧЕНЪ
СЮЯНЬ
Саходзы
Ст. Сюнечэнъ
Р. Ялу
Ст. Ванцзялинъ
Ст. Вафангоу
ДАГУШАНЬ
изъ Портъ-Артура
КОРЕЙСКІЙ ЗАЛИВЪ
ИЦЗЫВО

Отправленіе въ дѣйствующую армію.

Объявленіе войны. — Мое назначеніе командиромъ Зарайскаго полка. — Равнодушное настроеніе народа и интеллигенціи. — Общее пренебреженіе къ военному дѣлу.—Злорадство передовыхъ кружковъ. — Знакомство съ противникомъ. — Въ Сибирскомъ поѣздѣ. — Иностранные офицеры. — Станція Манджурія. — Харбинъ. — Мукденъ. — Уличная жизнь въ немъ.— Древній императорскій дворецъ — Прибытіе въ Ляоянъ. — Представленіе командующему арміей. — Мое первоначальное мнѣніе о Куропаткинѣ.

(25 февраля—6 апрѣля).

Двадцать седьмого января 1904 г. былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Японіей. Это историческое событіе совпало въ моей жизни съ предложеніемъ мнѣ должности командира Печорскаго полка, стоявшаго въ городѣ Нарвѣ. Хотя такое назначеніе вполнѣ отвѣчало моимъ прежнимъ желаніямъ, но при измѣнившихся условіяхъ я отказался отъ него и просилъ дать мнѣ одинъ изъ европейскихъ полковъ, предназначенныхъ въ дѣйствующую армію.

Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ эта просьба была уважена, и 25 февраля состоялся приказъ о моемъ назначеніи командиромъ 140

пѣхотнаго Зарайскаго полка, который принадлежалъ къ войскамъ Московскаго округа, но еще за полгода до войны былъ командированъ на Дальній Востокъ.

Передъ отправленіемъ на театръ войны мнѣ пришлось, по личнымъ дѣламъ, съѣздить изъ Петербурга въ Москву и Ефремовскій уѣздъ Тульской губерніи. Такимъ образомъ, я не только увидѣлъ настроеніе обѣихъ столицъ, но заглянулъ и въ самую глубь черноземной русской деревни.

Народныя массы въ мѣстностяхъ, не подвергшихся мобилизаціи, оставались совершенно безучастными. Война была слишкомъ далека и непонятна для нихъ. Только въ тѣхъ немногихъ уѣздахъ, гдѣ происходилъ призывъ запасныхъ, стоялъ, какъ мнѣ передавали, сплошной вой бабъ и разыгрывались раздирающія сцены, что было вполнѣ естественно при отсутствіи какихъ либо дѣйствительныхъ мѣръ для обезпеченія семействъ, лишавшихся своихъ кормильцевъ.

Въ широкихъ кругахъ русскаго образованнаго общества господствовало полнѣйшее равнодушіе къ войнѣ. За исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, интересы коихъ были затронуты, все остальное продолжало спокойно заниматься своими обычными дѣлами, интересуясь завязавшейся на востокѣ грандіозной борьбой едва ли не меньше, чѣмъ въ свое время войною буровъ съ англичанами.

Такой индифферентизмъ объяснялся, конечно, непопулярностью Дальне-Восточной авантюры и вліяніемъ стараго режима, пріучившаго русское общество смотрѣть на политику какъ на постороннее для него дѣло. Но кромѣ того тутъ дѣйствовала еще и другая болѣе глубокая причина. Въ Россіи уже давно, въ семьѣ, въ школѣ, въ литературѣ и въ прессѣ шла широкая пропаганда противъ самаго принципа войны. Вооруженная борьба между государствами выставлялась пережиткомъ варварства, явленіемъ безсмысленнымъ и преступнымъ; военные подвиги не только не вызывали уваженія, но даже осмѣивались; военная профессія разсматривалась какъ нѣчто низменное, недостойное настоящаго интеллигента.

Само русское правительство, въ своемъ призывѣ къ гаагской конференціи, передъ всѣмъ міромъ, открыто заявило, что затрачивать „духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ“ на военное дѣло это значитъ „расточать ихъ непроизводительно“ — „направлять на ложные пути“.

Такимъ образомъ, русскому обществу со всѣхъ сторонъ, систематически прививали отвращеніе къ войнѣ. Получалось нѣчто нелѣпое: съ одной стороны тратили огромныя средства на вооруженныя силы государства, а съ другой—убивали въ народѣ тотъ военный духъ, безъ коего эти силы не имѣютъ ни-

какой цѣны. Забыты были слова Петра Великаго: „отъ презрѣнія къ войнѣ общая погибель слѣдовать будетъ“.

Если рядовая русская интеллигенція относилась къ возникшей войнѣ безразлично, то въ такъ называемыхъ передовыхъ кружкахъ ея господствовало злорадно-выжидательное настроеніе. Я прекрасно помню какъ одинъ мой знакомый, нынѣ видный и притомъ далеко не лѣвый членъ думы, откровенно сказалъ мнѣ: „Чѣмъ хуже будетъ вамъ въ Манджуріи, тѣмъ лучше станетъ намъ въ Россіи“.

Что касается знакомства съ противникомъ, то до войны въ русской арміи господствовало пренебрежительное отношеніе къ японцамъ. Даже будущій нашъ полководецъ генералъ Линевичъ, который во время похода на Пекинъ, казалось бы, имѣлъ возможность познакомиться съ японскими войсками, называлъ ихъ не иначе, какъ „япошками“, и въ продолженіи указанной экспедиціи при каждомъ удобномъ случаѣ третировалъ ихъ начальника выдающагося генерала Фукушиму.

Правда, послѣ Пекинскаго похода стали изрѣдка проскальзывать въ печати и благопріятные отзывы о японцахъ, принадлежавшіе болѣе дальновиднымъ людямъ; но высшее начальство усмотрѣло въ этомъ опасность для духа русской арміи и вскорѣ заскрипѣли послушныя перья, выставлявшія япон-

скія войска въ неблагопріятномъ и даже комическомъ видѣ.

Желая передъ отправленіемъ въ Манджурію получить нѣкоторыя свѣдѣнія о противникѣ, я обратился въ военно-ученый комитетъ Главнаго штаба, гдѣ мнѣ дали соотвѣтствующую часть „Сборника новѣйшихъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ иностранныхъ государствъ“.

Эта небольшая желтая книжка заканчивалась общими выводами относительно дѣйствій крупныхъ отрядовъ, причемъ изъ приведенныхъ въ ней четырнадцати пунктовъ впослѣдствіи подтвердился лишь одинъ (относительно преслѣдованія); всѣ же остальные оказались ложными.

Напримѣръ, наши наблюдатели приписывали японцамъ: 1) „отсутствіе сознанія необходимости довести бой до штыкового удара“; 2) „стремленіе избѣгать закрытой и особенно горной мѣстности“ и 3) „стремленіе атаковать въ лобъ, не прибѣгая къ обходамъ“. Между тѣмъ, война показала какъ разъ обратное: японскія атаки отличались необычайнымъ упорствомъ; японцы особенно искусно дѣйствовали въ горахъ; во всѣхъ сраженіяхъ главный ударъ они наносили посредствомъ обхода.

Относительно численности японской арміи, по штатамъ военнаго времени, въ той же книжкѣ были помѣщены слѣдующія данныя:

	Пѣхоты:	Кавалеріи:	Орудій:
Дѣйствующія войска. .	142,948	9163	684
Запасныя войска . . .	24,960	2350	114
Территоріальныя войска	96,304	4524	312

Исходя изъ этихъ цифръ и считая, что территоріальныя войска нужны для службы въ Японіи, для занятія Кореи и для обезпеченія длинной коммуникаціонной линіи, у насъ полагали, что японцы ни въ коемъ случаѣ не смогутъ выставить въ поле болѣе 150 тысячъ человѣкъ, причемъ дальнѣйшее пополненіе этой первоначальной численности должно будетъ встрѣтить крупныя затрудненія, вслѣдствіе полнаго отсутствія въ населеніи запаса офицеровъ и обученныхъ нижнихъ чиновъ. Какъ извѣстно, въ дѣйствительности, японцы сумѣли развить значительно большія силы.

Вечеромъ 18-го марта я выѣхалъ изъ Москвы съ Сибирскимъ поѣздомъ. Въ томъ же поѣздѣ отправились на театръ войны иностранные офицеры: французы—генералъ Сильвестръ, маіоръ Шеминонъ и капитанъ Буссе и испанцы—полковникъ маркизъ де-Мендигоррія и капитанъ де-ля-Серда.

Въ пути мы очень быстро сблизились. Разговоръ преимущественно шелъ о войнѣ. Иностранцы высказывали мнѣніе, что въ начавшейся кампаніи главную роль будетъ играть не сухопутная армія, а флотъ. Неудачи нашей Портъ-Артурской эскадры,

успѣвшей уже къ этому времени потерять затонувшими и сильно поврежденными одиннадцать крупныхъ судовъ, не смущали ихъ. Они были всетаки убѣждены въ томъ, что съ прибытіемъ Балтійской эскадры японскій флотъ будетъ разбитъ и сухопутная армія японцевъ отрѣзана отъ родины, послѣ чего Японскому правительству ничего болѣе не останется, какъ просить мира.

Я не буду описывать переѣзда черезъ Сибирь, о которомъ уже такъ много говорили другіе, скажу лишь, что насъ всѣхъ поражало почти полное отсутствіе въ пути воинскихъ поѣздовъ. Желѣзная дорога везла различные военные грузы, но войскъ почему то видно не было.

Въ тѣхъ немногихъ воинскихъ поѣздахъ, которые мы перегнали, солдаты были размѣщены въ особо приспособленныхъ товарныхъ вагонахъ. Внутренность послѣднихъ была обита войлокомъ и затѣмъ обшита вторымъ рядомъ досокъ. По бокамъ устроены нары, а въ серединѣ поставлена желѣзная печь. Въ каждомъ вагонѣ помѣщались 24 человѣка. Несмотря на десяти-градусный морозъ внутри было настолько жарко, что приходилось, время отъ времени, открывать двери. Офицеры были размѣщены очень просторно въ вагонахъ I-го и II-го классовъ.

Около 3 час. пополудни 30 марта нашъ поѣздъ прибылъ на станцію „Манджурія“, лежащую на Ки-

тайской границѣ. Вокзалъ былъ переполненъ офицерами, врачами, военными чиновниками и массой тѣхъ спеціальныхъ темныхъ личностей, которыя, стремясь къ наживѣ, всегда слѣдуютъ за движеніемъ арміи. Такъ какъ до отправленія оставалось еще много часовъ, то мы пошли осматривать поселокъ раскинувшійся вокругъ станціи. Онъ почти сплошь состоялъ изъ гостиницъ, трактировъ и домовъ терпимости. Отовсюду неслись звуки жалкой музыки, нестройное пѣніе и пьяные крики.

Въ поселкѣ стояли бивакомъ два Забайкальскихъ казачьихъ полка, офицеры коихъ, по большей части переведенные изъ гвардіи, пригласили нашихъ иностранцевъ въ гостиницу „Золотой Якорь“. Тамъ были выставлены цѣлыя батареи шампанскаго, провозглашались тосты, казачьи пѣсенники пѣли. Иностранцы въ сильно подмокшемъ видѣ были доставлены прямо къ отходу поѣзда, причемъ еще казаки, передъ посадкой въ вагоны, вздумали ихъ качать, что послѣ обильной выпивки врядъ ли могло доставить особое удовольствіе.

Проснувшись на слѣдующее утро, мы увидѣли, что поѣздъ идетъ по слегка всхолмленной, совершенно пустынной равнинѣ съ глинисто песчаной почвой. Къ вечеру появились горы. Это было начало Хингана, который мы пересѣкли въ ночь на 1 апрѣля. Къ утру горы опять уступили мѣсто холмамъ. Мы

ѣхали по долинѣ съ лёсовой почвой. Ни селеній, ни отдѣльныхъ людей, ни животныхъ не было видно. Только у станцій виднѣлась кой-какая жизнь.

Находившимися на пути буфетами нельзя было пользоваться, такъ какъ къ приходу поѣзда въ нихъ обыкновенно ничего готоваго не оказывалось. Буфетчики объясняли это невозможностью расчитать время прибытія поѣздовъ и неизвѣстностью сколько въ нихъ пассажировъ. Однако несомнѣнно, что еще большую роль во всемъ этомъ игралъ безпорядокъ. По прибытіи на станцію пассажиры обыкновенно начинали съ того, что уничтожали все готовое, а затѣмъ производили осмотръ кладовыхъ и, забравъ провизію, отправлялись на кухню. Здѣсь одни заставляли готовить повара, другіе же приготовляли себѣ сами. Впрочемъ результатъ былъ всегда очень скверный, ибо продукты и особенно масло были весьма сомнительнаго качества. Ввиду этого я и мои спутники перешли на консервы, которые въ началѣ еще не успѣли намъ надоѣсть, и изъ коихъ мы составляли цѣлые обѣды.

Утромъ 2 апрѣля мы переѣхали рѣку Сунгари по желѣзному мосту. Справа была видна пристань города Харбина съ многочисленными товарными складами, желѣзно-дорожными мастерскими, заводами и паровыми мельницами. Вскорѣ поѣздъ подошелъ къ вокзалу, вокругъ котораго сгруппировался такъ называемый административный городъ.

Харбинъ возникъ съ чисто американской быстротой. Въ какіе нибудь пять лѣтъ въ совершенно безлюдной мѣстности выросъ городъ съ 70—80 тысячами жителей, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко превосходившій провинціальные города Европейской Россіи.

Административная часть города наполовину состояла изъ казенныхъ зданій, но, какъ мнѣ объяснили, они казнѣ ничего не стоили. Дѣло въ томъ, что правленіе Восточно-Китайской желѣзной дороги пріобрѣло отъ китайскаго правительства огромную площадь земли, прилегающую къ желѣзнодорожному узлу. Къ 1904 году продажа отдѣльныхъ участковъ, изъ коихъ нѣкоторые шли по 100 рублей за квадратную сажень, уже вернула всѣ расходы казны по постройкѣ зданій и дальнѣйшая выручка должна была составить чистый барышъ, или фондъ для новыхъ сооруженій.

На вокзалѣ намъ сообщили ужасную вѣсть о гибели адмирала Макарова. Носились слухи, что Китай на дняхъ объявитъ Россіи войну.

Желая узнать новости, я отправился въ Штабъ Заамурскаго Округа пограничной стражи. Какъ разъ въ это время туда привели для допроса японскаго офицера, захваченнаго пограничниками въ окрестностяхъ Цицикара. Мнѣ передали, что изъ Пекина была направлена партія въ шестнадцать человѣкъ,

въ томъ числѣ одинъ офицеръ японскаго генеральнаго штаба и одинъ военный инженеръ, для разрушенія моста на рѣкѣ Нонни. Наши шпіоны дали знать о выступленіи этой партіи и верстахъ въ пятнадцати отъ желѣзной дороги она была захвачена. Китайцы разбѣжались, но оба японскихъ офицера попались въ плѣнъ. Сначала они пытались выдать себя за китайскихъ купцовъ. При нихъ былъ верблюдъ и повозка съ товарами. Однако, когда въ одномъ изъ ящиковъ нашли динамитные патроны и кроки мѣстности, то они должны были сознаться. Какъ я узналъ впослѣдствіи, судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но затѣмъ, снисходя на ихъ просьбу, замѣнилъ послѣднее разстрѣляніемъ.

Въ Харбинѣ я впервые увидѣлъ цѣлыя толпы китайскихъ рабочихъ, распространявшихъ вокругъ себя сильный запахъ чесноку. Обращеніе съ ними нашихъ пограничниковъ было очень безцеремонное. Напримѣръ, на моихъ глазахъ два китайца начали драться; подошелъ солдатъ пограничной стражи и далъ каждому изъ нихъ по здоровой оплеухѣ; они добродушно разсмѣялись и разошлись. Къ билетной кассѣ и въ вагоны китайцы ломились всѣ сразу и тутъ блюстители порядка водворяли его весьма энергичными средствами.

На Харбинскомъ вокзалѣ я встрѣтилъ капитана Зарайскаго полка Бѣляева, отъ котораго узналъ,

что полкъ расположенъ верстахъ въ двѣнадцати къ юго-западу отъ Ляояна.

Желѣзно-дорожный путь отъ Харбина на Мукденъ сначала идетъ по слегка всхолмленной равнинѣ; затѣмъ, перейдя у ст. Далачжао вторично черезъ рѣку Сунгари, онъ приближается къ подошвѣ горъ, заполняющихъ все пространство къ востоку отъ него; подъѣзжая къ Телину, на западѣ можно видѣть линію рѣки Ляохэ, этого Манджурскаго Нила, обозначенную парусами плывущихъ по ней многочисленныхъ джонокъ.

Мѣстность по мѣрѣ удаленія къ югу становится все болѣе и болѣе населенной. Повсюду видны богатыя деревни и прекрасно воздѣланныя поля. Вся площадь земли обработана; нашего пару, сѣнокосовъ и пустошей совсѣмъ не существуетъ, ни одинъ клочекъ земли не пропадаетъ; только кое гдѣ посреди полей виднѣются вѣковыя рощи, окружающія китайскія могилы. Станціонныя постройки и казармы пограничной стражи выстроены солидно и щеголевато, особенно если сравнивать ихъ съ убогими сооруженіями нѣкоторыхъ второстепенныхъ желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи.

По мѣрѣ приближенія къ театру дѣйствій движеніе нашего поѣзда все болѣе замедлялось; на станціяхъ мы стояли цѣлыми часами. Какъ намъ объяснили, это происходило по недостатку плат-

формъ на станціи Ляоянъ, вслѣдствіе чего тамъ не поспѣвали разгружать прибывавшіе поѣзда.

Наконецъ, въ 7 часовъ утра 5 апрѣля мы подъѣхали къ Мукдену, гдѣ должны были простоять до вечера. На этотъ разъ долгая остановка была желанной, такъ какъ она давала возможность осмотрѣть главный городъ Манджуріи, который у туземнаго населенія называется „Священной столицей".

Вокзалъ находится верстахъ въ двухъ отъ города. Для передвиженія служатъ извозчики двухъ родовъ: „фудутунка"—тѣсная, низенькая кибитка на двухъ большихъ колесахъ, запряженная однимъ муломъ или лошадью и „рикша"—легенькая двухколесная коляска, передвигаемая двумя людьми, изъ коихъ одинъ везетъ за оглобли, а другой подталкиваетъ экипажъ сзади.

Насколько первый способъ передвиженія непріятенъ, вызывая въ непривычномъ человѣкѣ приступы морской болѣзни, настолько второй — удобенъ.

Удивительно какъ быстро двигаются „рикши", какъ искусно они лавируютъ въ тѣсныхъ, запруженныхъ народомъ улицахъ. Сначала ѣздить на людяхъ немного совѣстно, но потомъ къ этому привыкаешь и только иногда, раздающееся сзади, тяжелое прерывистое дыханіе вызываетъ непріятное чувство.

Для перевозки грузовъ китайцы употребляютъ тяжелыя неуклюжія арбы на двухъ огромныхъ де-

ревянныхъ колесахъ, составляющихъ одно цѣлое съ осью и потому вращающихся вмѣстѣ съ ней. Въ такую арбу впрягаютъ отъ 4 до 8 животныхъ. Я говорю животныхъ, такъ какъ китайцы пользуются для этой цѣли, не только лошадьми, но и всѣмъ имѣющимся въ наличности рабочимъ скотомъ. Постоянно можно было видѣть запряженными вмѣстѣ лошадей, воловъ, коровъ, муловъ иословъ. Упряжь самая простая, преимущественно веревочная. Возжей нѣтъ и все управленіе основано на бичѣ и крикахъ. Существуютъ четыре команды (впередъ, направо, налѣво и стой), которыя исполняются передними животными, а за ними и всѣми остальными. Когда движется большой китайскій обозъ, то въ воздухѣ стоитъ какъ бы стонъ отъ этихъ рѣзкихъ гортанныхъ криковъ.

Въ описываемое время военнымъ комиссаромъ Мукденской провинціи былъ мой товарищъ по генеральному штабу полковникъ Квѣцинскій. Отправившись къ нему, я получилъ въ провожатые, для осмотра города, китайца говорившаго по-русски. Мукденъ имѣлъ всего около 100 тысячъ жителей, но вслѣдствіе характера китайскихъ построекъ производилъ впечатлѣніе гораздо бо́льшаго пункта.

Въ центрѣ его лежитъ такъ называемый императорскій городъ, въ коемъ находятся древній дворецъ, всѣ административныя учрежденія, лучшіе

магазины и дома богатыхъ китайцевъ. Онъ имѣетъ квадратную форму и окруженъ высокой и толстой каменной стѣной, протяженіемъ около шести верстъ. Въ стѣнѣ сдѣлано восемь воротъ (по двое съ каждой стороны), помѣщающихся въ выступныхъ башняхъ. Вокругъ этой центральной части кольцомъ расположенъ остальной городъ, окруженный глиняной стѣной. За нею уже лежатъ предмѣстья, разростающіяся главнымъ образомъ къ сторонѣ желѣзной дороги.

Мукденъ, какъ и другіе китайскіе города, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе необычайнымъ однообразіемъ своихъ построекъ, возведенныхъ всегда въ одинъ этажъ въ одномъ и томъ же архитектурномъ стилѣ, по одному общему плану. Жилища богачей и бѣдняковъ отличаются лишь размѣрами и качествомъ строительнаго матеріала.

Главныя улицы города состоятъ сплошь изъ лавокъ и мастерскихъ. Жилыя помѣщенія находятся внутри дворовъ, которые вымощены каменными плитами и иногда украшены цвѣтами. Вывѣски торговыхъ заведеній изображены на столбахъ и висящихъ длинныхъ лентахъ, причемъ надписи идутъ по китайски сверху внизъ. Мостовыхъ и тротуаровъ нѣтъ. По краямъ улицъ стоятъ прилавки съ разными съѣстными припасами; установлены котлы, очаги, сковороды, на которыхъ варятъ, пекутъ и жарятъ; покупатели, усѣвшись на корточки, съ жад-

ностью поглощаютъ изъ маленькихъ чашекъ издѣлія этой кухни; тутъ же работаютъ всевозможные мастера; толпятся разнощики со своими товарами; цирюльникъ, усадивъ кліента на табуретку, бреетъ его, или заплетаетъ ему косу. Въ остающемся посреди улицъ узкомъ пространствѣ движутся фудутунки, рикши, арбы, пѣшеходы, всадники на мулахъ и лошадяхъ. Надъ всей этой неистово галдящей толпой стоятъ облака желтой пыли и чадъ отъ пригорѣлаго бобового масла.

Маленькія улицы, по бокамъ главныхъ, узки и извилисты. Вдоль ихъ идутъ глухія стѣны съ калитками, а окна домовъ выходятъ во дворъ. Торговли здѣсь почти нѣтъ и послѣ невѣроятнаго гама сосѣднихъ частей эти кривые переулки поражаютъ своей мертвой тишиной.

Вмѣстѣ съ иностранными агентами, въ сопровожденіи молодого чиновника изъ канцеляріи цзяньцзюня (китайскаго генералъ-губернатора), я отправился осматривать древній императорскій дворецъ. Передъ входомъ въ него находится караульное помѣщеніе, въ коемъ мы застали нѣсколько китайскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ двухъ полковниковъ. Щеголевато одѣтые и по своему элегантные эти офицеры встрѣтили насъ чрезвычайно любезно, но вели себя, съ европейской точки зрѣнія, нѣсколько странно — щупали матеріалъ изъ котораго

было сдѣлано платье у французовъ и испанцевъ, снимали съ нихъ головные уборы и примѣряли на себя и т. п.

У входныхъ воротъ дворца выстроился для отданія чести китайскій караулъ изъ шести человѣкъ. Солдаты стали въ двѣ шеренги лицомъ другъ къ другу, пропустивъ насъ посерединѣ.

Дворецъ состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ и множества отдѣльныхъ построекъ какъ то: кумирня, тронная зала, покои императрицы, архивъ, библіотека и т. п. Дворы выложены каменными плитами. Зданія имѣютъ крыши изъ разноцвѣтной черепицы, украшенныя по конькамъ и карнизамъ изображеніями драконовъ и собакъ. Стѣны одѣты маіоликой.

Дворцу уже около трехсотъ лѣтъ и онъ содержится крайне плохо; въ нѣкоторыхъ постройкахъ даже провалились крыши. Я спросилъ своего провожатаго, почему не ремонтируютъ такой рѣдкій памятникъ. Онъ отвѣтилъ, что на это нѣтъ средствъ, такъ какъ деньги, отпускаемыя богдыханомъ на ремонтъ, крадутъ чиновники. Тотъ же провожатый разсказалъ мнѣ, что до 1899 г. во дворцѣ было много рѣдкихъ вещей, золота и серебра, но во время усмиренія боксерскаго возстанія все наиболѣе цѣнное было разграблено. Уцѣлѣвшіе жалкіе остатки заперты въ сундуки и шкафы и хранятся въ двухъ боковыхъ зданіяхъ дворца. Намъ показывали эти

предметы, но ничего замѣчательнаго между ними не оказалось.

Послѣ осмотра города Квѣцинскій доставилъ меня на вокзалъ въ своей коляскѣ. При этомъ впереди ѣхалъ китайскій унтеръ-офицеръ, за нимъ нашъ солдатъ, потомъ экипажъ и наконецъ другой солдатъ. Я просилъ избавить меня отъ этой помпы, но Квѣцинскій отвѣтилъ, что по мѣстному этикету онъ не можетъ своихъ гостей отправлять иначе. Дѣйствительно, я замѣтилъ, что всѣ мало-мальски чиновные китайцы всегда ѣздятъ въ сопровожденіи верховыхъ.

Мукденъ, какъ первый китайскій городъ, который я видѣлъ, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе своею оригинальностью. Остальные китайскіе города, въ которыхъ мнѣ пришлось впослѣдствіи бывать, уже этого впечатлѣнія не производили, потому что всѣ они были похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды.

Разстояніе отъ Мукдена до Ляояна составляетъ всего 61 версту и тѣмъ не менѣе мы ѣхали цѣлую ночь. Наконецъ, около 7 часовъ утра 6 апрѣля, поѣздъ подошелъ къ станціи Ляоянъ, у которой въ это время была расположена главная квартира командующаго Манджурской арміей.

Генералъ Куропаткинъ жилъ въ своемъ роскошномъ поѣздѣ, стоявшемъ на особомъ тупикѣ. Ря-

домъ съ поѣздомъ, въ небольшомъ, прекрасно отдѣланномъ домѣ, надъ коимъ развѣвался георгіевскій флагъ, была его пріемная. Штабъ арміи, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ жившихъ въ томъ же поѣздѣ, помѣщался въ многочисленныхъ каменныхъ зданіяхъ пограничной стражи.

Самый городъ Ляоянъ, окруженный высокой каменной стѣной, былъ расположенъ въ верстѣ къ востоку отъ станціи. Онъ имѣлъ около 30,000 жителей и представлялъ полное подобіе Мукдена, но только болѣе бѣдное и грязное. На пути отъ станціи къ городскимъ воротамъ выросли какъ грибы трактиры, гостиницы и увеселительныя заведенія.

Переодѣвшись въ вагонѣ въ парадную форму, я отправился представиться командующему арміей. По предшествовавшей службѣ я не имѣлъ возможности узнать генерала Куропаткина достаточно близко. Мнѣ пришлось лишь въ 1902 году, когда онъ былъ военнымъ министромъ, три или четыре раза быть у него съ докладомъ по дѣламъ Военно-Исторической комиссіи. Тогда генералъ Куропаткинъ, своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу, произвелъ на меня весьма благопріятное впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливалось тѣмъ, что вмѣстѣ со всей русской арміей, я уважалъ въ немъ настоящаго боевого генерала, вышедшаго изъ трудовой армейской среды и сдѣлавшаго свою карьеру на

поляхъ сраженій. Правда, изъ многочисленныхъ документовъ русско-турецкой войны, мнѣ было извѣстно, что Скобелевъ давалъ очень мало самостоятельности своему начальнику штаба, дѣлая все мало-мальски важное самъ, но всетаки лучи Скобелевской славы ярко освѣщали и его ближайшаго сотрудника.

Командующій арміей принялъ меня въ своемъ вагонѣ чрезвычайно привѣтливо, долго разсказывалъ о положеніи дѣлъ, жаловался на малочисленность войскъ, на медленность ихъ подвоза изъ Россіи, на отсутствіе всякой помощи со стороны флота, говорилъ о своемъ планѣ дѣйствій, *сущность коего заключалась въ томъ, чтобы, не дорожа никакими географическими пунктами, уклоняться отъ серьезныхъ столкновеній съ противникомъ до тѣхъ поръ, пока изъ Россіи не будутъ подвезены превосходныя силы, и только тогда перейти въ рѣшительное наступленіе.*

Этотъ планъ представлялся мнѣ въ то время, да и теперь представляется, вполнѣ отвѣчавшимъ существовавшей обстановкѣ. Самая же личность полководца, казалось, давала право на полное довѣріе. Въ размѣренной рѣчи генерала Куропаткина, въ его спокойныхъ движеніяхъ и сосредоточенномъ выраженіи лица чудились мнѣ желѣзная сила воли и непоколебимая вѣра въ себя.

Стоянки въ окрестностяхъ Ляояна и Хайчена.

Бригадное начальство. — Пріемъ полка. — Составъ его. — Сформированіе конно-охотничьей команды. — Обозъ. — Одежда, снаряженіе и вооруженіе.—Китайскія жилища. — Довольствіе людей и лошадей. — Сельское хозяйство въ Манджуріи.—Наше отношеніе къ китайцамъ.—Командировки отъ полка.—Евреи.—Движеніе бригады къ Феньшуйлинскому перевалу и обратно.—Обученіе войскъ.—Неизвѣстность.—Моя жизнь въ фанзѣ.—Пища китайцевъ.—Стычка съ хунхузами.—Передвиженіе бригады къ Хайчену.—Улучшеніе довольствія солдатъ.—Диспозиція Штакельберга.—Инструкція Куропаткина.

(6 апрѣля — 24 мая).

Послѣ представленія командующему арміей, я выѣхалъ по большой Мандаринской дорогѣ въ дер. Шоушаньпу, расположенную верстахъ въ восьми къ юго-западу отъ Ляояна. Въ этомъ пунктѣ находилось управленіе нашей отдѣльной бригады, состоявшей изъ Моршанскаго и Зарайскаго полковъ съ тремя батареями. Командиръ бригады генералъ-маіоръ Гласко оказался служакой прежняго типа, воспитаннымъ на мирно-смотровыхъ требованіяхъ. Отъ тяжелой строевой лямки онъ успѣлъ уже въ значительной мѣрѣ утратить самостоятельность, но въ

бояхъ всегда честно и доблестно исполнялъ свой солдатскій долгъ. Что касается состоявшаго при бригадѣ въ роли начальника штаба капитана Пневскаго, то это былъ лучшій полевой офицеръ генеральнаго штаба изъ всѣхъ, встрѣченныхъ мною за время кампаніи. Глубоко порядочный, беззавѣтно храбрый, увлекавшійся войной, съ большимъ здравымъ смысломъ и практическими свѣдѣніями, рѣдкими для молодого офицера, самостоятельный, чрезвычайно заботливый о войскахъ, онъ былъ для бригады какъ-бы нянькой.

Изъ Шоушаньпу я пріѣхалъ въ штабъ Зарайскаго полка, расположенный верстахъ въ шести къ западу, въ небольшой деревушкѣ Цхеалиндзе. Тамъ я засталъ бывшаго командира генералъ-маіора Фурсъ-Жиркевича, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго моего прибытія для того, чтобы отправиться къ новому мѣсту службы въ гор. Владивостокъ.

Со слѣдующаго же дня я приступилъ къ пріему полка, стоявшаго на квартирахъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ вокругъ Цхеалиндзе.

По штату военнаго времени въ пѣхотномъ полку должно было состоять:

Штабъ-офицеровъ	7
Оберъ-офицеровъ	72
Врачей	5
Нижнихъ чиновъ	3988

Въ дѣйствительности же, хотя больныхъ было всего 53 человѣка, но вслѣдствіе некомплекта и расхода на различныя командировки, на лицо находилось:

Штабъ-офицеровъ	7
Оберъ-офицеровъ	53
Врачей	2
Нижнихъ чиновъ	3210

Однако и приведенная числительность нижнихъ чиновъ не представляла еще боевой силы полка, такъ какъ изъ нея нужно было исключить:

наличныхъ нестроевыхъ	131
хорныхъ музыкантовъ	35
полковыхъ горниста и барабанщика	2
ротныхъ барабанщиковъ	32
офицерской прислуги	78
санитаровъ-носильщиковъ . . .	128
Итого . . .	406

Въ результатѣ въ полку оставалось всего 2804 штыка, и это въ самомъ началѣ войны при превосходномъ санитарномъ состояніи!!

Таковы послѣдствія нашей организаціи, требующей, чтобы полкъ почти все для него необходимое производилъ своими средствами и служилъ кромѣ того резервуаромъ, изъ коего всѣ учрежденія арміи могутъ черпать людей для своихъ надобностей.

Офицеры были коренные Зарайцы, еще въ мирное время служившіе въ полку. Призванныхъ изъ запаса не было ни одного. Въ числѣ офицеровъ находилось три заурядъ-прапорщика.

Офицерскій составъ былъ очень старый: средній возрастъ штабъ-офицеровъ составлялъ около 50 лѣтъ; средній возрастъ ротныхъ командировъ — 46 лѣтъ, причемъ семь ротныхъ командировъ были въ возрастѣ около 50 лѣтъ и даже болѣе. По образованію около двадцати процентовъ офицеровъ принадлежало къ воспитанникамъ военныхъ училищъ, а остальные получили подготовку въ юнкерскихъ училищахъ. По сословіямъ половина была изъ потомственныхъ дворянъ (по большей части старые офицеры), а остальные изъ духовнаго званія, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ.

Составъ нижнихъ чиновъ былъ исключительный, такъ какъ при мобилизаціи не поступило ни одного запасного, а полкъ былъ укомплектованъ людьми Гренадерскаго корпуса.

Духъ былъ хорошій. Правда, цѣль войны не могла вызывать особаго воодушевленія, но въ солдатахъ было много молодого задору, вѣры въ русскую непобѣдимость и желанія отомстить японцамъ за неудачи нашего флота.

Тотчасъ же по пріѣздѣ я рѣшилъ въ составѣ своей охотничьей команды образовать небольшую

конную часть. Съ этой цѣлью я просилъ объ отпускѣ фуража на 40 лошадей, обязуясь самихъ лошадей и сѣдла купить на средства полка. Это ходатайство встрѣтило полное сочувствіе генерала Куропаткина, который велѣлъ даже покупку лошадей и сѣделъ принять на счетъ казны, для чего полку было отпущено 6000 рублей, считая по 150 руб. на лошадь съ сѣдломъ. Такая же сумма была выдана Моршанскому, Козловскому и Воронежскому полкамъ. Лошади и сѣдла были куплены китайскія. Охотничья команда была организована такъ: 128 человѣкъ пѣшихъ, расчитанныхъ на четыре взвода, и 40 человѣкъ конныхъ, въ томъ числѣ 1 взводный унтеръ-офицеръ, 3 ефрейтора и 36 рядовыхъ, раздѣленныхъ на три отдѣленія. Офицеровъ было трое: одинъ начальникъ всей охотничьей команды, другой начальникъ пѣшихъ и третій начальникъ конныхъ охотниковъ. Офицерамъ было дано по двѣ лошади. Кромѣ того при охотничьей командѣ состояло 6 вьючныхъ лошадей для возки патроновъ.

Полкъ, при выступленіи изъ своей постоянной стоянки города Скопина, не взялъ съ собою штатнаго обоза.

Обозъ былъ сформированъ уже на Дальнемъ Востокѣ изъ двуколокъ, по слѣдующему расчету:

Обозъ I разряда.

Одноконныхъ двуколокъ	патронныхъ . . .	16
„ „	лазаретныхъ . . .	12
„ „	аптечныхъ	4
„ „	санитарныхъ . . .	2
„ „	съ офицерск. имущ.	7*)
походныхъ кухонь		18**)
	Итого	59 повоз.

Обозъ II разряда.

Парныхъ двуколокъ	патронныхъ	8
Одноконныхъ двуколокъ	ротныхъ	59
„ „	съ полков. имуществ.	5
„ „	штабныхъ	4
„ „	съ казной и канцеляр.	3
„ „	съ котлами	3***)
Походная кухня нестроевой роты		1
	Итого	83 повоз.

По поводу названныхъ повозокъ можно сказать слѣдующее:

а) Одноконная двуколка имѣла полезнаго груза 12 пудовъ при 10 пудахъ мертваго. Для перевозки тяжестей въ гористой мѣстности и по топкимъ дорогамъ—это была прекрасная повозка. Единственный недостатокъ ея составляла нѣкоторая слабость

*) Одна двуколка для офицеровъ охотничьей команды.
**) Въ томъ числѣ 1 для охотничьей команды и 1 офицерская.
***) Котлы для каши, что давало намъ возможность, во время похода, приготовлять кашу на каждомъ ночлегѣ, въ то время какъ другіе полки могли это дѣлать лишь тамъ, гдѣ находили китайскіе котлы.

оглобель. Для перевозки раненыхъ лазаретныя двуколки оказались непригодными, ибо, не имѣя рессоръ, онѣ были чрезвычайно тряски.

б) Парная патронная двуколка поднимала полезнаго груза 24 пуда 12 фунтовъ при мертвомъ грузѣ 26 пудовъ 27 фунтовъ. Эта повозка имѣла крупные недостатки: дышло прикрѣплено очень слабо —оно или вырывалось, или ломалось; кромѣ того такъ называемая испанская запряжка никуда не годилась —лошади были совсѣмъ опутаны и по крутымъ подъемамъ почти не могли подниматься.

в) Походныя кухни, системы Бруна, были въ полку тяжелаго четырехколеснаго типа вмѣстимостью въ 25 ведеръ. Онѣ были слишкомъ громоздки для Манджурскихъ дорогъ и въ распутицу требовали для безпрепятственнаго движенія четверочной запряжки. Гораздо удобнѣе были кухни облегченнаго двухколеснаго типа на 15 ведеръ. При постоянно существовавшемъ во время войны некомплектѣ, въ одной четырехколесной кухнѣ можно было приготовлять пищу на двѣ роты, считая по 7 ведеръ на каждые сто человѣкъ, причемъ въ случаѣ надобности выкипѣвшую воду доливали.

Отдѣлъ дивизіоннаго обоза состоялъ изъ 28 одноконныхъ двуколокъ и 38 парныхъ четырехколесныхъ повозокъ. Послѣднія совершенно не годились для Манджуріи и обыкновенно никуда не

поспѣвали. Впрочемъ, при дѣйствіяхъ вблизи желѣзной дороги и преимущественно отступательномъ характерѣ войны, въ дивизіонномъ обозѣ не ощущалось особой надобности.

Что касается одежды и снаряженія, то полкъ, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, былъ снабженъ всѣмъ положеннымъ по закону. Конечно, относительно качества большинства вещей говорить не приходится. Это была извѣстная интендантская дешевка, чрезвычайно быстро приходившая въ негодность. Особенно плохи были шинели, сдѣланныя изъ единственнаго въ мірѣ рыхлаго сѣраго сукна, которое на свѣтъ просвѣчивало, а при дождѣ до такой степени впитывало влагу, что мокрая шинель вѣсила до 20 фунтовъ. Но что приводило насъ въ совершенное отчаяніе, такъ это интендантскіе сапоги. Сшитые изъ плохо выдѣланной, непрожированной конины, на деревянныхъ гвоздяхъ, они, при движеніи по топкимъ дорогамъ и каменистымъ сопкамъ Манджуріи, совершенно разваливались уже послѣ двухъ недѣль носки.

Извѣстно, что обычное ругательство, съ которымъ японскіе солдаты обращались къ русскимъ, было—„оборванцы“. Говорятъ, что убогая одежда нашего солдата объясняется бѣдностью государства, но отчего же несравненно болѣе бѣдная Японія находитъ возможнымъ снабжать своихъ солдатъ ве-

щами высокаго качества? Да наконецъ, съ финансовой точки зрѣнія, врядъ ли выгодно, вмѣсто одной пары хорошихъ сапогъ, давать двѣ пары негодныхъ и т. п.!!

Относительно пѣхотнаго ружья можно сказать, что оно удовлетворяло самымъ строгимъ требованіямъ. Желательно было бы лишь замѣнить нашъ граненый штыкъ—штыкомъ-кинжаломъ, гораздо болѣе прочнымъ и дающимъ возможность не только колоть но и рубить.

Обращалъ на себя вниманіе огромный грузъ, носимый солдатомъ. Какъ извѣстно, опредѣленная закономъ, походная ноша солдата вѣсила 71 фунтъ. Если же къ этому прибавить, почти всегда имѣвшіеся лишніе патроны, запасъ печенаго хлѣба на одинъ день, кружку, чайникъ, табакъ и т. п., то этотъ грузъ былъ не менѣе двухъ пудовъ въ сухомъ состояніи. Совершать большіе переходы съ такимъ вьюкомъ, при влажной разслабляющей Манджурской жарѣ, было очень тяжело, а лазить по сопкамъ и совсѣмъ невозможно.

Въ серединѣ апрѣля послѣдовало распоряженіе генерала Куропаткина снабдить нижнихъ чиновъ рубахами защитнаго сѣраго цвѣта и такими же получехлами на фуражки. Тотчасъ же я командировалъ завѣдывающаго хозяйствомъ и квартермистра въ Ляоянъ, гдѣ они въ теченіи трехъ дней, ску-

пили по разнымъ лавкамъ 16,000 аршинъ сѣрой бумажной матеріи, считая по четыре аршина на человѣка. Указанныя вещи были скроены въ полковой швальнѣ, а для шитья розданы въ роты. Охотникамъ было выдано по двѣ рубашки, остальнымъ же нижнимъ чинамъ по одной и кромѣ того всѣмъ по получехлу на фуражку. Сѣрыя рубахи первоначально предназначались лишь для боевъ, въ остальное же время солдаты должны были носить бѣлыя, коихъ у нихъ было по двѣ. Впослѣдствіи одна изъ этихъ рубахъ была тоже выкрашена въ защитный цвѣтъ. Затѣмъ, я велѣлъ проварить въ бобовомъ маслѣ полотнища походныхъ палатокъ, чтобы сдѣлать ихъ непромокаемыми и менѣе замѣтными.

Офицеры точно также оставили свои форменные кителя и облеклись въ рубашки съ погонами, что было во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе.

Ко времени моего пріѣзда полкъ былъ размѣщенъ по деревнямъ, причемъ на каждую роту въ среднемъ приходилось пять дворовъ.

Китайскій дворъ почти всегда обнесенъ каменной или глинобитной стѣной. Въ глубинѣ его противъ воротъ помѣщается домъ—„фанза“, выстроенная у богатыхъ изъ кирпича, а у бѣдныхъ изъ глины, и покрытая черепицей или гаоляномъ.

Фанза въ планѣ представляетъ прямоугольникъ. Въ серединѣ ея расположены просторныя сѣни, изъ

коихъ дверь направо ведетъ обыкновенно въ женскую половину, состоящую изъ одной или двухъ комнатъ, а дверь налѣво, въ такую же мужскую половину. Въ сѣняхъ, по сторонамъ входа, помѣщаются два очага съ вмазанными въ нихъ котлами для приготовленія пищи. Внутри комнатъ, вдоль стѣнъ, идетъ широкая низкая лежанка—„канъ“, который отапливается дымоходами, проведенными отъ упомянутыхъ очаговъ. Канъ устилается циновками и на немъ китайцы не только спятъ, но въ холодное время года проводятъ почти всѣ свободные часы, ѣдятъ, пьютъ чай, курятъ свои трубки и играютъ въ разныя игры. Передняя стѣна комнатъ почти сплошь занята огромными окнами, состоящими изъ легкихъ деревянныхъ рѣшетокъ, заклеенныхъ промасленной бумагой. Полъ кирпичный или земляной. Потолка нѣтъ.

По сторонамъ главной фанзы и перпендикулярно къ ней у зажиточныхъ китайцевъ помѣщаются еще фанзы для родственниковъ и рабочихъ, амбары, сараи, и навѣсы. Въ общемъ средній китайскій дворъ, для размѣщенія войскъ, представляетъ несравненно больше простора чѣмъ русскій.

Говорятъ, что китайскія фанзы грязны. Это вѣрно по отношенію къ жилищамъ бѣдняковъ, хотя и они во всякомъ случаѣ не грязнѣе крестьянской избы Средней Россіи; фанзы же зажиточныхъ ки-

тайцевъ наоборотъ отличались чистотой и въ нихъ часто можно было видѣть даже предметы роскоши— рѣзныя двери, комоды, ящики и столики краснаго или палисандроваго дерева, вазы и т. п.

За постой войска платили по 3 рубля въ день, или по 90 рублей въ мѣсяцъ за каждую роту. Такимъ образомъ, въ среднемъ, одна фанза обходилась по 18 рублей въ мѣсяцъ, причемъ еще хозяева продолжали пользоваться частью помѣщеній.

Что касается продовольствія, то солдату полагалась въ сутки слѣдующая «указная дача»:

„Сухарей ржаныхъ 1 фунтъ 72 золотника, или хлѣба ржаного 2 фунта 48 золотниковъ.

Крупы 24 золотника.

Мяса свѣжаго 1 фунтъ, или мясныхъ консервовъ 72 золотника безъ оболочки.

Примѣчаніе. Кромѣ мясного консерва могутъ отпускаться въ соотвѣтственномъ ему по питательности вѣсѣ: солонина, сало и т. п.

Соли 11 золотниковъ.

Овощей 60 золотниковъ свѣжихъ, или 4 золотника сушеныхъ.

Масла или сала 5 золотниковъ.

Подболточной муки 4 золотника.

Чаю 1½ золотника.

Сахару 3 золотника.

Перцу ⅙ золотника“.

Если эту дачу военнаго времени сравнить съ теперешней мирной дачей, то окажется, что первая больше второй на 1/4 фунта мяса, но зато меньше на 1/2 фунта хлѣба, на 8 золотниковъ крупы и на 3 золотника сахару. Съ такимъ отпускомъ продовольствія еще можно было помириться во время пребыванія войскъ на мѣстѣ, но на походѣ и при усиленныхъ работахъ онъ былъ недостаточенъ.

Съ первыхъ же своихъ шаговъ на новой должности я обратилъ на пищу особое вниманіе.

Полкъ получалъ муку изъ интендантскаго склада въ Ляоянѣ и перепекалъ ее въ хлѣбъ собственными средствами; но такъ какъ устроенныхъ для этого шести печей было недостаточно, то солдатамъ выдавалось всего по 1 1/2 и даже по 1 фунту печенаго хлѣба въ день, причемъ недоданное количество замѣнялось сухарями въ соотвѣтственной пропорціи. Я приказалъ выстроить еще двѣ большія печи, послѣ чего явилась возможность выдавать всю положенную дачу хлѣба въ 2 1/2 фунта.

Доставляемое подрядчикомъ мясо было совершенно безъ жира. Желая исправить этотъ недостатокъ, я велѣлъ класть въ котелъ 1/3 свинины и 2/3 говядины. Для разнообразія, кромѣ щей изъ кислой капусты, въ небольшомъ количествѣ привезенной полкомъ съ собой, велѣно было готовить

различный супъ. Затѣмъ, такъ какъ пища была прѣсная, то я приказалъ класть больше луку и краснаго перцу.

Гречневая каша, приготовляемая изъ крупы отпускаемой интендантствомъ, получалась не разсыпчатая, а мокрая и липкая вслѣдствіе того, что въ котлахъ не было рѣшетокъ. Я велѣлъ ихъ сдѣлать въ нестроевой ротѣ и, сверхъ того, увеличить количество сала, вкладываемаго въ котелъ, съ трехъ до шести фунтовъ на сто человѣкъ.

По причинѣ недостатка сахара въ интендантскомъ складѣ и невозможности купить его въ лавкахъ въ Ляоянѣ, отпускъ людямъ этого продукта былъ прекращенъ еще съ половины марта. Я послалъ въ Харбинъ офицера, который прислалъ оттуда 100 пудовъ сахару. Тотчасъ же выдали людямъ все недоданное за прошлое время количество, а затѣмъ было получено изъ интендантства еще 126 пудовъ сахару, которые составили запасъ. Съ 1 мая, благодаря щедрому пожертвованію сахарозаводчиковъ, дача сахару въ арміи была увеличена вдвое, до 6 золотниковъ въ день на нижняго чина. Офицерамъ тоже велѣно было выдавать по 10 фунтовъ сахару въ мѣсяцъ.

Улучшеніе пищи и особенно увеличеніе въ составѣ ея жировъ благодѣтельно отразились на здоровьѣ нижнихъ чиновъ. Куриная слѣпота, до тѣхъ

поръ весьма распространенная въ полку, почти совершенно исчезла.

Что касается офицеровъ, то они довольствовались частью своимъ попеченіемъ, частью же изъ солдатскаго котла, такъ какъ при расположеніи на широкихъ квартирахъ офицерское собраніе не могло функціонировать.

„Указная фуражная дача“ составляла въ сутки на лошадь: овса 13 фунтовъ 72 золотника и сѣна 15 фунтовъ. За полнымъ отсутствіемъ этихъ продуктовъ мы давали: во время стоянки на мѣстѣ 10 фунтовъ ячменя и 20 фунтовъ чумизной (просяной) соломы, а на походѣ—13¾ фунта ячменя и 15 фунтовъ соломы.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о китайскомъ сельскомъ хозяйствѣ, продуктами коего наша армія кормилась во время войны.

Обширная равнина, простирающаяся къ западу отъ участка желѣзной дороги Телинъ-Гайчжоу до рѣки Ляохэ, покрытая толстымъ слоемъ лёса (желтаго ила), отличается замѣчательнымъ плодородіемъ. Въ горной же мѣстности, лежащей восточнѣе желѣзной дороги, удобные участки земли встрѣчаются лишь по узкимъ долинамъ и кое-гдѣ на скатахъ каменистыхъ сопокъ.

Въ указанной части Манджуріи воздѣлываются, главнымъ образомъ, гаолянъ, чумиза и бобы.

Гаолянъ, по внѣшнему виду, похожъ на нашу кормовую кукурузу (конскій зубъ). Онъ достигаетъ вышины въ 5 аршинъ, при толщинѣ, внизу, до одного вершка. Гаоляновая крупа является главной пищей мѣстныхъ жителей, необрушенное зерно и листья идутъ на кормъ лошадямъ и скоту, а стебли составляютъ топливо и матерьялъ для устройства крышъ.

Чумиза (китайское просо) бываетъ вышиною до полутора аршинъ съ огромными кистями мелкихъ зеренъ наверху. Чумизная крупа потребляется людьми, а солома и необрушенное зерно лошадьми и скотомъ.

Бобы даютъ: вопервыхъ бобовое масло, на коемъ приготовляются всѣ издѣлія китайской кухни и вовторыхъ выжимки—„жмыхи“, идущіе на кормъ скоту и лошадямъ.

Кромѣ перечисленныхъ господствующихъ пищевыхъ растеній попадались еще изрѣдка небольшія поля ячменя и яровой пшеницы. Крупные посѣвы этихъ хлѣбовъ начинались лишь сѣвернѣе Телина, постепенно увеличиваясь по мѣрѣ приближенія къ Харбину и Гирину.

Китайскія поля скорѣе похожи на огороды. Они состоятъ изъ ряда параллельныхъ грядокъ, раздѣленныхъ промежутками равной ширины.

Посѣвъ обыкновенно производится четырьмя рабочими, идущими между грядками одинъ за дру-

гимъ: первый продѣлываетъ по вершинѣ грядки борозду, второй сажаетъ въ эту борозду сѣмена, третій присыпаетъ къ сѣменамъ компостное удобреніе, четвертый заравниваетъ борозду.

Послѣ посѣва китайцы продолжаютъ все время копошиться на своихъ поляхъ, выпалывая сорныя травы, углубляя интервалы между грядками, разрыхляя почву вокругъ растеній и окучивая послѣднія. Въ результатѣ растенія развиваются столь роскошно, что верхнія части ихъ сходятся между собой, образуя какъ бы плотную стѣну.

Правда, кромѣ высокой земледѣльческой культуры, этому способствуетъ также и совершенно исключительный климатъ Манджуріи. Вслѣдствіе направленія господствующихъ вѣтровъ, посреди лѣта ежегодно устанавливается такъ называемый періодъ дождей, захватывающій обыкновенно іюль и половину августа. Дождь льетъ по нѣсколько разъ въ день, а въ антрактахъ печетъ горячее южное солнце. Получается нѣчто въ родѣ оранжереи, наполненной теплыми влажными парами. Затѣмъ, послѣ періода дождей, какъ разъ когда нужно убирать хлѣбъ, всегда настаетъ сухая и ясная осень.

Система хозяйства у китайцевъ плодоперемѣнная, причемъ земля никогда не отдыхаетъ. Обыкновенно на описанныхъ грядкахъ въ первый годъ сѣютъ бобы, на второй — гаолянъ и на третій — чумизу. Послѣ

этого, посредствомъ особаго плуга, старыя грядки срѣзаются, а на мѣстахъ промежутковъ насыпаются новыя, которыя также эксплоатируются три года и т. д.

Земледѣліе даетъ китайцамъ крупные избытки. Даже весною почти въ каждомъ дворѣ можно было найти большіе запасы зерна, чумизной соломы и гаоляновыхъ стеблей. Кромѣ того, во всѣхъ селеніяхъ были общественные хлѣбные магазины.

Огородничество стоитъ очень высоко. Изъ овощей воздѣлываются: картофель, китайская капуста, морковь, нѣсколько видовъ фасоли, рѣдька, рѣпа, огурцы, баклажаны, помидоры, лукъ,чеснокъ, сельдерей, красный перецъ, кукуруза, арбузы, дыни и тыквы. Огороды обыкновенно не велики, но правильно распланированы и окружены каменными изгородями. Иногда они устраиваются даже какъ наши сады, съ дорожками устланными щебнемъ, со скамейками, бесѣдками и т. п.

Однако, несмотря на высокую огородную культуру, нѣкоторыя овощи не отличаются хорошимъ вкусомъ. Такъ напримѣръ: рѣдька не имѣетъ горечи, огурцы состоятъ изъ одной толстой кожи, арбузы наполнены какой то слизью, дыни похожи на мыло. Все это объясняется чрезвычайно сырымъ Манджурскимъ лѣтомъ.

Фруктовыхъ садовъ я въ Манджуріи не встрѣчалъ. Если иногда около какой либо фанзы виднѣ-

лись одиночныя грушевыя деревья, то и они всегда находились въ безобразномъ состояніи; между тѣмъ обиліе разныхъ дикихъ фруктовыхъ деревьевъ въ горахъ показываетъ, что садоводство въ Манджуріи могло бы достигнуть значительнаго развитія.

Для полевыхъ работъ и для перевозки тяжестей китайцы держатъ лошадей, муловъ,ословъ и крупный рогатый скотъ. При этомъ любопытно, что на корову они также смотрятъ какъ на рабочую силу, молока же ея въ пищу совсѣмъ не употребляютъ, питая къ нему непреодолимое отвращеніе. Для мяса разводятся исключительно свиньи, которыя встрѣчаются въ большомъ количествѣ повсюду.

Изъ сдѣланнаго краткаго очерка видно, что Манджурія представляла богатый источникъ средствъ для довольствія арміи. Оставалось лишь установить на всѣ нужные для войскъ продукты справедливыя цѣны, сообразно существовавшей до нашего прихода дешевизнѣ и затѣмъ, по мѣрѣ надобности, производить реквизиціи.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ объявленнаго Куропаткиномъ руководящаго девиза — „мы должны заслужить симпатіи мѣстнаго населенія“, было приказано пріобрѣтать все не иначе, какъ по вольной цѣнѣ. Быстро понявъ выгоды своего положенія, китайцы, торгаши по природѣ, стали эксплоатировать войска, непомѣрно взвинчивая цѣны, въ

чемъ имъ усердно помогали нѣкоторые наши соотечественники.

Вслѣдствіе того же несчастнаго стремленія—заслуживать симпатіи китайцевъ, мы няньчились съ ними до смѣшного. Самая ничтожная порча полей, на которую въ Россіи никто не обратилъ бы вниманія, какой либо сломанный прутъ, ругательство, произнесенное солдатомъ... уже вызывали жалобы. Иногда дѣло доходило до курьеза. Такъ напримѣръ: въ нашей деревнѣ китаецъ продавалъ яйца, солдатъ, торгуясь съ нимъ, показалъ на пальцахъ цѣну; китаецъ же, вообразивъ, что онъ показалъ ему рога, отправился жаловаться ротному командиру на то, что его ругаютъ чертомъ; ротный командиръ его выгналъ и тогда китаецъ явился съ жалобой уже ко мнѣ.

Со мной лично былъ такой случай: я пригласилъ къ себѣ обѣдать и ужинать всѣхъ чиновъ полкового штаба, въ количествѣ шести человѣкъ, причемъ пожелалъ устроить кухню и столовую въ стоявшемъ отдѣльно посреди садика пустомъ, полуразвалившемся сараѣ; хозяинъ, къ которому я обратился за разрѣшеніемъ, назначилъ за аренду этой постройки плату по три рубля въ день; я предлагалъ ему рубль, но онъ продолжалъ стоять на своемъ; тогда, потерявъ терпѣніе, я отказался отъ мысли „заслуживать его симпатіи“, вытребовалъ китай-

скаго старшину и приказалъ отвести этотъ сарай подъ квартирное расположеніе полка съ платой 60 копѣекъ въ день, такъ какъ за пять фанзъ, отводимыхъ для роты, платилось 3 рубля.

Впрочемъ эти нелѣпо—сентиментальныя отношенія просуществовали лишь до Ляоянскаго сраженія, послѣ котораго мы стали постепенно впадать уже въ другую крайность.

Наканунѣ моего прибытія въ полкъ, 5 апрѣля, 9-ая и 10-ая роты были отправлены, по приказанію командующаго арміей, на исправленіе дороги, ведущей изъ Ляояна въ Фынъ-хуанъ-ченъ. Затѣмъ, 15 апрѣля, 11-ая и 12-ая роты, также по приказанію Полевого штаба, были посланы на исправленіе дороги изъ Ляояна въ Саймацзы. Эти роты возвратились къ полку лишь въ началѣ мая въ оборванномъ видѣ, съ развалившимися сапогами. Я съѣздилъ къ интенданту арміи генералу Губеру и послѣдній, со свойственной ему отзывчивостью къ нуждамъ войскъ, приказалъ отпустить намъ изъ Харбинскаго вещевого склада 828 паръ готовыхъ сапогъ, которые мы и получили впослѣдствіи.

Съ конца апрѣля отъ полка стали ежедневно наряжать по нѣсколько ротъ на постройку укрѣпленій вокругъ Ляояна. Наряду съ этимъ непрерывно продолжалось вычерпываніе нижнихъ чиновъ для надобностей разныхъ тыловыхъ учрежденій: хлѣбо-

пекарень, транспортовъ, госпиталей и т. п. Эти командировки имѣли для насъ и свою хорошую сторону, такъ какъ давали возможность сплавить слабосильныхъ, а главное—избавиться отъ евреевъ, коихъ въ полку было около трехсотъ.

За рѣдкими исключеніями, евреи, по своей физической слабости и крайней трусливости, представляли элементъ совершенно непригодный для боевой службы. Не желая подвергать свою жизнь опасности, они обыкновенно старались устроиться на всевозможныя нестроевыя должности, а если это не удавалось, то симулировали разныя болѣзни и даже нарочно совершали преступленія. Такъ напримѣръ, въ апрѣлѣ произошелъ слѣдующій случай. Одинъ ротный командиръ донесъ, что у него въ ротѣ произведена кража, причемъ виновные пойманы на мѣстѣ преступленія. Дѣло казалось не возбуждало никакихъ сомнѣній. Оставалось лишь направить его въ судъ. Однако, увидѣвъ изъ дознанія, что всѣ дѣйствующія лица (потерпѣвшій, два вора и три свидѣтеля) евреи, я вмѣсто этого перевелъ всѣхъ шестерыхъ въ разрядъ штрафованныхъ. Впрочемъ, впослѣдствіи я самъ отправилъ ихъ въ какой то транспортъ, ибо признавалъ присутствіе подобныхъ воиновъ въ боевыхъ рядахъ не только безполезнымъ, но даже вреднымъ.

Что касается офицерскаго состава, то къ на-

чалу мая въ полку осталось лишь по одному младшему офицеру на роту.

Въ серединѣ апрѣля было предписано заняться обученіемъ войскъ, во исполненіе чего управленіе бригады составило проектъ занятій, въ коемъ видное мѣсто было отведено церемоніальному маршу и уставнымъ ученіямъ; но не успѣли мы еще начать эти упражненія, какъ вечеромъ 19 апрѣля командиръ бригады получилъ приказаніе на слѣдующій день выступить къ Фэнь-шуйлинскому перевалу, верстахъ въ 40 къ юго-востоку отъ Ляояна.

Цѣль этого движенія мы узнали только впослѣдствіи. Оказалось, что 18-го апрѣля часть Восточнаго отряда генерала Засулича была разбита подъ Тюренченомъ, потерявъ около $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ и оставивъ въ рукахъ непріятеля 22 орудія и 8 пулеметовъ. Генералъ Куропаткинъ опасался, что японцы, преслѣдуя Восточный отрядъ, двинутся по большой дорогѣ черезъ Фынъ-хуанъ-ченъ и Фэнъ-шуйлинскій перевалъ прямо на Ляоянъ. Всю ночь съ 19 на 20 апрѣля шелъ дождь, вслѣдствіе чего дороги распустились въ непролазную грязь. Выступивъ со своего сборнаго пункта около 10 часовъ утра, бригада въ 6 часовъ вечера подошла къ дер. Сычаню. Въ продолженіи восьми часовъ мы сдѣлали всего 15 верстъ и тѣмъ не менѣе люди были измучены, обозъ растянулся, походныя кухни

(хотя и запряженныя тройками вмѣсто паръ) постоянно требовали помощи пѣхоты, а семь артилерійскихъ зарядныхъ ящиковъ совсѣмъ застряли въ грязи. Въ Сычаню было получено приказаніе отмѣняющее предписанное движеніе, такъ какъ японцы и не думали преслѣдовать Восточный отрядъ.

Кровопролитный бой подъ Тюренченомъ находился въ полномъ противорѣчіи съ приведеннымъ выше общимъ планомъ дѣйствій, согласно коему слѣдовало бы держать на Ялу лишь небольшой наблюдательный отрядъ, который при наступленіи непріятеля долженъ былъ отойти, не принимая атаки. Въ то время я объяснялъ себѣ это отклоненіе тѣмъ, что Тюренченъ былъ разыгранъ по настоянію Алексѣева, дѣйствовавшаго въ угоду извѣстной петербургской компаніи, коммерческіе интересы коей были связаны съ долиною Ялу.

По возвращеніи на прежнія квартиры намъ пришлось снова затратить нѣсколько дней на устройство ихъ: многое было уничтожено самими войсками передъ уходомъ, а остальное докончили китайцы, разобравъ хлѣбопекарныя печи, очаги и т. п.

Въ концѣ апрѣля начальство опять подняло вопросъ о занятіяхъ. Велѣно было пройти курсъ стрѣльбы съ молодыми солдатами и слабыми изъ старо-служащихъ, для чего войти съ представленіемъ къ инспектору артиллеріи объ отпускѣ учебныхъ

патроновъ, заготовить мишени, арендовать для бригады стрѣльбище, „составить расписаніе стрѣльбы и представить его на утвержденіе“.

Само собою разумѣется, что мы не успѣли продѣлать всей этой процедуры. Къ тому же китайцы заломили за десятину земли 250 руб. аренды въ лѣто!! Однако, за апрѣль, я произвелъ полку нѣсколько тактическихъ ученій въ гористой мѣстности, лежавшей верстахъ въ шести къ юго-востоку отъ нашего квартирнаго раіона. Тамъ же было произведено и одно ученіе всей бригадѣ съ артиллеріей.

Стоянка въ окрестностяхъ Ляояна, въ апрѣлѣ и половинѣ мая, была однимъ изъ самыхъ тоскливыхъ періодовъ кампаніи.

Прежде всего удручающе вліяло бездѣйствіе, конецъ коему даже трудно было предвидѣть, вслѣдствіе необходимости ждать неопредѣленное время сосредоточенія арміи по одной колеѣ.

Затѣмъ, для человѣка, привыкшаго относиться къ событіямъ сознательно, весьма непріятна была полная неизвѣстность общаго положенія дѣлъ на театрѣ войны. За отсутствіемъ фактическихъ данныхъ, въ арміи ходили самые фантастическіе слухи. Фабрикой ихъ былъ Ляоянскій вокзалъ. Здѣсь въ грязномъ и скверномъ буфетѣ, биткомъ набитомъ офицерами, за бутылками водки и пива, сочинялись

самыя невѣроятныя новости, которыя потомъ разносились по войскамъ.

Въ концѣ апрѣля, чтобы узнать истину, я поѣхалъ въ штабъ арміи. Тамъ мнѣ сообщили, что 2-ая японская армія генерала Оку уже высадилась у Бицзыво, въ 120 верстахъ отъ Портъ-Артура, что 4-ая армія генерала Нодзу высаживается у Дагушаня, а 1-ая армія генерала Куроки главными силами стоитъ у Фын-хуан-чена, въ разстояніи 80 верстъ отъ Ляояна.

Въ штабѣ господствовало мнѣніе, что при такихъ условіяхъ слѣдуетъ отходить къ Мукдену и далѣе на сѣверъ. Тѣмъ не менѣе впереди Ляояна продолжали строить редуты, окруженные волчьими ямами и проволочными сѣтями, что указывало, наоборотъ, на намѣреніе оборонять этотъ пунктъ.

Во время стоянки подъ Ляояномъ мнѣ пришлось жить въ очень скверныхъ условіяхъ. Мой предшественникъ, желая занять строго центральное положеніе въ квартирномъ раіонѣ полка, отвелъ для полкового штаба небольшую деревушку Цхеалиндзе, состоявшую всего изъ нѣсколькихъ дворовъ. Самъ онъ поселился въ крошечномъ отдѣленіи бѣдной фанзы, съ глиняными стѣнами и земляным поломъ. Въ сосѣдней маленькой комнаткѣ помѣщались завѣдывающій хозяйствомъ, дѣлопроизводитель и священникъ. Правая половина фанзы была занята

огромной китайской семьей, которая въ полномъ составѣ, начиная съ десятилѣтнихъ дѣвочекъ, курила трубки. Въ тѣсныхъ сѣняхъ, гдѣ располагались наши деньщики, хозяева цѣлый день готовили свою пищу, распространявшую нестерпимый чадъ отъ пригорѣлаго бобоваго масла.

Пища простыхъ китайцевъ, насколько я ее наблюдалъ въ Цхеалиндзе и впослѣдствіи въ другихъ мѣстахъ Манджуріи, состоитъ изъ гаоляновой и чумизной каши съ бобовымъ масломъ и самыхъ разнообразныхъ овощей. Мясо, преимущественно въ видѣ свинины, они употребляютъ въ небольшомъ количествѣ. Обязательной приправой ко всѣмъ кушаньямъ служитъ чрезвычайно острая, зловонная соя. Хлѣба китайцы не знаютъ, но въ видѣ лакомства приготовляютъ различныя печенія изъ пшеничной муки на бобовомъ маслѣ.

Любимымъ напиткомъ является желтый цвѣточный чай безъ сахару, который завариваютъ прямо въ чашкахъ, прикрытыхъ небольшими блюдечками. Въ Манджуріи нигдѣ нельзя было найти обыкновеннаго чернаго чаю, къ которому мы привыкли у себя дома. Оказалось, что онъ приготовляется спеціально для Россіи и ввозится туда черезъ Кяхту.

Изъ спиртныхъ напитковъ китайцы употребляютъ рисовую водку и ханшинъ, т.-е. спиртъ, выкуриваемый изъ гаоляна и чумизы. Ханшинъ гораздо

крѣпче нашей водки и содержитъ въ себѣ большой процентъ сивушнаго масла, вслѣдствіе чего производитъ чрезвычайно тяжелое опьяненіе. Китайцы употребляютъ эти напитки въ подогрѣтомъ видѣ и въ миніатюрномъ количествѣ. Говорятъ, будто нѣкоторые изъ нашихъ пьяницъ впослѣдствіи очень одобряли ханшинъ за то, что стоило лишь на слѣдующій день послѣ выпивки проглотить стаканъ воды, чтобы быть снова пьянымъ.

Китайцы ѣдятъ обыкновенно на маленькихъ, низенькихъ столикахъ, которые ставятся на канъ. Кушанья подаются въ небольшихъ чашкахъ, всѣ сразу. Для ѣды употребляются ножъ и двѣ костяныя палочки, которыя каждый китаецъ всегда носитъ въ особомъ футлярѣ на поясѣ.

Погода въ это время мало способствовала веселому расположенію духа. На дворѣ стояла сухая и непріятная Манджурская весна. Съ утра до вечера дулъ сильный холодный вѣтеръ. Гаоляновыя, чумизныя и бобовыя поля, на коихъ посѣвъ производится лишь въ началѣ мая, оставались безъ всякой зелени.

Все вокругъ было окутано облаками желтой лёсовой пыли, засыпавшей внутренность фанзы черезъ щели дурно пригнанныхъ рамъ и дыры оконной бумаги. Отъ этой тончайшей пыли не было спасенія. Она набивалась въ постель, въ платье, проникала во внутрь чемодановъ, сыпалась въ пищу.

Листья ветелъ, росшихъ на дворѣ, были какіе то вялые и даже цвѣты грушевыхъ деревьевъ въ крошечномъ садикѣ совсѣмъ не имѣли запаха.

Въ первыхъ числахъ мая наше тоскливое прозябаніе въ китайскихъ деревняхъ было нѣсколько оживлено хунхузами.

Вечеромъ 30 апрѣля китайцы сообщили мнѣ, что верстахъ въ шести къ западу отъ квартирнаго расположенія полка находится шайка хунхузовъ, замышляющая ночью произвести нечаянное нападеніе. Хотя послѣднее было совершенно неправдоподобно, но тѣмъ не менѣе, придравшись къ случаю, я въ 2 часа ночи выступилъ на рекогносцировку съ охотничьей командой и 15 ротой. Въ указанномъ раіонѣ ничего обнаружено не было. Спрошенные черезъ переводчика китайцы давали уклончивые отвѣты, изъ которыхъ, однако, можно было сдѣлать тотъ выводъ, что въ теченіе послѣднихъ дней дѣйствительно происходило движеніе хунхузовъ съ юга на сѣверъ, въ обходъ Ляояна съ западной стороны, и что днемъ хунхузы двигались небольшими группами, на ночь же собирались въ значительныя партіи.

Желая лучше осмотрѣть мѣстность, непосредственно прилегавшую къ нашему квартирному расположенію, я направилъ возвращавшіяся части тремя путями, причемъ конные охотники, въ числѣ 33-хъ

человѣкъ, двинулись кружною дорогою черезъ дер. Шонтайцзы.

Слѣдуя самъ съ пѣшими охотниками (193 человѣка), при коихъ не было офицеровъ, потому что они отправились съ конным̀ъ взводомъ, я приближался уже къ квартирному раіону полка, какъ вдругъ, около 6 часовъ утра, съ сѣвера, со стороны дер. Шонтайцзы, раздалась ружейная трескотня. Было очевидно, что наши конные охотники наткнулись на хунхузовъ.

Я тотчасъ же свернулъ на выстрѣлы, разсыпавъ половину команды въ цѣпь. Солдаты до такой степени спѣшили на выручку, что мнѣ, на моей маленькой Манджурской лошадкѣ, приходилось ѣхать рысью. Резервъ на ходу безъ приказанія влился въ цѣпь. Сначала я хотѣлъ остановить наступленіе и водворить порядокъ, но потомъ отказался отъ этого намѣренія, такъ какъ при существовавшей обстановкѣ главное было не терять времени. Вскорѣ со стороны дер. Шонтайцзы стали изрѣдка посвистывать пули; на полѣ передъ деревней носилось нѣсколько лошадей безъ всадниковъ.

Оказалось, что конный взводъ подошелъ къ дер. Шонтайцзы съ запада, имѣя впереди разъѣздъ изъ пяти человѣкъ, при коем̀ъ находились штабсъ-капитанъ Ивановъ и поручикъ Тверитиновъ. Войдя въ деревню, офицеры потребовали старшину и че-

резъ переводчика начали его разспрашивать о хунхузахъ. Старшина и собравшіеся китайцы отвѣчали, что о нихъ ничего не слышали. Тогда штабсъ-капитанъ Ивановъ послалъ одного охотника къ конному взводу съ приказаніемъ двигаться въ деревню, а самъ съ поручикомъ Тверитиновымъ направился въ сосѣднюю фанзу.

Каково же было ихъ изумленіе, когда, вступивъ во дворъ, они увидѣли нѣсколько десятковъ осѣдланныхъ лошадей, а изъ фанзы начали выбѣгать вооруженные китайцы. Понявъ, что попали въ самый центръ хунхузской шайки, офицеры бросились назадъ къ своимъ лошадямъ и поскакали изъ деревни, провожаемые выстрѣлами, причемъ одинъ охотникъ былъ убитъ наповалъ, а другой раненъ. Конный взводъ, спѣшившись, залегъ шагахъ въ ста къ западу отъ деревни за могилами. Хунхузы заняли окраину деревни. Началась перестрѣлка, на шумъ которой, какъ уже было сказано, подоспѣли пѣшіе охотники.

Увидѣвъ подошедшее подкрѣпленіе, хунхузы сначала встрѣтили насъ безпорядочнымъ огнемъ изъ за глиняныхъ стѣнъ, а затѣмъ начали вразсыпную, верхомъ, спасаться изъ деревни, преимущественно въ сѣверо-западномъ направленіи. Наша цѣпь, продолжая быстро наступать, осыпала ихъ пулями. Количество верховыхъ можно было опредѣлить отъ

100 до 150 человѣкъ. Кромѣ того нѣкоторые хунхузы, по всѣмъ вѣроятіямъ, остались въ деревнѣ, такъ какъ для превращенія въ мирныхъ китайцевъ имъ стоило лишь спрятать оружіе.

Занявъ дер. Шонтайцзы около 7 часовъ утра, я приказалъ сжечь ее, объявивъ жителямъ черезъ переводчика, что это дѣлается за ихъ вѣроломство. Въ описанной стычкѣ мы потеряли 2 нижнихъ чиновъ убитыми и 3 ранеными (изъ коихъ два—тяжело). Кромѣ того у насъ было убито 3 и ранено 2 лошади. Хунхузы оставили на мѣстѣ болѣе 20 труповъ, не считая спрятанныхъ и увезенныхъ раненыхъ, разное оружіе, нѣсколько лошадей и предметы снаряженія. Во время пожара деревни, въ теченіе трехъ часовъ, въ разныхъ фанзахъ и особенно стогахъ гаоляна почти непрерывно раздавались громкіе взрывы воспламенявшихся патроновъ.

По словамъ нашихъ хозяевъ-китайцевъ, богатая дер. Шонтайцзы, расположенная всего въ 14 верстахъ къ западу отъ Ляояна, уже нѣсколько лѣтъ служила притономъ для хунхузскихъ шаекъ Ту-лисана. Тѣмъ не менѣе въ штабѣ арміи остались недовольны моими дѣйствіями, находя, что они могутъ нарушить наши добрыя отношенія къ мѣстному населенію.

Черезъ день мы торжественно хоронили двухъ убитыхъ. Панихида была отслужена въ присутствіи

всего полка, выстроеннаго покоемъ. Всѣ офицеры и охотничья команда съ хоромъ музыки сопровождали тѣла до Ляоянскаго кладбища. Въ пользу семействъ убитыхъ и раненыхъ офицеры собрали по подпискѣ довольно крупную сумму, которая, кромѣ того, была увеличена изъ хозяйственныхъ суммъ полка. Такое внимательное отношеніе къ первымъ жертвамъ войны произвело весьма благопріятное впечатлѣніе на нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ, китайцы опять сообщили мнѣ о хунхузахъ. На этотъ разъ рѣчь шла уже о многочисленныхъ отрядахъ съ артиллеріей, которые будтобы устраивали укрѣпленную позицію верстахъ въ двѣнадцати къ западу отъ нашего расположенія у дер. Ліерпу. Я донесъ объ этомъ по командѣ и въ отвѣтъ получилъ изъ полевого штаба приказаніе сдѣлать поискъ въ указанномъ направленіи. Нужно замѣтить, что въ это время въ арміи вообще ходили слухи о наймѣ японцами хунхузовъ для производства набѣговъ на наши сообщенія и особенно для разрушенія желѣзной дороги.

Въ ночь съ 4 на 5 мая, съ 2 и 7 ротами, охотничьей командой и двумя орудіями я выступилъ на западъ и на разсвѣтѣ подошелъ къ дер. Ліерпу. Однако, мы тамъ ничего не нашли. Верстахъ въ двухъ западнѣе деревни находился лишь укрѣпленный импань (хуторъ), обнесенный водянымъ рвомъ и

валомъ. Вдоль вала тянулась глиняная стѣна съ выступными башнями и бойницами. Къ стѣнѣ въ углахъ были присыпаны барбеты, на которыхъ стояли четыре старыя чугунныя пушки на деревянныхъ лафетахъ, представлявшія интересъ лишь для археолога.

Отъ Ліерпу мы продолжали движеніе на западъ широкимъ фронтомъ, стараясь осмотрѣть возможно большее пространство, и такимъ образомъ дошли до рѣки Тайцзыхэ, на берегу которой остановились на ночлегъ въ какой то богатой деревнѣ.

Послѣ случая въ дер. Шонтайцзы наши солдаты сдѣлались недовѣрчивы къ китайцамъ. Между прочимъ произошелъ такой анекдотъ. Приходятъ къ штабсъ-капитану Иванову два охотника и докладываютъ, что у нихъ на дворѣ очень подозрительные китайцы, особенно одинъ въ бѣлыхъ панталонахъ: „смотритъ лошадей, ружья, пушки и все что то другимъ объясняетъ".

Ивановъ велѣлъ за нимъ наблюдать.

На другой день я спросилъ этихъ охотниковъ: „Ну что вашъ подозрительный китаецъ?"

„Все время спитъ"—отвѣчали они.

„Какъ такъ?"

„А мы ему сказали—ты что все подсматриваешь, лучше мало-мало спи, а не то будетъ тебѣ контрами (т.-е. отрубятъ тебѣ голову). Онъ какъ

повалился спать, такъ до сихъ поръ добудиться не могли, даже не шевелится!!“

Переночевавъ на берегу Тайцзыхэ, мы на слѣдующій день вернулись въ свой квартирный раіонъ. Пройденная мѣстность поражала густотою населенія, богатыми каменными постройками, прекрасно воздѣланными полями и обиліемъ всякихъ запасовъ. При этомъ характеръ землевладѣнія былъ исключительно мелкій. Въ среднемъ на одинъ дворъ приходилось около трехъ-четырехъ десятинъ. Крупныхъ хозяйствъ, на подобіе нашихъ помѣщичьихъ экономій, мы не встрѣтили ни одного. Тоже самое можно было наблюдать и при послѣдующихъ передвиженіяхъ по Манджуріи.

Нѣсколько дней спустя послѣ возвращенія въ Цхеалиндзе, я получилъ пріятное извѣстіе, что наша бригада будетъ передвинута къ станціи Айсандзянъ, въ 28 верстахъ къ югу отъ Ляояна. Днемъ 10 мая мы совершили этотъ переходъ, причемъ Зарайскій полкъ занялъ деревни къ западу отъ станціи.

Передъ нами на скалистомъ гребнѣ лежала извѣстная Айсандзянская позиція, на укрѣпленіе коей было затрачено такъ много времени и средствъ. Она запирала желѣзную дорогу и съ фронта была почти неприступна, но благоразумному непріятелю и незачѣмъ было ее атаковать, такъ какъ онъ могъ легко принудить обороняющагося къ отступленію по-

средствомъ обхода, что, какъ извѣстно, японцы и сдѣлали впослѣдствіи. Любопытно, что на этой позиціи артиллерійскіе окопы были расположены на самомъ гребнѣ, для стрѣльбы по видимымъ цѣлямъ.

Мы полагали, что подъ Айсандзяномъ намъ придется простоять довольно долго и потому устроили хлѣбопекарныя печи и бани; но уже черезъ четыре дня послѣ прибытія было получено приказаніе передвинуться въ два перехода въ окрестности Хайчена, то-есть еще на 30 верстъ къ югу.

На этомъ пути мы прошли мимо „Горячихъ ключей", лежащихъ у самой желѣзной дороги, верстахъ въ девяти отъ Айсандзяна. Здѣсь какой то предприниматель уже началъ устраивать курортъ, но затѣмъ, захваченнный войной, оставилъ это дѣло. Вода въ большинствѣ ключей имѣла температуру около 30^0, а въ одномъ бассейнѣ даже 40^0, приэтомъ въ нѣкоторыхъ источникахъ она была сильно насыщена сѣрой.

Прибывъ 16 мая къ Хайчену, Зарайскій полкъ былъ поставленъ въ огромномъ селеніи Ямпу, въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ станціи. Я и весь полковой штабъ помѣстились въ одномъ дворѣ въ нѣсколькихъ роскошныхъ фанзахъ. Чистота въ нихъ была образцовая. Передъ главной фанзой, въ которой жилъ хозяинъ, находилась терраса, уставленная цвѣтами и декоративными растеніями. На ней по

вечерамъ сидѣли жена и родственницы хозяина, или, какъ китайцы ихъ обыкновенно называли въ разговорахъ съ нами, „мадамы“.

Тутъ я впервые увидѣлъ варварскій обычай уродованія ногъ, который въ Манджуріи вообще не практикуется, а встрѣчается лишь въ коренныхъ китайскихъ семьяхъ. Съ ранняго дѣтства китаянкѣ начинаютъ бинтовать ноги, отгибая пальцы къ подошвѣ. Въ результатѣ, къ совершеннолѣтію, ноги принимаютъ форму какихъ то копытъ, на коихъ едва можно передвигаться. Кромѣ того наши хозяйки имѣли ногти длиною чуть не въ вершокъ, на которые для предохраненія ихъ отъ поломки были надѣты серебряные футляры съ крошечными бубенчиками. Такіе же длинные ногти носятъ и китайскіе ученые, желая этимъ показать, что они никакимъ физическимъ трудомъ не занимаются, а всецѣло погружены въ науку.

О дальнѣйшемъ назначеніи нашей бригады ничего не было извѣстно. Штабъ 1 Сибирскаго корпуса, къ коему она временно была прикомандирована, выступилъ на Гайчжоу, давъ пока лишь одно порученіе—прикрывать Хайченъ. Съ этою цѣлью къ востоку и югу отъ города, на имѣвшіяся тамъ укрѣпленныя позиціи, былъ выдвинутъ баталіонъ Зарайскаго полка, а двѣ роты Моршанцевъ поставлены къ западу отъ города.

На свободѣ я занялся хозяйствомъ и, подведя итогъ расходамъ, нашелъ за апрѣль крупную экономію. За май предвидѣлись остатки еще бо́льшіе.

Въ виду этого я приказалъ на счетъ этой экономіи давать солдатамъ на ужинъ кашу по такой же раскладкѣ, какъ и на обѣдъ, т.-е. 24 золотника крупы на человѣка и 6 фунтовъ сала на 100 человѣкъ. На вторую кашу мы употребляли крупу изъ чумизы, которая по вкусу нисколько не отличалась отъ нашего пшена, но требовала болѣе долгой варки.

Такъ какъ при походныхъ движеніяхъ, несмотря на возимые за полкомъ котлы, нельзя было, по условіямъ времени, приготовлять кашу два раза въ день, то приказано было взамѣнъ этого увеличивать дачу мяса до 1¼ фунта, и кромѣ того супъ варить болѣе густой, въ видѣ кашицы, что вполнѣ отвѣчало солдатскимъ вкусамъ.

Означенныя нормы довольствія существовали въ продолженіе всего моего командованія полкомъ.

Хлѣбъ намъ подвозили по желѣзной дорогѣ изъ полковой хлѣбопекарни, оставшейся въ Айсандзянѣ. Я приказалъ сдѣлать повѣрку состоявшаго на людяхъ неприкосновеннаго сухарнаго запаса, причемъ у большинства была обнаружена недостача. Оказалось, что, несмотря на аккуратно получаемые 2½ фунта хлѣба, нашъ солдатъ не могъ себѣ отказать

въ удовольствіи ѣсть сухари съ чаемъ. Оставалось лишь контролировать какъ можно чаще.

Сахару въ интендантскихъ складахъ уже опять не было, но мы пока имѣли свой полковой запасъ и попрежнему продолжали выдавать по шести золотниковъ.

Что касается офицерскаго стола, то съ выступленіемъ изъ подъ Ляояна стала дѣйствовать походная кухня офицерскаго собранія. Однако обѣдъ въ ней получался настолько неважный, что большинство офицеровъ предпочитало довольствоваться изъ солдатскаго котла, съ прибавкой разныхъ консервовъ и нѣкоторыхъ продуктовъ, покупаемыхъ на мѣстѣ.

Довольствіе лошадей представляло затрудненія въ томъ отношеніи, что нельзя было достать ни овса, ни ячменя. Взамѣнъ его мы начали давать зерно гаоляна, но въ первое время многія лошади его не ѣли. Кромѣ того существовало мнѣніе, что отъ гаоляна лошади слѣпнутъ. Дѣйствительно, къ концу войны у нѣкоторыхъ лошадей ослабѣло зрѣніе, но произошло ли это отъ гаоляна, или просто отъ яркаго манджурскаго солнца, судить не берусь.

Въ Управленіи бригады была получена 21 мая диспозиція командира 1 Сибирскаго корпуса генерала Штакельберга, въ которой поставленная корпусу задача была выражена такъ: „Воспрепятствовать попыткамъ непріятеля высадиться на участ-

къ побережья, мысъ Гуанцзятунь—Инкоу; удерживать перевалы на хребтахъ Сюнешань Феньшуйлинъ, отъ Пханлинскаго до Сыфалинскаго перевалова, готовясь одновременно къ движенію на Квантунъ".

Кромѣ того, какъ мнѣ передавалъ офицеръ, пріѣхавшій изъ корпуснаго штаба, Штакельбергу было еще словесно приказано быть готовымъ къ отступленію на Ляоянъ. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же корпусъ долженъ былъ: на западѣ—охранять длинную линію морского побережья; на востокѣ—оборонять горные хребты на огромномъ протяженіи; на югѣ—готовиться къ наступленію и на сѣверѣ—быть готовымъ къ отступленію!!

Въ частности наша бригада составила Хайченскій отрядъ, относительно котораго въ упомянутой диспозиціи было сказано: „Задача отряда согласно особыхъ распоряженій". Послѣднихъ пока не было и потому намъ оставалось спокойно ждать.

Двадцать третьяго мая была получена секретная инструкція Куропаткина: „Указанія начальникамъ частей Манджурской арміи". Наряду съ общими мѣстами и нѣкоторыми наивностями, она заключала въ себѣ много дѣльныхъ совѣтовъ, выведенныхъ изъ боевого опыта прежнихъ войнъ.

Между прочимъ, говоря о тактикѣ пѣхоты, Куропаткинъ въ слѣдующихъ словахъ возставалъ противъ кабинетныхъ измышленій Драгомирова:

„Въ то время, когда въ европейскихъ арміяхъ принимаются всѣ мѣры, дабы ослабить убійственное дѣйствіе современнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня и въ то же время самимъ возможно развить этотъ огонь при наступленіи и при оборонѣ, когда въ этихъ условіяхъ германцы дошли до крайности, разворачивая всѣ свои войска иногда почти безъ резервовъ въ длинныя тонкія линіи, мы, судя по опыту послѣднихъ (курскихъ) маневровъ, переходимъ въ другую крайность—устанавливаемъ производство рѣшительной атаки почти безъ предварительной подготовки огнемъ и массами войскъ, частью въ сомкнутыхъ колоннахъ. Несомнѣнно, что если таковому увлеченію почти сомкнутыми строями при производствѣ атакъ не будетъ положенъ предѣлъ, мы тяжко будемъ расплачиваться огромными потерями".

Любопытно, что упомянутая инструкція, хотя и помѣчена 15 апрѣля, т.-е. написана еще до начала боевыхъ столкновеній на сушѣ, но въ противоположность прежнимъ свѣдѣніямъ, уже признаетъ за японцами многія достоинства.

„Изъ приведеннаго выше краткаго перечня сильныхъ и слабыхъ сторонъ японской арміи видно"—говоритъ генералъ Куропаткинъ—„что сильныя стороны преобладаютъ, и что въ японцахъ мы, во всякомъ случаѣ, будемъ имѣть очень серьезнаго про-

тивника, съ которымъ надо считаться по европейскому масштабу".

Впрочемъ тутъ же было преподано русской арміи и утѣшеніе: „Но мы имѣемъ надъ японцами огромное преимущество въ нашей религіозности, въ вѣрѣ въ Промыселъ Божій".

Бой при Вафангоу.

Передвиженіе бригады отъ Хайчена къ Вафангоу.—Диспозиція Штакельберга для оборонительнаго боя. — Странный способъ отдавать приказанія о наступленіи.—Переговоры Гласко съ Гернгроссомъ.—Первоначальныя дѣйствія бригады. — Переходъ ея въ наступленіе. — Конецъ боя. — Отступательное движеніе корпуса на сѣверъ. — Безпорядочное мотаніе войскъ. — Прибытіе бригады къ станціи Дашицяо. — Мое первое сомнѣніе въ Куропаткинѣ.

(24 мая — 9 іюня).

Вечеромъ 24-го мая была получена телеграмма, предписывавшая нашей бригадѣ на другой день утромъ выступить изъ Ямпу и въ три перехода достигнуть гор. Гайчжоу, лежащаго въ семидесяти верстахъ къ юго-западу отъ Хайчена, близъ желѣзной дороги. Было очевидно, что такое движеніе вызывалось желаніемъ отвлечь силы японцевъ отъ Портъ-Артура.

Впослѣдствіи, въ главной квартирѣ мнѣ разсказали слѣдующее: послѣ неудачнаго для насъ боя у Цзинъ-Чжоу (13 мая), главнокомандующій адмиралъ Алексѣевъ, опасаясь за крѣпость, настаивалъ на энергичномъ движеніи на югъ; генералъ Куропаткинъ сначала отказывался, такъ какъ подобный спо-

собъ дѣйствій совершенно противорѣчилъ его общему плану, но потомъ, когда мнѣніе Намѣстника было поддержано изъ Петербурга, не нашелъ въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы отстоять свою идею.

Передъ выступленіемъ изъ Ямпу я приказалъ оставить въ Хайченѣ мундиры, которые при наступившей жарѣ были совершенно ненужны, а между тѣмъ составляли порядочную тяжесть. Кромѣ того, зная уже свойства нашей солдатской обуви, я распорядился купить на каждую роту по десяти паръ китайскихъ башмаковъ — «улъ». Эти башмаки, сшитые изъ цѣлаго куска кожи, безъ каблуковъ и подошвъ, на завязкахъ, настолько широки и мягки, что даже человѣкъ съ сильно потертыми ногами можетъ въ нихъ итти.

Выступивъ утромъ 25 мая изъ Ямпу, мы прибыли 27 мая къ желѣзно-дорожной станціи Гайчжоу и стали бивакомъ западнѣе ея на берегу рѣки. Жители сосѣдняго города Гайчжоу относились къ русскимъ войскамъ настолько враждебно, что даже отказывались продавать товары.

По этому поводу старшій изъ присутствовавшихъ на станціи начальниковъ генералъ Ч. вызвалъ къ себѣ китайскаго губернатора—«фудутуна». Послѣдній явился съ большой помпой, окруженный многочисленной свитой, несомый въ паланкинѣ, при

звукахъ трубъ и гонга, съ огромнымъ зонтомъ впереди. Какъ говорятъ, генералъ Ч. обошелся съ нимъ весьма сурово. За то, когда послѣ неудачи при Вафангоу русскія войска проходили обратно черезъ городъ, населеніе открыто злорадствовало.

Остановка близъ станціи Гайчжоу ознаменовалась слѣдующимъ курьезомъ: жители сосѣдней деревни пожаловались на то, что зарайскіе солдаты сломали у нихъ дерево и вслѣдствіе этого я получилъ предписаніе взять отъ китайскихъ властей «квитанцію о благополучномъ квартированіи».

Почти тотчасъ же по прибытіи въ Гайчжоу, вечеромъ 27 мая, бригадѣ было приказано на другой день продолжать движеніе вдоль желѣзной дороги и въ три перехода достигнуть станціи Вафангоу, отстоявшей на девяносто верстъ къ югу. Первый переходъ былъ въ тридцать верстъ: жара, пыль, много потертыхъ ногъ, сотни отсталыхъ, нѣсколько случаевъ солнечнаго удара . . . Бригада пришла на бивакъ у станціи Сюнечэнъ уже съ наступленіемъ темноты, хвостъ подтянулся только ночью.

Я распорядился купить еще по пяти паръ китайскихъ башмаковъ на роту и выдавать ежедневно по три фунта свѣжаго свиного сала для смазыванія ногъ. Затѣмъ, для предохраненія отъ солнечнаго удара, было пріобрѣтено нѣкоторое количество соломенныхъ китайскихъ шляпъ, такъ какъ наши су-

конныя безкозырки, съ надѣтыми на нихъ сѣрыми получехлами, совершенно не соотвѣтствовали палящему солнцу южной Манджуріи. Наконецъ, чтобы уменьшить вѣсъ солдатскаго снаряженія, я велѣлъ разгрузить пятьдесятъ двуколокъ обоза втораго разряда и положить на нихъ вещевые мѣшки, а содержимое двуколокъ перевезти въ Вафангоу по желѣзной дорогѣ, если же не примутъ, то нанять китайскія арбы.

Благодаря принятымъ мѣрамъ, полкъ совершилъ два остальныхъ перехода, на протяженіи шестидесяти верстъ, почти безъ отсталыхъ и прибылъ къ Вафангоу въ свѣжемъ видѣ. Любопытно, что когда генералъ Гласко, являясь барону Штакельбергу, доложилъ ему объ этомъ, то послѣдній возразилъ: „значитъ порча войскъ уже началась, русскій солдатъ выносливъ и въ такомъ баловствѣ вовсе не нуждается“.

Походное движеніе отъ Хайчена къ Вафангоу, въ шесть переходовъ безъ дневокъ, при сильной жарѣ, было особенно затруднительно потому, что дорога была занята многочисленными обозами, транспортами и госпиталями, которые, при отсутствіи общаго расчета марша, постоянно преграждали путь.

Прибывъ въ окрестности Вафангоу вечеромъ 30 мая, бригада была поставлена бивакомъ: Зарайскій полкъ съ батареями у д. Цюйцзятунь (восточ-

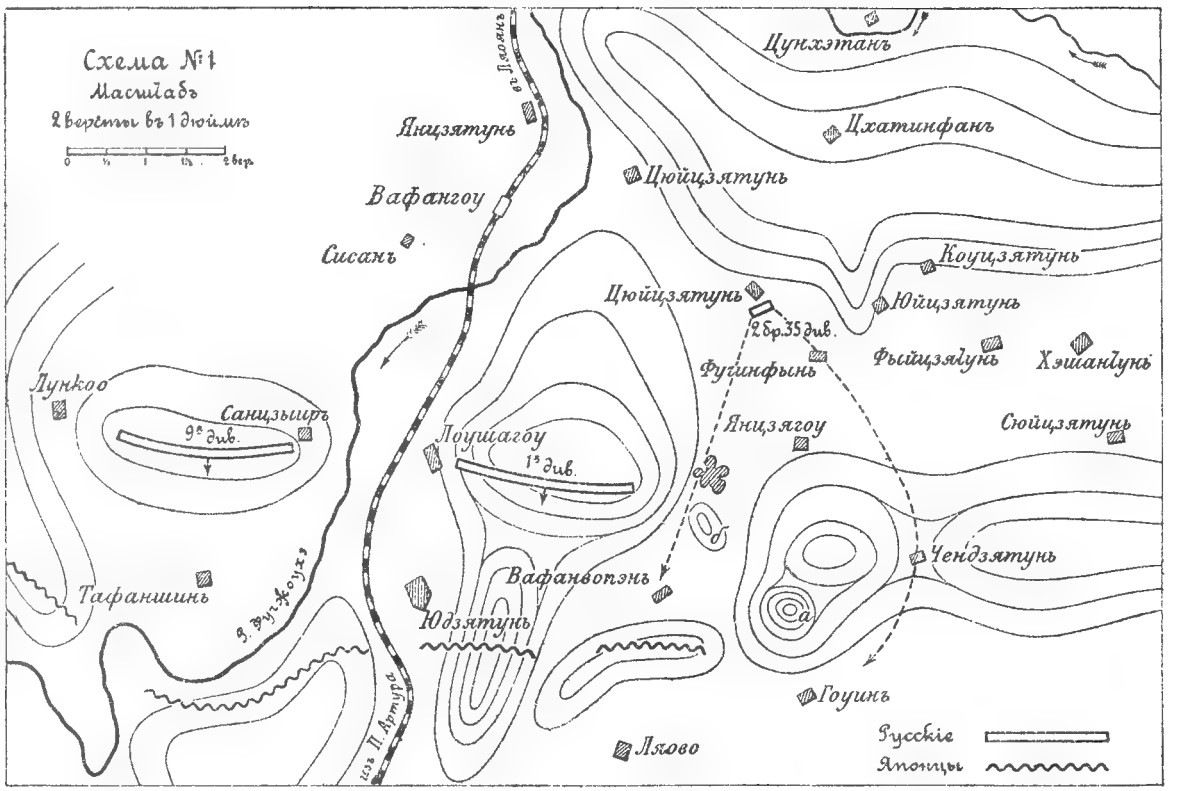


Схема №1
Масштабъ
2 версты въ 1 дюймъ
0 ½ 1 1½ 2 вер.
въ Ляоянъ
Янцзятунь
Вафангоу
Сисанъ
Цунхэтанъ
Цхатинфанъ
Цюйцзятунь
Коуцзятунь
Цюйцзятунь
Юйцзятунь
2 бр. 35 див.
Фыйцзятунь
Хэшантунь
Фугинфынь
Лункоо
Санцзыиръ
9 див.
Лоушагоу
1 див.
Янцзягоу
Сюйцзятунь
Чендзятунь
Тафаншинь
Вафанвопэнь
Юдзятунь
Гоуинъ
Ляово
изъ П. Артура
Русскіе
Японцы

ная), въ четырехъ верстахъ къ востоку отъ станціи, а Моршанскій полкъ близъ дер. Фучинфынь (схема № 1).

Едва люди успѣли устроиться на ночлегъ, какъ было получено изъ штаба корпуса приказаніе—немедленно выслать одну роту и охотничью команду на д. Шахедзы (около пятнадцати верстъ къ востоку), которую, по полученнымъ донесеніямъ, занялъ небольшой японскій отрядъ. Потомъ выяснилось, что противъ того же отряда были направлены роты и охотничьи команды еще двухъ другихъ полковъ, причемъ о такомъ совокупномъ дѣйствіи никто предупрежденъ не былъ, вслѣдствіе чего ночью легко могло произойти столкновеніе. Въ д. Шахедзы нашъ отрядъ никого не нашелъ (японцы уже успѣли уйти) и къ полудню 31 мая, совершенно измученный, вернулся на бивакъ у д. Цюйцзятунь.

Въ третьемъ часу пополудни было получено изъ штаба корпуса приказаніе перейти къ д. Лоушагоу, въ трехъ верстахъ къ югу отъ Вафангоу, гдѣ стать въ резервномъ порядкѣ.

Зарайскій полкъ съ батареями выступилъ, но, когда голова его уже подходила къ станціи, показался скачущій навстрѣчу генералъ Гласко, который объявилъ, что, по полученнымъ донесеніямъ, съ юга по долинѣ Вафанвопэнъ наступаютъ японцы, и что

командиръ корпуса приказалъ намъ итти имъ навстрѣчу. Полкъ повернулъ обратно; я и батарейные командиры поѣхали впередъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло; выяснилось, что никакихъ японцевъ не было, а просто отступалъ одинъ изъ стрѣлковыхъ полковъ, о присутствіи котораго впереди общей позиціи нѣкоторыя части не знали.

Мы поскакали назадъ и снова повернули колонну. Пришло приказаніе ускорить движеніе. Когда голова полка подошла къ желѣзной дорогѣ, то было велѣно стать бивакомъ у д. Сисанъ, почти около самой станціи. Отъ полка взяли пять ротъ для нагрузки вагоновъ и одинъ баталіонъ на укрѣпленіе позиціи.

Вечеромъ командиръ корпуса пригласилъ къ себѣ генерала Гласко и капитана Пневскаго и сообщилъ имъ, что наша бригада должна стать на правомъ флангѣ общаго расположенія (сѣвернѣе д. Тафаншинъ) и дѣйствовать активно, а именно: когда японцы поведутъ атаку вдоль желѣзной дороги, то охватить ихъ. Однако, когда утромъ 1 іюня Пневскій опять пошелъ въ корпусный штабъ, то ему сказали, что это предположеніе отмѣняется.

Взамѣнъ была дана диспозиція (№ 193), предписывавшая 1 Сибирскому корпусу занять укрѣпленную позицію, протяженіемъ около семи верстъ, на высотахъ впереди ст. Вафангоу, по обѣ стороны

желѣзно-дорожнаго пути, причемъ 1-я стрѣлковая дивизія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гернгросса, должна была расположиться къ востоку отъ желѣзной дороги, отъ д. Лоушагоу до долины Вафанвопэнъ, а 9-я стрѣлковая дивизія (еще не успѣвшая собраться) къ западу отъ желѣзной дороги, приблизительно отъ д. Санцзыиръ до долины Лункоо. Наша бригада съ двумя батареями назначалась въ общій резервъ, за центромъ позиціи, у д. Сисанъ.

Въ настоящее время извѣстно, что со стороны японцевъ въ бою при Вафангоу приняла участіе Вторая Армія генерала Оку, которая была направлена такъ: 3-я японская дивизія—восточнѣе желѣзной дороги, противъ нашей 1-й стрѣлковой дивизіи; 5-я японская дивизія—западнѣе желѣзноі дороги, противъ нашей 9-й стрѣлковой дивизіи и 4-я японская дивизія—къ западу отъ Лункоу, въ обходъ праваго фланга всей нашей позиціи.

Около полудня Гласко получилъ слѣдующую записку за подписью начальника штаба корпуса генерала Иванова: „Командиръ корпуса приказалъ общему резерву (ввѣренная бригада) перейти съ полученія сего за нашъ лѣвый флангъ въ д. Фучинфынь на дорогу Чендзятунь".

Бригада тотчасъ же снялась съ бивака и въ первомъ часу выступила по назначенію, но едва голова ея достигла желѣзной дороги, какъ мы уви-

дѣли выѣхавшаго со станціи корпуснаго командира со свитой. Подозвавъ къ себѣ генерала Гласко и не здороваясь съ войсками, баронъ Штакельбергъ приказалъ повернуть назадъ и снова стать у д. Сисанъ въ резервномъ порядкѣ. Въ это время въ обоихъ полкахъ было лишь двѣнадцать ротъ; все остальное находилось на работахъ по укрѣпленію позиціи и по нагрузкѣ вагоновъ интендантскимъ имуществомъ. Узнавъ объ этомъ, командиръ корпуса приказалъ взятыя части немедленно вернуть.

Отдавъ эти распоряженія, баронъ Штакельбергъ направился на позицію 1-й стрѣлковой дивизіи, гдѣ слышалась артиллерійская стрѣльба. Составивъ ружья, мы стояли въ ожиданіи. Въ пятомъ часу командиръ корпуса вернулся съ позиціи и, подъѣхавъ къ бригадѣ, отдалъ генералу Гласко слѣдующее словесное приказаніе: „Ведите свою бригаду на д. Цюйцзятунь и, въ случаѣ если японцы будутъ обходить лѣвый флангъ генерала Гернгросса. отбросьте ихъ“. Къ этому баронъ Штакельбергъ добавилъ, что онъ самъ пріѣдетъ на лѣвый флангъ.

Бригада перешла къ д. Цюйцзятунь (Восточная) и выполнила слѣдующее:

1) 1-й баталіонъ Зарайскаго полка съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ подполковника Нагродскаго, занялъ позицію на горномъ отрогѣ близъ д. Юйцзятунь, фронтомъ на востокъ.

2) Одинъ баталіонъ Моршанскаго полка съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ подполковника Перфильева, выдвинутъ для занятія перевала Чендзятунь.

3) Одинъ баталіонъ Моршанскаго полка и четыре орудія, подъ начальствомъ подполковника Баудера, направлены по долинѣ на Вафанвопэнъ съ приказаніемъ произвести усиленную рекогносцировку.

4) 2-й баталіонъ Зарайскаго полка, вслѣдствіе полученнаго откуда то извѣстія будто лѣвый флангъ 1-й стрѣлковой дивизіи тѣснимъ противникомъ, былъ выдвинутъ на горный массивъ къ западу отъ дороги изъ Цюйцзятунь на Вафанвопэнъ.

5) Остальныя силы, т.-е. два Моршанскихъ и два Зарайскихъ баталіона, при четырехъ орудіяхъ, были оставлены въ резервѣ у д. Цюйцзятунь.

6) Охотникамъ Зарайскаго полка приказано развѣдывать и наблюдать въ долинѣ къ востоку отъ дороги Цюйцзятунь—Чендзятунь.

7) Охотники Моршанскаго полка должны были двигаться по сопкамъ между дорогами Цюйцзятунь-Вафанвопэнъ и Цюйцзятунь—Чендзятунь, связывая отряды Перфильева и Баудера.

О своемъ прибытіи и объ отданныхъ распоряженіяхъ генералъ Гласко въ 6 час. вечера отправилъ полевую записку командующему 1-й стрѣлковой дивизіей генералу Гернгроссу, причемъ въ концѣ

этой записки написалъ: „Командиръ корпуса предполагаетъ пріѣхать лично сюда. Мнѣ дана задача отбросить правый флангъ обходящаго противника".

Вскорѣ послѣ этого была получена отъ барона Штакельберга слѣдующая полевая записка (№ 4): „Посылаю вамъ одинъ баталіонъ 34 полка на усиленіе вашего отряда. *Ваша задача, сговорившись съ генераломъ Гернгроссомъ, атаковать во флангъ японцевъ, дѣйствующихъ у Вафанвопэна противъ генерала Гернгросса.* При необходимости отступить, отходить на д. д. Цхатинфанъ, Цунхэтанъ и далѣе на Тайцзы".

Получивъ эту записку, генералъ Гласко показалъ ее мнѣ. Я удивился, что важнѣйшее распоряженіе объ атакѣ было отдано не въ видѣ категорическаго приказа, а въ какой то совершенно неопредѣленной формѣ. Тѣмъ не менѣе нужно было исполнять, и генералъ Гласко послалъ своего адъютанта штабсъ-капитана Зеньковича «*сговариваться*» съ генераломъ Гернгроссомъ, находившимся верстахъ въ четырехъ впереди за высокими горами.

Между тѣмъ высланные отъ бригады отряды выполняли данныя имъ задачи.

Отъ подполковника Баудера было получено донесеніе, что у д. Вафанвопэнъ обнаружено расположеніе японцевъ, и что его отрядъ перестраивается въ боевой порядокъ. Въ 7 часовъ вечера четыре

орудія выѣхали на позицію на скатѣ горъ къ западу отъ дороги Цюйцзятунь—Вафанвопэнъ и стали обстрѣливать пѣхотныя сомкнутыя части, виднѣвшіяся на высотахъ къ югу отъ д. Вафанвопэнъ. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ эти части быстро скрылись за гребнемъ и наша батарея перенесла огонь по горной батареѣ, показавшейся на высокой сопкѣ къ востоку отъ д. Вафанвопэнъ.

Охотники Моршанскаго полка замѣтили на высотахъ къ югу отъ д. Вафанвопэнъ густыя цѣпи японцевъ, часть коихъ перебѣгала къ деревнѣ. Сопки на востокъ отъ Вафанвопэна оказались заняты небольшими партіями противника.

Подполковникъ Перфильевъ въ 7 час. 20 мин. вечера донесъ, что занялъ перевалъ Чендзятунь, причемъ по нашему дозору было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ съ высоты юго-западнѣе перевала, занятой партіей человѣкъ въ двадцать японцевъ.

Наконецъ охотники Зарайскаго полка, дѣйствовавшіе въ раіонѣ къ востоку отъ дороги Цюйцзятунь—Чендзятунь, ничего кромѣ разъѣздовъ не обнаружили.

Около 7 час. вечера къ дер. Цюйцзятунь прибыли баталіонъ 34 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и сотня 5 Сибирскаго казачьяго полка. Генералъ Гласко включилъ баталіонъ въ составъ своего общаго резерва, а сотнѣ приказалъ выдви-

нуться къ дер. Хэшантунь и развѣдывать въ восточномъ и южномъ направленіяхъ.

Между тѣмъ наступила темнота. Огонь въ отрядѣ Баудера стихъ. На позиціи 1-й стрѣлковой дивизіи тоже установилось полное спокойствіе. Генералъ Гласко послалъ всѣмъ передовымъ отрядамъ приказаніе расположиться на ночлегъ, принявъ мѣры охраненія: отряду подполковника Нагродскаго у дер. Юйцзятунь, отряду подполковника Перфильева близъ перевала Чендзятунь и отряду подполковника Баудера у дер. Яицзягоу.

Резервъ давно уже отдыхалъ. Мы съ Пневскимъ завернулись въ одну общую бурку и задремали въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Около полуночи насъ разбудили. Вернулся штабсъ-капитанъ Зенькевичъ и привезъ слѣдующую записку генерала Гернгросса: „Нахожусь на проселочной дорогѣ между дер. Вафанвопэнъ и Юдзятунь. Совѣтую продвинуться на одну высоту съ нами. *Если командиръ корпуса пожелаетъ сдѣлать атаку* на разсвѣтѣ, то это можно будетъ сдѣлать успѣшно“.

Эта записка, изъ коей было видно, что вопросъ о переходѣ въ наступленіе еще далеко не рѣшенъ, повергла Гласко въ полное недоумѣніе. Онъ собралъ на совѣщаніе старшихъ начальниковъ. Мнѣнія раздѣлились: одни утверждали, что мы всетаки должны наступать; другіе же говорили,

что намъ слѣдуетъ стоять на мѣстѣ и ждать распоряженій.

Съ своей стороны я посовѣтовалъ Гласко послать *офицера къ самому барону Штакельбергу,* находившемуся на станціи Вафангоу, всего въ четырехъ верстахъ отъ насъ, съ просьбою дать ясное и опредѣленное письменное приказаніе, ибо невозможно вести въ бой восемь тысячъ человѣкъ на основаніи противорѣчивыхъ записокъ. Однако генералъ Гласко, храбрый въ бояхъ, испытывалъ страхъ передъ начальствомъ и потому не согласился исполнить мой совѣтъ Споры продолжались, я же пошелъ спать. Впослѣдствіи мнѣ сообщили, что ночью два раза посылали запріказаніями *въ штабъ корпуса солдатъ-ординарцевъ,* но они ничего не привзели.

По свидѣтельству барона Штакельберга, еще вечеромъ 1 іюня имъ была отдана диспозиція (№ 194) объ общемъ переходѣ въ наступленіе, на слѣдующій день 2 іюня. Между тѣмъ въ нашей бригадѣ такого документа никто не видѣлъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, баронъ Штакельбергъ былъ просто введенъ въ заблужденіе, ибо отъ многихъ лицъ я слышалъ, что упомянутая диспозиція была составлена уже послѣ сраженія.

По этому поводу генералъ Жилинскій, бывшій начальникъ полевого штаба Главнокомандующаго, „утверждаетъ, что распоряженія барона Штакель-

берга на 2 іюня не представляли одного цѣлаго приказа, а лишь отдѣльныя приказанія безъ систематическаго изложенія. Части находились въ невѣдѣніи касательно общаго положенія дѣлъ, слѣдствіемъ чего былъ недостатокъ связи между ними, повлекшій за собой замѣшательство". *)

Около 5 часовъ утра меня опять позвали на совѣщаніе, такъ какъ была получена слѣдующая записка корпуснаго командира:

„Въ случаѣ наступленія японцевъ превосходными силами на центръ позиціи, или въ иномъ направленіи, 1 корпусу медленно отступать на Ванзелинъ, причемъ третьему и четвертому полкамъ съ двумя батареями пѣшими и одной горной отходить на станцію Вафангоу и далѣе на сѣверъ; войскамъ праваго участка (генералу Мрозовскому, а теперь генералу Кондратовичу) отступать тоже на Вафангоу; конницѣ генерала Симонова черезъ Лункоо, Лянгатунь, Тидятунь, Хоуншулиндза и далѣе къ Ванзелину; отряду генерала Гласко—первый и второй полкъ, 2-я бригада 35 дивизіи съ артиллеріей и однимъ баталіономъ 34 полка, черезъ Цюйцзятунь (Восточная) на сѣверъ черезъ Фуйцзянь, Тайцзы къ Ванзелину. Отряду генерала Гласко въ подобномъ случаѣ держаться какъ можно дольше на линіи

*) „Русско-Японская война", сочиненіе англійскаго генеральнаго штаба. Переводъ барона Винекена.

Цюйцзятунь—Коуцзятунь, дабы дать возможность войскамъ корпуса, которымъ назначено отступать черезъ Вафангоу, успѣть уйти къ сѣверу отъ ущелья Цюйцзятунь. Отрядамъ, отступающимъ тремя колоннами, стараться во чтобы то ни стало поддерживать между собою связь и доносить мнѣ чрезъ каждые три часа о мѣстѣ нахожденія. Я буду находиться при колоннѣ, назначенной отступать черезъ Вафангоу. Если японцы отступятъ, то отрядамъ оставаться на своихъ мѣстахъ впредь до полученія особаго приказанія".

Въ этой запискѣ барона Штакельберга не только ничего не говорилось объ атакѣ, но даже въ случаѣ отступленія противника воспрещалось его преслѣдовать!

Вслѣдствіе этого генералъ Гласко, посовѣтовавшись съ собранными начальниками, рѣшилъ оставить свой отрядъ въ занятомъ положеніи до полученія новыхъ распоряженій.

Однако, въ 6 час. 15 мин. утра была получена записка генерала Гернгросса: *„Наступайте мы поддержимъ съ горъ"*. Затѣмъ, черезъ десять минутъ, другая записка отъ него же: *„начинайте наступленіе, мы поддержимъ съ горъ"*.

При такихъ условіяхъ, командиръ Моршанскаго полка полковникъ Петровъ, я и капитанъ Пневскій высказали мнѣніе, что бригадѣ невозможно

оставаться въ бездѣйствіи, а нужно перейти въ самое рѣшительное наступленіе. Генералъ Гласко согласился съ этимъ и отдалъ слѣдующія приказанія:

1) Полковнику Петрову принять начальство надъ отрядомъ Баудера, усиленнымъ еще однимъ баталіономъ Моршанцевъ (всего 2 баталіона и 4 орудія) и наступать отъ Янцзягоу на Вафанвопэнъ.

2) Отряду подполковника Перфильева, усиленному баталіономъ Моршанскаго полка (всего 2 баталіона и 4 орудія), двинуться съ перевала Чендзятунь по дорогѣ на Гоуинъ въ обходъ противника съ востока.

3) Общему резерву, въ составѣ 1, 3 и 4 баталіоновъ Зарайскаго полка, одного баталіона 34 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и 5-й батареи (всего 4 баталіона и 8 орудій), подъ моимъ начальствомъ, двигаться по дорогѣ Цюйцзятунь — Вафанвопэнъ, вслѣдъ за отрядомъ полковника Петрова.

4) 2-му баталіону Зарайскаго полка, выдвинутому, какъ сказано выше, на горный массивъ къ западу отъ долины Цюйцзятунь—Вафанвопэнъ, двигаться на соединеніе съ отрядомъ полковника Петрова.

5) Охотникамъ Моршанскаго полка наступать по хребту, окаймляющему долину Цюйцзятунь—Вафанвопэнъ съ востока, между отрядами полковника Петрова и подполковника Перфильева.

6) Охотничьей командѣ Зарайскаго полка охранять лѣвый флангъ въ направленіи Юйцзятунь, Фыйцзятунь, Сюйцзятунь.

7) Сотнѣ казаковъ двигаться отъ Хэшантуня на югъ, на Вэнченъ.

О своемъ переходѣ въ наступленіе Гласко извѣстилъ генерала Гернгросса и послалъ въ 6 час. 25 мин. утра слѣдующее донесеніе барону Штакельбергу:

„Въ виду полученія просьбы отъ генералъ-маіора Гернгросса о переходѣ въ наступленіе, а онъ поддержитъ съ горъ, рѣшилъ двинуться главными силами на Вафанвопэнъ (7 бат. и 12 орудій). Боковой отрядъ (2 бат. и 4 орудія) по дорогѣ Фучинфынь—Чендзятунь—Гоуинъ. Кавалерія—одна сотня казаковъ отъ Хэшантуня двигается на Вэнченъ. Самъ иду при главныхъ силахъ“.

Движеніе началось въ половинѣ седьмого утра. Въ верстѣ къ югу отъ дер. Цюйцзятунь общій резервъ былъ задержанъ до выясненія обстановки. Въ это время къ Гласко прибыли, присланныя генераломъ Гернгроссомъ, двѣ батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады съ прикрытіемъ изъ двухъ ротъ 2 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. При этомъ генералъ Гернгроссъ прислалъ записку, въ которой говорилось: „Какъ только начнете атаку, поддержу Васъ тремя полками“.

Вскорѣ полковникъ Петровъ сообщилъ мнѣ, что позиція непріятеля, усиленная хорошо замаскированными окопами, находится на высотахъ къ югу отъ дер. Вафанвопэнъ и что она занята густыми стрѣлковыми цѣпями, вблизи которыхъ расположены резервы. Относительно силы противника опредѣленныхъ свѣдѣній не сообщалось, но, судя по тому, что на одномъ лѣвомъ флангѣ позиціи было обнаружено около полка пѣхоты, приходилось ихъ считать значительными.

Приказавъ резерву не спѣша продолжать движеніе по дорогѣ на Вафанвопэнъ, я самъ, съ сопровождавшимъ меня подпоручикомъ Мирнымъ, отправился впередъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Миновавъ наши четыре орудія, стоявшія на скатѣ западнѣе дороги и поддерживавшія энергичный огонь, мы проѣхали небольшую рощу, на южной опушкѣ которой уже свистали пули. Японцы стрѣляли съ вершины высокой скалистой сопки *(а)*, расположенной верстахъ въ двухъ къ юго-востоку. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ передъ нами, влѣво отъ дороги на Вафанвопэнъ, находилась высота *(б)*, на которой виднѣлись цѣпи Моршанцевъ; резервъ ихъ, укрываясь отъ фланговаго огня съ упомянутой сопки, прижался къ западному склону высоты близъ дороги.

Мы слѣзли съ лошадей и поднялись на высоту *(б)*. Здѣсь пули летѣли уже не только слѣва, но и съ

фронта въ южномъ направленіи. Тѣмъ не менѣе разсмотрѣть непріятеля было положительно невозможно. Я увидѣлъ лишь два-три окопа, да и то потому, что мнѣ ихъ указали. Однако, принимая во вниманіе рѣдкій огонь и отсутствіе артиллеріи, скорѣе можно было придти къ заключенію, что силы японцевъ немногочисленны. Осмотрѣвъ мѣстность, я вернулся въ рощу, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ навстрѣчу резерву.

Каково же было мое изумленіе, когда на дорогѣ его не оказалось. Подъѣхавшій въ это время штабсъ-капитанъ Зеньковичъ сообщилъ мнѣ, что командиръ бригады лично повернулъ резервъ назадъ и повелъ его занимать позицію на горахъ Цюйцзятунь—Коуцзятунь, отряду же подполковника Перфильева приказалъ вернуться на перевалъ Чендзятунь, а отряду полковника Петрова пріостановить наступленіе на Вафанвопэнъ. Я поскакалъ къ д. Цюйцзятунь и засталъ войска резерва и двѣ сибирскія батареи поднимающимися на горы. Тутъ же находился и генералъ Гласко, но капитана Пневскаго при немъ не было, такъ какъ съ началомъ боя онъ уѣхалъ въ отрядъ подполковника Перфильева.

Подъѣхавъ, я спросилъ, чѣмъ вызвана такая рѣзкая перемѣна въ дѣйствіяхъ. Гласко отвѣтилъ, что по собраннымъ свѣдѣніямъ противъ насъ находятся $2^1/_2$ японскія дивизіи и потому, не имѣя категорическаго приказанія о наступленіи, онъ не

можетъ рисковать. Я возразилъ, что, судя по личному моему наблюденію, силы противника въ долинѣ Вафанвопэнъ не должны быть значительны.

Въ то время, какъ все описанное происходило у насъ въ бригадѣ, генералъ Гернгроссъ, въ восьмомъ часу утра, перешелъ въ наступленіе съ тремя полками своей дивизіи.

Около 9 часовъ пріѣхалъ къ намъ состоявшій при штабѣ корпуса генеральнаго штаба полковникъ Запольскій. Гласко горько жаловался ему на отсутствіе опредѣленныхъ приказаній, разсказалъ о $2^1/_2$ японскихъ дивизіяхъ и о своихъ распоряженіяхъ. Полковникъ Запольскій вызвался разъяснить это дѣло и поскакалъ въ штабъ корпуса. Черезъ часъ онъ уже вернулся и сообщилъ, что баронъ Штакельбергъ приказалъ намъ энергично наступать, такъ какъ японцы на всемъ полѣ сраженія имѣютъ только восемнадцать баталіоновъ.

Получивъ, наконецъ, столь желанное точное приказаніе, генералъ Гласко воспрянулъ духомъ и тотчасъ же велѣлъ мнѣ съ двумя баталіонами Зарайскаго полка и полубатареей направиться на усиленіе отряда полковника Петрова, а одинъ баталіонъ съ полубатареей выслать въ распоряженіе подполковника Перфильева. Полтора баталіона стрѣлковъ и двѣ сибирскія батареи генералъ Гласко оставилъ въ своемъ распоряженіи.

Приказавъ баталіонамъ двигаться по дорогѣ на Вафанвопэнъ, я самъ поѣхалъ впередъ и нашелъ резервъ Моршанскаго полка, въ составѣ двухъ ротъ, на прежнемъ мѣстѣ, впереди рощи, у западнаго ската высоты *(б)*. При немъ находился полковникъ Петровъ, котораго я спросилъ о расположеніи остальныхъ его частей. Онъ отвѣтилъ, что три роты находятся въ боевой линіи на высотѣ влѣво отъ дороги, а двѣ роты высланы для овладѣнія упомянутой выше скалистой сопкой *(а)*. На послѣдней японцевъ было немного, кажется около полуроты, и тѣмъ не менѣе они держали подъ своимъ фланговымъ огнемъ всю долину Вафанвопэнъ и наносили нашимъ войскамъ главныя потери. Полковникъ Петровъ пробовалъ согнать ихъ оттуда артиллерійскимъ огнемъ, но безуспѣшно. Это одна изъ особенностей горной войны, гдѣ кучка стрѣлковъ, взгромоздившись на удачно выбранную гору, можетъ надѣлать непріятелю много хлопотъ.

Познакомившись съ обстановкой, я поставилъ свой 1-й баталіонъ за Моршанцами, въ видѣ общаго резерва, а 3-й баталіонъ развернулъ правѣе ихъ, между дорогой и западнымъ хребтомъ. При этомъ 9 и 10 роты цѣликомъ разсыпались въ цѣпь, а 11 и 12 роты составили баталіонный резервъ, укрывшійся за скатомъ высоты, рядомъ съ резервомъ Моршанцевъ. Командиръ баталіона подполковникъ

Сальковъ, желая повліять на духъ солдатъ, впервые вступавшихъ въ бой, остался при ротахъ разсыпанныхъ въ цѣпь, все время продолжая стоять совершенно открыто. Что касается 2 баталіона, то посланный мною подпоручикъ Мирный вывелъ его на правый флангъ боевого порядка, расположивъ на скатахъ западнаго хребта.

Полубатарея снялась съ передковъ позади цѣпей 3 баталіона и открыла огонь по позиціи непріятеля за д. Вафанвопэнъ. Ей стала отвѣчать, стоявшая гдѣ то въ южномъ направленіи, японская батарея, но шрапнели послѣдней давали черезчуръ высокіе разрывы. Желая возможно лучше и быстрѣе подготовить атаку, мы съ Петровымъ обратились къ генералу Гласко съ просьбой прислать намъ двѣ Сибирскія батареи. Вскорѣ онѣ прибыли и также открыли огонь.

Во время артиллерійской подготовки, когда Петровъ, Пневскій и я сидѣли при баталіонномъ резервѣ за скатомъ высоты, мы увидѣли приближавшагося къ намъ неизвѣстнаго полковника южнаго типа съ золотымъ знакомъ военнаго ордена на груди. Оказалось, что это былъ черногорецъ Поповичъ-Липовацъ, присланный барономъ Штакельбергомъ въ совѣтники генералу Гласко. Отрекомендовавшись «спеціалистомъ по горной войнѣ, участвовавшимъ въ двухстахъ сраженіяхъ», полковникъ прежъ-

де всего предложилъ намъ коньяку изъ висѣвшей у него черезъ плечо огромной фляги, а затѣмъ сталъ безпощадно критиковать весь способъ веденія войны противъ японцевъ. Ученые термины „стратегическій ключъ“, „коммуникація“, „операція“, „демонстрація“ такъ и сыпались у него съ языка, но попадали по большей части совсѣмъ не туда, гдѣ имъ полагается быть. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ безпорядочномъ потокѣ словъ проскальзывали отдѣльныя вѣрныя замѣчанія, относительно особенностей дѣйствій въ горахъ.

Немного спустя къ намъ прибыли генеральнаго штаба полковникъ Запольскій и капитанъ графъ Нироль, сообщившіе, что въ штабѣ корпуса съ нетерпѣніемъ ожидаютъ нашего наступленія. Капитанъ Пневскій пошелъ передать объ этомъ генералу Гласко, находившемуся за рощей. Тѣмъ временемъ Запольскій и Нироль — доблестные офицеры, впослѣдствіи сложившіе свои головы въ бою, вышли впередъ для того, чтобы осмотрѣть расположеніе непріятеля. Я пошелъ вмѣстѣ съ ними, но и на этотъ разъ услышалъ лишь свистъ пуль, а японцевъ не увидѣлъ.

На высотѣ недалеко за стрѣлковой цѣпью моршанцевъ, мнѣ неожиданно бросился въ глаза одинъ изъ врачей нашего бригаднаго лазарета — Мичинеръ, притаившійся въ небольшой рытвинѣ.

Я спросилъ его, зачѣмъ онъ здѣсь. „Хочу быть ближе, чтобы лучше наблюдать за выносомъ раненыхъ“ — отвѣтилъ онъ. Контуженный при Вафангоу въ ногу, докторъ Мичинеръ своимъ всегдашнимъ самоотверженнымъ, идеально-честнымъ отношеніемъ къ дѣлу заслужилъ общее уваженіе всей бригады.

Между тѣмъ Гласко придвинулъ къ рощѣ свой общій резервъ — баталіонъ 34-го и двѣ роты 2-го Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, а самъ пришелъ къ намъ. Въ часъ дня наши цѣпи начали наступленіе и около 2 ч. пополудни находились въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ дер. Вафанвопэнъ.

Однако въ это время *отъ генерала Гернгросса пришло приказаніе объ общемъ отступленіи,* причемъ наша бригада должна была прикрывать отходъ частей 1-й стрѣлковой дивизіи. Какъ мы узнали впослѣдствіи, это неожиданное распоряженіе было вызвано тѣмъ, что японцы обошли правый флангъ корпуса со стороны д. Лункоо. Наши части отступили въ полномъ порядкѣ. Непріятель насъ не преслѣдовалъ, а лишь провожалъ довольно рѣдкимъ огнемъ.

Во время отхода войскъ на меня была возложена особая задача. Дѣло въ томъ, что подполковникъ Перфильевъ прислалъ генералу Гласко слѣдующее тревожное донесеніе: „Стою на перевалѣ.

Обойденъ слѣва. Скоро буду и справа. Жду приказанія что дѣлать. Отступать не могу". Генералъ Гласко поручилъ мнѣ съ баталіономъ 34 полка и двумя ротами 2 полка очистить Перфильеву путь отступленія. Я двинулъ баталіонъ во флангъ японцамъ, обходившимъ Перфильева слѣва. Баталіонъ поднялся на горы и тотчасъ же началъ перестрѣлку. Двѣ роты я расположилъ въ окопахъ на скатѣ хребта сѣвернѣе д. Фучинфынь. Послѣ этого отрядъ Перфильева отошелъ благополучно. Впрочемъ въ настоящее время извѣстно, что противъ него дѣйствовали лишь части спѣшенной кавалеріи.

Въ бою при Вафангоу въ Зарайскомъ полку выбыло изъ строя 2 офицера и 57 нижнихъ чиновъ. Эта убыль почти цѣликомъ приходилась на 3 баталіонъ. Изъ офицеровъ были ранены капитанъ Яновъ и подпоручикъ Боголюбовъ. Потеря моршанцевъ составляла около 150 человѣкъ.

Послѣ отступленія наша бригада заняла позицію на горахъ Цюйцзятунь—Коуцзятунь и пропустила сквозь себя разстроенныя боемъ части 1-й стрѣлковой дивизіи. Затѣмъ, въ хвостѣ общей колонны мы двинулись на сѣверъ по дорогѣ черезъ Цхатинфанъ, Цунхэтанъ, Сатилуцзы, Гаоцзядянь и Тайцзы къ станціи Ванцзелинъ.

На пути я получилъ приказаніе выдвинуться версты на три къ востоку къ д. Шаузадянь и со-

ставить заслонъ противъ японцевъ, которые будтобы преслѣдуютъ насъ параллельно, съ восточной стороны; но полкъ не успѣлъ еще дойти до пункта назначенія, какъ это приказаніе было отмѣнено и мы опять присоединились къ колоннѣ.

Дорога пролегала извилинами по очень пересѣченной мѣстности, частью въ узкихъ, глубокихъ ущельяхъ. Вечеромъ прошелъ непродолжительный, но сильный дождь, распустившій дороги и поднявшій уровень воды въ быстрыхъ горныхъ ручьяхъ, пересѣкавшихъ намъ путь. Во время марша постоянно происходили остановки, вслѣдствіе закупорки тѣснаго пути повозками обоза и зарядными ящиками.

Подобное движеніе было очень утомительно, тѣмъ болѣе, что солдаты за этотъ день не получили ни обѣда, ни ужина, такъ какъ наши кухни, распоряженіемъ начальства, были заблаговременно отправлены въ тылъ. Мнѣ самому за цѣлыя сутки удалось выпить лишь кружку чаю.

Особенно много хлопотъ доставляли намъ раненые. Хотя ихъ было всего около двухсотъ человѣкъ, но лазаретныя двуколки полковъ и двуколки бригаднаго лазарета не могли забрать и этого количества. Кромѣ того везти въ тряскихъ двуколкахъ тяжело раненыхъ было невозможно. Ихъ несли на носилкахъ. Легко раненые брели сами.

Наконецъ, въ пятомъ часу утра 3 іюня, сдѣлавъ ночной переходъ въ 25 верстъ безъ большаго привала, мы подошли къ станціи Ванцзелинъ и стали бивакомъ въ верстѣ къ югу отъ нея.

Раненыхъ было приказано сдать въ санитарный поѣздъ, но вмѣсто него на станціи оказался лишь поѣздъ для перевозки скота. Выгребли изъ вагоновъ навозъ и положили туда несчастныхъ. Накормить ихъ было нечѣмъ. Впослѣдствіи я узналъ, что наши раненые ѣхали некормленными до самаго Ляояна, то есть оставались безъ горячей пищи трое сутокъ. Между тѣмъ въ Ванцзелинѣ стояло, передъ сраженіемъ, цѣлыхъ три подвижныхъ госпиталя, изъ коихъ баронъ Штакельбергъ разрѣшилъ открыть только одинъ, такъ какъ опасался, что они задержатъ отступленіе.

Утомленный физически и нравственно, я заснулъ какъ убитый, но черезъ два часа меня уже разбудили. Было получено приказаніе: Зарайскому полку съ батареей и сотней казаковъ повернуть обратно, выдвинуться примѣрно къ д. Тайцзы и образовать заслонъ противъ непріятеля наступающаго отъ Вафангоу. Я выбралъ хорошую позицію у д. Ванцзелинъ, въ пяти верстахъ къ югу отъ станціи. Мы окопались на ней; полусотня казаковъ была выслана на югъ и полусотня на востокъ; вскорѣ подошелъ Моршанскій полкъ и сталъ за нами въ ре-

зервѣ. Однако, непріятель и не думалъ наступать противъ насъ.

Наконецъ, около 4-хъ часовъ пополудни, было получено приказаніе оставить позицію и снова отойти къ станціи Ванцзелинъ. Бригада стала въ резервномъ порядкѣ. Подъѣхавшій генералъ Кондратовичъ познакомилъ насъ съ диспозиціей, согласно коей наша бригада должна была двигаться въ хвостѣ лѣвой колонны, направленной восточнѣе желѣзной дороги.

Тѣмъ временемъ прибыли кухни, но солдатамъ и на этотъ разъ не пришлось поѣсть. Откуда то было получено извѣстіе, что японцы наступаютъ съ запада, и мнѣ было приказано разсыпать цѣпь охотниковъ по кряжу западнѣе станціи. Казалось бы это нисколько не мѣшало остальному полку обѣдать, тѣмъ болѣе, что для раздачи пищи требовалось не болѣе получаса, но начальсто судило иначе и наши кухни были опять прогнаны.

Полкъ двинулся на сѣверъ, согласно диспозиціи, причемъ мнѣ было приказано, пройдя верстъ шесть, занять двумя баталіонами позицію на высотѣ къ югу отъ д. Лаоемяо, фронтомъ на западъ. Однако, едва голова полка отошла версту отъ станціи, какъ командиръ бригады получилъ записку (№ 82), подписанную барономъ Штакельбергомъ, въ которой говорилось: „Противникъ показался въ ущельи

д. Вэнцзятунь. Вамъ съ бригадой немедленно двинуться отъ станціи на д. Цзиньцзятунь и Вэнцзятунь и задержать выходъ противника изъ ущелья".

Генералъ Гласко приказалъ мнѣ выбрать въ указанномъ направленіи позицію и занять ее Зарайскимъ полкомъ съ казачьей батареей. Я повернулъ полкъ, а самъ съ командиромъ батареи поскакалъ впередъ на рекогносцировку.

Возвращаясь назадъ, я встрѣтилъ подполковника Запольскаго, который объяснилъ, что тутъ какое то недоразумѣніе, ибо въ д. Вэнцзятунь долженъ быть нашъ стрѣлковый полкъ. Запольскій передалъ мнѣ приказаніе продолжать движеніе, но не по дорогѣ, назначенной диспозиціей, а по пути на Гаоцзятунь и далѣе вдоль желѣзной дороги, западнѣе ея. Пріѣхавшій затѣмъ полковникъ Гурко нашелъ, что полкъ нужно раздѣлить на двѣ колонны, а вскорѣ послѣ этого приказано было ихъ опять соединить. Моршанцевъ кто то выдвинулъ въ видѣ заслона къ тянувшемуся на западѣ хребту.

Одновременно съ указанными приказаніями командиръ бригады тоже получалъ разныя противорѣчивыя распоряженія и непосредственно отъ себя отдавалъ приказанія баталіонамъ. Въ результатѣ бригада разбрелась и перемѣшалась. Батареи, оставшись безъ прикрытія и не зная что дѣлать, остановились, свернувшись въ резервный порядокъ. Стоило

немало труда, чтобы опять вытянуться въ походную колонну. Къ счастью непріятель и не думалъ насъ безпокоить.

Путь отступленія пролегалъ между желѣзной дорогой и тянувшимся къ западу отъ нея высокимъ лѣсистымъ хребтомъ. Дорога шла вдоль широкой и быстрой, но мелкой рѣчки, нѣсколько разъ переходя съ одного ея берега на другой. Наступила темная ночь, на западѣ вспыхивали зарницы, къ утру хлынулъ ливень.

Настроеніе было тревожное; надъ колонной висѣлъ какой то кошмаръ обхода съ запада; по всѣмъ ущельямъ хребта выставлялись заслоны; въ сосѣднихъ частяхъ нѣсколько разъ раздавалась паническая стрѣльба; даже вспышки зарницы многіе объясняли дѣйствіемъ прожекторовъ съ японскихъ кораблей. Люди уже два дня не получали горячей пищи и были измучены до послѣдней степени. Я самъ до того усталъ и ослабѣлъ, что на лошади ежеминутно засыпалъ, а при движеніи пѣшкомъ дремалъ на ходу.

На разсвѣтѣ, 4 іюня, мы вышли изъ горъ на равнину. Слѣва, верстахъ въ десяти, виднѣлось море. Въ 10 час. утра полкъ подошелъ къ Сюнечэну, сдѣлавъ ночной переходъ въ тридцать верстъ безъ привала. Встрѣтившій насъ офицеръ генеральнаго штаба передалъ приказаніе стать бивакамъ въ верстѣ къ югу отъ желѣзнодорожнаго моста.

Однако, едва мы успѣли разбить палатки и разыскать свои кухни, какъ было получено новое приказаніе: Зарайскому полку двинуться назадъ (верстъ на шесть по только что пройденному пути) къ д. Гуаньцзятунь, гдѣ занять позицію, составивъ опору для конницы генерала Самсонова. Приказавъ баталіонамъ раньше пообѣдать и потомъ уже выступить, я самъ поѣхалъ впередъ. Близь д. Гуаньцзятунь никакой позиціи не оказалось, такъ какъ эта мѣстность была окружена командующими высотами. Между тѣмъ ближе къ Сюнечэну, у д. Дацзыинъ, была прекрасная аріергардная позиція съ огромнымъ обстрѣломъ на фронтѣ и флангахъ. Встрѣченный мною генералъ Самсоновъ былъ того же мнѣнія и приказалъ мнѣ расположиться у д. Дацзыинъ.

Я поставилъ полкъ бивакомъ въ рощѣ передъ деревней, выдвинулъ на позицію дежурную часть, а фланги прикрылъ заставами. Казачья бригада съ артиллеріей стала за деревней. Пространство передъ фронтомъ наблюдалось: къ западу отъ желѣзной дороги—казачьимъ, а къ востоку — Приморскимъ драгунскимъ полками. О принятомъ расположеніи генералъ Самсоновъ послалъ донесеніе командиру корпуса.

Черезъ часъ было получено приказаніе перейти въ Гуаньцзятунь. Сняли палатки, запрягли обозъ, построились. Получается новая записка: остаться

въ Дацзыинѣ. Все это начинало уже походить на издевательство. Солдаты, потерявъ всякую вѣру въ приказанія, не хотѣли разбивать палатки. Самсоновъ, человѣкъ очень спокойный, также горько жаловался на то, какъ зря мотали кавалерію. Въ нѣкоторыхъ сотняхъ, въ теченіе послѣднихъ семи дней, лошади оставались неразсѣдланными.

Цѣлый день 4 іюня и въ ночь на 5 іюня ходили самые тревожные слухи: говорили, что японцы производятъ высадку гдѣ то въ окрестностяхъ Сюнечэна съ цѣлью обойти насъ съ запада, или, что они двигаются наперерѣзъ нашему пути отступленія съ востока. Нѣсколько разъ получались донесенія о какихъ то японскихъ полкахъ и батареяхъ, находящихся всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ.

Самсоновъ всѣмъ этимъ слухамъ и донесеніямъ не вѣрилъ, говоря, что японцы лишь слѣдятъ за нами кавалеріей, поддержанной небольшими пѣхотными частями и дѣйствительно, при провѣркѣ, полученныя тревожныя свѣдѣнія оказались невѣрными. Ихъ можно объяснить нервнымъ разстройствомъ, столь понятнымъ при извѣстной обстановкѣ, а также тѣмъ, что наши войска ничего не знали о сосѣднихъ частяхъ, вслѣдствіе чего постоянно принимали свои отступавшія войска за непріятеля. Во избѣжаніе паники Самсоновъ приказалъ предупредить лю-

дей, что ночью возможна бомбардировка нашего бивака съ японскихъ судовъ.

Къ утру 5 іюня, послѣ крѣпкаго сна, нервы въ значительной степени успокоились и дальнѣйшее отступленіе, внѣ сферы вліянія противника, произошло уже въ болѣе нормальныхъ условіяхъ, хотя путаница въ приказаніяхъ все еще продолжалась. Наконецъ, 9 іюня, мы стали бивакомъ близъ станціи Дашицяо и вздохнули свободно, выйдя изъ подчиненія барону Штакельбергу.

Тюренченъ и Вафангоу были первыми фактами, поколебавшими во мнѣ вѣру въ Куропаткина. Правда, въ арміи говорили, что эти бои были навязаны ему свыше. Однако, рождалось сомнѣніе, сможетъ ли онъ, при такой угодливости передъ Петербургомъ, выполнить свой, по идеѣ столь вѣрный планъ: уклоняться отъ серьезныхъ столкновеній съ противникомъ до тѣхъ поръ, пока изъ Россіи не будутъ привезены превосходныя силы и только тогда перейти въ рѣшительное наступленіе.

Расположеніе близъ Дашицяо и Хайчена.

Бивакъ у Дашицяо.—Раздача Георгіевскихъ крестовъ.—Австрійскій военный агентъ.—Поѣздка въ Инкоу.—Передвиженіе бригады въ Танчи.—Наводненіе.—Затрудненія въ довольствіи.—Работы на позиціяхъ.—Передвиженіе бригады къ Хайчену.—Бивакъ у д. Ванъ-эръ-Гуантунь.—Ожиданіе періода дождей.—Народное образованіе въ Манджуріи.—Прибытіе генерала Добржинскаго и его первый дебютъ.—Передвиженіе бригады къ д. Шаньчжу.—Торжественное заявленіе Куропаткина.—Китайскій судъ.—Общій переходъ японцевъ въ наступленіе.—Паника подъ Хайченомъ.—Движеніе бригады къ д. Таогуантунь.

(9 іюня—22 іюля).

Занятый нами 9 іюня бивакъ былъ расположенъ въ верстѣ къ юго-западу отъ станціи Дашицяо, на вспаханномъ полѣ, ограниченномъ желѣзно-дорожными путями, ведущими на Портъ-Артуръ и Инкоу.

Вечеромъ произошла торжественная раздача командующимъ арміей знаковъ отличія военнаго ордена. Для этого была выстроена вся бригада. Представленные нижніе чины вызваны впередъ. Скомандовали «на-краулъ». Куропаткинъ самъ раздавалъ кресты, послѣ чего обратился къ новымъ кавалерамъ съ рѣчью. Въ заключеніе бригада, съ командующимъ арміей во главѣ, прошла передъ

ними церемоніальнымъ маршемъ. Этотъ эффектный Скобелевскій пріемъ произвелъ на войска прекрасное впечатлѣніе. За бой при Вафангоу Зарайскому полку было дано по три креста на роту, всего 51 знакъ отличія. По окончаніи церемоніи начальники частей были приглашены генераломъ Куропаткинымъ на обѣдъ.

Въ этотъ день я познакомился съ австрійскимъ военнымъ агентомъ капитаномъ графомъ Шептицкимъ, котораго прикомандировали къ нашей бригадѣ. Шептицкій былъ отличный офицеръ, прекрасно понимавшій военное дѣло и фанатически ему преданный. Внимательно присматриваясь къ нашимъ недочетамъ, обнаружившимся на войнѣ съ особою ясностью, онъ, за нѣсколько мѣсяцевъ своего пребыванія у насъ, изучилъ русскія войска въ совершенствѣ. Къ тому же полякъ по рожденію — онъ глубоко ненавидѣлъ Россію, что у него иногда невольно прорывалось. Мнѣ до сихъ поръ непонятно—какъ можно было пускать такого знающаго и наблюдательнаго иностранца (нашего вѣроятнаго противника) въ самое сердце дѣйствующей арміи.

Остановкой у Дашицяо я воспользовался для того, чтобы ввести нѣкоторыя измѣненія въ организацію обоза. Недавній опытъ показалъ, что въ періодъ операцій почти не приходится видѣть обоза II разряда и потому I разрядъ долженъ быть совер-

шенно отъ него независимъ. Въ виду этого, послѣднему были приданы: кузница, фельдшеръ, шорникъ и плотникъ. Конскій составъ былъ подобранъ самый лучшій, образованъ запасъ изъ семи лошадей и все довольствіе ихъ поручено завѣдывающему оружіемъ.

Стоянка у Дашицяо была чрезвычайно непріятна вслѣдствіе того, что нашъ бивакъ находился на солнопекѣ и при малѣйшемъ вѣтрѣ окутывался цѣлыми облаками тонкой лёсовой пыли. Для развлеченія оставалось ходить на станцію, гдѣ всегда было огромное собраніе всевозможныхъ офицеровъ, врачей, чиновниковъ, корреспондентовъ и т. п. Большая буфетная комната была биткомъ набита и для того, чтобы дождаться заказаннаго кушанья, приходилось ждать цѣлые часы. Впрочемъ, для ѣды нужно было обладать полнымъ отсутствіемъ брезгливости. Никогда и нигдѣ не видѣлъ я такого количества мухъ, какъ на вокзалѣ въ Дашицяо. Потолокъ, стѣны, столы были покрыты толстымъ слоемъ ихъ, висячія лампы представляли какіе то живые шары, а въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ жужжанія. Въ то время, какъ китаецъ-лакей проносилъ тарелку съ кушаньемъ отъ буфета къ столу, мухи валились въ нее цѣлыми десятками.

Пользуясь затишьемъ военныхъ дѣйствій, я съ нѣсколькими зарайскими офицерами съѣздилъ по желѣзной дорогѣ въ гор. Инкоу, расположенный

въ двадцати верстахъ къ западу отъ Дашицяо, при впаденіи рѣки Ляохэ въ Ляодунскій заливъ. Вокзалъ отстоитъ отъ города верстъ на восемь. Мы проѣхали это разстояніе на лодкѣ внизъ по теченію. Рѣка, широкая и глубокая, оживлена множествомъ судовъ, но вмѣсто воды въ ней течетъ какой-то шоколадъ. Инкоу, крупный коммерческій портъ, изъ коего вывозятся всѣ произведенія богатой Манджуріи, имѣетъ почти европейскій видъ. Въ чистой, свободной отъ мухъ гостиницѣ насъ накормили обильнымъ обѣдомъ въ англійскомъ вкусѣ. При этомъ, для уменьшенія жары, особо назначенный китаецъ все время приводилъ въ движеніе висѣвшее надъ столомъ огромное опахало.

Вернувшись въ полкъ, я узналъ, что наша бригада включена въ составъ IV Сибирскаго корпуса и что намъ приказано перейти къ дер. Танчи, лежащей въ семнадцати верстахъ къ юго-востоку отъ Дашицяо. По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ штаба арміи, это передвиженіе вызывалось намѣреніемъ Куропаткина собрать войска для удара во флангъ Куроки, который будто бы шелъ отъ Фын-хуан-чена къ Сюнечену на соединеніе съ Оку.

Около полудня 13-го іюня мы прибыли въ Танчи и стали бивакомъ въ широкой долинѣ, на берегу небольшой, почти пересохшей рѣчки. Вскорѣ бивакъ посѣтилъ командиръ корпуса. Послѣ той

суетливости, которую мы видѣли у Штакельберга, Зарубаевъ и его штабъ, своимъ спокойствіемъ и уравновѣшенностью, произвели на насъ весьма благопріятное впечатлѣніе.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, насъ двинули далѣе на юго-востокъ къ дер. Кутяцзы, отстоящей отъ Танчи на девять верстъ. Здѣсь мы простояли цѣлый день въ ожиданіи того, что насъ потребуютъ въ бой. Впереди, въ нѣсколькихъ верстахъ, раздавались артиллерійскіе выстрѣлы. Это передовой отрядъ генерала Мищенко перестрѣливался у Сяхатана съ японцами. Къ вечеру прибылъ корпусный командиръ, проведшій весь день на позиціи, и приказалъ намъ стать бивакомъ.

Выяснилось, что Мищенко имѣлъ дѣло лишь съ незначительнымъ японскимъ отрядомъ, который отступилъ. Тогда стали говорить, что Куроки совсѣмъ не идетъ на соединеніе съ Оку, а наоборотъ второй движется къ первому. Затѣмъ, пришли къ заключенію, что они совсѣмъ не соединяются. Наконецъ, изъ штаба корпуса Пневскій принесъ извѣстіе, что Куроки энергично наступаетъ на Хайченъ и уже оттѣснилъ отрядъ генерала Левестама съ Далинскаго перевала (?). Однимъ словомъ, мы все время были какъ въ потьмахъ.

На слѣдующій день, 15-го іюня утромъ, бригада выступила обратно въ Танчи. День былъ пасмурный.

Вдали, въ горахъ, слышались раскаты грома. На полпути, когда полкъ шелъ по глубокому ущелью, начался дождь, вскорѣ обратившійся въ ливень. Небольшой ручей, вдоль котораго пролегала дорога, тотчасъ же выступилъ изъ береговъ и совершенно залилъ ее. Къ счастью, свои обозы I разряда мы успѣли продвинуть въ Танчи еще до дождя. Полкъ свернулъ съ дороги влѣво и двинулся по скатамъ ущелья, пересѣкая на пути бурные потоки, низвергавшіеся съ горъ. Мѣстами напоръ воды былъ такъ великъ, что людей сбивало съ ногъ.

Когда, идя съ охотниками впереди полка, я вышелъ изъ ущелья, то увидѣлъ, что долина у Танчи, на которой мы недавно стояли бивакомъ, обратилась въ быструю, полноводную рѣку, шириною болѣе полуверсты. Волны кофейнаго цвѣта поднимались аршина на полтора. Штабсъ-капитанъ Ивановъ приказалъ одному охотнику поискать брода, но у самого берега лошадь была моментально опрокинута теченіемъ и ее едва удалось спасти. Какъ впослѣдствіи выяснилось, глубина вдоль русла рѣки была около четырехъ аршинъ, а въ ямахъ еще больше.

Я собралъ полкъ на небольшой высотѣ, гдѣ мы простояли до 4-хъ часовъ пополудни. Къ этому времени вода значительно спала и я переправился съ конными охотниками, за которыми перешла пѣшая

охотничья команда по грудь въ водѣ. Баталіоны начали переправу часа два спустя, когда вода была уже ниже пояса.

Слѣдовавшую за полкомъ артиллерію ливень засталъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья, когда она проходила по углубленной дорогѣ. Вода, увлекая за собою камни, хлынула водопадами съ двухъ сторонъ. Испугавшіяся лошади стали биться, путаться въ постромкахъ и падать, причемъ шесть изъ нихъ утонуло.

По прибытіи въ Танчи, я узналъ о бѣдствіи, постигшемъ наши обозы II разряда. Большая часть обоза Моршанскаго полка стояла въ глубокой ложбинѣ ручья, протекавшаго черезъ деревню. Когда начался ливень, то по совѣту китайцевъ стали запрягать повозки, но было уже поздно. Вода двигалась внизъ по долинѣ сплошной стѣной. Вскорѣ всѣ повозки, часть лошадей, волы и даже нѣсколько человѣкъ обозныхъ были снесены теченіемъ. У моста, находившагося въ южной части деревни, образовался огромнѣйшій заторъ. Вода била поверхъ его. Сила напора была такъ велика, что мостъ, построенный на каменныхъ устояхъ, не выдержалъ и часть его была разрушена.

При этомъ произошелъ слѣдующій случай: часовой у денежнаго ящика Моршанскаго полка, рядовой Иванъ Кузенко, не желая оставить свой постъ,

быстро скинулъ одежду и съ ружьемъ въ рукѣ бросился въ воду вслѣдъ за уплывавшимъ ящикомъ. Послѣдній былъ забитъ теченіемъ подъ самый низъ общей кучи, Кузенко же, сильно помятый и окоченѣвшій, барахтался наверху ея до тѣхъ поръ, пока разводящій не снялъ его съ поста.

Зарайскій полкъ отдѣлался сравнительно легко, потерявъ запасъ сушеныхъ овощей на двѣ недѣли, около 1000 банокъ консервовъ и небольшое количество сахару и другихъ продуктовъ.

Счастье, что описанный ливень не хлынулъ ночью, когда вся бригада, вслѣдствіе незнанія мѣстныхъ условій, такъ неосторожно стояла въ долинѣ, на самомъ берегу ручья!!

По прибытіи въ Танчи солдаты были размѣщены по фанзамъ и занялись сушкой одежды и снаряженія. Послѣднее можно было сдѣлать только подъ крышей, такъ какъ погода въ ближайшіе дни установилась дождливая и при сильной жарѣ въ воздухѣ нестерпимо парило.

Между тѣмъ генералъ Зарубаевъ, находя размѣщеніе въ деревнѣ (дѣйствительно довольно грязной) негигіеничнымъ, потребовалъ, чтобы полки были поставлены биваномъ. Напрасно мы указывали на дождливое время и обѣщали вычистить фанзы, командиръ корпуса остался непреклоннымъ.

Полкъ былъ поставленъ бивакомъ на вспаханномъ глинистомъ полѣ близъ деревни. Едва успѣли разбить палатки, какъ хлынулъ дождь, обратившій всю мѣстность вокругъ въ сплошное вязкое болото. Я распорядился закупить какъ можно больше гаоляновой соломы на подстилку, но это былъ лишь паліативъ. На слѣдующій же день появились больные простудой и животомъ. Послѣдняя болѣзнь характеризовалась рвотой, поносомъ и сильной рѣзью въ желудкѣ. Впрочемъ, она продолжалась недолго и больные вылѣчивались, оставаясь въ полку.

Продовольствіе вызывало большія затрудненія. Разстояніе отъ Танчи до Дашицяо, гдѣ находились продовольственный магазинъ и хлѣбопекарня, было всего семнадцать верстъ, но отъ топкой грязи дорога сдѣлалась почти непроходимой для повозокъ.

Командующій арміей приказалъ немедленно приступить къ организаціи вьючнаго обоза, заведя на каждый полкъ по 100 вьючныхъ сѣделъ. Однако, исполненіе этого приказанія требовало времени. Между тѣмъ, послѣ возвращенія изъ Кутяцзы въ Танчи, у насъ оставалось въ неприкосновенномъ запасѣ на людяхъ и въ обозѣ II разряда, вмѣсто узаконенныхъ четырехъ раціоновъ сухарей, всего два раціона, а затѣмъ пришлось расходовать и этотъ остатокъ. Корпусный интендантъ обѣщалъ намъ помочь и приказалъ командиру обознаго баталіона под-

везти хлѣбъ и сухари, но это распоряженіе осталось лишь на бумагѣ вслѣдствіе отсутствія въ баталіонѣ свободныхъ повозокъ.

Видя, что на помощь интендантства расчитывать нельзя, я велѣлъ выдѣлить изъ обоза II разряда, передвинутаго въ Дашицяо, тридцать двуколокъ, запряженныхъ парами. Посредствомъ непрерывнаго круговорота этихъ повозокъ, съ огромными затрудненіями, мы стали подвозить себѣ хлѣбъ для текущаго довольствія. Пополнить же неприкосновенный сухарный запасъ ($2^1/_2$ дневный на людяхъ и $1^1/_2$ дневный въ обозѣ II разряда) намъ не удалось, потому что въ магазинѣ въ Дашицяо не было ни одного сухаря.

Для того, чтобы выйти изъ этого затрудненія, бригадный командиръ приказалъ обозу III разряда, возившему сухарей на четыре дня: перейти изъ Хайчена въ Дашицяо и передать во II разрядъ $1^1/_2$ дневный сухарный запасъ; затѣмъ, освободить наибольшее число двуколокъ, запряженныхъ парами, присоединивъ къ нимъ двадцать такихъ же двуколокъ изъ бригаднаго лазарета и, нагрузивъ на эти повозки $2^1/_2$ дневный запасъ сухарей, перевезти его къ полкамъ въ Танчи. Сухарный запасъ обоза III разряда былъ впослѣдствіи пополненъ сухарями, доставленными по желѣзной дорогѣ изъ Ляояна, для полученія коихъ въ тамошній продовольственный магазинъ былъ командированъ офицеръ.

Что касается другихъ предметовъ довольствія, то чумизную крупу для каши, приготовляемой попрежнему два раза въ день, мы скупали небольшими партіями по окрестнымъ деревнямъ и перевозили на повозкахъ обоза I разряда; тамъ же пріобрѣтали мы и свиней; крупный рогатый скотъ у насъ былъ въ своемъ гуртѣ; въ пищу употреблялась въ изобиліи свѣжая китайская капуста. Сахаръ, который интендантство отпускало весьма неаккуратно, былъ привезенъ изъ Инкоу, причемъ людямъ выдано и недополученное за прошлое время количество.

Такимъ образомъ, довольствіе не было уменьшено, но это достигалось крайне напряженною работою обоза, которая, при имѣвшемся для лошадей скудномъ кормѣ, состоявшемъ изъ соломы и небольшого количества жмыховъ, долго продолжаться не могла. Вообще въ эти дни мы узнали, что значитъ въ Манджуріи, въ ненастное время, удалиться отъ линіи желѣзной дороги хотя бы на небольшое разстояніе.

Тяжесть нашего положенія въ Танчи увеличивалась еще неопредѣленностью: нѣсколько разъ насъ предупреждали изъ штаба арміи о предстоявшихъ передвиженіяхъ, но потомъ они отмѣнялись; два раза мы даже успѣвали выступить и затѣмъ возвращались обратно. О непріятелѣ попрежнему ничего не было извѣстно кромѣ фантастическихъ слуховъ. Такъ напримѣръ, разсказывали, что японскій главно-

командующій маркизъ Ойяма со всѣмъ штабомъ и большей частью осадной артиллеріи, назначенной для обстрѣливанія Портъ-Артура, потопленъ нашей эскадрой (?!).

Двадцать перваго іюня, 1-й и 3-й баталіоны Зарайцевъ были отправлены на работы по укрѣпленію Наньдалинской позиціи (въ пяти верстахъ къ юго-востоку отъ Дашицяо), а утромъ 24 іюня туда же выступили 2-й и 4-й баталіоны. Полкъ сталъ по квартирамъ въ большой деревнѣ Цяньчжайцзы, на полпути между Танчи и Дашицяо.

На слѣдующій день утромъ, я поѣхалъ въ штабъ арміи, находившійся въ это время на станціи Дашицяо. Тамъ мнѣ сказали, что нашу бригаду скоро передвинутъ обратно въ Ляоянъ на соединеніе съ своимъ корпусомъ, голова коего подходитъ. Кромѣ того я узналъ, «что группировка японскихъ силъ уже выяснилась, а именно—четыре дивизіи противъ Штакельберга, три дивизіи восточнѣе Хайчена, три дивизіи противъ Ляояна и двѣ или три дивизіи около Портъ-Артура; что Куропаткинъ хочетъ сосредоточиться къ Ляояну, а Алексѣевъ требуетъ не удаляться отъ Портъ-Артура, вслѣдствіе чего происходятъ колебанія и напрасныя передвиженія войскъ».

Въ полкъ прибыло укомплектованіе: фельдфебелей—12, старшихъ унтеръ-офицеровъ—80, младшихъ

унтеръ-офицеровъ — 55, ефрейторовъ — 107, рядовыхъ — 369.

Двадцать шестого іюня, послѣ нѣсколькихъ противорѣчивыхъ распоряженій изъ штаба арміи и штаба корпуса, было получено приказаніе Куропаткина совершенно снять бригаду съ работъ по укрѣпленію Наньдалинской позиціи. Въ этотъ же день пришло предложеніе интенданта IV Сибирскаго корпуса, получить отъ него въ Танчи: 260 пудовъ сухарей, 113 пудовъ ячменя и 60 пудовъ консервовъ. Иначе говоря, грузъ перевезенъ изъ Дашицяо въ Танчи, а теперь его нужно везти обратно. Конечно, мы отъ этого щедраго дара отказались.

Утромъ, согласно распоряженія штаба арміи, бригада перешла изъ Цяньчжайцзы къ дер. Синминьтунь, въ четырехъ верстахъ къ западу. Едва полкъ успѣлъ стать бивакомъ, какъ было получено требованіе генерала Величко выслать три баталіона рабочихъ къ Наньдалинской позиціи, то есть туда, откуда мы только что ушли. Видя въ этомъ недоразумѣніе, Гласко послалъ записку въ штабъ арміи, изъ коего былъ полученъ отвѣтъ, что рабочихъ давать не слѣдуетъ, такъ какъ завтра бригада должна выступить въ Хайченъ.

Вечеромъ генералъ Харкевичъ сообщилъ Пневскому подробности этого передвиженія. Оказалось, что для введенія японцевъ въ заблужденіе о нашихъ

силахъ, мы должны были совершить первый переходъ отъ Синминьтуня до дер. Хэцзятунь, всего на протяженіи восьми верстъ, особымъ способомъ, двигаясь побаталіонно по нѣсколькимъ дорогамъ; затѣмъ уже, дальнѣйшій путь до Хайчена, въ двадцать восемь верстъ, бригада должна была пройти въ одной колоннѣ, по пути, пролегающему вдоль желѣзно-дорожнаго полотна.

Съ разсвѣтомъ 28-го іюня, баталіоны съ артиллеріей выступали изъ дер. Синминьтунь, съ промежутками въ тридцать минутъ, по двумъ дорогамъ. Въ движеніи эшелоны, конечно, слились и кромѣ безпорядка ничего не получилось. И кого только думали обмануть такими дѣтскими хитростями!

Вечеромъ мы получили изъ штаба арміи извѣстіе, что простоимъ въ Хэцзятунѣ довольно долго. Сообразно съ этимъ были сдѣланы хозяйственныя распоряженія. Однако, около полуночи пришло новое приказаніе: на слѣдующій день продолжать движеніе на сѣверъ. Въ полдень 30-го іюня мы подошли къ Хайчену и стали на привалѣ у станціи. Тутъ намъ сообщили, что бригада должна расположиться бивакомъ у дер. Ванъ-эръ-Гуантунь, въ девяти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ города.

Въ это же время было получено приказаніе командующаго арміей: всѣмъ войскамъ, въ виду наступающаго періода дождей, устроиться возможно

удобнѣе. Съ этою цѣлью рекомендовалось размѣстить солдатъ въ палаткахъ, снабдивъ ихъ достаточнымъ количествомъ подстилки; для того же, чтобы дать имъ возможность поочередно обсушиться,—отвести на каждую часть по нѣсколько фанзъ.

Считая, что въ дождливое время года самая скверная крыша гигіеничнѣе самаго лучшаго бивака, я собирался придать послѣднему указанію распространительное толкованіе; но осуществить это благое намѣреніе мнѣ не удалось, такъ какъ дер. Ванъ-эръ-Гуантунь, въ противоположность общему типу китайскихъ селеній этого раіона, оказалась небольшой и небогатой. Въ восточной трети ея, отведенной для Зарайскаго полка, было всего четыре порядочныхъ фанзы: изъ нихъ одну занялъ генералъ Гласко съ своимъ управленіемъ, другая была отведена для меня со строевой канцеляріей (хозяйственная часть расположилась отдѣльно отъ полка), въ остальныхъ же двухъ помѣстились лазаретъ и околотокъ. Затѣмъ, оставалось еще нѣсколько крошечныхъ фанзъ, которыхъ не хватало даже для офицеровъ.

Въ трехъ колодцахъ, имѣвшихся въ нашей части деревни, воды для людей было недостаточно. Для того, чтобы помочь въ этомъ отношеніи, я приказалъ разрыть нѣсколько ключей въ поросшемъ деревьями оврагѣ, лежавшемъ у южной окраины селе-

нія и устроить бассейны, обложенные камнемъ. Обозы I и II разрядовъ, подъ прикрытіемъ одной роты, я выдвинулъ на высокій берегъ небольшой рѣчки, протекавшей въ верстѣ впереди деревни. Кромѣ близости водопоя, такое расположеніе было выгодно и въ санитарномъ отношеніи, потому что удаляло съ бивака нѣсколько сотъ лошадей. Охотничья команда была поставлена въ небольшой деревушкѣ, въ полутора верстахъ къ юго-востоку отъ нашего расположенія, на берегу той же рѣчки.

Самое мѣсто бивака, непосредственно впереди деревни, было удобно, такъ какъ находилось на легкомъ скатѣ, причемъ половина солдатскихъ и всѣ офицерскія палатки стояли подъ деревьями. Внутренность палатокъ была устлана толстымъ слоемъ гаоляна, покрытаго циновками. Каждая палатка окопана небольшими канавами, и кромѣ того черезъ весь бивакъ проведены магистральныя канавы, отводившія воду въ лежавшій позади оврагъ. Въ одной изъ фанзъ устроили для офицеровъ баню, а для солдатъ вмазали нѣсколько котловъ на берегу рѣки. Послѣднее было очень полезно, потому что давало возможность вымыться въ горячей водѣ, а главное уничтожить насѣкомыхъ, ошпаривъ бѣлье кипяткомъ.

Довольствіе людей не вызывало затрудненій: подрядчикъ-китаецъ взялся поставлять мясо (говядину и

свинину) на все время нашего пребыванія въ окрестностяхъ Хайчена; печеный хлѣбъ мы получали отъ интендантства; чумизную крупу, рисъ и зелень покупали на мѣстѣ; запасъ сахару былъ доставленъ изъ Инкоу.

Для того, чтобы обезпечить себя топливомъ для варки пищи и кипяченія воды, мы скупили по окрестнымъ деревнямъ большое количество гаоляновыхъ стеблей, которые были сложены въ скирды близъ бивака.

Гораздо больше хлопотъ причиняло довольствіе лошадей. На мѣстѣ ничего нельзя было достать кромѣ чумизной соломы; интендантство же отпускало зерновой фуражъ лишь въ небольшомъ количествѣ. Для покупки ячменя пришлось командировать офицера въ Инкоу.

При различныхъ покупкахъ въ Манджуріи, когда въ качествѣ оправдательныхъ документовъ требовались росписки продавцевъ, мы къ изумленію своему увидѣли, что всѣ китайцы грамотны. Это совершенно противорѣчило общераспространенному въ Россіи мнѣнію, будто китайская грамотность, по чрезвычайной своей трудности, доступна только ученымъ. Тутъ оказалось простое недоразумѣніе; знаніе классическаго письма, состоящаго изъ огромнаго числа іероглифовъ, дѣйствительно составляетъ удѣлъ лишь немногихъ, но наряду съ

нимъ существуетъ обиходная скоропись, которую знаютъ рѣшительно всѣ. Въ Манджуріи имѣется масса, устроенныхъ безъ всякаго участія правительства, небольшихъ начальныхъ школъ—семейныхъ, общинныхъ и частныхъ, въ которыхъ дѣти изучаютъ чтеніе, письмо, ариѳметику, основы морали и правила приличія. Такимъ образомъ, если Китай далеко отсталъ отъ Европы въ области науки и техники, то въ дѣлѣ начальнаго образованія онъ стоитъ наряду съ самыми передовыми странами.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я осмотрѣлъ обувь. Оказалось, что полку нужно 1800 паръ сапогъ. Для удовлетворенія этой потребности было выписано изъ полкового склада въ Харбинѣ 828 паръ, изъ обоза III разряда взято 544 пары и изъ обоза II разряда имѣвшіеся тамъ 300 паръ. Недостающее число было пополнено покупкой второй пары сапогъ у запасныхъ, принесшихъ съ собой двѣ пары. Затѣмъ, было послано требованіе въ интендантство объ отпускѣ готовыхъ сапогъ по сроку слѣдующаго 1905 года. Наконецъ, былъ командированъ офицеръ въ Харбинъ для закупки матеріаловъ, необходимыхъ для починки сапогъ, а по возможности и готовой обуви.

Вообще я рѣшилъ, ко времени возобновленія военныхъ дѣйствій (послѣ періода дождей), снабдить каждаго солдата одной новой парой сапогъ и сверхъ

того образовать въ полковомъ складѣ въ Харбинѣ запасъ обуви, изъ коего можно было бы подвозить сапоги по мѣрѣ надобности. Давать вторую пару на руки солдатамъ не стоило, такъ какъ опытъ показалъ, что во время тяжелыхъ переходовъ ее все равно бросаютъ.

Изъ предметовъ одежды сильно истрепались шаровары. Кромѣ того грубое сукно, изъ коего они были сдѣланы, являлось совершенно неподходящимъ матеріаломъ для знойнаго и влажнаго Манджурскаго лѣта, вызывая накожныя болѣзни. Я приказалъ купить синей китайской матеріи и сдѣлать изъ нея штаны всему полку. Этотъ матеріалъ отличался легкостью и замѣчательной прочностью. Единственный его недостатокъ заключался въ томъ, что онъ линялъ.

Между тѣмъ въ жизни полка произошла крупная перемѣна. Около полудня 2 іюля я увидѣлъ, остановившуюся въ верстѣ передъ фронтомъ нашего бивака, группу всадниковъ, съ нѣсколькими повозками. Я послалъ ординарца узнать—кто это такое? Оказалось—только что прибывшій начальникъ нашей дивизіи генералъ-лейтенантъ Добржинскій со штабомъ. Я велѣлъ подать себѣ лошадь и, вмѣстѣ съ капитаномъ Пневскимъ, поѣхалъ представиться ему. Выяснилось, что генералъ Добржинскій ищетъ селеніе Янтай, гдѣ предполагаетъ расположить штабъ

дивизіи и подходившую 1-ю бригаду. Мы показали ему эту деревушку, находившуюся верстахъ въ двухъ позади нашего бивака, у подошвы отдѣльной остроконечной горы.

Добржинскій сообщилъ мнѣ, что онъ уже приказалъ обозу Зарайскаго полка, стоявшему впереди на берегу рѣчки, уйти за бивакъ, такъ какъ отдѣльное расположеніе его опасно. На это я возразилъ, что мы стоимъ въ глубокомъ тылу, позади не только дивизіонныхъ обозовъ Сибирскихъ корпусовъ, но даже транспортовъ и что при моемъ полковомъ обозѣ находится къ прикрытіи цѣлая рота. Однако, это объясненіе не подѣйствовало.

Кромѣ того Добржинскій отдалъ приказаніе, чтобы люди, отправлявшіеся съ бивака на рѣчку для стирки бѣлья, обязательно брали съ собою ружья и патронныя сумки. „Больше пока ничего не могу замѣтить“,—сказалъ онъ и отправился въ селеніе Янтай.

Часа черезъ два, найдя это селеніе неудобнымъ, Добржинскій возвратился и потребовалъ, чтобы для штаба дивизіи отвели фанзу въ дер. Ванъ-эръ-Гуантунь, въ раіонѣ Зарайскаго полка. Подошедшая къ этому времени 1-я бригада стала бивакомъ къ юго-востоку отъ деревни, по другую сторону Мандаринской дороги. Генералъ Гласко доложилъ, что въ раіонѣ Зарайскаго полка подходящаго помѣщенія нѣтъ. Добржинскій стоялъ на своемъ. Тогда я предложилъ

ему занять отдѣльную фанзу, въ которой помѣщалась хозяйственная канцелярія нашего полка. Эта фанза находилась въ интервалѣ между двумя кварталами деревни Ванъ-эръ-Гуантунь, занятыми артиллеріей и Зарайцами, всего шагахъ въ трехстахъ отъ насъ. Имѣя огромный дворъ съ сараями и навѣсами, она была какъ бы нарочно создана для помѣщенія штаба. Несмотря на это, Добржинскій заявилъ, что признаетъ такое изолированное квартированіе рискованнымъ и потому помѣститъ въ этой фанзѣ лишь лошадей и обозъ, а самъ займетъ фанзу генерала Гласко. Такимъ образомъ, послѣдній съ австрійскимъ агентомъ графомъ Шептицкимъ были выселены безъ всякихъ церемоній и помѣстились въ какой то лачугѣ, гдѣ Добржинскій въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ имъ официальный визитъ.

Тотчасъ же по водвореніи на новомъ мѣстѣ, начальникъ дивизіи велѣлъ наряжать для своей охраны особый караулъ. Этому караулу, оцѣплявшему фанзу со всѣхъ сторонъ, между прочимъ вмѣнялось въ обязанность выставлять къ воротамъ двухъ часовыхъ, которые должны были пропускать во дворъ лишь людей имъ лично извѣстныхъ, у всѣхъ же остальныхъ предварительно спрашивать „пропускъ“, спеціально устанавливаемый для этой цѣли на каждый день. Эта нелѣпая мѣра оказалась крайне стѣснительной, особенно потому, что означенный

„пропускъ“ намъ своевременно не сообщали, а нижніе чины одного полка не знали въ лицо офицеровъ другого. Обыкновенно приходилось вызывать адъютанта по хозяйственной части капитана Кучкеля, который давалъ часовымъ приказаніе пропустить. Курьезнѣе всего было то, что китайцы — хозяева фанзы и ихъ многочисленные посѣтители проходили безпрепятственно.

На слѣдующій день утромъ, генералъ Добржинскій произвелъ объѣздъ биваковъ дивизіи. Проѣзжая по фронту Зарайскаго полка, онъ скомандовалъ одному изъ жалонеровъ „на руку“. Послѣдній не взялъ. Тогда Добржинскій повторилъ команду и когда жалонеръ на этотъ разъ исполнилъ, то сдѣлалъ ему замѣчаніе, что жалонеры „на руку“ не берутъ.

Послѣ этого полкъ былъ построенъ покоемъ и начальникъ дивизіи, въѣхавъ въ середину, передалъ привѣтъ Государя Императора и Великаго Князя Сергѣя Александровича. Затѣмъ, высокопарнымъ языкомъ, совершенно непонятнымъ для солдатъ и столь противнымъ духу русскаго человѣка, онъ началъ произносить заблаговременно приготовленную рѣчь. При этомъ ему хотѣлось, чтобы солдаты въ одномъ мѣстѣ отвѣчали „постараемся“ въ другомъ— „покорнѣйше благодаримъ“, въ третьемъ кричали „ура“ и т. д. Однако вслѣдствіе того, что ораторъ выражался очень темно и не дѣлалъ остановокъ

тамъ гдѣ нужно, солдаты или отвѣчали совершенно невпопадъ, или же попросту молчали. Придя въ раздраженіе, Добржинскій началъ имъ подсказывать: выпуститъ какую нибудь витіеватую фразу и потомъ вполголоса суфлируетъ — «кричите ура», «благодарите» и т. п.

Окончивъ свою рѣчь, начальникъ дивизіи отправился въ другіе полки произносить то же самое, послѣ чего снова вернулся къ намъ, смотрѣлъ обозъ и въ одной кухнѣ пробовалъ пищу. Въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ: „я уже раньше зналъ, что Зарайскій полкъ, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи въ большомъ порядкѣ, но то, что я видѣлъ, превзошло мои ожиданія".

Затѣмъ, онъ началъ разсыпаться въ комплиментахъ по поводу моихъ сочиненій и лекцій и, по своему обыкновенію безпрерывно кланяясь, увѣрялъ меня въ томъ, что я для дивизіи сущій кладъ.

Первымъ послѣдствіемъ описаннаго объѣзда явилось желаніе Добржинскаго выровнять по одной линіи биваки дивизіи, для чего нашей бригадѣ пришлось бы сдѣлать захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ. Тщетно мы доказывали, что такое математическое равненіе совершенно ненужно. Добржинскій стоялъ на своемъ. Единственная уступка, которую онъ сдѣлалъ, заключалась въ томъ, чтобы 2-я бригада, какъ прочно устроившаяся, осталась на мѣ-

стѣ, а назадъ подалась первая бригада, только что пришедшая. Вслѣдствіе такого распоряженія, Нѣжинскій и Болховскій полки были совершенно напрасно удалены отъ находившихся передъ ихъ фронтомъ рѣчки и деревни.

Къ 4 часамъ пополудни Добржинскій приказалъ собрать передъ фронтомъ бивака всѣхъ офицеровъ нашей бригады и по четыре унтеръ-офицера отъ каждой роты. Приглашены были и артиллеристы. Сдѣлавъ вступленіе на тему о томъ, какъ неудобно передавать приказанія полевыми записками и черезъ ординарцевъ, Добржинскій заявилъ, что имъ выработанъ болѣе совершенный способъ — сигнализація флагами. Я думалъ, что онъ покажетъ намъ нѣсколько простыхъ условныхъ знаковъ, подобно тому, какъ это уже было принято въ Зарайскомъ полку, но вышло не то. Добржинскій раскрылъ таблицу сигналовъ, изданную имъ въ Рязани передъ выступленіемъ въ походъ, взялъ складной желтый флагъ и началъ сигнализировать. Оказалось, что сигналовъ нѣсколько десятковъ и что стоитъ ошибиться въ одномъ подъемѣ руки, чтобы значеніе сигнала сдѣлалось діаметрально противоположнымъ, напримѣръ: два подъема лѣвой руки—„впередъ“, а три—„назадъ“; четыре подъема — „направо“, а пять — „налѣво“. Было очевидно, что такая сложная и путанная сигнализація совершенно непримѣнима въ боевой об-

становкѣ, да и обучать ей было уже поздно. Тѣмъ не менѣе авторъ былъ весьма доволенъ и заявилъ, что иначе какъ сигналами онъ съ бригадными и полковыми командирами сноситься не будетъ.

Затѣмъ, Добржинскій познакомилъ насъ со своими тактическими взглядами. Для меня стало ясно, что передъ отправленіемъ на войну онъ прочелъ нѣсколько новыхъ книжекъ и заимствовалъ оттуда кое какія мысли, но, со свойственнымъ ему тупымъ усердіемъ, даже безусловно вѣрное сумѣлъ развить до абсурда.

Прежде всего онъ объяснилъ, что назначеніе охотничьихъ командъ заключается въ развѣдкѣ, а не въ боѣ и потому, если какая нибудь команда вступитъ въ бой, то онъ немедленно отрѣшитъ отъ должности ея начальника. На это я возразилъ, что бываютъ случаи, когда нужныя свѣдѣнія нельзя добыть иначе какъ боемъ, напримѣръ: приходится оттѣснить заставу, захватить постъ, произвести нечаянное нападеніе и т. п. Добржинскій отвѣтилъ: „тогда нужно вызвать роту“. На подобное замѣчаніе, очевидно, возражать было нечего.

Указавъ на большія потери въ командномъ составѣ, Добржинскій заявилъ, что онѣ происходятъ оттого, что начальники слишкомъ рискуютъ. Ввиду этого онъ категорически приказалъ: командирамъ полковъ держаться отнюдь не ближе полковыхъ резервовъ,

а баталіоннымъ командирамъ—не ближе баталіонныхъ резервовъ. По его словамъ, если даже солдаты и офицеры откажутся идти впередъ, то и тогда полковой командиръ долженъ остаться назади и лишь „покрыться краской стыда за то, что въ мирное время такъ скверно подготовилъ свою часть“ (?!).

Ротнымъ командирамъ было рекомендовано находиться не за серединой, а всегда за флангомъ своей цѣпи. Какъ будто бы начальникъ, особенно такой мелкій, можетъ постоянно оставаться на одномъ мѣстѣ!

Указанъ особый способъ обороны полевыхъ укрѣпленій, а именно: когда непріятель начнетъ лѣзть на брустверъ, то для встрѣчи его не вскакивать на насыпь, а отбѣжать шаговъ на десять назадъ, выстроиться и дать залпъ. Подумаешь, какая методика въ такую минуту?!

Наступленіе велѣно производить обязательно по зонамъ—змѣйками, разомкнутыми шеренгами и т. п. Это была Драгомировская система, употреблявшаяся имъ для показа, но въ буквальномъ видѣ очевидно непримѣнимая, а въ горахъ и совсѣмъ ненужная.

Относительно расположенія на отдыхъ, Добржинскій заявилъ, что гдѣ бы дивизія ни стояла, хотя бы въ тылу цѣлой арміи, она всегда будетъ выставлять передъ фронтомъ и на фланги три сторожевыя заставы и отъ нихъ посты. Точно также

мы будемъ всегда передвигаться съ полнымъ комплектомъ охранительныхъ частей. Иначе говоря, мы будемъ зря морить людей и пріучимъ ихъ смотрѣть на мѣры охраненія, какъ на простую формальность или капризъ начальства.

Высказывая эти взгляды, Добржинскій старался поразить офицеровъ своею ученостью, ссылался на великихъ полководцевъ, упоминалъ разныхъ военныхъ писателей и рекомендовалъ прочесть „Швейцарскій походъ“ Милютина, какъ лучшее руководство по горной войнѣ. Нечего сказать, удобное было время для подобнаго чтенія!

Не имѣя, ни боевого опыта, ни настоящей строевой практики (такъ какъ, за свою долгую службу, прокомандовалъ всего одинъ мѣсяцъ ротой и два мѣсяца баталіономъ, а командиромъ полка вовсе не былъ, получивъ сразу стрѣлковую бригаду), Добржинскій, желая подкрѣпить свои слова, на каждомъ шагу приводилъ примѣры изъ своей дѣятельности на курскихъ маневрахъ, что послѣ Тюренчена и Вафангоу звучало довольно комично.

Вечеромъ, въ тотъ же день, былъ отданъ рядъ приказаній, которыя частью представляли повтореніе всѣмъ извѣстныхъ параграфовъ устава, частью же являлись совершенно мирными измышленіями.

Такъ напримѣръ, велѣно переднія линіи бивуковъ обозначать фонарями и въ ночное время ос-

вѣщать отхожія мѣста. Должно быть для того, чтобы лучше обнаруживать свое расположеніе!

„На биваках ямки для котелковъ вырывать только между палатками, но отнюдь не на проѣздахъ, во избѣжаніе порчи лошадей въ случаѣ объѣзда биваковъ командующимъ арміей и старшими начальниками“.

„При кителяхъ и рубахахъ носить положенные для повседневнаго ношенія ордена“.

Указана новая пригонка вещевого мѣшка, отличавшаяся между прочимъ тѣмъ, что солдатъ никоимъ образомъ не могъ достать своей баклаги безъ помощи товарища!

Мнѣ было приказано пріостановить начатую уже заготовку шароваръ изъ синей китайской матеріи, по той причинѣ, что они неформенныя.

Наконецъ, предписано ежедневно къ 12 часамъ ночи представлять начальнику дивизіи подробнѣйшее „свѣдѣніе“ по особой, имъ придуманной формѣ, въ которой существовали графы даже для обозначенія числа потертыхъ ногъ у людей и набитыхъ спинъ у лошадей. Какъ будто у насъ было мало переписки!

Если вѣрно, что первое впечатлѣніе играетъ огромную роль, то дебютъ генерала Добржинскаго былъ чрезвычайно для него неудаченъ. Онъ сразу сдѣлался предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ офицеровъ

и солдатъ. Что же касается меня, то я взглянулъ на дѣло гораздо серьезнѣе и рѣшилъ по возможности охранять ввѣренный мнѣ полкъ отъ разныхъ вредныхъ требованій.

Третьяго іюля состоялся приказъ Куропаткина о включеніи нашей бригады въ составъ дивизіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ Пневскій былъ откомандированъ къ штабу арміи.

На слѣдующій день, утромъ 4 іюля, Добржинскій уѣхалъ въ Дашицяо—представляться Куропаткину. Однако, передъ отъѣздомъ, онъ успѣлъ отправить обѣ охотничьи команды бригады на рекогносцировку путей и перевалов къ востоку, съ порученіемъ представить кроки и объяснительныя записки. Это приказаніе было отдано начальникамъ командъ непосредственно, помимо командировъ полковъ. Кромѣ того примѣненъ слѣдующій оригинальный пріемъ: Моршанской командѣ приказано выступить утромъ, а Зарайской — въ полдень, по одному и тому же пути, причемъ одна команда не знала о движеніи другой. Мало того, въ видѣ соглядатаевъ, къ Зарайской командѣ былъ приданъ офицеръ Моршанскаго полка, а къ Моршанской — зараецъ.

Между тѣмъ, вечеромъ была получена телеграмма изъ штаба арміи, предписывавшая штабу дивизіи съ 1-й бригадой и двумя дивизіонами артиллеріи выступить на слѣдующій день въ окрестности Даши-

цяо. Ночью вернулся Добржинскій и привезъ извѣстіе, что 2-й бригадѣ съ дивизіономъ артиллеріи приказано также сняться съ бивака и перейти къ Хайчену для работъ по укрѣпленію позицій. При бригадѣ велѣно было оставить ея бригадный лазаретъ и бригадный обозъ. Увидѣвъ въ послѣдней мѣрѣ признакъ того, что приказъ командующаго арміей о включеніи бригады въ составъ дивизіи не будетъ исполненъ, мы открыто ликовали.

Должно быть для искорененія этой вредной мысли Добржинскій приказалъ генералу Гласко устроить къ нему (за 30 верстъ) летучую почту и доставлять ежедневно вышеупомянутыя „свѣдѣнія“. Кромѣ того было велѣно немедленно прислать кроки нашего расположенія на новомъ мѣстѣ.

На разсвѣтѣ 5-го іюля, 1-ая бригада ушла по Мандаринской дорогѣ, окруживъ себѣ такими мѣрами охраненія, какъ будто бы двигалась подъ ударами противника, а не посреди своихъ обозовъ и транспортовъ.

Мы выступили въ 2 часа пополудни и стали бивакомъ у дер. Шаньчжу, въ двухъ верстахъ къ юго-востоку отъ Хайчена. Посланы были гонцы за охотничьими командами, но послѣднія вернулись лишь ночью, крайне измученныя, такъ какъ совершенно зря лазили по переваламъ.

Мѣсто для нашего новаго бивака было выбрано на скатѣ горъ восточнѣе деревни. Бивакъ уст-

роенъ попрежнему. Скирды гаоляна на топливо и всѣ имѣвшіеся при полку запасы были перевезены къ станціи Хайченъ, гдѣ въ отдѣльномъ дворѣ былъ устроенъ складъ, пополнявшійся отчасти покупкою на мѣстѣ, отчасти же подвозомъ по желѣзной дорогѣ изъ Инкоу и Харбина. Между прочимъ въ послѣднемъ пунктѣ намъ удалось пріобрѣсти значительное количество гороху, что позволило внести бо́льшее разнообразіе въ пищу. Отъ интендантства мы продолжали брать лишь печеный хлѣбъ, да еще получили 200 пудовъ сахару.

Для работъ по укрѣпленію Хайченскихъ позицій полкъ былъ раздѣленъ на двѣ очереди. При этомъ, такъ какъ разстояніе отъ бивака до позицій было довольно большое, то смѣна производилась черезъ 2 — 3 дня. Отъ копанья въ мокрой землѣ сильно страдали и безъ того уже рваные солдатскіе шаровары и обувь.

Погода всѣ эти дни была чрезвычайно знойная и влажная. Мы полагали, что періодъ дождей будетъ состоятъ изъ непрерывныхъ ливней. Въ дѣйствительности же, ни въ 1904, ни въ 1905 годахъ, ничего подобнаго не было. Дожди перепадали очень часто, по нѣсколько разъ въ день, но вообще продолжались недолго. Въ промежуткахъ солнце жарило немилосердно. Пропитанная влагою почва испускала горячія испаренія, окутывавшія всю мѣст-

ность вокругъ какъ бы туманомъ. Получалось впечатлѣніе огромной, жарко натопленной бани. Даже ночь не приносила облегченія. Всѣ предметы, не исключая и находившихся въ сундукахъ, были совершенно мокрые. Ко всему этому присоединялся бичъ манджурскаго лѣта—миріады мухъ.

Чрезвычайно высокая температура, въ связи съ необыкновенной сыростью, дѣйствовала на людей разслабляющимъ образомъ—не только работать, но и просто передвигаться было трудно. Казалось, что такого рода климатическія условія гибельно отразятся на здоровьѣ войскъ; но, къ удивленію моему, санитарное состояніе полка оставалось хорошимъ и число больныхъ во всѣхъ врачебныхъ заведеніяхъ не превышало 125 человѣкъ.

Во время стоянки полка въ Шаньчжу наши охотники подобрали гдѣ то въ окрестностяхъ китайченка, круглаго сироту, на видъ лѣтъ около двѣнадцати. Этотъ китайченокъ получилъ названіе „Ваньки“ и ѣздилъ за командой сначала на ослѣ, а потомъ на маленькой манджурской лошадкѣ. Во время боевъ его всегда оставляли въ тылу съ деньщиками, а на привалахъ и ночлегахъ онъ обыкновенно прислуживалъ охотникамъ. Будучи очень смышленымъ, онъ скоро выучился русскому языку и сталъ для команды честнымъ, преданнымъ переводчикомъ. Ванька особенно сильно привязался

къ унтеръ-офицеру Хаустову и когда, по окончаніи войны, послѣдній былъ уволенъ въ запасъ, то уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Оренбургскую губернію.

Одиннадцатаго іюля у Дашицяо былъ бой I и IV Сибирскихъ корпусовъ съ японцами. Гулъ канонады доносился до насъ. Японцы были отбиты, но тѣмъ не менѣе, въ ночь съ 11 на 12 іюля, оба корпуса отошли къ Хайчену, оставивъ аріергарды на полпути между этимъ пунктомъ и Дашицяо.

Какъ только извѣстіе объ отступленіи достигло Хайчена, мѣстные купцы стали закрывать свои лавки и выѣзжать на сѣверъ. Перерывъ сообщеній съ Инкоу, гдѣ мы пріобрѣтали недостающіе продукты, былъ очень чувствителенъ въ хозяйственномъ отношеніи.

Въ полдень 14 іюля пріѣхалъ въ Хайченъ Куропаткинъ. Генералъ Гласко, полковникъ Петровъ и я были приглашены къ обѣду въ его поѣздъ. Самъ Куропаткинъ былъ нездоровъ и къ столу не вышелъ. Я сидѣлъ рядомъ съ полевымъ интендантомъ Губеромъ и, воспользовавшись этимъ, завелъ разговоръ о дурномъ состояніи обуви. Губеръ утѣшилъ меня тѣмъ, что черезъ мѣсяцъ можно уже будетъ получить на весь полкъ новые сапоги по сроку 1905 г. Другой мой сосѣдъ генералъ Треповъ предложилъ отпустить 300 непромокаемыхъ накидокъ.

По окончаніи обѣда, Гласко, Петрова и меня попросили къ Куропаткину, который познакомилъ насъ со стратегической обстановкой, высказавъ почти дословно слѣдующее:

„Большую часть своихъ войнъ Россія начинала пораженіями, а кончала побѣдами. Эта война точно также застала насъ неготовыми и потому являлась опасность, что японцы еще до прибытія къ намъ подкрѣпленій нанесутъ нашимъ войскамъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ. Въ виду этого я приказалъ по возможности задерживать наступленіе непріятеля, но въ упорный бой съ нимъ не ввязываться. Подъ Тюренченомъ это не совсѣмъ удалось. Движеніе же на Вафангоу было предпринято противъ моего желанія, я лично считалъ этотъ маневръ опаснымъ. Дѣйствительно, стоило лишь японцамъ пойти наперерѣзъ отъ Сюяня на Гайчжоу, чтобы вся операція окончилась катастрофой. Съ этой стороны даже лучше, что Штакельбергъ не побѣдилъ, такъ какъ иначе онъ былъ бы еще глубже завлеченъ въ мѣшокъ, образуемый Ляодунскимъ полуостровомъ. Что касается происшедшаго на дняхъ отступленія отъ Дашицяо, то хотя для него и не было никакого серьезнаго основанія, но въ цѣляхъ сосредоточенія арміи оно полезно. Въ конечномъ результатѣ, потерпѣвъ нѣсколько тактическихъ неудачъ, мы одержали безспорный стратегическій ус-

шѣхъ, ибо, несмотря на противодѣйствіе японцевъ, намъ удалось собрать наши разбросанныя силы. Теперь первый періодъ войны окончился, и я прошу васъ передать вашимъ войскамъ, что *отнынѣ никакого отступленія не будетъ, мы будемъ удерживать занятыя позиціи до послѣдней крайности, пока не настанетъ моментъ общаго перехода въ наступленіе*".

Послѣ этого Куропаткинъ перешелъ къ хозяйственнымъ вопросамъ и, со свойственной ему заботливостью, сталъ распрашивать о нуждахъ войскъ. Я воспользовался этимъ, чтобы поднять вопросъ о лѣтнихъ шароварахъ изъ синей китайской матеріи. Куропаткинъ вполнѣ одобрилъ эту мысль и приказалъ завести ихъ какъ можно скорѣе.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что наша бригада останется въ видѣ стратегическаго резерва въ его личномъ распоряженіи. Мы просили вернуть намъ Пневскаго. Куропаткинъ согласился и приказалъ написать объ этомъ генералу Харкевичу. Но Пневскій вскорѣ былъ раненъ и потому въ управленіе бригады прислали впослѣдствіи подполковника Вахрушева, тоже отличнаго офицера генеральнаго штаба.

Возвратившись изъ главной квартиры къ своему полку, я тотчасъ же потребовалъ изъ собранія, сохранявшіяся тамъ для особо торжественныхъ слу-

чаевъ, нѣсколько бутылокъ шампанскаго, пригласилъ офицеровъ и поздравилъ ихъ съ окончаніемъ надолѣвшаго всѣмъ отступленія. Затѣмъ, я обошелъ съ тою же радостною вѣстью и биваки ротъ. Вездѣ громкое „ура“ было мнѣ отвѣтомъ. Въ сосѣднемъ Моршанскомъ полку гремѣла музыка и точно также раздавались крики „ура“.

Въ ожиданіи возвѣщеннаго намъ перелома въ ходѣ кампаніи, наша жизнь потекла попрежнему. Работы по укрѣпленію Хайченскихъ позицій продолжались, что, казалось бы, также указывало на намѣреніе командующаго арміей принять здѣсь упорный бой.

Пользуясь разрѣшеніемъ Куропаткина, я приказалъ купить въ городѣ нужное для шароваръ количество синей матеріи и раздать ее для шитья въ роты. Черезъ нѣсколько дней весь полкъ щеголялъ уже въ легкихъ синихъ штанахъ, а суконные были отправлены въ главный полковой складъ въ Харбинъ.

Изъ любопытства, я съ нѣсколькими офицерами сдѣлалъ визитъ Хайченскому тифангуаню (градоначальнику). Послѣдній оказался больнымъ и вмѣсто него насъ принялъ молодой чиновникъ, весьма недурно говорившій по-русски. Онъ угостилъ насъ чаемъ, засахаренными фруктами, орѣхами и разнымъ печеніемъ. При выходѣ мы замѣтили, что весь дворъ полонъ народа. Оказалось, что какъ разъ въ это время происходилъ судъ.

Протискавшись сквозь толпу, я увидѣлъ слѣдующее: на высокой эстрадѣ, подъ навѣсомъ, сидѣлъ въ креслѣ судья — помощникъ тифангуаня; въ одной рукѣ у него была длинная трубка, а въ другой чашка чаю; рядомъ стоялъ секретарь съ бумагами; пожилой китаецъ, обвиняемый въ кражѣ, былъ поставленъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди на колѣни; нѣсколько человѣкъ держало его за правую руку и за косу; лѣвая рука была положена на обрубокъ дерева ладонью кверху, причемъ она удерживалась въ такомъ положеніи помощникомъ палача, который тянулъ за веревку, обвязанную вокругъ запястья и большого пальца; палачъ, вооруженный длинной бамбуковой палкой, изо всѣхъ силъ билъ по этой ладони; нанеся нѣсколько ударовъ, онъ пріостановливался; тогда судья безстрастнымъ голосомъ спрашивалъ обвиняемаго—сознается ли онъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказывалъ палачу нанести еще извѣстное число ударовъ.

Отъ такой экзекуціи ладонь обратилась въ сплошную язву и куски мяса отдѣлялись отъ костей. Омерзительность этой сцены еще болѣе усиливалась отношеніемъ къ ней окружающихъ. Помощникъ тифангауня чувствовалъ себя прекрасно, спокойно пилъ чай и съ наслажденіемъ пускалъ клубы дыма изъ своей трубки, а толпа видимо любовалась интереснымъ зрѣлищемъ.

Затѣмъ, я попросилъ любезнаго хозяина показать намъ китайскую тюрьму, находившуюся тутъ же на заднемъ дворѣ. Онъ охотно исполнилъ мою просьбу. Эта тюрьма очень мало походила на то, что мы привыкли понимать подъ этимъ именемъ. Вокругъ двора устроены деревянныя клѣтки, въ которыхъ сидѣли обвиняемые и преступники. При этомъ у обвиняемыхъ въ болѣе тяжелыхъ преступленіяхъ на руки и ноги были надѣты деревянныя колодки, а у нѣкоторыхъ кромѣ того на шеѣ висѣли большіе обрубки дерева. Самые тяжкіе преступники были прикованы нѣсколькими цѣпями къ столбу. Видъ у всѣхъ былъ чрезвычайно изнуренный, что и неудивительно, такъ какъ въ Китаѣ заключенные не получаютъ никакого довольствія отъ казны, а кормятся, или на счетъ своихъ родныхъ, или же подачками благотворителей.

Китайскіе законы отличаются драконовской строгостью, напримѣръ: грабежъ и третья кража уже караются смертью. Этотъ жестокій судъ всецѣло ввѣренъ администраціи, такъ какъ въ Китаѣ нѣтъ раздѣленія властей административной и судебной. Оффиціально установлено, что каждый чиновникъ долженъ быть для населенія „отцомъ и матерью“. Однако, въ дѣйствительности, во всемъ свѣтѣ нѣтъ такой грабительской корпораціи, какъ китайское чиновничество. Всѣ должности открыто продаются

правительствомъ и потому купившій извѣстное мѣсто старается какъ можно скорѣе себя вознаградить.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что китайцы болѣе всего боятся и всѣми мѣрами избѣгаютъ правительственной юстиціи, стараясь улаживать свои споры на семейныхъ и третейскихъ судахъ. Существуютъ даже поговорки: «законъ и чиновники не созданы для порядочныхъ людей», или—«тигры и змѣи лучше, чѣмъ судьи и ихъ помощники».

Этотъ страхъ передъ короннымъ судомъ породилъ оригинальный способъ мести. Если китаецъ чувствуетъ себя обиженнымъ богатымъ и сильнымъ человѣкомъ, съ которымъ не въ состояніи бороться, то онъ лишаетъ себя жизни на порогѣ его дома, оставляя записку съ объясненіемъ причины самоубійства. Въ результатѣ обидчикъ попадаетъ въ руки судей.

Семнадцатаго іюля до насъ дошло извѣстіе объ убійствѣ Плеве. Оно произвело на офицеровъ крайне грустное впечатлѣніе, такъ какъ показало, что даже въ тяжелые дни войны наши соотечественники не могутъ оставить свои внутренніе раздоры.

Восемнадцатаго іюля японцы на всемъ театрѣ войны перешли въ наступленіе. Армія Нодзу атаковала II Сибирскій корпусъ, стоявшій у Симучена (въ двадцати верстахъ къ юго-востоку отъ насъ), а

армія Оку—аріергарды I и IV корпусовъ, расположенные на полпути между Дашицяо и Хайченомъ. Грохотъ артиллерійской стрѣльбы былъ слышенъ у насъ. Съ наступленіемъ темноты указанныя войска отошли къ укрѣпленнымъ Хайченскимъ позиціямъ.

Въ ночь съ 18 на 19 іюля отъ нашей бригады былъ высланъ, подъ командой полковника Петрова, сводный полкъ съ батареей (въ составъ коего вошли 1 и 2 баталіоны зарайцевъ), на подкрѣпленіе кавалерійскому отряду генерала Мищенко, стоявшему у Лаомугоу, въ десяти верстахъ къ югу отъ Хайчена.

Послѣ ухода сводnаго полка, въ моемъ распоряженіи у дер. Шаньчжу остались всего лишь три роты и охотничья команда, прикрывавшія двѣ батареи. Остальныя роты находились на работахъ.

Весь день 19-го іюля, по дорогѣ черезъ дер. Шаньчжу, безпрерывной вереницей тянулись въ Хайченъ раненые II Сибирскаго корпуса. Тяжело раненыхъ несли на носилкахъ. Между прочимъ, я увидѣлъ деньщика, ведшаго въ поводу лошадь, черезъ спину которой былъ перекинутъ трупъ, прикрытый офицерскимъ пальто. Я спросилъ—кого везутъ? Деньщикъ отвѣтилъ—капитана Халкіопова. У меня сжалось сердце. Это былъ мой старый товарищъ по корпусу, съ которымъ я сидѣлъ на одной скамьѣ, начиная съ десятилѣтняго возраста и съ которымъ мы разстались двадцать лѣтъ тому назадъ при про-

изводствѣ въ офицеры для того, чтобы встрѣтиться вторично при столь ужасной обстановкѣ.

Въ одиннадцатомъ часу вечера неожиданно послышалась частая ружейная стрѣльба въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку отъ насъ, гдѣ ночевали два стрѣлковыхъ полка. Вскорѣ стрѣлки начали прибывать къ нашему биваку сначала кучками, а потомъ цѣлыми толпами. Большинство ихъ было безъ всякаго снаряженія, нѣкоторые безъ сапогъ и даже безъ оружія. Находясь въ крайнемъ возбужденіи, они кричали, что японцы внезапно напали на бивакъ ихъ бригады и большую часть ея перекололи. Вскорѣ прибыла конно-охотничья команда одного изъ этихъ полковъ съ двумя офицерами, которые подтверждали разсказъ нижнихъ чиновъ.

Изъ существовавшей обстановки было ясно, что тутъ происходитъ простая паника. Тѣмъ не менѣе я всетаки поднялъ свои три роты и поставилъ ихъ въ ружье съ трехъ сторонъ артиллеріи, а конныхъ охотниковъ послалъ разузнать о происшедшемъ. Черезъ часъ возвратился начальникъ конно-охотничьей команды и доложилъ, что безпорядокъ, сопровождавшійся стрѣльбою и штыковой свалкой, произошелъ по недоразумѣнію, вслѣдствіе того, что два еврея отправились въ гаолянъ и, испугавшись чего то, вдругъ выскочили оттуда съ криками „японцы“.

Между тѣмъ паника успѣла распространиться до самаго Хайчена, передалась въ обозы, парки и госпитали. Нѣсколько наиболѣе ошалѣвшихъ солдатъ бросилось къ поѣзду командующаго арміей. Генералъ Куропаткинъ вышелъ изъ вагона и успокаивалъ ихъ. По словамъ коменданта Хайчена, во время этой паники пострадало 150 человѣкъ.

Едва мы успѣли разойтись на ночлегъ, какъ было получено изъ штаба арміи приказаніе: къ разсвѣту (20-го іюля) перейти къ дер. Іотунь, въ трехъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Хайчена. Продолжая вѣрить словамъ Куропаткина, я объяснилъ себѣ это передвиженіе желаніемъ извѣстнымъ образомъ сгруппировать войска передъ рѣшительнымъ сраженіемъ.

Въ 2 часа ночи я выступилъ изъ Шаньчжу съ тремя ротами, охотничьей командой и двумя батареями. По нашему пути, а также наперерѣзъ намъ, двигались другія войска и обозы. Безпорядокъ былъ страшнѣйшій. Все это скорѣе походило на отступленіе разбитой арміи, чѣмъ на развертываніе войскъ передъ боемъ. Только въ девятомъ часу утра, пройдя семь верстъ въ шесть часовъ, мы прибыли къ дер. Іотунь, гдѣ стали бивакомъ. Туда же собрались части II Сибирскаго корпуса, къ которому наша бригада была временно придана; подошли также наши баталіоны съ работъ; вернулся и сводный полкъ Петрова.

Вскорѣ стало извѣстно, что Куропаткинъ рѣшилъ оставить Хайченъ безъ боя и отойти къ Айсандзяну. Не знаю, что чувствовалъ онъ, отдавая такое распоряженіе послѣ торжественно заявленной рѣшимости драться на Хайченскихъ позиціяхъ до послѣдней крайности, но мнѣ было совѣстно за передачу его словъ полку.

Арміи было приказано двигаться тремя колоннами, въ каждой по корпусу. Наша бригада составляла аріергардъ лѣвой колонны, направленной проселкомъ восточнѣе Мандаринской дороги. Мы должны были выступить отъ Іотуня въ 6 часовъ вечера и двигаться къ высотамъ юго-восточнѣе деревни Янтай, гдѣ занять позицію. Все разстояніе составляло какихъ нибудь семь верстъ, но путь былъ до такой степени запруженъ войсками и обозами, постоянно пересѣкавшими дорогу, что хвостъ бригады подтянулся къ означенному мѣсту лишь около 3 часовъ пополуночи (21 іюля).

Вскорѣ прибылъ офицеръ генеральнаго штаба съ приказаніемъ: въ 6 часовъ утра продолжать движеніе по направленію на Ляоянъ, дойдя до дер. Таогуантунь, лежащей въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ станціи Айсандзянъ. Переходъ составлялъ около 35 верстъ по проселочнымъ дорогамъ. При этомъ на каждый полкъ было назначено по сорока арбъ для возки вещевыхъ мѣшковъ и шинелей.

Бригада выступила въ 7 часовъ утра, нѣсколько позже назначеннаго, и собралась къ дер. Таогуантунь только къ 3 часамъ пополуночи (22 іюля), пробывъ въ пути двадцать часовъ. Два Моршанскихъ баталіона, составлявшіе тыльный отрядъ, совсѣмъ не успѣли дойти и ночевали отдѣльно. Причина все та же: отсутствіе расчета марша, перекрещиваніе войскъ и обозовъ, произвольныя остановки ихъ—однимъ словомъ полный хаосъ.

Командировка въ Мукденъ и возвращеніе въ Ляоянъ.

Прибытіе бригады въ Мукденъ.—Отношеніе окружавшихъ Алексѣева къ Куропаткину.—Бивакъ у Корейской башни.—Безвѣріе китайцевъ.—Мои распоряженія по хозяйству.—Китайскій театръ.—Нищіе въ Мукденѣ.—Сѣверныя императорскія могилы.—Неожиданный пріѣздъ Добржинскаго.—Намѣстникъ.—Раздача крестовъ.—Китайская казнь.—Отсутствіе у китайцевъ патріотизма.—Переѣздъ бригады въ Ляоянъ.—Укрѣпленіе позиціи у дер. Фанцзятунь.—Плата за плѣнныхъ.—Довольствіе полка.—Курьезный транспортъ.—Семейный бытъ китайцевъ.—Переходъ полка къ дер. Цофантунь.

(22 іюля—12 августа).

Двадцать второго іюля на бивакѣ у дер. Таогуантунь, мы получили неожиданное извѣстіе, что на слѣдующій день наша бригада будетъ по желѣзной дорогѣ отправлена въ Мукденъ. Какъ мнѣ объяснили въ штабѣ арміи, эта командировка вызывалась опасеніемъ, что Куроки, главныя силы котораго въ это время находились всего въ сорока верстахъ къ востоку отъ Ляояна, вышлетъ отдѣльный отрядъ для захвата Мукдена.

Днемъ 23 іюля бригада выѣхала по желѣзной дорогѣ, причемъ на полкъ было назначено всего по

два поѣзда. Большая часть обоза I разряда, обозы II и III разрядовъ, съ общимъ прикрытіемъ изъ двухъ ротъ, а также конно-охотничьи команды были направлены обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, съ приказаніемъ дойти до Мукдена въ пять переходовъ, то есть къ вечеру 28 іюля.

Въ ночь съ 23 на 24 іюля бригада прибыла въ Мукденъ и расположилась около самой станціи.

Въ главной квартирѣ намѣстника выразили крайнее удивленіе по поводу нашего прибытія, такъ какъ, по господствовавшему тамъ мнѣнію, Мукдену никто не угрожалъ и никакихъ дѣйствій въ этомъ раіонѣ не предвидѣлось.

Вообще окружавшіе Алексѣева открыто и рѣзко критиковали всѣ распоряженія Куропаткина. Помимо того, что послѣднія дѣйствительно заслуживали критики, такое отношеніе вызывалось неудачной организаціей командованія. Во главѣ единственной и къ тому же не успѣвшей собраться арміи поставили двухъ полководцевъ, изъ коихъ одного (Алексѣева)—безъ фактической власти, но въ роли начальника, а другого (Куропаткина) — дѣйствительнымъ распорядителемъ, но въ положеніи подчиненнаго. При такихъ условіяхъ Алексѣеву и особенно его многочисленному, отстраненному отъ всякого живого дѣла штабу оставалось лишь заниматься критикой.

Господствовавшее въ главной квартирѣ настроеніе мы почувствовали уже въ день нашего прибытія въ Мукденъ. Посланные наканунѣ отъ Моршанскаго и Зарайскаго полковъ квартирьеры (подпоручики Зиновьевъ и Ляховъ) явились къ генералу N съ просьбой указать мѣсто для расположенія бригады.

Послѣдній сказалъ имъ слѣдующее: „я не могу поставить ваши полки въ раіонѣ главной квартиры, такъ какъ убѣжденъ, что они распущены и будутъ производить безпорядки".

Тогда офицеры доложили, что Моршанцы и Зарайцы находятся въ полномъ порядкѣ, доказательствомъ чему служатъ постоянныя похвалы генерала Куропаткина.

На это генералъ N отвѣтилъ: „здѣсь главная квартира намѣстника и мнѣнія командующаго арміей для насъ не имѣютъ цѣны".

Узнавъ объ этомъ разговорѣ, я убѣждалъ генерала Гласко подать рапортъ по командѣ съ дословнымъ повтореніемъ приведенной выше возмутительной фразы. Однако, къ крайнему сожалѣнію, Гласко моему совѣту не послѣдовалъ, а я не считалъ удобнымъ возбудить это дѣло помимо него.

Зарайскій полкъ былъ поставленъ бивакомъ верстахъ въ двухъ къ югу отъ Мукдена, около старинной Корейской башни. Солдатскія палатки были разбиты на луговинѣ въ тѣни ветелъ, большинство

же офицеровъ помѣстилось поблизости, въ усыпальницѣ какого то манджурскаго принца.

Могила его была расположена въ насыпномъ курганѣ, впереди котораго находилось нѣсколько построекъ, предназначенныхъ для собраній потомковъ, желающихъ почтить память своего предка.

Я занялъ маленькій флигель, стоявшій въ небольшомъ тѣнистомъ саду, окруженномъ очень высокой каменной стѣной. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова чудный уголокъ. Жаль только, что флигель, не имѣвшій ни дверей ни оконъ, былъ населенъ летучими мышами, которыя по ночамъ все время порхали вокругъ моей кровати.

Передъ входомъ въ садъ, посреди наружнаго двора, стоялъ памятникъ въ видѣ гигантской каменной черепахи, поддерживавшей на своей спинѣ вертикальную каменную доску съ длинною надписью, которую нашъ переводчикъ разобрать не могъ, такъ какъ она была сдѣлана на древне-манджурскомъ языкѣ.

Недалеко отъ усыпальницы находилась очень богатая кумирня, уставленная многочисленными разнообразными идолами, изъ коихъ особенно обращали на себя вниманіе карикатурно свирѣпый богъ войны и неимовѣрно толстый богъ плодородія.

Подобныя кумирни въ Манджуріи встрѣчаются часто, но я никогда не видѣлъ, чтобы въ нихъ кто

либо молился. Впослѣдствіи, когда наши войска стали ихъ разорять, то жители относились къ этому совершенно безучастно. Наоборотъ, неуваженіе къ могиламъ предковъ вызывало въ нихъ горькое чувство обиды.

Вообще, какъ идолы, такъ и нѣкоторые сохранившіеся еще въ Манджуріи обряды, жертвоприношенія и гаданія представляютъ лишь пережитки старины, которые соблюдаются вслѣдствіе присущаго китайцамъ крайняго консерватизма, но въ которые теперь никто болѣе не вѣритъ.

Въ дѣйствительности, китайцы давно уже отбросили всякія религіи съ ихъ туманной метафизикой, выработавъ взамѣнъ этого практическое нравственное ученіе, регулирующее взаимныя отношенія людей въ томъ смыслѣ, чтобы они могли жить на землѣ не мѣшая, а помогая другъ другу.

По этому поводу еще Конфуцій сказалъ: «какъ можно утверждать что либо о небѣ, когда трудно составить себѣ представленіе даже о землѣ».

Въ загробную жизнь китайцы совершенно не вѣрятъ, полагая, что все кончается здѣсь на землѣ. Этимъ прежде всего объясняется отсутствіе въ нихъ страха передъ смертью, которое такъ поражаетъ всѣхъ европейцевъ. Между прочимъ, лучшимъ подаркомъ, который сынъ можетъ поднести отцу, почитается хорошо сдѣланный гробъ.

Первые дни, послѣ остановки полка на новомъ мѣстѣ, были, по обыкновенію, посвящены хозяйственнымъ заботамъ.

Прежде всего я осмотрѣлъ во всемъ полку сапоги, причемъ оказалось, что нужно выдать около 300 паръ новыхъ и примѣрно столько же починить. Съ прибытіемъ обоза это было выполнено. Довольствіе людей и лошадей затрудненій не представляло, такъ какъ въ Мукденѣ можно было достать рѣшительно все, не исключая даже привознаго сѣна. Конскій составъ обоза былъ осмотрѣнъ и лошади пришедшія въ негодность замѣнены новыми.

Освободившись отъ хозяйственныхъ хлопотъ, я, въ сопровожденіи полкового переводчика Люфы, съѣздилъ въ китайскій театръ. Онъ помѣщался въ огромномъ сараѣ, въ одномъ концѣ коего была устроена сцена. Труппа состояла изъ однихъ мужчинъ, причемъ женскія роли исполняли мальчики. Содержаніе пьесъ было самое незамысловатое и наивное.

Въ первой пьесѣ фигурировалъ честный министръ, которому удалось изобличить въ воровствѣ одного чиновника и отправить его въ Пекинъ на судъ къ императору.

Вторая пьеса изображала ограбленіе богатаго купца хунхузами, причемъ послѣдніе дѣйствовали въ стачкѣ съ чиновниками.

Наконецъ, въ третьей пьесѣ были выведены добрая свекровь и злая невѣстка: сынъ находится въ отсутствіи въ полѣ; свекровь проситъ поѣсть; невѣстка даетъ ей хлѣбъ, твердый какъ камень и лапшу, липкую какъ клей; свекровь ее упрекаетъ, а невѣстка отвѣчаетъ побоями; въ это время возвращается сынъ; мать жалуется ему на свою горькую долю; тогда возмущенный сынъ хочетъ убить жену за непочтеніе къ матери, но послѣдняя вмѣшивается и происходитъ примиреніе.

Пьесы слѣдуютъ одна за другой безъ всякаго перерыва. Монологи не произносятся обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ, а выкрикиваются невѣроятно рѣзкимъ фальцетомъ, сопровождаясь оглушительной какофоніей, производимой барабанами, бубнами и какими то колотушками. Во время представленія публика сидитъ за столиками, пьетъ чай, грызетъ орѣхи, ѣстъ разныя лакомства и т. п.

При первомъ посѣщеніи Мукдена, въ началѣ апрѣля, мнѣ бросилось въ глаза почти полное отсутствіе въ немъ нищихъ. Теперь же, гуляя по городу, я встрѣчалъ ихъ довольно много и притомъ самаго ужаснаго вида. Мнѣ объяснили это слѣдующимъ образомъ: въ нормальныя времена въ Манджуріи нищенства совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ при широкомъ развитіи семейнаго начала большая часть калѣкъ, больныхъ и т. п. призрѣвается своими род-

ственниками, а неимѣющіе родныхъ находятъ себѣ убѣжище въ содержимыхъ на общественный и частный счетъ благотворительныхъ заведеніяхъ; съ приходомъ же русскихъ, которые очень щедры на раздачу милостыни, многіе калѣки нашли для себя болѣе выгоднымъ выйти на промыселъ. Дѣйствительно я ни разу не видѣлъ, чтобы китаецъ подалъ что нибудь нищему. Впрочемъ, впослѣдствіи на увеличеніе числа нищихъ повліяло и опустошеніе произведенное войной.

Я посѣтилъ знаменитыя Пьелинскія императорскія могилы, такъ называемыя сѣверныя (въ отличіе отъ восточныхъ—Фулинскихъ). Онѣ находятся верстахъ въ четырехъ отъ Мукдена въ чудномъ паркѣ, изъ вѣковыхъ пиній, окруженномъ высокой каменной стѣной.

У входа, передъ двойными украшенными рѣзьбою воротами, стоитъ каменный столбъ, на которомъ по древне-манджурски написано, что дальше, изъ уваженія къ этому священному мѣсту, можно идти лишь пѣшкомъ. Отъ воротъ къ усыпальницѣ ведетъ широкая дорога, вымощенная плитами и обставленная съ обѣихъ сторонъ высѣченными изъ камня огромными фигурами разныхъ животныхъ.

Самая могила представляетъ большой холмъ, передъ которымъ расположены кумирни, павильоны

и башни, соединенные высокими стѣнами, образующими нѣсколько дворовъ. Вся эта величественная громада построекъ возведена въ томъ же однообразномъ китайскомъ стилѣ, какъ и Мукденскій дворецъ. Внутрь зданій намъ, къ сожалѣнію, проникнуть не удалось, такъ какъ завѣдывавшій ими чиновникъ находился въ отсутствіи.

Двадцать восьмаго іюля я поѣхалъ на вокзалъ и тутъ неожиданно встрѣтился съ генераломъ Добржинскимъ, который сообщилъ мнѣ, что прибылъ въ качествѣ начальника особаго Мукденскаго отряда изъ нашей бригады и еще нѣсколькихъ Сибирскихъ частей. Эта миссія, по его словамъ, была очень важная, такъ какъ Мукдену будто бы угрожали съ юго-востока японцы, а съ запада китайцы.

Какъ разъ въ это время генералъ Гласко получилъ изъ главной квартиры приказаніе: тотчасъ же послѣ прибытія въ Мукденъ головной бригады V Сибирскаго корпуса возвратиться по желѣзной дорогѣ въ Ляоянъ.

Хотя вслѣдствіе этого пресловутый Мукденскій отрядъ обращался въ мифъ, но тѣмъ не менѣе Добржинскій поспѣшилъ выслать конно-охотничью команду Зарайскаго полка въ юго-восточномъ направленіи, а команду Моршанцевъ на западъ, съ порученіемъ представить ему всевозможныя кроки и описанія мѣстности. Вечеромъ 29-го іюля Добр-

жинскій объѣзжалъ бивакъ, причемъ Гласко устроилъ ему настоящій парадъ.

На слѣдующій день въ 6 часовъ утра, насъ неожиданно посѣтилъ главнокомандующій адмиралъ Алексѣевъ. Люди были только что выведены на занятія прикладкой. Намѣстникъ спросилъ меня въ какомъ бою участвовалъ полкъ и сколько крестовъ получилъ. Я отвѣтилъ. Тогда, обращаясь къ солдатамъ, адмиралъ сказалъ: „Именемъ Государя жалую вамъ еще по два креста на роту“.

Потомъ въ видѣ объясненія, обращаясь ко мнѣ, онъ добавилъ вполголоса: „разъ ваша бригада попала сюда, то долженъ же и я ей что нибудь дать“. Иначе говоря, чѣмъ же я хуже Куропаткина.

Къ 7½ часамъ вечера Добржинскій, Гласко, Петровъ, командиръ артиллерійскаго дивизіона полковникъ Ольховскій и я были приглашены на обѣдъ къ намѣстнику. Послѣдній жилъ въ своемъ роскошномъ поѣздѣ, стоявшемъ на тупикѣ близъ вокзала. Столовая помѣщалась въ отдѣльномъ каменномъ зданіи, передъ которымъ былъ наскоро разбитъ садъ изъ цвѣтовъ и декоративныхъ растеній.

За обѣдомъ я сидѣлъ рядомъ съ генераломъ *X*, который въ разговорѣ со мной горячо критиковалъ Куропаткина, упрекая его въ неспособности, нерѣшительности, двуличіи и объясняя его осторожность лишь опасеніемъ потерять совершенно не-

заслуженную репутацію. Насколько возможно я защищалъ своего начальника, но, къ сожалѣнію, послѣдующія событія и болѣе близкое знакомство съ Куропаткинымъ показали, что правда была не на моей сторонѣ.

Утромъ 31 іюля въ полку происходила раздача знаковъ отличія Военнаго Ордена.

Всего намъ было дано 38 крестовъ по слѣдующему расчету: 32 — на роты; 4 — на охотничьи команды и 2—въ распоряженіе командира полка.

При распредѣленіи этихъ крестовъ у меня произошло разногласіе съ начальникомъ дивизіи: я желалъ дать ихъ тѣмъ частямъ, которыя принимали фактическое участіе въ бою; Добржинскій же хотѣлъ, чтобы они были распредѣлены поровну между всѣми ротами, не исключая даже 5-й роты, составлявшей въ день боя прикрытіе обоза II разряда. На мое замѣчаніе, что при такихъ условіяхъ боевыя награды потеряютъ всякое значеніе, Добржинскій возразилъ: „а чѣмъ же виновата 5-я рота, что не попала въ бой, можетъ быть она дѣйствовала бы даже лучше другихъ“.

Далѣе начальникъ дивизіи воспротивился награжденію раненыхъ. По его словамъ: „солдатъ, помнящій присягу, не можетъ быть раненъ; разъ же такое несчастіе съ нимъ случилось, значитъ онъ, хоть на одинъ моментъ, измѣнилъ своему долгу, если

не на дѣлѣ, то въ мысляхъ; пули не попадаютъ въ хорошихъ солдатъ, а только въ плохихъ".

Я замѣтилъ: „слѣдовательно отнынѣ мы должны смотрѣть на нашего командующаго арміей его высокопревосходительство генералъ-адъютанта Куропаткина, какъ на измѣнника, ибо онъ былъ дважды раненъ".

При такомъ неожиданномъ оборотѣ, Добржинскій, повергавшійся во прахъ при одномъ упоминаніи о начальствѣ, совершенно смѣшался, началъ лепетать, что генералы совсѣмъ другое дѣло и затѣмъ, обратившись къ полку, произнесъ сумбурную рѣчь, въ которой пытался развить свою мистическую идею.

Лица солдатъ, неожиданно услышавшихъ порицаніе раненымъ, выражали полное недоумѣніе. Впослѣдствіи Добржинскій объяснилъ мнѣ, что все это онъ продѣлалъ для подъема духа нижнихъ чиновъ, дабы внушить имъ сознаніе полной безопасности въ случаѣ исполненія долга. Нечего сказать, удачный пріемъ!!

Когда начальникъ дивизіи, роздавъ кресты по своей системѣ, уѣхалъ, то я счелъ нужнымъ также обратиться къ полку съ нѣсколькими словами, чтобы парализовать вредное вліяніе происшедшаго. Я сказалъ, что каждый честный солдатъ, идя на войну, долженъ быть готовъ принять раны и смерть, что

самъ Христосъ сказалъ, что нѣтъ выше той любви, когда кто либо пожертвуетъ собою за другихъ и что поэтому уцѣлѣвшіе въ бою должны особенно почитать тѣхъ товарищей, которые самоотверженно пролили свою кровь за Царя и родину.

Затѣмъ, обратившись къ тѣмъ кавалерамъ, которые получили кресты не участвуя въ бою, я сказалъ, что они награждены какъ лучшіе солдаты, относительно которыхъ начальство напередъ увѣрено, что въ первомъ же бою они совершатъ выдающіеся подвиги. Громкое и дружное „постараемся“ было отвѣтомъ на мои слова.

Вечеромъ я случайно попалъ на китайскую казнь, происходившую за городской стѣной. Раздались оглушительные звуки трубъ. Сначала изъ воротъ показалась конная стража, а за нею два солдата съ огромными бѣлыми знаменами, на коихъ были вышиты какія то черныя надписи. Преступникъ, со связанными на спинѣ руками и ногами въ колодкахъ, сидѣлъ на арбѣ вмѣстѣ съ палачомъ и чиновникомъ. По бокамъ и позади двигалась огромная, весело галдѣвшая толпа. Когда поѣздъ остановился, то преступника поставили на колѣни. Палачъ велѣлъ ему наклонить голову и вытянуть шею, поправилъ подбородокъ и перекинулъ косу напередъ. Преступникъ не сопротивлялся. На его лицѣ не было замѣтно никакого волненія, хотя это былъ еще со-

всѣмъ молодой человѣкъ. Палачъ взялъ завернутый въ тряпку, короткій, широкій мечъ, примѣрилъ его къ шеѣ и безъ особаго усилія отсѣкъ голову, которая откатилась на нѣсколько шаговъ впередъ. Туловище безъ всякихъ конвульсій ткнулось обрубкомъ шеи въ землю и замерло. Зрители въ одинъ голосъ крикнули „хао“ (хорошо) и, оживленно жестикулируя, подошли къ казненному. Сюда же подбѣжали три собаки и начали лизать кровь. Палачъ спокойно вытеръ свой мечъ и завернулъ его въ тряпку. Туловище было зарыто на мѣстѣ казни въ заранѣе приготовленную яму всего аршина въ полтора глубины, а голову чиновникъ привязалъ за косу къ палкѣ и повезъ ее къ судьѣ въ доказательство исполненія приговора.

Очевидцы разсказывали мнѣ, что когда казнь совершается надъ нѣсколькими преступниками, то въ ожиданіи рокового удара они обыкновенно пересмѣиваются между собою, острятъ надъ палачомъ и т. п.

Рождается вопросъ—почему при такомъ равнодушіи къ смерти китайцы, сдѣлавшись солдатами, бѣгали при первомъ появленіи непріятеля?

На мой взглядъ, это противорѣчіе можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что до послѣдняго времени въ китайскомъ народѣ совершенно отсутствовалъ патріотизмъ. Китаецъ желалъ только одного, чтобы

ему не мѣшали мирно жить и трудиться на его участкѣ. Если это условіе соблюдалось, то для него было безразлично какому правительству подчиняться, тѣмъ болѣе, что своихъ собственныхъ чиновниковъ онъ ненавидѣлъ и презиралъ. Затѣмъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что китайскія войска, участвовавшія въ послѣднихъ войнахъ, представляли въ полномъ смыслѣ слова отребье своего народа, предводимое начальниками, купившими должности единственно съ цѣлью воровства.

Послѣ казни обыкновенно бросаютъ отрубленныя головы въ особо-устроенную для этого, покрытую крышей яму, которую я видѣлъ по сосѣдству, гдѣ онѣ и гніютъ для назиданія населенія. Иногда же, въ цѣляхъ воспитательныхъ, употребляютъ другіе пріемы. Такъ, одинъ офицеръ мнѣ разсказывалъ, что, проѣзжая однажды по большой дорогѣ, онъ увидѣлъ впереди дерево, на которомъ въ видѣ плодовъ висѣли какіе то шары. По приближеніи оказалось, что это было шестнадцать головъ подвѣшенныхъ за косы. Одинъ изъ туземныхъ администраторовъ, захвативъ въ сосѣдней деревнѣ цѣлую шайку хунхузовъ, казнилъ ихъ и для большей острастки разбойникамъ развѣшалъ ихъ головы на деревѣ.

Наша стоянка подъ Мукденомъ продолжалась недолго. Перваго августа бригада была перевезена

по желѣзной дорогѣ въ Ляоянъ и на слѣдующій день стала бивакомъ у дер. Фанцзятунь, въ шести верстахъ къ юго-западу отъ города.

Вечеромъ я получилъ отъ инженеръ-капитана Исакова записку съ просьбою, начиная съ 3-го августа, наряжать на работы по укрѣпленію позиціи, лежавшей на гребнѣ высотъ въ нѣсколькихъ верстахъ, впереди нашего бивака, всѣ четыре баталіона. Я приказалъ назначить отъ каждаго баталіона по двѣ роты, дабы было двѣ смѣны. На разсвѣтѣ, несмотря на сильный дождь, первая очередь ротъ ушла.

Около полудня пріѣхалъ ко мнѣ капитанъ Исаковъ съ заявленіемъ, что по его расчетамъ должны работать всѣ четыре баталіона полностью. На это я возразилъ, что безсмѣнная работа въ установившееся дождливое время приведетъ полкъ въ разстройство. Между нами произошелъ споръ, изъ коего я убѣдился, что имѣю дѣло съ вновь нарождающимся въ нашей арміи весьма симпатичнымъ типомъ военнаго инженера—фанатика полевой фортификаціи, а не реставратора казармъ какъ прежде. Однако, просимыхъ ротъ я ему всетаки не далъ.

Четвертаго августа нашъ бивакъ посѣтилъ генералъ Куропаткинъ. Объѣхавъ ряды полка и сказавъ, что Зарайцы выдѣляются изъ всей арміи особо здоровымъ, цвѣтущимъ видомъ людей, онъ улыбаясь спросилъ меня: „какими средствами вы этого до-

стигаете?“. „Кормлю насколько возможно, не заботясь о накопленіи экономическаго капитала“—отвѣтилъ я.

Куропаткинъ познакомилъ насъ, въ общихъ чертахъ, съ положеніемъ дѣлъ на театрѣ войны и выразилъ намѣреніе въ началѣ сентября, съ подходомъ V Сибирскаго и I Армейскаго корпусовъ,—„немного пошевелиться“. Отъ него же я услышалъ подтвержденіе дошедшаго до насъ печальнаго извѣстія о разгромѣ японцами 28-го іюля нашей Портъ-Артурской эскадры.

Генералъ Величко передалъ мнѣ приказаніе Куропаткина отнынѣ наряжать на работы по укрѣпленію позиціи весь полкъ, за исключеніемъ одной дежурной роты, причемъ солдатамъ выдавать поденную плату въ двадцать копѣекъ. Для сокращенія времени на ходьбу къ мѣсту работъ и обратно я приказалъ развести части полка по позиціи и тамъ поставить биваками.

Около этого же времени Куропаткинъ отдалъ приказаніе платить за каждаго плѣннаго японскаго солдата сто рублей, а за офицера триста рублей, независимо отъ обычной награды за военное отличіе. Эта странная мѣра произвела неблагопріятное впечатлѣніе, ибо показала, что командующій арміей признаетъ плѣненіе каждаго японца за какое то необычайное событіе.

Довольствіе полка въ началѣ августа основывалось, главнымъ образомъ, на подвозѣ изъ Ляояна, что, вслѣдствіе дурного состоянія размокшихъ отъ дождя дорогъ, представляло затрудненія. Хлѣбъ мы брали изъ полевой хлѣбопекарни, крупу — изъ интендантскаго магазина; крупный рогатый скотъ покупали у торговцевъ въ городѣ, а свиней и различную зелень—въ деревнѣ Фанцзятунь и ея окрестностяхъ. За это время было два дня, когда солдаты получили всего по $^3/_4$ фунта мяса, но затѣмъ, съ прибытіемъ изъ Мукдена купленнаго тамъ по моему приказанію гурта въ двѣсти головъ, недоданное количество было отпущено дополнительно.

Вслѣдствіе какихъ то затрудненій въ доставкѣ сахара изъ Россіи, интендантство уменьшило дачу до трехъ золотниковъ, да и это количество выдавало неакуратно; но такъ какъ въ полку былъ запасъ сахара, пріобрѣтенный въ Харбинѣ, то Зарайцы продолжали получать по шести золотниковъ.

Для корма лошадей мы пріобрѣтали у китайцевъ чумизу и бобы на корню, что замѣняло не только сѣно, но и зерновой фуражъ.

Въ первыхъ числахъ августа въ полкъ было прислано нѣсколько десятковъ арбъ изъ транспорта № 46. Эти арбы предназначались, въ видѣ опыта, для возки вещевыхъ мѣшковъ и шинелей во время

походныхъ движеній. Однако такое назначеніе онѣ въ состояніи были выполнить лишь на бумагѣ. Не говоря уже о жалкомъ состояніи повозокъ и рваной веревочной сбруѣ, но самыя лошади были весьма мало похожи на то, что обыкновенно подразумѣвается подъ этимъ названіемъ. Мелкія и жидкія, на подобіе какихъ то козъ, невѣроятно тощія, съ покалѣченными ногами и страшно набитыми спинами, онѣ въ большинствѣ были до такой степени надорваны, что волочили за собою задъ, какъ будто бы онъ былъ пораженъ параличемъ. Подобныхъ животныхъ нужно было спеціально отыскивать, а между тѣмъ каждая арба, запряженная такою четверкой, обошлась казнѣ что то около 700 рублей!

Конечно я тотчасъ же собралъ комиссію и, составивъ актъ, отправилъ его по командѣ, добавивъ отъ себя, что присланныя лошади не только не могутъ везти солдатскаго снаряженія, но если ихъ даже распречь и гнать за полкомъ, то онѣ не въ состояніи будутъ за нимъ слѣдовать.

Черезъ нѣсколько дней арбы были взяты обратно, но другихъ взамѣнъ ихъ уже не дали; должно быть въ наказаніе за строптивость, а можетъ быть потому, что и другія были въ томъ же родѣ. Это обстоятельство повергло нашего завѣдывающаго хозяйствомъ въ глубокую тоску, ибо лишало полкъ дополнительной экономіи за фуражъ.

Фанза, въ которой я жилъ въ Фанцзятунѣ, составляла часть большой усадьбы, населенной многочисленной китайской семьей. Главою послѣдней былъ умный и очень словоохотливый старикъ, съ которымъ я, при посредствѣ переводчика, часто вступалъ въ разговоръ. Тутъ было особенно удобно наблюдать китайскій семейный бытъ.

Вступленіе въ бракъ—самая священная обязанность китайца. Добровольно остаться холостякомъ считается въ высшей степени позорнымъ и безнравственнымъ.

Въ китайской семьѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе необычайное почтеніе къ старшимъ. Даже пожилые и вполнѣ самостоятельные люди не предпринимаютъ ничего важнаго въ жизни безъ разрѣшенія своихъ родителей. Мнѣ самому нѣсколько разъ приходилось видѣть, какъ при уходѣ мирнаго населенія изъ раіона военныхъ дѣйствій молодой китаецъ несъ на себѣ своего престарѣлаго отца или мать. Законъ разсматриваетъ грубое обращеніе съ родителями какъ одно изъ тягчайшихъ преступленій—хуже убійства. Почести, заслуженныя китайцемъ, переходятъ не на его дѣтей, а обратно—на родителей, за то, что они сумѣли воспитать такого сына.

Почтеніе къ старшимъ проявляется и послѣ ихъ смерти, выражаясь въ такъ называемомъ „культѣ

предковъ". Въ установленные дни родственники собираются вмѣстѣ для того, чтобы вспомнить жизнь и дѣятельность какого либо уважаемаго предка. Это собраніе бываетъ обставлено опредѣленными обрядами, которые прежде имѣли религіозное значеніе, а теперь соблюдаются лишь по традиціи.

Второй характерной чертой китайской семьи является почетное положеніе женщины. О томъ, чтобы можно было бить свою жену, какъ это часто случается въ русской деревнѣ, никто не слыхалъ въ Манджуріи. Повсюду, кромѣ самыхъ бѣдныхъ домовъ, китаянка освобождена отъ тяжелыхъ работъ какъ въ полѣ, такъ и по домашнему хозяйству и почти исключительно занята воспитаніемъ дѣтей. Послѣ смерти мужа она становится, обыкновенно, главою семьи и получаетъ въ пожизненное владѣніе вдвое большую долю чѣмъ сынъ. Важное значеніе, которое китайцы придаютъ культу предковъ, заставляетъ ихъ заботиться о томъ, чтобы родъ не прекратился. Въ виду этого бездѣтный китаецъ имѣетъ право развестись со своей безплодной женой, обезпечивъ ее матеріально, или же послѣдняя, оставаясь хозяйкой въ домѣ, можетъ сама ввести туда вторую жену.

Третью особенность семейнаго быта китайцевъ составляетъ ихъ мягкое отношеніе къ дѣтямъ. Китайцы воспитываютъ послѣднихъ исключительно

примѣромъ и убѣжденіемъ. Не только грубой ругани и колотушекъ, но даже какихъ либо наказаній мнѣ не приходилось наблюдать. Если китаецъ впадетъ въ бѣдность, то онъ имѣетъ право отдать своихъ дѣтей въ одинъ изъ многихъ, устроенныхъ для этой цѣли, воспитательныхъ домовъ, откуда впослѣдствіи, при измѣнившихся условіяхъ, можетъ взять ихъ обратно.

Обыкновенно китайская семья отличается многочисленностью, такъ какъ китайцы всѣми силами избѣгаютъ раздѣловъ, оставаясь жить вмѣстѣ на одномъ дворѣ и совмѣстно обрабатывая одинъ общій кусокъ земли, который можно продать лишь по единогласному рѣшенію семейнаго совѣта, состоящаго изъ всѣхъ женатыхъ членовъ семьи.

Этотъ совѣтъ пользуется, въ предѣлахъ семьи, юридической властью, имѣя право не только разрѣшать всѣ споры между родственниками, но и подвергать ихъ временному удаленію и даже совершенному исключенію изъ семейной среды, что считается страшнымъ наказаніемъ. Въ случаѣ столкновенія постороннихъ, дѣло разбирается на третейскомъ судѣ, по соглашенію старшихъ въ обѣихъ семьяхъ. Только въ случаѣ совершенія преступленія, караемаго по закону смертной казнью, семейный совѣтъ обязанъ передать виновнаго правительственному суду.

Изъ сдѣланнаго краткаго очерка видно, какое огромное значеніе имѣетъ въ Китаѣ семья. Только здоровымъ состояніемъ этой основной соціальной ячейки можно объяснить необычайную долговѣчность китайскаго государственнаго организма, несмотря на тѣ процессы разложенія, которые въ немъ происходятъ.

Въ первыхъ числахъ августа наша бригада была окончательно включена въ составъ дивизіи, причемъ ея управленіе, бригадный лазаретъ и бригадный обозъ были расформированы.

Тѣмъ временемъ солдаты продолжали работать. Въ долинахъ стояла непролазная грязь, а на позиціяхъ грунтъ былъ скалистый, вслѣдствіе чего обувь размокала и рвалась. Пользуясь случаемъ, на торжествѣ возложенія на знаменщиковъ образовъ, присланныхъ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, я попросилъ корпуснаго командира барона Бильдерлинга похлопотать у полевого интенданта, чтобы полку поскорѣе были отпущены обѣщанные новые сапоги по сроку 1905 года.

Намъ говорили, что на позиціи впереди Фанцзятуня мы проработаемъ до самого перехода въ наступленіе. Однако 11 августа Зарайскому полку было приказано сдать весь инструментъ и перейти къ деревнѣ Цофантунь (въ восьми верстахъ къ югу отъ Ляояна), гдѣ стать бивакомъ и заняться укрѣ-

пленіемъ другой позиціи на впереди лежащихъ высотахъ.

На слѣдующее утро Зарайцы должны были получить инженерный инструментъ и побаталіонно разойтись по назначеннымъ участкамъ; но доставка инструмента замедлилась, а между тѣмъ, около 2-хъ часовъ пополудни, пришло приказаніе, вмѣсто выступленія на работы, собраться къ мѣсту бивака и ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

Бой при Ляньдянсанѣ.

Отправленіе охотниковъ въ Сяолинцзы. — Расположеніе нашей арміи къ востоку и югу отъ Ляояна. — Приказаніе Зарайскому полку изъ Цофантуня перейти въ Кофынцы. — Движеніе до Безымянной деревни. — Мое рѣшеніе вмѣсто Кофынцы направиться на Павшогоу.—Положеніе на правомъ флангѣ Ляньдянсанской позиціи.—Наступленіе по моей иниціативѣ во флангъ и тылъ обходящему крылу непріятеля. — Потери. — Оцѣнка дѣйствій съ нашей и японской стороны. — Сосредоточеніе полка у Павшогоу.—Общее отступленіе на передовыя Ляоянскія позиціи.

(12—16 августа).

Около 3 часовъ пополудни 12 августа, на бивакѣ у дер. Цофантунь, было получено приказаніе начальника дивизіи: немедленно выслать охотничьи команды Моршанскаго и Зарайскаго полковъ для обслѣдованія дороги, ведущей отъ Цофантуня черезъ Вейдягоу и Ванбазай къ дер. Сяолинцзы, а на слѣдующій день (13 августа) выступить туда же всей 2-й бригадѣ съ состоявшимъ при ней дивизіономъ артиллеріи.

Первая часть этого приказанія являлась совершенно нелѣпой, такъ какъ путь отъ Цофантуня въ Сяолинцзы пролегалъ позади расположенія главныхъ силъ нашей арміи и, слѣдовательно, для осмотра

его достаточно было направить одинъ сильный разъѣздъ.

Однако генералъ Добржинскій твердо держался своей системы—при всякомъ случаѣ отрывать охотниковъ отъ полковъ, и въ 4 ч. пополудни конныя и пѣшія охотничьи команды бригады выступили на Сяолинцзы. Между тѣмъ вскорѣ выяснилось, что Зарайскому полку нужно идти совсѣмъ не въ этомъ направленіи.

Къ 12 августа главныя силы нашей арміи были расположены верстахъ въ двадцати пяти къ востоку и югу отъ Ляояна, по дугѣ въ 70 верстъ, въ двухъ группахъ: *Восточная* (X, III Сибирскій и XVII корпуса), подъ начальствомъ генерала Бильдерлинга, на Анпилинской и Ляньдянсанской позиціяхъ отъ с. Саканъ на р. Тайцзыхэ до высотъ къ юго-западу отъ дер. Кофынцы и *Южная* (I, II и IV сибирскіе корпуса), генерала Зарубаева, на Аньшаньчжанской позиціи, по обѣ стороны желѣзной дороги.

Двадцати двухъ верстное пространство между означенными двумя группами было прикрыто лишь кавалеріей.

Генералъ Куропаткинъ признавалъ движеніе непріятеля въ этотъ промежутокъ наиболѣе опаснымъ. Въ его указаніяхъ командирамъ корпусовъ говорится: «По отношенію къ восточному фронту это направленіе приводитъ къ атакѣ и обходу позиціи у Кофынцы. При удачѣ противника войска третьяго корпуса отрѣзываются отъ пути Кофынцы—Вейдягоу—Ляоянъ».

Въ виду этого, 12 августа, генералъ Куропаткинъ отдалъ слѣдующее распоряженіе: «Одному полку 2-й бригады 35-й пѣхотной дивизіи, съ одной батареей и эскадрономъ драгунъ, сегодня сосредоточиться у Вейдягоу, а завтра *продвинуться къ Кофынцы*».

Около 9 час. вечера командиръ бригады генералъ Гласко прислалъ мнѣ записку Добржинскаго (№ 13), въ которой говорилось: „Во измѣненіе приказа дивизіи сего числа о передвиженіи впередъ получено новое приказаніе, согласно которому 140-й Зарайскій полкъ съ одной батареей 35-й артиллерійской бригады и эскадрономъ 51-го драгунскаго полка долженъ сегодня же сосредоточиться у Вейдягоу, гдѣ переночевать, а завтра 13 августа съ разсвѣтомъ *продвинуться къ д. Кофынцы*". (В. Уч. Арх., д. 42391).

Немного спустя прибылъ изъ штаба корпуса генеральнаго штаба капитанъ Ждановъ, назначенный состоять при моемъ отрядѣ, и передалъ на словахъ то же приказаніе—*перейти въ Кофынцы*. Я спросилъ его съ какою цѣлью насъ посылаютъ туда. Капитанъ Ждановъ отвѣтилъ, что, судя по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ корпусномъ штабѣ, командующій арміей опасается за правый флангъ Ляньдянсанской позиціи, обороняемой III сибирскимъ корпусомъ генерала Иванова и желаетъ указаннымъ передвиженіемъ обезпечить этотъ флангъ отъ обхода. Къ этому онъ добавилъ, что японцы уже начали обходъ и потому намъ приказано насколько возможно поспѣшить движеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдать осторожность, дабы не подвергнуться отдѣльному пораженію.

Я тотчасъ же отдалъ распоряженіе баталіонамъ приготовиться къ походу, а пѣшей и конной охот-

ничьимъ командамъ, которыя, какъ сказано выше, были посланы начальникомъ дивизіи въ Сяолинцзы, послалъ приказаніе возвратиться и ждать прибытія полка у перекрестка дорогъ въ полутора верстахъ къ юго-востоку отъ Сянсанцзы.

Желая при предстоявшихъ дѣйствіяхъ въ горахъ по возможности облегчить солдатъ, я приказалъ сдать въ обозъ II разряда шинели и вещевые мѣшки, предварительно вынувъ изъ послѣднихъ сухари. Такимъ образомъ на людяхъ остались: патроны, шанцевый инструментъ, сухарные мѣшки, полотнище палатки, замѣнявшее въ случаѣ нужды шинель, котелокъ и баклага для воды.

За полкомъ долженъ былъ идти лишь обозъ I разряда, составленный изъ легкихъ одноконныхъ двуколокъ и походныхъ кухонь, запряженныхъ четверками, обозъ же II разряда—оставленъ у д. Кавлицунъ.

Что касается продовольствія, то велѣно было взять съ собою гуртъ скота и запасъ продуктовъ по разсчету на три дня. Наконецъ въ предвидѣніи того, что быть можетъ на слѣдующій день не удастся подвезти обѣдъ (что и оправдалось въ дѣйствительности), я приказалъ выдать людямъ на руки по фунту варенаго мяса *).

*) Впослѣдствіи я нѣсколько разъ примѣнялъ этотъ пріемъ во время боевъ, когда кухни не могли подъѣхать къ позиціи. Въ котелъ клали сырое мясо въ такомъ количествѣ, чтобы порціи вышли вѣсомъ около фунта.

Для указанія пути черезъ перевалъ Цофантунь —Вейдягоу былъ взятъ китаецъ-проводникъ.

Въ 12 ч. ночи, съ восходомъ луны, Зарайскій полкъ и 6-й эскадронъ Черниговскихъ драгунъ выступили изъ дер. Цофантунь. На пути присоединилась 5-я батарея 35-й бригады. Послѣ труднаго перехода черезъ перевалъ, гдѣ артиллерію пришлось втаскивать и спускать на людяхъ, отрядъ на разсвѣтѣ вышелъ въ долину и въ 6 час. утра, пройдя всего около семи верстъ, остановился на отдыхъ у с. Вейдягоу. Въ это время съ юго-востока доносился уже гулъ артиллерійскихъ выстрѣловъ.

Послѣ непродолжительнаго привала мы выступили дальше по большой дорогѣ черезъ Сянсанцзы на Кофынцы. На перекресткѣ къ юго-востоку отъ Сянсанцзы къ намъ присоединились возвратившіеся изъ Сяолинцзы охотники Зарайскаго полка. Они были уже измучены, такъ какъ совершенно понапрасну сдѣлали верстъ тридцать по горамъ.

При дальнѣйшемъ движеніи, въ девятомъ часу утра, я получилъ отъ генерала Грекова, охранявшаго съ казачьимъ отрядомъ правый флангъ Ляньдянсанской позиціи, слѣдующую записку: „Противникъ насѣдаетъ на нашъ правый флангъ у с. *Кофынцы*. Просилъ бы поспѣшить подкрѣпить нашъ правый флангъ“. (В. Уч. Арх., д. 42391).

Немного спустя прибылъ офицеръ съ такою

же словесною просьбой. Приказавъ насколько возможно ускорить движеніе, я поѣхалъ впередъ къ генералу Грекову, котораго засталъ, съ начальникомъ его штаба войсковымъ старшиной Свѣшниковымъ и нѣсколькими офицерами, въ Безымянной деревнѣ, недоѣзжая версты двѣ до Чандяопу.

Разспросивъ о ходѣ боя, я узналъ, что крайній правый участокъ укрѣпленной Ляньдянсанской позиціи, обороняемый тремя баталіонами и 24 орудіями, подъ начальствомъ полковника Лечицкаго, расположенъ на высотахъ къ юго-западу отъ Кофынцы, и что японцы, несмотря на выдвинутые противъ нихъ заслоны, глубоко его охватили, занявъ почти перпендикулярное къ нему положеніе на горныхъ отрогахъ восточнѣе долины Павшогоу — Тасигоу. Относительно того, гдѣ находится въ данный моментъ оконечность обходящаго крыла японцевъ, мнѣнія расходились. Я остановился на утвержденіи войскового старшины Маркова, указавшаго на Павшогоу, что впослѣдствіи вполнѣ оправдалось.

Какъ сказано выше, въ полученномъ мною передъ выступленіемъ изъ Цофантуня письменномъ приказаніи, безъ всякаго объясненія цѣли движенія, предписывалось—идти въ дер. Кофынцы. Генералъ Ивановъ ожидалъ моего прибытія именно въ этотъ пунктъ, о чемъ нѣсколько разъ извѣщалъ начальника праваго фланга Ляньдянсанской позиціи гене-

рала Каштalинскаго, предоставляя зарайцевъ въ его распоряженіе и указывая выслать кого-либо имъ навстрѣчу. Каштalинскій предполагалъ назначить Зарайскій полкъ въ свой резервъ.

Однако, со словъ капитана Жданова, я зналъ, что желаніе командующаго арміей, хотя и не выраженное въ письменномъ приказаніи, заключалось въ томъ, чтобы обезпечить отъ обхода правый флангъ III Сибирскаго корпуса. Между тѣмъ, изъ свѣдѣній, полученныхъ мною въ штабѣ генерала Грекова, было ясно, что при существовавшей обстановкѣ исполнить это желаніе можно было гораздо лучше не движеніемъ въ Кофынцы, а выходомъ во флангъ обходящему противнику.

Въ виду этого, вопреки полученному мною письменному приказанію, я рѣшилъ по своей собственной иниціативѣ, вмѣсто дер. Кофынцы, направиться на Павшогоу.

Объ этомъ, въ 9 час. 30 мин. утра, я послалъ, черезъ штабъ генерала Грекова, слѣдующее донесеніе начальнику праваго фланга Ляньдянсанской позиціи: *„Прибылъ съ Зарайскимъ полкомъ, батареей и эскадрономъ.* **Узнавъ отъ Грекова о положеніи дѣла, иду на Павшогоу“.** (В. Уч. Арх., д. 42391).

Пройдя дер. Безымянную, отрядъ свернулъ съ большой дороги вправо и двинулся по глубокому оврагу, прикрываясь цѣпью охотниковъ. Батарея,

по заявленію командовавшаго ею капитана Никитина, несмотря на предложенную мною помощь пѣхоты, не могла слѣдовать въ указанномъ направленіи и потому ее пришлось отправить обратно подъ при-

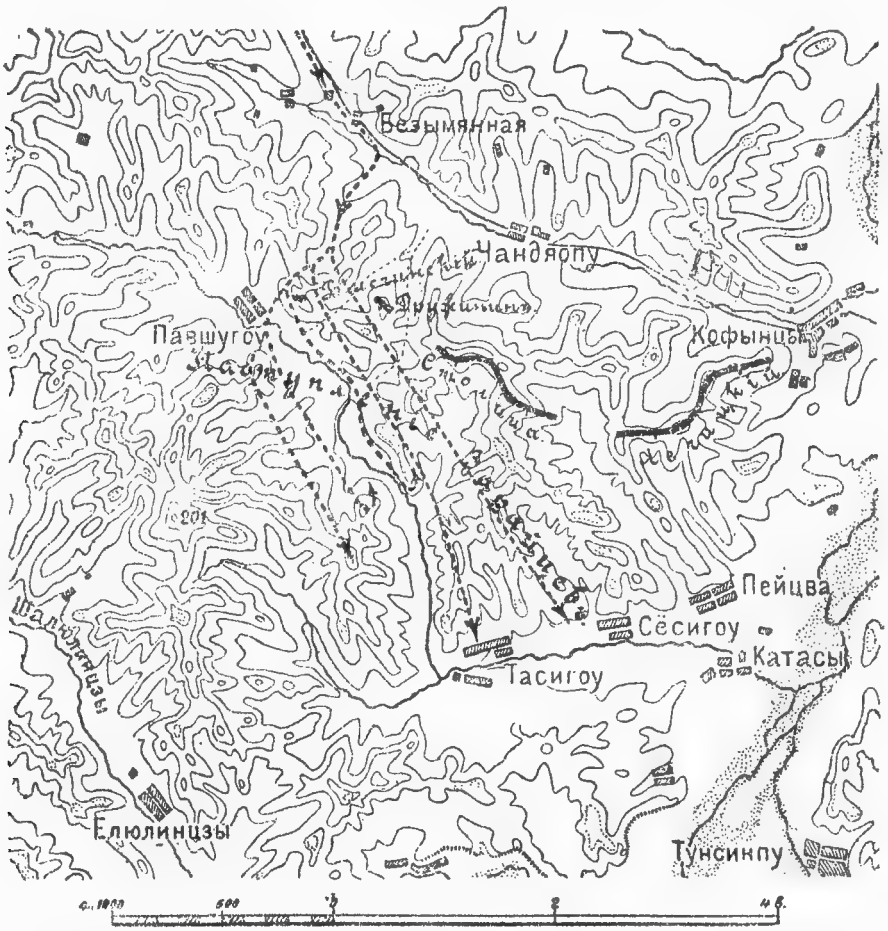


Схема № 2.

крытіемъ полуроты 4-й роты. По мѣрѣ приближенія къ Павшогоу, мы все яснѣе и яснѣе слышали трескъ частой ружейной стрѣльбы въ горахъ, расположенныхъ къ югу. Въ 10 ч. утра голова полка подошла къ высотѣ, въ полуверстѣ восточнѣе сел.

Павшогоу, занятой небольшими частями стрѣлковъ и спѣшенныхъ казаковъ подъ начальствомъ войскового старшины Висчинскаго. Съ этой высоты была видна почти вся долина Павшогоу — Тасигоу.

Пока походная колонна подтягивалась и въ совершенно укрытомъ мѣстѣ перестраивалась въ резервный порядокъ, я съ нѣсколькими офицерами поднялся на упомянутую высоту. Изъ осмотра съ нея, изъ переговоровъ съ Висчинскимъ, а также изъ донесеній охотниковъ можно было заключить, что непріятельскія цѣпи и ближайшія къ нимъ поддержки находятся на горныхъ кряжахъ къ востоку отъ долины Павшогоу—Тасигоу. Въ самой долинѣ (у ея восточной стороны) также виднѣлись небольшія пѣхотныя и кавалерійскія части. Артиллеріи при обходящемъ крылѣ японцевъ не было, а она дѣйствовала въ направленіи съ юго-востока.

Познакомившись съ обстановкой, *я рѣшилъ перейти въ наступленіе отъ Павшогоу на Тасигоу, прямо во флангъ обходящему крылу японцевъ.*

Это второе рѣшеніе было точно также принято мною *по собственной иниціативѣ, помимо приказанія начальства, на мою личную отвѣтственность.*

Для того, чтобы судить о правильности его, необходимо знать то, что произошло на правомъ флангѣ Ляньдянсанской позиціи до прихода туда Зарайскаго полка.

Еще вечеромъ 12 августа, когда явилось опасеніе за этотъ флангъ, генералъ Ивановъ сообщилъ Каштalинскому слѣдующее: „Командующій арміей считаетъ необходимымъ *удлинить фронтъ нашей позиціи вправо,* такъ какъ этой мѣрой командующій арміей предполагаетъ *лучше всего парировать готовящійся противникомъ обходъ* нашего праваго фланга". (В.-Уч. Арх., д. 42155, стр. 673).

Такимъ образомъ, вмѣсто энергичнаго маневра, генералъ Куропаткинъ рекомендовалъ для парированія обхода столь излюбленный имъ пріемъ дальнѣйшаго вытягиванія и безъ того уже растянутой на двѣнадцать верстъ позиціи III Сибирскаго корпуса.

Во исполненіе этого указанія командующаго арміей, къ разсвѣту 13 августа, генералъ Столица, съ четырьмя баталіонами при четырехъ орудіяхъ, былъ выдвинутъ на позицію на высотахъ въ полутора верстахъ къ югу отъ деревни Чандяопу, приблизительно фронтомъ на Тасигоу—Сесигоу.

Немного спустя полковникъ Дружининъ съ 2-мя ротами и 3½ сотнями занялъ позицію правѣе генерала Столицы на высотѣ у перевала въ полутора верстахъ къ юго-западу отъ деревни Чандяопу.

Необходимо имѣть въ виду, что части III Сибирскаго корпуса, бывшаго Восточнаго отряда, сражавшіяся въ горахъ отъ самого Тюренчена, были въ это время въ большомъ некомплектѣ. Изъ „Вос-

поминаній Дружинина“ видно, что къ 13 августа двѣ роты, временно данныя въ его распоряженіе, имѣли въ совокупности **всего 160 — 180 стрѣлковъ!!** Въ столь же слабомъ составѣ были и сотни.

Какъ только начало свѣтать, артиллерія непріятеля со стороны деревни Тунсинпу открыла огонь по позиціи генерала Столицы. Въ то же время японская пѣхота оттѣснила передовыя сотни генерала Грекова и укрѣпилась на высотахъ сѣвернѣе деревни Тасигоу.

Вслѣдъ за тѣмъ японцы начали движеніе вверхъ по долинѣ Тасигоу—Павшогоу, прикрываясь ея обрывистымъ восточнымъ скатомъ. Кромѣ того противъ позиціи Столицы они перебѣгали въ одиночку и небольшими кучками съ западной стороны этой долины на восточную, собирались въ укрытыхъ лощинахъ и затѣмъ продвигались впередъ.

Къ 8 часамъ утра обходящее крыло японцевъ протянулось своимъ крайнимъ лѣвымъ флангомъ почти до самаго Павшогоу, угрожая обходомъ не только отряду генерала Столицы, но и частямъ полковника Дружинина.

При такихъ условіяхъ, для дальнѣйшаго обезпеченія фланга Ляньдянсанской позиціи, генералъ Грековъ выдвинулъ войскового старшину Висчинскаго съ 10-й ротой 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и 1-й и 4-й сотнями Верхнеу-

динскаго казачьяго полка. Въ девятомъ часу утра Висчинскій занялъ стрѣлками и спѣшенными казаками высоту въ полуверстѣ восточнѣе деревни Павшогоу. Здѣсь къ нему присоединилась конно-охотничья команда 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, тоже въ пѣшемъ строю.

Открывъ огонь, Висчинскій на нѣкоторое время задержалъ распространеніе японцевъ вверхъ по долинѣ, но тѣмъ не менѣе они продолжали готовиться къ производству атаки на линіи Тасигоу—Павшогоу, понемногу накапливая свои силы въ горныхъ лощинахъ восточнѣе долины и поддерживая оживленную перестрѣлку съ нашими отрядами.

Въ дѣлахъ военно-исторической комиссіи сохранился рядъ донесеній, изъ коихъ видно, какъ постепенно развивался обходъ японцевъ.

Вотъ соотвѣтствующія выдержки:

5 час. утра. „Пѣхота японцевъ, больше баталіона, обходитъ съ правой стороны. Высоты у Тасигоу заняты японцами, сбивъ наши сотни". Генералъ-маіоръ Грековъ. (В.-Уч. Арх., д. 42391).

6 ч. 30 м. утра. „Въ 5 час. утра противникъ, силою болѣе полка пѣхоты, началъ наступать съ юга на Тасигоу. Выбилъ насъ изъ сопокъ сѣвернѣе Тасигоу и началъ направляться въ падь отъ Тасигоу на Павшогоу". Подполковникъ Марковъ. (В.-Уч. Арх., д. 42391).

9 ч. 30 м. утра (на основаніи записки генерала Столицы, отправленной около 7 часовъ утра). „У генерала Столицы обнаружилось движеніе японцевъ къ его правому флангу. Небольшими партіями они успѣли перебросить около семи ротъ". Генералъ Кашталинскій. (В.-Уч. Арх., д. 42155).

7 ч. утра. „Мои двѣ роты отбили два баталіона японцевъ, которые отошли и стали обходить меня справа". Полковникъ Дружининъ. (В.-Уч. Арх., д. 40614).

8 ч. 30 м. утра. „По донесенію есаула Желтухина, находящагося въ отрядѣ полковника Дружинина, замѣтно обходное движеніе полка японцевъ справа нашего фланга". Корнетъ Орелъ. (В.-Уч. Арх., д. 38109).

10 ч. утра. „Повидимому непріятель предпринимаетъ какой-то маневръ, такъ какъ прекратилъ ружейный огонь. Мнѣ кажется что его 3—4 баталіона залегли, отойдя немного отъ моей позиціи. Пробую перейти въ наступленіе самъ". Полковникъ Дружининъ. (В.-Уч. Арх., д. 40614).

10 ч. 25 м. утра. „Занявъ сопку правѣе перевалов, надъ самымъ Павшогоу, открылъ по обходнымъ колоннамъ противника огонь, заставившій ихъ отступать". Войсковой старшина Висчинскій. (В.-Уч. Арх., д. 42391).

11 ч. 30 м. дня. „Въ наступленіе не перешелъ, потому что опять былъ усиленный огневой ударъ противника, который отбитъ сильнымъ же огнемъ.

Теперь японцы двигаются постепенно западнѣе долины Тасигоу — Павшогоу; сколько силъ — опредѣлить не могу, но увѣренъ, что тамъ или сегодня, или завтра будутъ ихъ батареи". Полковникъ Дружининъ. (В.-Уч. Арх., д. 40614).

Согласно сочиненію англійскаго генерала Гамильтона, состоявшаго въ качествѣ военнаго агента при арміи Куроки *), обходящее крыло японцевъ состояло изъ 1-й гвардейской бригады генерала Асада.

Рѣшивъ наступать отъ Павшогоу на Тасигоу, я далъ баталіонамъ слѣдующее направленіе: 1-му баталіону—по западному краю долины Павшогоу—Тасигоу; 3-му баталіону — по восточному краю той же долины; 4-му баталіону — по горамъ восточнѣе долины; 2-му баталіону—въ резервѣ за четвертымъ баталіономъ. Пѣшей охотничьей командѣ было приказано двинуться по горамъ западнѣе долины; конным охотникамъ—охранять правый флангъ въ направленіи на Елюлинцзы, а эскадрону драгунъ—оставаться у дер. Павшогоу для обезпеченія тыла.

Перевязочный пунктъ былъ открытъ въ отдѣльной фанзѣ, расположенной въ глубокомъ оврагѣ, идущемъ отъ Павшогоу къ Безымянной деревнѣ. Въ помощь санитарамъ-носильщикамъ были назна-

*) „Записная книжка штабного офицера" (переводъ Ю. Лазаревича), томъ II, стр. 49.

чены всѣ наличные музыканты, сложившіе свой инструментъ во дворѣ фанзы.

Конечною цѣлью наступленія я поставилъ: по возможности совершенно оттѣснить обходившія непріятельскія части, для чего слѣдовало продвинуться на высоты сѣвернѣе Тасигоу, то есть выйти на одну линію съ фронтомъ позиціи Восточнаго отряда.

Построеніе боевого порядка началось съ того, что 4-й баталіонъ разсыпалъ цѣпи влѣво отъ высоты, на которой находился Висчинскій, а 3-й баталіонъ занялъ эту высоту, протянувшись правымъ флангомъ до ручья, протекающаго по долинѣ. Съ указанной позиціи наши стрѣлковыя цѣпи открыли огонь по непріятелю, который быстро загнулъ свой лѣвый флангъ и сталъ точно также отвѣчать частымъ огнемъ. Подъ прикрытіемъ упомянутыхъ баталіоновъ, 1-й баталіонъ перешелъ черезъ ручей и развернулся вправо отъ него до горъ, окаймляющихъ съ западной стороны долину Павшогоу—Тасигоу.

Что касается Висчинскаго, то я отправилъ къ нему поручика Боброва съ предложеніемъ двинуться по упомянутымъ горамъ. Въ отвѣтъ была получена слѣдующая записка: «Въ наступленіе я уже перешелъ двумя сотнями и охотничьей командой. Было бы желательно, чтобы вы тоже перешли въ наступленіе. За долиной сопки не заняты. Мы можемъ безпрепятственно выйти туда и выйти во флангъ

японцевъ, которые отступаютъ бѣгомъ. Въ долинѣ Тасигоу замѣчена кавалерія". (В.-Уч. Арх., д. 42391). *).

Это пожеланіе Висчинскаго было уже осуществлено, ибо, какъ сказано выше, я еще раньше отдалъ приказаніе своимъ охотникамъ наступать по горамъ западнѣе долины Павшогоу—Тасигоу. Впослѣдствіи Висчинскій былъ еще усиленъ спѣшенными драгунами изъ состава эскадрона черниговцевъ.

Между тѣмъ генералъ Кашталинскій, получивъ извѣстіе о движеніи Зарайскаго полка къ Павшогоу, а затѣмъ, узнавъ о развертываніи зарайцевъ на высотахъ близъ этой деревни, отправилъ мнѣ въ часъ пополудни записку, въ которой говорилось: „*Одобряю ваше расположеніе у Павшогоу*". (В.-Уч. Арх. д. 42391).

Одновременно онъ послалъ командующему III Сибирскимъ корпусомъ слѣдующее донесеніе: „Только что получилъ извѣстіе, что зарайцы подошли и **по иниціативѣ командира полка** *ввязались въ бой, занявъ высоты къ сѣверо-востоку отъ Павшогоу, въ-*

*) Въ книжкѣ Дружинина „Воспоминанія о русско-японской войнѣ" (стр. 386) напечатана одна полевая записка (копіи ея у меня не сохранилось), въ которой я пишу Висчинскому: „Если Вы находите своевременнымъ перейти въ наступленіе, то мы поддержимъ Васъ". Основываясь на этомъ единичномъ документѣ, Дружининъ утверждаетъ будто иниціатива наступленія принадлежала не мнѣ (стр. 390). Между тѣмъ изъ приведеннаго документа, за подписью самого Висчинскаго, видно, что въ этой запискѣ рѣчь идетъ лишь о переходѣ на другую сторону долины Павшогоу-Тасигоу, а совсѣмъ не объ общемъ наступленіи, которое было предпринято по моему единоличному почину, что письменно признали какъ Висчинскій и Столица, такъ и всѣ мои начальники въ Ляньдянсанскомъ бою.

роятно правѣе Грекова. Считаю это только полезнымъ, такъ какъ это еще болѣе обезпечиваетъ нашъ правый флангъ. Но взамѣнъ Зарайскаго полка просилъ бы прислать мнѣ для резерва еще полкъ". (В. Уч. Арх., д. 42221, стр. 18).

Такимъ образомъ генералъ Каштalинскій, одобряя проявленную мною инициативу, тѣмъ не менѣе полагалъ, что она выразится лишь въ оборонительныхъ дѣйствіяхъ, а именно въ образованіи новаго заслона правѣе уже выставленныхъ раньше. Въ дѣйствительности, какъ сказано выше, эта инициатива приняла болѣе широкіе размѣры.

Въ двѣнадцатомъ часу дня, когда построеніе боевого порядка окончилось, я перешелъ въ наступленіе. Японцы, взятые во флангъ, не могли удержаться на сопкахъ и кряжахъ восточнѣе долины. Вскорѣ наша боевая линія поровнялась съ двумя ротами полковника Дружинина, которыя примкнули къ ней*).

По этому поводу Дружининъ отправилъ впослѣдствіи въ штабъ корпуса слѣдующее донесеніе: *„Въ первомъ часу дня весь правый флангъ: Зарайскій полкъ, кажется часть 12-го полка и ввѣренный мнѣ отрядъ перешли въ наступленіе,* которое продолжается и сейчасъ. Несмотря на упорное сопротивленіе, я надѣюсь, что противникъ будетъ опрокинутъ въ долину Тасигоу". (В. Уч. Арх., д. 40614, стр. 783).

*) По словамъ Дружинина это было около $11^1/_2$ час. дня (стр. 359). По моему нѣсколько позже—около полудня.

Между тѣмъ японцы частью быстро отходили по горамъ, по направленію на Тасигоу, все еще продолжая отстрѣливаться, частью же старались вразсыпную перебраться черезъ долину, чтобы найти укрытіе въ поросшихъ кустарникомъ высотахъ къ западу отъ нея. Однако послѣднее удалось лишь немногимъ, такъ какъ вся долина обстрѣливалась продольнымъ огнемъ.

Въ издаваемомъ французскимъ генеральнымъ штабомъ журналѣ "Revue militaire de armées étrangères" (№ 976, стр. 202 и 203) сказано, что „вслѣдствіе неожиданной контръ-атаки во флангъ по долинѣ Павшогоу" лѣвое крыло 1-й гвардейской бригады генерала Асада отошло „съ тяжелыми потерями, причемъ двѣ роты были уничтожены".

Около 2 час. дня, когда нашъ боевой порядокъ удалился отъ дер. Павшогоу версты на двѣ, положеніе представлялось въ слѣдующемъ видѣ: передъ 4-мъ баталіономъ, въ горахъ восточнѣе долины, безпорядочно отступали, отстрѣливаясь, небольшія непріятельскія части; передъ 3-мъ и 1-мъ баталіонами въ самой долинѣ уже никого не было; наконецъ цѣпь японскихъ стрѣлковъ, поддерживавшая огонь, залегла въ кустарникѣ на высотѣ по другую сторону долины, къ западу отъ деревни Тасигоу.

Съ началомъ описаннаго выше наступленія,

оставивъ полкового адъютанта штабсъ-капитана Влахопулова на высотѣ восточнѣе Павшогоу для пріема полевыхъ записокъ, я самъ съ подпоручикомъ Ляховымъ и поручикомъ Бобровымъ пошелъ впередъ по восточному краю долины. Я двигался все время непосредственно за цѣпью 12-й роты вмѣстѣ съ командиромъ ея капитаномъ Гесселемъ. Тутъ же находились командиръ 3-го баталіона подполковникъ Сальковъ, его адъютантъ поручикъ Самароковъ и другіе офицеры.

Приблизительно въ 2 часа пополудни я получилъ отъ подпоручика Бойсмана, охранявшаго съ конными охотниками правый флангъ боевого порядка, донесеніе о томъ, что къ с. Елюлинцзы (въ трехъ верстахъ къ западу отъ Тасигоу) собираются части японской пѣхоты, а сѣвернѣе этой деревни въ долинѣ стоитъ полкъ непріятельской кавалеріи. На планѣ (XXII), приложенномъ къ сочиненію генерала Гамильтона, въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно показана большая кавалерійская масса.

При такихъ условіяхъ дальнѣйшее наступленіе цѣлымъ полкомъ представлялось не только излишнимъ, но и опаснымъ, потому что съ уходомъ всего Зарайскаго полка къ Тасигоу флангъ Ляньдянской позиціи не былъ бы обезпеченъ отъ возможнаго появленія какой-либо свѣжей непріятельской части съ запада.

Въ виду этого я приказалъ 3-му и 1-му баталіонамъ изъ долины опять подняться на горы у Павшогоу, образовавъ заслонъ фронтомъ на юго-западъ. Относительно 4-го баталіона и охотничьей команды было оставлено въ силѣ первоначальное приказаніе, а составлявшему полковой резервъ 2-му баталіону (часть котораго, увлеченная боемъ, уже влилась въ боевую линію) было приказано двигаться за 4-мъ баталіономъ для поддержки его въ случаѣ надобности.

Эти распоряженія были выполнены за исключеніемъ того, что полторы роты 1-го баталіона (2-я и полурота 4-й), не получивъ своевременно приказанія, продолжали наступать и примкнули впослѣдствіи къ правому флангу 4-го баталіона. Итакъ, для преслѣдованія направилось девять съ половиною ротъ, а въ заслонѣ для обезпеченія фланга осталось, подъ моей личной командой, шесть ротъ.

Я самъ возвратился къ Павшогоу не по долинѣ, вмѣстѣ съ отходившими частями 3-го баталіона, а по горамъ восточнѣе ея, вслѣдствіе чего немного запоздалъ, что вызвало большое безпокойство штабсъ-капитана Влахопулова и другихъ офицеровъ.

Между тѣмъ описанное выше наступленіе Зарайскаго полка со стороны Павшогоу не замедлило отразиться на положеніи дѣлъ въ отрядѣ генерала Столицы.

Находившіеся передъ нимъ японцы стали подаваться назадъ. Тогда Столица приказалъ подполковнику князю Амилахори выдвинуться съ $2^1/_2$ ротами впередъ для обстрѣливанія отходящаго непріятеля. Однако въ дѣйствительности Амилахори, по его собственнымъ словамъ, удалось снять съ позиціи лишь двѣ полуроты, то есть при тогдашнемъ составѣ всего **около 100 стрѣлковъ.**

О происшедшей перемѣнѣ въ обстановкѣ генералъ Столица послалъ въ 12 час. 15 м. пополудни слѣдующее донесеніе генералу Кашталинскому *): „Японцы, повидимому, начинаютъ отступать. Прежде было движеніе слѣва направо, а теперь наоборотъ. *На правомъ флангѣ зарайцы (140-й полкъ), какъ мнѣ доложилъ капитанъ Шпехтъ.* Перехожу въ частное наступленіе, для лучшаго обстрѣливанія отступающихъ японцевъ, полутора ротами на правомъ флангѣ и одной ротой въ центрѣ". (В.-Уч. Арх., д. 42154 стр. 268).

Въ 1 ч. пополудни генералъ Столица донесъ Кашталинскому: *„Зарайцы заняли сопки значительно правѣе насъ и продольно обстрѣливаютъ лощину"*. (В.-Уч. Арх., д. 42154, стр. 269).

Наконецъ, въ 2 ч. дня, онъ послалъ генералу Грекову слѣдующую записку: *„Японцы по той до-*

*) Въ моей брошюрѣ „Участіе Зарайцевъ въ бою при Ляньдянсанѣ ...." эта записка помѣчена 2 ч. 15 мин. пополудни, вслѣдствіе ошибки въ выданной мнѣ изъ военно-исторической комиссіи засвидѣтельствованной копіи.

линь, по которой наступали раньше, теперь бѣгутъ въ направленіи Тасигоу". (В.-Уч. Арх. д. 42391).

Около 3 час. пополудни наступавшіе зарайцы и части полковника Дружинина вышли на высоты сѣвернѣе дер. Тасигоу. Почти одновременно съ ними, а можетъ быть и нѣсколько раньше (что при существовавшей обстановкѣ не имѣло значенія), сюда прибыли стрѣлки князя Амилахори; но около 5 часовъ вечера генералъ Столица отозвалъ ихъ обратно, такъ какъ, по его словамъ, къ этому времени всѣ его резервы были уже израсходованы на поддержку полковника Лечицкаго *).

Расположившись на высотахъ, наши цѣпи стали перестрѣливаться съ японскими цѣпями, находивши-

*) Къ сдѣланному описанію наступательнаго боя, необходимо добавить слѣдующее: находившіеся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ Зарайскаго полка штабсъ-капитаны Ивановъ и Полянскій утверждаютъ, что когда они поровнялись съ позиціей Дружинина, то послѣдній продвинулся впередъ лишь на самое короткое разстояніе, а затѣмъ остановился позади.

Амилахори говоритъ, что Дружининъ не разсмотрѣлъ даже толкомъ какія стрѣлковыя части дрались съ нимъ рядомъ, что онъ, по извѣстной своей привычкѣ, передъ боемъ „подкрѣпился", принялъ русскій окопъ за непріятельскій (?!) и т п.

Съ другой стороны Дружининъ, свидѣтельствуя, что „самъ видѣлъ Зарайскій полкъ доблестно и побѣдно сражающимся" (стр. 368), про Амилахори говоритъ, что во время кризиса послѣдній „гулялъ себѣ кругомъ да около и глядѣлъ какъ дерутся" (стр. 375).

Выяснить всю эту путаницу и поставить каждаго участника на его настоящее мѣсто можетъ лишь историческая комиссія, располагающая всѣми матерьялами. Впрочемъ при микроскопичности тѣхъ силъ, которыя были въ ихъ распоряженіи, Дружининъ и Амилахори, даже при «необычайномъ» своемъ геройствѣ, не могли оказать серіознаго вліянія на общій ходъ дѣла.

мися въ долинѣ Тасигоу—Сесигоу и на покрытой кустарникомъ высотѣ въ верстѣ къ западу отъ дер. Тасигоу. Кромѣ того нѣсколько разъ былъ открываемъ огонь залпами по непріятельскимъ колоннамъ, временами показывавшимся на другой сторонѣ долины.

Занявъ указанное положеніе, командиръ 4-го баталіона подполковникъ Космодаміанскій донесъ объ этомъ мнѣ, спрашивая, что дѣлать дальше. Собственно говоря, поставленная мною задача была уже разрѣшена въ полной мѣрѣ, но такъ какъ съ высотъ у Тасигоу открывались хорошія цѣли для стрѣльбы, то я приказалъ выдвинутымъ для преслѣдованія частямъ оставаться тамъ до наступленія темноты, а затѣмъ отойти къ Павшогоу.

Что касается войскового старшины Висчинскаго, то онъ остановился на высотѣ, не доходя версты полторы до долины Тасигоу—Сесигоу. Продвигаться дальше онъ считалъ опаснымъ, вслѣдствіе полученнаго донесенія о томъ, что у д. Елюлинцзы сосредоточиваются значительныя силы противника. Вмѣстѣ съ частями Висчинскаго остановилась и пѣшая охотничья команда Зарайскаго полка.

Въ 5-мъ часу вечера пошелъ проливной дождь, отчего очень рано настали сумерки. Съ наступленіемъ темноты всѣ баталіоны Зарайскаго полка снова собрались у дер. Павшогоу; охотники же

были оставлены на горахъ къ западу отъ долины Павшогоу—Тасигоу.

Въ описанномъ бою наши войска понесли слѣдующія потери убитыми и ранеными: Зарайскій полкъ—3 офицера и 153 нижнихъ чина; отрядъ генерала Столицы (всѣ четыре баталіона)—1 офицеръ и 151 нижній чинъ; части полковника Дружинина—2 офицера и 28 нижнихъ чиновъ; части войскового старшины Висчинскаго—20 нижнихъ чиновъ. Три баталіона полковника Лечицкаго, занимавшіе правый участокъ Ляньдянсанской позиціи, потеряли 6 офицеровъ и 66 нижнихъ чиновъ.

Изъ офицеровъ въ Зарайскомъ полку былъ убитъ штабсъ-капитанъ Барламовъ и ранены штабсъ-капитанъ Полянскій и подпоручикъ Коняевъ.

Что касается японцевъ, то 1-я гвардейская бригада генерала Асада потеряла, за день 13 августа, 900 человѣкъ. *)

О результатѣ Ляньдянсанскаго боя баронъ Бильдерлингъ, командовавшій всѣми войсками на восточномъ фронтѣ, телеграфировалъ Куропаткину, вечеромъ 13-го августа, слѣдующее: „III-й Сибирскій корпусъ, усиленный тремя полками 35-й дивизіи, отразилъ всѣ наступательныя попытки японцевъ. Обходъ японцами праваго фланга Лянь-

*) „Revue militaire des armées étrangères". № 976, стр. 204.

дянсанской позиціи *отброшенъ къ югу Зарайскимъ полкомъ*".

Въ реляціи командующаго III Сибирскимъ корпусомъ генерала Иванова, вообще очень краткой, бой на правомъ флангѣ изложенъ такъ:

„Къ 12 часамъ дня японцы сильно тѣснили отряды полковника Дружинина и генерала Грекова. На лѣвомъ флангѣ генерала Столицы 2—3 баталіона японцевъ были въ 800 шагахъ. Значительныя силы сосредоточивались у д. Катасы, намѣреваясь перейти рѣку и атаковать полковника Лечицкаго. Въ это время прибылъ на поле сраженія 140-й пѣхотный Зарайскій полкъ, направленный командиромъ XVII корпуса на Вейдягоу и Кофынцы. Командиръ полка полковникъ Мартыновъ, выйдя изъ дер. Вейдягоу и слыша справа усиленную стрѣльбу, *свернулъ на выстрѣлы* и, получивъ отъ генерала Грекова предложеніе поддержать его, двинулся на Павшогоу, донеся объ этомъ генералу Кашталинскому. *Движеніемъ зарайцевъ на Павшогоу японцы были угрожаемы охватомъ слѣва и начали поспѣшно отходить.* Генералъ Столица, *замѣтивъ отступленіе* японцевъ, приказалъ подполковнику князю Амилахори съ двумя ротами 9-го полка перейти въ частную контръ-атаку; эта контръ-атака, повторяемая дважды, вынудила атакующія части противника къ поспѣшному отступленію".

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи генерала Куропаткина отъ 14 августа сказано: «Зарайскій полкъ подъ начальствомъ полковника Мартынова дѣйствовалъ молодецки и, вмѣстѣ съ 12 стрѣлковымъ полкомъ и казаками, остановилъ производившійся противникомъ обходъ праваго фланга Ляньдянсанской позиціи у с. Кофынцы въ направленіи отъ Тасигоу на Павшогоу и Чандяопу. Войска праваго фланга вечеромъ, перейдя сами въ наступленіе, отбросили японцевъ къ Тунсинпу и Тасинтунь».

Въ заключеніе полезно познакомиться съ тѣмъ, какъ описанные факты представлялись японцамъ. Въ телеграфномъ донесеніи генерала Куроки, отправленномъ съ поля сраженія въ Токіо, говорится: «получившая подкрѣпленіе непріятельская пѣхота постепенно тѣснила нашъ лѣвый флангъ, который *очутился въ критическомъ положеніи*» *).

Швейцарскій полковникъ Герчъ, состоявшій при гвардейской дивизіи, пишетъ слѣдующее: «*Начиная съ полудня* русскіе значительно усилились; со стороны Кофынцы стрѣляло 38 орудій, а отъ Дайденши 16. Русскіе пытались перейти въ наступленіе, повидимому попытка эта увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ сообщаютъ, что *около 2 часовъ* двѣ роты были почти

*) „Оффиціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами". Собраны М. Кинай. Переводъ М. Грулева томъ I, стр. 240.

уничтожены. *Въ часъ дня* Хасегава получилъ отъ Куроки телеграмму, сообщавшую, что послѣдній включилъ въ составъ гвардіи подходившій 29 резервный полкъ, который долженъ былъ прибыть въ Тунсинпу къ 6 час. вечера» *).

Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ упомянутомъ выше трудѣ Гамильтона, гдѣ между прочимъ сказано (стр. 47): „*Въ 5 часовъ 30 минутъ пополудни* одинъ изъ штабныхъ офицеровъ сообщилъ мнѣ, что главная забота *теперь* была о 1-й бригадѣ гвардейской дивизіи Асады, которая, пытаясь обойти правый флангъ русскихъ, слишкомъ оторвалась отъ 2-й бригады Ватанабе. Асада повидимому находился въ нѣкоторой опасности, такъ какъ противъ него сосредоточилось много войскъ и по послѣднимъ свѣдѣніямъ онъ только могъ держаться благодаря прибытію общаго резерва арміи изъ Тансятуня въ 8 часовъ 30 минутъ утра".

Далѣе говорится (стр. 49): „1-я гвардейская бригада Асады на крайнемъ лѣвомъ флангѣ внушаетъ все большее безпокойство. Крайній правый флангъ русскихъ окопался на сопкахъ, образующихъ западный склонъ долины, по которой течетъ верх-

---

*) Изъ этихъ словъ Герча, приведенныхъ на стр. 396 книги Дружинина, видно, что переломъ въ ходѣ боя наступилъ **съ полудня**, т.-е. съ того момента, когда вступилъ въ дѣло Зарайскій полкъ.

няя часть Тан-хэ. Бригада Асады взяла направленіе сѣверо-западнѣе Таншипу (Тунсипу) съ намѣреніемъ охватить и обойти эти окопы. При выполненіи этого маневра она оторвалась отъ 2-й бригады Ватанабе и ея атака не только была отбита, но въ настоящее время *она находится въ опасности быть окруженной подкрѣпленіями, которыя русскіе быстро выдвинули по большой дорогѣ изъ Ляояна*".

Затѣмъ, говоря о происшедшемъ на слѣдующій день отступленіи русскихъ войскъ съ Ляньдянсанской позиціи, Гамильтонъ, со словъ японцевъ, замѣчаетъ (стр. 55): „Повидимому русскіе, *почти одержавшіе побѣду, окружавшіе Асаду* и отбившіе Ватанабе, были принуждены отступить, вслѣдствіе успѣшныхъ дѣйствій 2-й и 12-й дивизій".

Дѣйствительно, въ 3 час. пополудни 13 августа генералъ Ивановъ узналъ объ отступленіи расположеннаго лѣвѣе его X корпуса, а въ ночь на 14 августа было получено приказаніе командующаго арміей—III Сибирскому корпусу также отходить на передовыя Ляоянскія позиціи.

Наконецъ, генералъ Гамильтонъ высказываетъ слѣдующее заключеніе, къ коему пришли въ штабѣ Куроки (стр. 56): „Непріятелю представлялось нѣсколько удивительно благопріятныхъ случаевъ для атаки обоихъ фланговъ, но онъ упустилъ ихъ вслѣдствіе недостатка иниціативы. *На нашемъ львомъ*

флангъ онъ проявилъ извѣстную энергію и поставилъ насъ въ весьма непріятное положеніе". *)

Какъ сказано выше, вечеромъ 13 августа весь Зарайскій полкъ, за исключеніемъ охотниковъ, снова собрался у дер. Павшогоу. Онъ сталъ въ резервномъ порядкѣ къ сѣверо-востоку отъ селенія въ вершинѣ глубокаго оврага, ведущаго къ Безымянной деревнѣ. Высоты впереди были заняты стрѣлковыми цѣпями. Вскорѣ подъѣхали кухни съ готовымъ ужиномъ.

---

*) Дружининъ недоволенъ тѣмъ, что въ брошюрѣ „Участіе Зарайцевъ въ бою при Ляньдянсанѣ . . ." я не привелъ выдержки изъ Гамильтона, гдѣ говорится объ опасеніяхъ за лѣвый флангъ, возникшихъ въ штабѣ Куроки еще около 8 час. утра. Но зачѣмъ же я буду перепечатывать изъ „Записной книжки", куда Гамильтонъ вносилъ всѣ получаемыя свѣдѣнія подрядъ, такія замѣтки, которыя потомъ оказались явно неосновательными!

Какъ видно изъ всего описанія боя, въ 8 час. утра никто съ русской стороны и не помышлялъ о наступленіи. Цѣлый рядъ полевыхъ записокъ свидѣтельствуетъ, что приблизительно до полудня обходъ японцевъ все развивался и только въ первомъ часу дня (какъ доносилъ самъ Дружининъ), послѣ вступленія въ бой Зарайскаго полка, войска праваго фланга перешли въ наступленіе.

Тѣмъ не менѣе, наперекоръ всему этому Дружининъ, на страницѣ 346-й своей книги, говоритъ: „**отъ 5 до 10 час. утра 13 августа** войска ввѣреннаго мнѣ отряда сражались одни, совершенно самостоятельно, безъ поддержки какихъ-либо другихъ войскъ и потому имъ и **только однимъ имъ** принадлежитъ **всецѣло** честь отбитія обхода".

Однако хвастайся, но знай же мѣру: 160—180 стрѣлковъ противъ японской гвардейской бригады, т.-е. противъ 6—7 тысячъ отборныхъ войскъ, да еще поддержанныхъ изъ общаго резерва арміи!!!

Впрочемъ у Дружинина мѣра вообще отсутствуетъ. Напримѣръ, описывая другой «бой» при Тунсинпу 11 и 12 августа, онъ называетъ эту ничтожную стычку „историческимъ событіемъ", говоритъ, что его микроскопическій отрядъ „состязался со всей японской императорской

Блестящій успѣхъ, одержанный зарайцами въ бою подъ Ляньдянсаномъ и притомъ сравнительно съ ничтожными потерями, высоко поднялъ духъ полка, увидѣвшаго разницу между пассивной обороной и энергичнымъ наступленіемъ.

Поздно вечеромъ я получилъ приказаніе генерала Кашталинскаго усилить двумя ротами полковника Дружинина, перешедшаго на ночлегъ въ дер. Чандяопу. Вслѣдствіе усталости людей я отложилъ высылку этихъ ротъ до утра, тѣмъ болѣе, что тогда ихъ можно было бы послать прямо на позицію. Ночь прошла спокойно.

Въ восьмомъ часу утра 14 августа я получилъ слѣдующую записку генерала Столицы: „Восточно-

---

гвардіей", численностью въ 15,000 человѣкъ и „достигъ первой для манджурской арміи настоящей, дѣйствительной побѣды". По его словамъ „бой" у Тунсинпу (о коемъ даже сосѣднія войска ничего не знали) „имѣлъ волшебное дѣйствіе" какъ на всю манджурскую армію, такъ и въ особенности на Восточный отрядъ, который будто бы совершенно „переродился": изъ зараженнаго паникой сдѣлался „страшнымъ, грознымъ, способнымъ на самое энергичное наступленіе".

Еще сильнѣе было вліяніе этого „боя" на японцевъ. Они бросили сражаться и поднялись на вершины горъ, ставъ совершенно открыто во весь ростъ. „Они стояли тамъ и долго смотрѣли. Это была не сплошная линія, а съ промежутками и принимая отдѣльныя группы за роты, мы насчитали ихъ не менѣе 15—20. Такъ стояли они продолжительное время—нѣсколько минутъ, а можетъ быть и десятковъ минутъ".

Рождается вопросъ—почему на японцевъ нашелъ такой столбнякъ? Дружининъ отвѣчаетъ: „Они почувствовали, что передъ ними творится что то особенное, небывалое и пожелали взглянуть на виновниковъ этого событія". . . . „Японцы любовались нами, думая, что передъ ними не русскія войска, а что наняли нѣмцевъ". И такъ далѣе въ духѣ барона Мюнхгаузена!!

му отряду командующій арміей приказалъ отступить на позицію Яючи-Мындяфанъ. Мнѣ приказано съ Зарайскимъ и 12 полками прикрыть отступленіе. Во исполненіе чего предлагаю: оставить одинъ баталіонъ на позиціи; остальными тремя баталіонами занять позицію къ сѣверо-западу отъ Павшогоу для обезпеченія отъ обхода нашего фланга съ цѣлью прикрыть дорогу къ Кофынцы—Сянсанцзы—Вейдягоу. Отходить съ этой позиціи не иначе какъ по приказанію генерала Кашталинскаго".

Это распоряженіе объ общемъ отступленіи къ Ляояну явилось для насъ полной неожиданностью, такъ какъ мы еще ничего не знали о неудачѣ X корпуса, занимавшаго Анпилинскую позицію.

Около этого же времени, т.-е. въ восьмомъ часу утра, была мною получена записка полковника Дружинина (№ 43), отправленная въ 7 час. утра, въ которой говорилось: „Прибылъ и занялъ свою *вчерашнюю позицію,* получилъ увѣдомленіе, что мнѣ приданы двѣ роты ввѣреннаго вамъ полка, а потому прошу распоряженія о немедленной присылкѣ ихъ ко мнѣ".

Считая, что приказаніе генерала Кашталинскаго о высылкѣ этихъ двухъ ротъ было отдано еще при старой обстановкѣ (до приказа объ общемъ отступленіи), я этихъ ротъ не выслалъ.

Однако, въ двѣнадцатомъ часу, я получилъ отъ полковника Дружинина слѣдующую записку: „Отъ

имени генерала Кашталинскаго передаю вамъ его вторичное предписаніе прислать мнѣ двѣ роты ввѣреннаго вамъ полка. Пришлите ихъ ко мнѣ на позицію *(примыкаю къ вашему лѣвому флангу)*. Согласны ли вы поддержать мое наступленіе на Тасигоу, по прибытіи ко мнѣ вашихъ ротъ". *)

Дѣлать нечего, пришлось послать 9 и 10 роты. На предложеніе Дружинина наступать на Тасигоу, я конечно отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ оно шло совершенно въ разрѣзъ съ полученнымъ мною приказаніемъ генерала Столицы объ общемъ отступленіи. Другихъ же распоряженій я ни отъ кого не получалъ.

Между тѣмъ людямъ былъ выданъ обѣдъ, послѣ чего пустыя кухни подъ начальствомъ поручика Елагина были отправлены черезъ Безымянную деревню и Сянсанцзы на Вейдягоу. Колесный обозъ

---

*) Между прочимъ въ этихъ двухъ запискахъ слова напечатанныя курсивомъ безспорно опровергаютъ утвержденіе Дружинина, будто въ началѣ боя 13 августа онъ стоялъ впереди Зарайцевъ.

Любопытно, что Амилахори съ своей горстью стрѣлковъ, тоже претендующій на первую роль, говоритъ, что до полудня обѣ роты Дружинина находились **„сзади и лѣвѣе его, т. е. далеко отъ края долины"**.!!

Въ дѣйствительности всѣ войска стояли приблизительно такъ, какъ это показано на сохранившейся у меня картѣ, гдѣ расположеніе ихъ было нанесено при составленіи Столицей, Висчинскимъ и мною краткаго описанія нашихъ совмѣстныхъ дѣйствій и откуда оно перенесено на напечатанную въ этой главѣ схему № 2. При крайне пересѣченной мѣстности и весьма неполной картѣ мы могли, конечно, нѣсколько ошибиться, но не настолько, чтобы эта ошибка имѣла хоть какое либо значеніе для общаго описанія дѣйствій на правомъ флангѣ Ляньдянсанской позиціи.

и эскадронъ драгунъ были высланы по тому же пути еще раньше; тѣхъ изъ легко раненыхъ, которымъ трудно было итти, разсадили по повозкамъ, тяжело раненыхъ отправили на носилкахъ прямо въ Ляоянъ.

Для прикрытія отступленія я расположилъ 11 и 12 роты подъ начальствомъ подполковника Салькова на высотѣ восточнѣе дер. Павшогоу, а остальнымъ тремъ баталіонамъ приказалъ занять позицію въ верстѣ къ сѣверо-западу отъ деревни, на склонахъ горъ по обѣ стороны долины.

Въ первомъ часу, находясь при упомянутыхъ ротахъ, я получилъ отъ генерала Столицы извѣщеніе, что полковникъ Лечицкій очистилъ свою позицію западнѣе Кофынцы и что она частью уже занята японцами.

Затѣмъ, около 2 час. пополудни, отъ того же генерала Столицы я получилъ слѣдующую записку, отправленную въ часъ дня: „Ввиду того, что въ предписаніи объ отступленіи есть нѣкоторыя недоразумѣнія и неточности и ввиду того, что отрядъ генерала Грекова стянулся въ долину, предписываю вашему полку или его части *отступить послѣднему, прикрывъ отступленіе полковника Дружинина.* 12-й полкъ прошелъ деревню, въ которой былъ генералъ Грековъ. За 12 полкомъ пойдетъ отрядъ генерала Грекова. По имѣющимся свѣдѣніямъ Дружининъ началъ отступленіе. Слѣдите за его отсту-

пленіемъ, такъ какъ я не буду имѣть возможности дать вамъ указаніе, когда вамъ отходить".

Въ это время (т.-е. около 2 часовъ пополудни) 11 и 12 роты уже перестрѣливались съ японскими стрѣлками, появившимися верстахъ въ двухъ къ юго-востоку отъ нихъ, на горахъ, по обѣ стороны долины Павшогоу — Тасигоу. Японцы подвигались впередъ, причемъ ихъ движеніе по западному краю долины угрожало аріергардной позиціи обходомъ.

Около 3 часовъ пополудни, получивъ отъ заблаговременно высланнаго мною подпоручика Семова донесеніе, что всѣ войска, направленныя по большой дорогѣ Кофынцы—Вейдягоу уже прошли дер. Безымянную, я приказалъ 11 и 12 ротамъ также отступать. Подполковникъ Сальковъ, находя опаснымъ выходитъ въ долину Павшогоу, направился восточнѣе ея по горной тропѣ, найденной поручикомъ Самароковымъ. Между тѣмъ я самъ быстро поѣхалъ по долинѣ къ позиціи остальныхъ трехъ баталіоновъ. Вскорѣ и тутъ началась перестрѣлка съ приближавшимися японцами. Однако, не подпуская ихъ слишкомъ близко, мы двинулись по вьючной дорогѣ на Сянсанцзы (схема № 1) и заняли новую позицію въ двухъ верстахъ позади прежней на перевалѣ. Здѣсь къ намъ присоединился генеральнаго штаба подполковникъ Посоховъ съ полусотней казаковъ. По его словамъ, находясь въ от-

дѣлѣ отъ своихъ войскъ, онъ не былъ извѣщенъ объ общемъ отступленіи и уже считалъ себя отрѣзаннымъ японцами, какъ вдругъ совершенно неожиданно натолкнулся на Зарайцевъ, отходившихъ послѣдними.

На перевалѣ японцы насъ уже не тревожили. Вскорѣ отъ высланнаго впередъ разъѣзда конно-охотничьей команды я получилъ донесеніе, что хвостъ главныхъ силъ, двигавшихся по большой дорогѣ Кофынцы—Вейдягоу уже достигъ д. Сянсанцзы. Тогда мы спустились въ долину, соединились съ двумя ротами подполковника Салькова и направились черезъ Сянсанцзы на Вейдягоу, куда прибыли уже въ темнотѣ. Во время отступленія Зарайскій полкъ потерялъ убитыми и ранеными 21 нижняго чина.

Прибывъ въ Вейдягоу, полкъ сталъ бивакомъ у самой деревни, выставивъ впередъ сторожевое охраненіе. Изъ ожидавшихъ нашего прихода походныхъ кухонь былъ тотчасъ же выданъ ужинъ. У дер. Вейдягоу расположился на ночлегъ и прибывшій значительно раньше насъ казачій отрядъ Грекова. Тутъ же находился и генералъ Столица. Въ Вейдягоу къ полку возвратились двѣ роты, отправленныя утромъ въ распоряженіе Дружинина. Послѣдній ни за что не хотѣлъ ихъ отпускать, но я настоялъ на этомъ передъ генераломъ Столицей, указывая на

то, что эти роты были даны лишь на время отхода съ Ляньдянсанской позиціи, а совсѣмъ не на все продолженіе кампаніи.

Утромъ 15 августа генералъ Столица приказалъ мнѣ занять позицію у Вейдягоу съ цѣлью прикрыть отступленіе обозовъ и войскъ по пути Вейдягоу—Мындяфанъ—Сычаню.

Кромѣ Зарайцевъ и эскадрона Черниговскаго драгунскаго полка мнѣ были еще подчинены баталіонъ 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и два конно-горныхъ орудія пограничной стражи. Получивъ самостоятельное назначеніе, я просилъ Столицу познакомить меня съ общей обстановкой, но онъ отвѣтилъ, что ему она также неизвѣстна. Что касается генерала Грекова, то онъ со своими казаками еще на разсвѣтѣ выступилъ въ Мындяфанъ, верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ Вейдягоу, предупредивъ меня, что оттуда будетъ освѣщать мѣстность передъ фронтомъ и на флангахъ моего отряда.

Я расположилъ подчиненныя мнѣ войска слѣдующимъ образомъ: одинъ баталіонъ Зарайцевъ—на высотѣ къ сѣверо-западу отъ Вейдягоу; три роты стрѣлковъ—на высотѣ сѣвернѣе деревни (по другую сторону дороги); два конно-горныхъ орудія—на высотѣ позади позиціи Зарайцевъ; остальные три баталіона Зарайцевъ въ общемъ резервѣ — у небольшой деревушки близъ дороги.

Впередъ были высланы драгунскіе разъѣзды. Охраненіе лѣваго фланга поручено охотникамъ Зарайскаго полка и кромѣ того рота стрѣлковъ расположена верстахъ въ двухъ къ востоку отъ позиціи на высокой сопкѣ, господствовавшей надъ всей окружающей мѣстностью. Для наблюденія справа я приказалъ полуэскадрону драгунъ выдвинуться въ дер. Куншинтай, въ четырехъ верстахъ къ западу отъ позиціи.

Полуэскадронъ выступилъ изъ Вейдягоу по дорогѣ, пролегающей по долинѣ. Въ это время я съ нѣсколькими офицерами стоялъ на высотѣ занятой Зарайцами, откуда открывался обширный кругозоръ. Прошло не болѣе четверти часа, какъ вдругъ въ долинѣ раздалась ружейная трескотня и мы увидѣли драгунъ, мчавшихся обратно вразсыпную. По полю носилось нѣсколько лошадей безъ всадниковъ. Изъ опроса возвратившихся драгунъ выяснилось, что войдя въ деревню, находившуюся всего въ двухъ верстахъ отъ нашей позиціи, полуэскадронъ былъ неожиданно обстрѣлянъ японской пѣхотой, несмотря на то, что шедшій впереди разъѣздъ прошелъ черезъ эту деревню безпрепятственно. По первоначальному докладу полуэскадронъ потерялъ 19 нижнихъ чиновъ, впослѣдствіи же убыль опредѣлилась всего въ 5 человѣкъ раненыхъ и 4 пропавшихъ безъ вѣсти.

Вскорѣ послѣ этого было замѣчено движеніе трехъ японскихъ баталіоновъ въ направленіи съ юга на дер. Суйчве. Цѣпь Зарайцевъ, загнувъ флангъ, обстрѣливала ихъ съ большого разстоянія, но японцы продолжали движеніе. Передъ нашимъ фронтомъ, по донесенію разъѣздовъ, также появились небольшія пѣхотныя части.

При указанныхъ условіяхъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ и считая свою задачу выполненной, такъ какъ обозы нашей колонны уже миновали перевалъ Мындяфанъ—Сычаню, я рѣшилъ медленно отходить назадъ. Съ этою цѣлью, около полудня, было приказано тремъ баталіонамъ Зарайскаго полка, до тѣхъ поръ составлявшимъ резервъ, занять позицію на высотахъ западнѣе дороги Вейдягоу—Мындяфанъ, фронтомъ на дер. Суйчве, а остальнымъ частямъ, подъ прикрытіемъ этого боковаго заслона, выступить по дорогѣ на Мындяфанъ.

Въ это время я получилъ записку генерала Грекова, отправленную изъ Мындяфана въ 11 час. утра, въ которой говорилось: „Сталъ бивакомъ въ тылу пѣхоты за лѣвымъ флангомъ. Выслалъ разъѣзды освѣтить впередъ, на югъ, на востокъ и западъ“.

При существовавшей обстановкѣ это сообщеніе звучало ироніей. Я отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: „Не знаю кто освѣщаетъ мой правый флангъ, но знаю, что японская пѣхота обошла насъ съ этой

стороны и наши цѣпи перестрѣливаются. Съ фронта тоже наступаютъ, но мало. Чтобы парализовать обходъ я постепенно выстраиваю фронтъ направо и буду медленно отходить на Мындяфанъ. Перешлите пожалуйста это донесеніе генералу Столицѣ".

Части, направленныя по дорогѣ, отошли уже версты полторы отъ первоначальной позиціи, когда отъ генерала Столицы была получена записка, отправленная изъ Мындяфана въ 12 час. 50 мин. пополудни, въ которой говорилось: „Приказано держаться до послѣдней возможности".

Я тотчасъ же остановилъ Зарайскій полкъ и занялъ позицію у перекрестка дорогъ на Цофаньтунь и Мындяфанъ, расположивъ одинъ баталіонъ фронтомъ на югъ по обѣ стороны дороги, другой баталіонъ фронтомъ на западъ и два баталіона въ резервѣ. Правѣе насъ (фронтомъ на западъ) стали части 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. На занятой позиціи мы укрѣпились.

Тутъ я получилъ записку (№ 20) генерала Добржинскаго, отправленную изъ глубокаго тыла (дер. Кавлицунъ) съ благодарностью за удачный бой 13 августа и съ запросомъ—„Что вами было сдѣлано для установленія связи со мною?".

Находясь съ полкомъ въ отдѣлѣ, я очевидно держалъ связь со своимъ временнымъ начальствомъ генералами Столицей, Кашталинскимъ и Ивановымъ,

а совсѣмъ не съ Добржинскимъ, оставшимся гдѣ то назади. Впрочемъ, какъ потомъ выяснилось, послѣднему это нужно было для того, чтобы попробовать примазаться къ нашему успѣху.

Вскорѣ послѣ занятія позиціи у перекрестка дорогъ на Цофантунь и Мындяфанъ пріѣхалъ генералъ Столица, сообщившій что наша остановка вызвана тѣми затрудненіями, которыя встрѣтила сосѣдняя колонна, двигавшаяся верстахъ въ десяти восточнѣе насъ черезъ Ванбатайскій перевалъ.

Около этого же времени я получилъ непосредственно отъ генералъ-квартирмейстера арміи Харкевича слѣдующую записку: „Командующій арміей приказалъ вамъ держаться *по возможности упорно,* имѣя въ виду, что наши обозы по этапному пути отъ Сяолинцзы еще не преодолѣли перевала и что каждая удержанная вами верста имѣетъ значеніе. *Не давайте себя разбить.* Въ случаѣ необходимости можете опереться на Бугульминскій полкъ (71-й пѣх. дивизіи), укрѣпляющій высоты между Цофантунемъ и Мындяфаномъ, а въ случаѣ особой надобности можете притянуть его къ себѣ".

На новой позиціи, не тревожимые непріятелемъ, мы простояли до наступленія темноты. Вечеромъ было получено приказаніе отступить за Мындяфанскій перевалъ. Исполнивъ это, я свернулъ съ дороги

влѣво и, поднявшись на высоты, расположилъ полкъ на ночлегъ.

Отступать послѣ одержаннаго успѣха было непріятно, но мы утѣшали себя тѣмъ, что Ляньдянсанскій бой былъ лишь авангарднымъ дѣломъ, разыграннымъ въ цѣляхъ развѣдки, а теперь армія отходитъ на укрѣпленныя Ляоянскія позиціи, гдѣ будетъ дано генеральное сраженіе.

Ляоянское сраженіе.

Присоединеніе полка къ дивизіи. — Рекогносцировка Добржинскаго. — Переправа японцевъ черезъ Тайцзыхэ. — Оборонительное положеніе занятое дивизіей. — Выдвиженіе Зарайскаго полка на уступную позицію. — Взятіе японцами Нѣжинской сопки. — Наступательный планъ Куропаткина. — Отступленіе Орлова. — Неудачная атака Добржинскимъ Нѣжинской сопки. — Отправленіе на сопку Зарайскаго полка. — Произведенная мною рекогносцировка. — Занятіе оборонительной позиціи. — Общее отступленіе. — Стратегическое значеніе боя за Нѣжинскую сопку. — Паника у Сандопа. — Перемѣна въ обращеніи съ китайцами. — Жестокость Добржинскаго. — Впечатлѣніе произведенное на армію отступленіемъ отъ Ляояна.

(16—25 августа).

На разсвѣтѣ 16-го августа, согласно полученнаго приказанія, Зарайскій полкъ занялъ высоты къ сѣверо-западу отъ д. Мындяфанъ, входившія въ составъ такъ называемой передовой позиціи, прикрывавшей Ляоянъ съ юга.

На указанномъ участкѣ не оказалось никакихъ укрѣпленій, вслѣдствіе чего было тотчасъ же приступлено къ возведенію стрѣлковыхъ и резервныхъ окоповъ. Постройка задерживалась скалистымъ грунтомъ высотъ, такъ что насыпи пришлось дѣлать преимущественно изъ дернинъ, вырѣзываемыхъ

въ лощинѣ, лежавшей позади. Работа была окончена къ 4 час. пополудни, а два часа спустя было получено приказаніе передать укрѣпленную позицію 12 Восточно-Сибирскому стрѣлковому полку.

Въ теченіе всего времени, пока мы занимали позицію, непріятель насъ совершенно не безпокоилъ, но когда Зарайцы уже уходили, японцы начали обстрѣливать высоты артиллерійскимъ огнемъ. Послѣ смѣны, 1 и 2 баталіоны отошли на ночлегъ къ дер. Кавлицунъ, а 3 и 4 баталіоны остались въ резервѣ 3 Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи.

Утромъ 17 августа я получилъ приказаніе генерала Добржинскаго вести полкъ къ д. Эфа (близъ Ляояна) и, перейдя по имѣвшемуся тамъ мосту на правый берегъ р. Тайцзыхэ, прибыть къ д. Тудаогоу на соединеніе съ другими частями дивизіи, расположенными въ раіонѣ между деревнями Тудаогоу и Сыквантунь, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ арміи.

Такъ какъ при начавшихся съ разсвѣтомъ атакахъ японцевъ на позиціи 3 Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, начальникъ ея генералъ Кашталинскій счелъ невозможнымъ отпустить 3 и 4 баталіоны Зарайцевъ, то я выступилъ лишь съ 1 и 2 баталіонами и къ вечеру, послѣ двадцативерстнаго перехода, прибылъ къ дер. Тудаогоу, гдѣ полкъ сталъ бивакомъ. Ночью къ намъ подошелъ 3 баталіонъ.

Рано утромъ 18-го августа начальникъ дивизіи собралъ въ Тудаогоу командировъ бригадъ и полковъ и отправился съ ними для осмотра мѣстности. Предполагалось проѣхать на востокъ черезъ Сыквантунь до Фаншена; затѣмъ двинуться на сѣверъ черезъ Хванкуфэнъ и наконецъ, свернувъ на западъ, возвратиться обратно въ Тудаогоу. Однако, немного не доѣзжая до Сыквантуня, мы встрѣтили начальника коннаго отряда генералъ-маіора князя Орбеліани. Тутъ же находился Терско-Кубанскій полкъ. Орбеліани сообщилъ Добржинскому, что непріятель силою около дивизіи пѣхоты перепра-

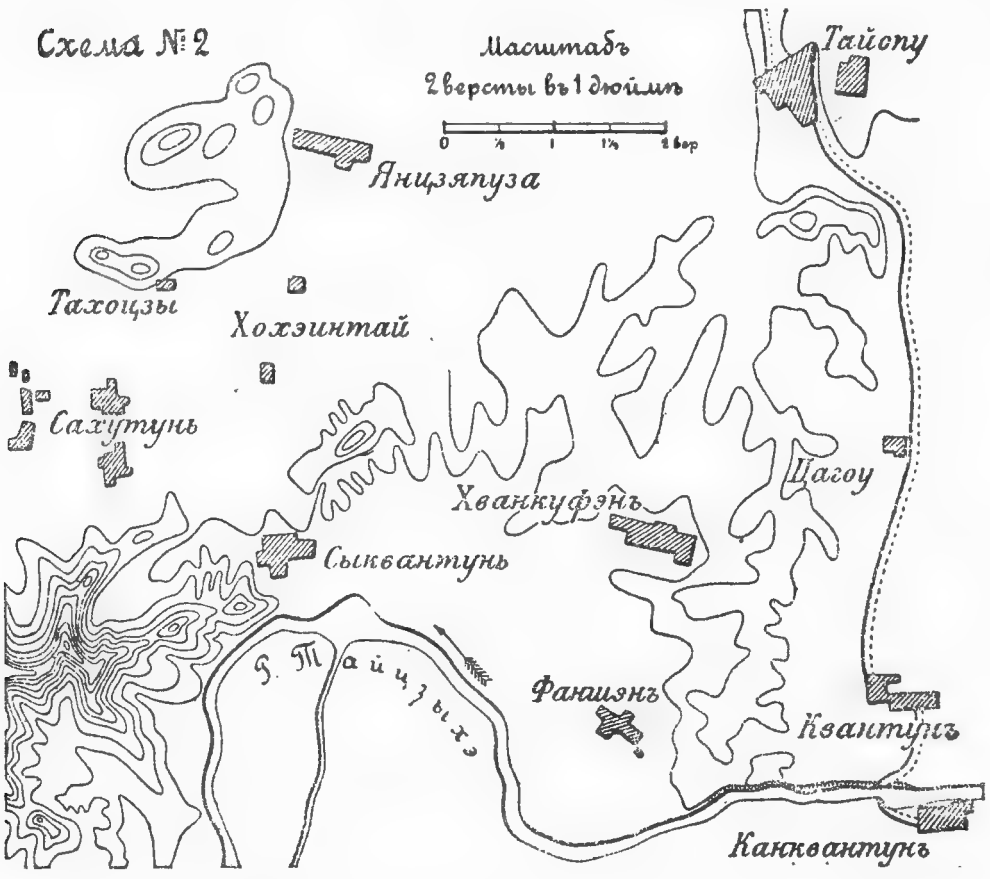
вляется черезъ Тайцзыхэ въ бродъ у дер. Лентоуванъ, въ восьми верстахъ къ юго-востоку отъ Сыквантуня.

При этомъ разговорѣ, кромѣ указанныхъ начальниковъ, присутствовали также сопровождавшіе ихъ офицеры, въ томъ числѣ штабсъ-капитаны Зарайскаго полка Зеньковичъ и Ивановъ и поручикъ 35 артиллерійской бригады Гласко, состоящіе въ своихъ частяхъ и теперь. Подъ впечатлѣніемъ услышаннаго я высказалъ мнѣніе, что такъ какъ наша дивизія въ сборѣ, то намъ слѣдуетъ, не ожидая приказаній, немедленно перейти въ наступленіе съ цѣлью атаковать переправляющихся японцевъ, или же во всякомъ случаѣ—придвинуться къ мѣсту переправы настолько, чтобы взять ихъ подъ самый сильный обстрѣлъ.

Однако начальникъ дивизіи не только не принялъ моего совѣта, но даже отказался отъ намѣренія ѣхать на Фаншэнъ, а тотчасъ же (недоѣзжая Сыквантуня) свернулъ влѣво на сѣверъ. Проблуждавъ часа три по необозримымъ гаоляновымъ полямъ и ничего не увидѣвъ, мы возвратились въ Тудаогоу.

Около полудня Добржинскій отдалъ распоряженія, согласно коихъ: Болховскій полкъ расположился на ближайшихъ высотахъ къ юго-западу отъ дер. Сыквантунь; Новоингерманландскій полкъ, въ

составѣ 2½ баталіоновъ, занялъ самую деревню, а Нѣжинскій полкъ — высоту къ сѣверо-востоку отъ нея, получившую названіе Нѣжинской сопки; Моршанскій и Зарайскій полки составили резервъ дивизіи западнѣе дер. Сахутунь (западная).



Для развѣдокъ были высланы впередъ охотники, поддержанные нѣсколькими ротами, но они только наблюдали, а не препятствовали переправѣ.

Въ настоящее время извѣстно, насколько такая пассивность была на руку японцамъ. Они быстро

укрѣпили позицію по гребню высотъ между д. д. Квантунъ и Ханкуфэнъ и подъ прикрытіемъ ея навели понтонный мостъ у Канквантуна, по коему перешла вся артиллерія, для которой существовавшіе броды были слишкомъ глубоки. Къ вечеру 18 августа на правомъ берегу уже находились $1^1/_2$ дивизіи съ ихъ артиллеріей.

По поводу этой переправы германскій военный агентъ при нашей арміи баронъ Теттау, въ своемъ сочиненіи*) говоритъ слѣдующее: „Нужно было думать, что на основаніи первыхъ донесеній, русскія войска, находившіяся на сѣверномъ берегу Тайцзыхе, перейдутъ въ наступленіе, чтобы атаковать противника во время переправы и отбросить его; но ничего подобнаго не случилось, дали японцамъ спокойно переправиться и довольствовались тѣмъ, что приказали 35 дивизіи занять оборонительную позицію на высотахъ у Сыквантуня".

Ночь съ 18 на 19 августа прошла спокойно. Утромъ, вслѣдствіе полученнаго донесенія о томъ, что японцы послѣ переправы стали распространяться къ сѣверу, начальникъ дивизіи, опасаясь за свой лѣвый флангъ, приказалъ мнѣ съ Зарайскимъ полкомъ и тремя батареями 35 артиллерійской бригады

*) Баронъ Теттау. „Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манджуріи съ русскими войсками". Переводъ Грулева. Часть I, стр. 278.

занять уступную позицію приблизительно верстахъ въ трехъ къ сѣверо-западу отъ Нѣжинской сопки.

Эта мѣстность, точно также какъ и всѣ вообще окрестности, насколько глазъ хваталъ, была покрыта высокимъ гаоляномъ, совершенно закрывавшимъ осмотръ и обстрѣлъ. Оріентировка затруднялась еще тѣмъ, что двухверстная карта, которой мы до сихъ поръ пользовались, кончалась на параллели Сахутуня и мѣстность далѣе на сѣверъ была изображена лишь на схематической, весьма неполной и неточной четырехверстной картѣ.

Отправившись впередъ, я выбралъ для позиціи небольшой гребень, слегка обозначавшійся въ гаолянѣ между деревнями Янцзяпуза и Тахоцзы. Батареи стали за этимъ гребнемъ, въ разстояніи около $2^1/_2$ верстъ отъ Нѣжинской сопки; два баталіона развернулись по сторонамъ и нѣсколько впереди ихъ на самомъ гребнѣ, а два остальные стали въ резервѣ. Для непосредственнаго прикрытія артилеріи я придалъ къ каждой батареѣ по полуротѣ.

На занятой позиціи мы окопались, гаолянъ на нѣсколько сотъ шаговъ впереди и на флангахъ, за исключеніемъ нужнаго для маскировки, былъ сломанъ. Влѣво отъ нашего расположенія находился небольшой отрядъ подполковника Баудера (1 рота, конно-охотничья команда и $1^1/_2$ сотни), а вправо у д. Хохэинтай (южный), въ качествѣ резерва войскъ

оборонявшихъ Нѣжинскую сопку, стали 2½ баталіона Моршанскаго полка. Для связи съ этими сосѣдями я выставилъ особые посты.

Надъ окружавшимъ нашу позицію со всѣхъ сторонъ моремъ гаоляна, верстахъ въ четырехъ впереди, подымался кряжъ высотъ, тянувшійся съ юга на сѣверъ къ Янтайскимъ копямъ, а въ двухъ съ половиною верстахъ къ юго-востоку виднѣлась плоская, съ бугромъ посерединѣ, вершина Нѣжинской сопки, которой суждено было сыграть столь роковую роль въ Ляоянской битвѣ. Съ утра японская артиллерія энергично обстрѣливала эту сопку и отыскивала расположенныя за ней русскія батареи. Послѣднія отвѣчали довольно рѣдкимъ огнемъ.

Что касается трехъ батарей моего участка, то онѣ первоначально перестрѣливались съ батареями непріятеля у Хванкуфэна, причемъ былъ взорванъ одинъ зарядный ящикъ, а затѣмъ стали обстрѣливать дорогу, ведущую отъ Цагоу на Тайопу, по которой, согласно донесеніямъ кавалеріи, двигались японскія колонны. За день мы имѣли трехъ раненыхъ.

Вечеромъ меня извѣстили изъ штаба дивизіи, что на слѣдующій день (20-го августа) на разсвѣтѣ, отъ копей Янтай, находившихся въ восьми верстахъ къ сѣверо-востоку отъ нашей позиціи, начнетъ наступленіе во флангъ расположеннымъ противъ насъ японскимъ войскамъ генералъ Орловъ.

Между тѣмъ, когда стемнѣло, японская артиллерія сосредоточила сильнѣйшій огонь по Нѣжинской сопкѣ. Надъ вершиною ея стояло какъ бы зарево изъ шрапнельныхъ разрывовъ. Затѣмъ артиллерійскій огонь вдругъ прервался и со стороны сопки стали доноситься трескъ ружейной стрѣльбы и гулъ криковъ. Очевидно непріятельская пѣхота пошла въ атаку. Это продолжалось около часа, потомъ шумъ боя стихъ и надъ сопкою опять показались огни японскихъ шрапнелей, изъ чего мы заключили что непріятель былъ отбитъ.

Однако въ полночь снова раздались на сопкѣ ружейная пальба и крики. Одновременно къ западу отъ нея послышались громкіе звуки музыки и пѣсенъ. Это генералъ Добржинскій посылалъ такимъ способомъ свои резервы, привлекая на нихъ артиллерійскій огонь.

Во второмъ часу настала полная тишина. Не зная чѣмъ ее объяснить, такъ какъ изъ сосѣдняго Моршанскаго полка, съ которымъ мы держали связь, былъ полученъ неопредѣленный отвѣтъ, я послалъ офицера къ начальнику дивизіи узнать результатъ боя; но генерала Добржинскаго съ его штабомъ нигдѣ разыскать не удалось. Только на разсвѣтѣ мы узнали, что непріятель овладѣлъ Нѣжинской сопкой и дер. Сыквантунь и что наши войска отошли къ Сахутуни.

Изъ „Записной книжки“ Гамильтона (т. II стр. 91) видно, что силы японцевъ, достигшія такого результата, состояли изъ 15-ой бригады генералъ-маіора Окасаки, т.-е. изъ шести баталіоновъ *).

Что касается Зарайскаго полка, съ состоявшими при немъ тремя батареями, то, исполняя приказаніе начальника дивизіи, онъ простоялъ всю ночь совершенно спокойно, никѣмъ нетревожимый, на своей прежней позиціи.

Утромъ 20 августа я получилъ отъ генерала Добржинскаго слѣдующую записку: „Въ виду неудачи, постигшей 137 полкъ вслѣдствіе внезапнаго нападенія тотчасъ послѣ отбитаго штурма, дѣйствія дивизіи намѣчены отдѣльными группами: 1) группа полковника Орлова, обороняясь у Сахутуня, можетъ постепенно отходить на линію Яндятунь—Эрдагоу; 2) Группа ваша (140 полкъ, 1½ эск. Черниговскаго полка и три батареи 35-й артил. бригады), въ вашемъ же вѣдѣніи будетъ и 1 сотня Уссурійскаго полка для связи съ генералъ-маіоромъ Орловымъ, наступающимъ отъ Янтая. *Задача* удерживать противника на фронтѣ и держать связь съ генералъ-маіоромъ Орловымъ. Съ полковникомъ Орловымъ также войдите въ связь. При натискѣ отходите на западъ, не

*) Въ составъ 2-й японской дивизіи генералъ-лейтенанта барона Ниши входили: 15-я бригада генералъ-маіора Окасаки и 3-я бригада генералъ-маіора Мацунага.

отрываясь отъ 138-го полка (справа); при невозможности же сего—на отрядъ генералъ-маіора Орлова. Артиллеріи прикажите открыть огонь лишь тогда, когда откроютъ его японцы (особенно съ сопки), или для содѣйствія генералъ-маіору Орлову и по обстоятельствамъ".

Такимъ образомъ мы остались на своей прежней позиціи, которая уже оказалась уступомъ впереди, а не назади общаго расположенія. Моя артиллерія, согласно вышеприведенному распоряженію, утромъ не стрѣляла. Пользуясь затишьемъ, командиръ дивизіона просилъ у меня разрѣшенія перемѣнить позицію на полверсты назадъ. Свою просьбу онъ мотивировалъ тѣмъ, что во время вчерашней стрѣльбы японцы навѣрное замѣтили мѣсто нашихъ батарей и при будущемъ артиллерійскомъ состязаніи могутъ этимъ воспользоваться. Разрѣшивъ просимое, я въ 10 часовъ утра донесъ объ этомъ особою запискою начальнику дивизіи. Вскорѣ было замѣчено, что наша артиллерія, расположенная на другихъ позиціяхъ, открыла огонь по Нѣжинской сопкѣ и дер. Сыквантунь. Тогда и батареи моего участія тоже стали стрѣлять въ этомъ направленіи.

Между тѣмъ съ сѣверо-востока, со стороны Янтайскихъ копей, давно уже доносился гулъ артиллерійской стрѣльбы. Намъ казалось, что онъ постепенно приближается и мы съ нетерпѣніемъ ждали

выхода отряда генерала Орлова во флангъ японцамъ.

Около полудня пріѣхалъ къ намъ на позицію генералъ-квартирмейстеръ арміи Харкевичъ. Выѣхавъ рано утромъ изъ Ляояна и объѣхавъ, при страшной жарѣ, весь фронтъ XVII корпуса отъ Тайцзыхэ до дер. Янцзяпуза, онъ былъ совершенно измученъ и остановился у насъ отдохнуть. Я угостилъ его чаемъ, свареннымъ въ котелкѣ на какой то грязной жижѣ вмѣсто воды и онъ впослѣдствіи признавался, что такого вкуснаго напитка никогда не пилъ.

Во время отдыха Харкевичъ познакомилъ меня съ обстановкой. Тутъ я узналъ, что Куропаткинъ рѣшилъ главными силами обрушиться на переправившуюся черезъ Тайцзыхэ армію Куроки. Съ этою цѣлью еще вечеромъ 18 августа была очищена передовая позиція, прикрывавшая Ляоянъ съ юга, и стоявшія на ней войска отведены на главную линію Ляоянскихъ укрѣпленій. Затѣмъ для обороны этой линіи оставлены лишь II и IV Сибирскіе корпуса, а X армейскій, I и III Сибирскіе корпуса направлены на правый берегъ Тайцыхэ для совмѣстныхъ дѣйствій съ нашимъ XVII корпусомъ и отрядомъ Орлова. По словамъ Харкевича, эти корпуса частью уже подошли, а частью подходятъ къ линіи Янтай—Сыквантунь и какъ только они развернутся,

то командующій арміей, принявъ надъ ними лично начальство, перейдетъ въ общее наступленіе.

Мы мечтали объ успѣхѣ, когда около 2 часовъ пополудни увидѣли казака, очевидно везшаго донесеніе. Генералъ Харкевичъ подозвалъ его къ себѣ. Записка оказалась отъ генерала Орлова въ штабъ арміи. Въ ней Орловъ доносилъ, что потерпѣлъ неудачу и отходитъ къ станціи Янтай. Это было первое разочарованіе. Генералъ Харкевичъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и отправился въ штабъ арміи.

Между тѣмъ отъ начальника дивизіи прибылъ ординарецъ, который сообщилъ, что въ 5 час. вечера будетъ произведена атака Нѣжинской сопки. Впослѣдствіи я получилъ по этому поводу еще записку (№ 46), въ которой говорилось: „Штурмъ Нѣжинской горы начинается въ 5 час. дня".

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Добржинскій отдалъ артиллерійскимъ начальникамъ слѣдующее приказаніе (записка № 43): „Предлагаю ровно въ 2 часа дня начать усиленное обстрѣливаніе Нѣжинской сопки и мѣстности вправо (къ югу отъ нея) и за нею, съ разной установкой прицѣловъ и на ударъ. Стрѣльбу окончить въ 3 часа и, вновь начавъ ровно въ 4 часа, окончить въ 5 час. и болѣе по этой цѣли не стрѣлять".

Согласно отчета генерала Куропаткина (т. I, стр. 225): „въ подготовкѣ атаки Нѣжинской высоты и Сыквантуня приняли участіе 152 орудія".

Огонь былъ открытъ, какъ приказано, въ 2 часа пополудни. Орудія стрѣляли не особенно часто, потому что было получено распоряженіе начальника артиллеріи арміи беречь патроны для предстоявшаго генеральнаго сраженія. Тѣмъ не менѣе огонь такого огромнаго числа орудій, сосредоточенный на небольшой высотѣ, производилъ сильное впечатлѣніе. Вершина и скаты ея были совершенно окутаны дымками шрапнелей. По этому поводу Гамильтонъ (т. II, стр. 97) говоритъ: „Не нахожу словъ передать впечатлѣніе этой бомбардировки . . . . . воздухъ казался живымъ существомъ отъ разрывающихся снарядовъ".

Въ 5 час. вечера всѣ орудія умолкли и мы съ замираніемъ сердца ожидали атаки. Однако время шло и спокойствіе не нарушалось. Становилось очевиднымъ, что если этотъ антрактъ протянется долго, то непріятель, по всѣмъ вѣроятіямъ очистившій западные склоны высоты на время бомбардировки, займетъ ихъ снова для встрѣчи атаки. Около 6 час. вечера командиръ 4-й батареи подполковникъ Перфильевъ обратилъ мое вниманіе на то, что японцы по отлогому сѣверо-восточному склону сопки втаскиваютъ наверхъ орудія. Тогда я, на личную отвѣтственность, приказалъ снова открыть огонь и японцамъ пришлось отъ своего намѣренія отказаться. Вслѣдъ за батареями моего участка возобновили огонь (можетъ быть слѣдуя нашему примѣру, а можетъ быть

по особому распоряженію свыше) и многія другія батареи. Стрѣльба продолжалась приблизительно до 7 час. вечера послѣ чего началась атака.

Въ настоящее время извѣстно, что Нѣжинскую сопку и дер. Сыквантунь попрежнему занимала 15-я бригада Окасаки, т.-е. шесть баталіоновъ, и что всѣ бои за означенную позицію она выдержала самостоятельно безъ помощи другихъ войскъ.

По этому поводу Гамильтонъ (т. II стр. 101 и 102) говоритъ: „Генералъ-маіоръ Окасаки лично сказалъ капитану Винценту, что Мацунага (3-я бригада) совершенно не ввязывался въ бой въ ночь съ 2 на 3 сентября. Позже я просилъ самую старшую изъ доступныхъ мнѣ властей разъяснить дѣйствительное положеніе вещей. Это лицо сказало мнѣ: Мацунага не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, но его прибытіе въ качествѣ резерва къ начальнику дивизіи дало ему возможность послать въ огонь всѣхъ до послѣдняго людей бригады Окасаки, вмѣсто того чтобы взять часть людей ему подчиненныхъ“.

Для атаки указанныхъ 6 японскихъ баталіоновъ, согласно отчета генерала Куропаткина (т. I, стр. 227 и 228), было назначено: на правомъ флангѣ—семь, въ центрѣ—тринадцать и на лѣвомъ флангѣ—семь, всего 27 баталіоновъ.

Что касается самаго боя на Нѣжинской сопкѣ, то по разспросамъ участниковъ, сдѣланнымъ мною

въ ближайшіе дни, пока еще впечатлѣніе не изгладилось, общая картина его представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ восьмомъ часу вечера, при наступившей уже темнотѣ, части Нѣжинскаго, Болховскаго, Моршанскаго, Новоингерманландскаго, Елецкаго, Пензенскаго и Козловскаго полковъ, безъ всякаго общаго руководства и управленія, двинулись къ сопкѣ по обширнымъ гаоляновымъ полямъ, совершенно перепутавшись между собою. На сопкѣ разыгрался безпорядочный штыковой бой, послѣ котораго японцы отошли въ гаолянъ, начинавшійся у самаго подножія ея и оттуда начали осыпать ее пулями.

Положеніе нашихъ перемѣшавшихся частей сдѣлалось очень тяжелымъ, такъ какъ найти на голыхъ скатахъ сопки укрытіе отъ пуль, свистѣвшихъ по разнымъ направленіямъ, было невозможно, тѣмъ болѣе, что прежніе русскіе окопы оказались засыпанными, а японскіе окопы были съ тыла открыты. Отдѣльныя разрозненныя части сдѣлали нѣсколько отчаянныхъ попытокъ продвинуться дальше, но не имѣли успѣха.

При такихъ условіяхъ войска, занимавшія сопку, стали быстро таять какъ отъ огромныхъ потерь, такъ и по той причинѣ, что болѣе малодушные люди, пользуясь ночной темнотой, начали попросту уходить въ тылъ, особенно подъ предлогомъ выноса

раненыхъ. Въ концѣ концовъ, къ 2 час. ночи, на сопкѣ уже не осталось защитниковъ и японцы заняли ее снова.

Неблагопріятный оборотъ дѣла былъ очевиденъ даже въ тылу для постороннихъ наблюдателей. Такъ баронъ Теттау, который въ это время находился приблизительно верстахъ въ пяти къ западу отъ Нѣжинской сопки, въ своемъ сочиненіи (ч. I, стр. 307), пишетъ: „Полная деморализація войскъ стала замѣчаться все больше и больше; раненые люди цѣлыми толпами проходили мимо въ темнотѣ по направленію на западъ. Вскорѣ показались отступающія роты, даже цѣлые баталіоны 121-го и 123-го пѣхотныхъ полковъ, въ которыхъ командиры были ранены, а также и части войскъ 17-го корпуса".

Между тѣмъ, какъ будетъ документально доказано ниже, непосредственный руководитель описываемаго боя генералъ-лейтенантъ Добржинскій, не только въ это время, но и въ 7 час. утра и даже значительно позднѣе, еще не зналъ о томъ, что подчиненныя ему войска очистили Нѣжинскую сопку. Подобный, на первый взглядъ, совершенно невѣроятный фактъ объясняется тѣмъ, что во время боевъ генералъ Добржинскій имѣлъ обыкновеніе держаться слишкомъ далеко въ тылу и къ тому же, не желая этого обнаруживать, зачастую скрывалъ отъ войскъ мѣсто своего нахожденія. Напримѣръ, ни на

одной изъ его многочисленныхъ полевыхъ записокъ, приведенныхъ мною дословно въ этой главѣ, не показано откуда онѣ отправлены!!

Баронъ Теттау (ч. I, стр. 305) говоритъ, что въ ночь съ 20 на 21 августа ординарцамъ командира X корпуса, несмотря на всѣ ихъ старанія, не удалось найти генерала Добржинскаго. Правда, послѣдній пытается это объяснить тѣмъ, что онъ „находился въ боевыхъ линіяхъ“, гдѣ его не рѣшились искать „боязливые офицеры штаба X корпуса“; но очевидцы разсказываютъ другое.

Въ приказѣ 35-й пѣхотной дивизіи, отъ 3 декабря 1908 года за № 185, отданномъ генералъ-лейтенантомъ Шевцовымъ, преемникомъ Добржинскаго въ должности, сказано: „По единогласному утвержденію всѣхъ участниковъ войны, ни въ этомъ случаѣ, ни во многихъ другихъ во все продолженіе кампаніи, генералъ Добржинскій не показывался въ раіонѣ боевыхъ частей, находившихся не только въ сферѣ ружейнаго, но и артиллерійскаго огня“.

Въ то время, какъ описанныя событія происходили на Нѣжинской сопкѣ, Зарайцы, исполняя приказаніе начальника дивизіи, продолжали стоять на своей прежней уступной позиціи. Однако, опасаясь нечаяннаго нападенія въ густомъ гаолянѣ въ темную ночь, тѣмъ болѣе, что уже днемъ небольшая часть японской пѣхоты пыталась охватить насъ слѣва,

я собралъ весь полкъ вокругъ артиллеріи для ея охраны.

Въ четвертомъ часу пополуночи я получилъ отъ начальника дивизіи слѣдующую записку (№ 45), отправленную имъ въ 2 часа ночи: „Съ полученія сего снимите полкъ съ артиллеріей и присоединитесь ко мнѣ западнѣе Сахутуня. Одинъ баталіонъ вышлите немедленно ко мнѣ“.

Такъ какъ полкъ былъ уже въ сборѣ, то я тотчасъ-же выступилъ со всѣми четырьмя баталіонами и тремя батареями. При выходѣ изъ дер. Сахутунь (западная) я увидѣлъ, сидѣвшаго верхомъ на бѣломъ конѣ, командира 1-ой бригады нашей дивизіи генералъ-маіора Глинскаго. Отъ имени начальника дивизіи генералъ предложилъ мнѣ повернуть назадъ, двинуться съ полкомъ на Нѣжинскую сопку и принять начальство надъ всѣми расположенными тамъ войсками. Я отвѣтилъ, что имѣю отъ того же начальника дивизіи совсѣмъ другое письменное приказаніе и потому долженъ сначала выяснить это разногласіе.

Послѣ этого, остановивъ полкъ, я послалъ полкового адъютанта штабсъ-капитана Влахопулова къ начальнику дивизіи, про котораго мнѣ сказали, что онъ находится въ одной изъ деревень верстахъ въ пяти позади Сахутуни, съ порученіемъ испросить у него, въ случаѣ отмѣны перваго приказанія, второе—но непремѣнно на бумагѣ.

На этотъ разъ Влахопуловъ нашелъ генерала Добржинскаго значительно ближе чѣмъ предполагалось, а именно — впереди д. Сяйдятунь, въ двухъ верстахъ западнѣе Сахутуни и въ пяти верстахъ по прямой линіи отъ Нѣжинской сопки. Начальникъ дивизіи, помѣщавшійся со своей свитой въ густомъ гаолянѣ вправо отъ дороги, прежде всего набросился на Влахопулова за то, что послѣдній подъѣхалъ къ нему верхомъ въ сопровожденіи конного ординарца и такимъ образомъ будто бы обнаружилъ непріятелю расположеніе штаба.

Затѣмъ генералъ Добржинскій не хотѣлъ давать просимаго письменнаго приказанія, ограничиваясь распоряженіемъ на словахъ и только, когда Влахопуловъ доложилъ ему, что командиръ полка приказалъ, во избѣжаніе недоразумѣній, безъ документа назадъ не возвращаться, написалъ слѣдующую записку (№ 38), помѣченную 5 час. 25 мин. утра: «*Одному* баталіону составить прикрытіе артиллеріи слѣва на мѣстѣ стараго бивака резерва. *Двумъ* баталіонамъ подкрѣпить Нѣжинскій, Болховскій и Моршанскій полки и баталіонъ 10 полка. *Одному* баталіону — въ общій резервъ у штаба дивизіи».

На вопросъ штабсъ-капитана Влахопулова, гдѣ находятся означенные полки, которые нужно подкрѣпить, начальникъ дивизіи отвѣтилъ, что они занимаютъ Нѣжинскую сопку и что онъ поручаетъ

полковнику Мартынову принять начальство надъ всѣми расположенными тамъ войсками. „Оттуда ушли только трусы“ — добавилъ онъ — „а храбрые всѣ остались“.

Полтора часа спустя, для оріентировки сосѣдей, была изъ штаба дивизіи отправлена слѣдующая записка:

«Начальнику штаба 31 дивизіи
21 августа 7 час. утра
№ 46. Мѣсто отправленія не указано.

Сопка съ соскомъ занята нами и занятіе ея подкрѣпляется еще двумя баталіонами 140 полка. Сообщаю для свѣдѣнія.

Полковникъ Сухомлинъ».

Этотъ любопытный документъ показываетъ, что въ 7 час. утра генералъ Добржинскій еще не зналъ о происшедшемъ пять часовъ тому назадъ переходѣ Нѣжинской сопки въ руки японцевъ.

Между тѣмъ около 6 час. утра штабсъ-капитанъ Влахопуловъ возвратился къ полку и передалъ мнѣ вышеприведенную (№ 38) записку начальника дивизіи. Оставивъ 4-й баталіонъ для прикрытія артиллеріи, я, вопреки приказанію, другого баталіона къ штабу дивизіи не отправилъ, донеся, что вокругъ бродитъ въ одиночку и кучками много нижнихъ чиновъ, изъ коихъ можно сформировать и болѣе крупную часть.

Затѣмъ съ 1, 2 и 3 баталіонами, я немедленно выступилъ черезъ д. Сахутунь (юго-восточная) къ Нѣжинской сопкѣ, чтобы принять начальство надъ расположенными на ней войсками. Однако множество попадавшихся намъ навстрѣчу солдатъ, именно тѣхъ полковъ, кои предполагались на сопкѣ, наводило на мысль, что тамъ не все должно обстоять благополучно. Какъ разъ въ это время подошелъ поручикъ Черниговскаго драгунскаго полка Ведерниковъ и, отозвавъ меня въ сторону, сказалъ: „Я слышалъ, что вамъ дали свѣдѣніе, будто бы сопка занята нашими войсками. Это ложь. Васъ подводятъ. Она уже давно перешла въ руки японцевъ“.

Пожавъ ему крѣпко руку, я отвѣтилъ: „Не безпокойтесь, я знаю отъ кого получилъ приказаніе и безъ предварительной рекогносцировки полка на сопку не поведу“.

Тѣмъ временемъ голова колонны достигла д. Сахутунь (юго-восточная). Приказавъ 2 и 3 баталіонамъ остаться здѣсь, я съ 1 баталіономъ двинулся по глубокой лощинѣ, которая шла извилинами посреди гаоляновыхъ полей по направленію къ сопкѣ. Пройдя по этой лощинѣ около версты, я остановилъ баталіонъ и, разсыпавъ въ цѣпь двѣ головныя роты, направилъ 1-ю роту на дер. Сыквантунь, а 2-ю роту на Нѣжинскую сопку, самъ же съ состоявшими

при мнѣ офицерами, подошелъ къ находившемуся вблизи грушевому дереву, которое возвышалось надъ гаоляномъ. Влѣзши на это дерево, мы стали разсматривать Нѣжинскую сопку. На ней никого не было видно и царствовала полная тишина. Точно также все оставалось спокойнымъ и со стороны д. Сыквантунь, которая отъ насъ была скрыта склономъ мѣстности.

Однако едва наши цѣпи, двигаясь въ густомъ гаолянѣ, приблизились къ этимъ пунктамъ, какъ онѣ были встрѣчены частымъ ружейнымъ огнемъ. Въ то же время шести-орудійная японская батарея съ Нѣжинской сопки открыла огонь шимозами по предполагаемому мѣсту расположенія нашихъ резервовъ. Стало очевидно, что полученное отъ поручика Ведерникова свѣдѣніе о занятіи непріятелемъ Нѣжинской сопки и дер. Сыквантунь совершенно вѣрно.

Вслѣдствіе этого я отвелъ назадъ рекогносцирующія части, потерявшія убитыми и ранеными 11 нижнихъ чиновъ и со всѣми тремя баталіонами занялъ позицію впереди д. Сахутунь (юго-восточная), имѣя резервъ въ самой деревнѣ. Въ этомъ положеніи я рѣшилъ, въ случаѣ ожидаемаго наступленія противника, держаться до послѣдней крайности, чтобы дать другимъ частямъ возможность собраться и устроиться.

Въ описанной рекогносцировкѣ принялъ участіе, все время находясь при мнѣ, корнетъ Нѣжинскаго драгунскаго полка Орелъ, присланный изъ штаба арміи для того, чтобы наконецъ выяснить въ чьихъ рукахъ находится роковая сопка.

Будучи крайне раздраженъ тѣмъ, что мой полкъ чуть было не подвели подъ разстрѣлъ, я отправилъ начальнику дивизіи записку (копія ея у меня не сохранилась), въ которой почти дословно выразился такъ: „Исполнить ваше приказаніе не могъ. Принять начальство надъ войсками, расположенными на Нѣжинской сопкѣ, не въ моей власти, по той причинѣ, что это войска японскія, а не русскія".

Далѣе въ той же запискѣ я сообщалъ о расположеніи Зарайскаго полка и просилъ прислать мнѣ 4 батарею подполковника Перфильева.

Въ отвѣтъ на это донесеніе явился ординарецъ начальника дивизіи (насколько помню поручикъ Мирный) и передалъ мнѣ, что генералъ Добржинскій одобряетъ всѣ мои распоряженія и назначаетъ меня „начальникомъ всѣхъ войскъ, стоящихъ на боевыхъ позиціяхъ".

Однако не видя никакихъ войскъ, кромѣ бродившихъ одиночныхъ людей и санитаровъ выносившихъ раненыхъ, я отвѣтилъ: „Передайте начальнику дивизіи, что я прошу его письменно указать мнѣ —какія это части и гдѣ онѣ расположены?"

Въ одиннадцатомъ часу утра была получена слѣдующая записка (№ 48): «Назначаю васъ начальникомъ боевой линіи. Въ вашемъ распоряженіи считаю 3 баталіона Зарайскаго полка, 4 батарею 35 артиллерійской бригады и 1½ сотни Уссурійскихъ казаковъ (для охраны фланговъ и связи). Ставлю на видъ неисполненіе моего приказанія въ запискѣ № 38».

Такимъ образомъ оказалось, что громкая фраза о всѣхъ войскахъ, будто бы стоявшихъ на боевыхъ позиціяхъ, относилась лишь къ тремъ баталіонамъ Зарайцевъ и безъ того бывшимъ подъ моей командой. Что касается «постановки на видъ», то она была вызвана тѣмъ, что, какъ сказано выше, я не послалъ баталіона къ штабу дивизіи.

Между тѣмъ, чтобы оріентировать высшее начальство въ истинномъ положеніи дѣлъ (ибо я былъ увѣренъ въ томъ, что генералъ Добржинскій представляетъ его въ ложномъ свѣтѣ), я послалъ начальнику штаба корпуса барону Тизенгаузену слѣдующую записку: „Произведенная мною утромъ рекогносцировка выяснила, что Нѣжинская гора и д. Сыквантунь заняты очень сильно японцами съ 6 орудіями (на сопкѣ). Три баталіона Зарайскаго полка съ батареей стоятъ на позиціи восточнѣе д. Сахутунь (южная). Остальныя части, послѣ вчерашняго штурма, въ полномъ разстройствѣ. Причина—полнѣйшее

отсутствіе руководства. Необходимо прислать начальника. Пишу это вамъ частнымъ образомъ".

Эта записка несомнѣнно нарушала обычный порядокъ службы, но въ такой моментъ, когда висѣла на волоскѣ судьба цѣлаго сраженія, было уже не до формальной дисциплины.

Около 11 часовъ утра генералъ Добржинскій прислалъ мнѣ въ подкрѣпленіе два баталіона Болховскаго и полтора баталіона Новоингерманландскаго полковъ. Болховцы заняли позицію лѣвѣе Зарайцевъ, а Новоингерманландцы стали въ резервѣ. Батарея подполковника Перфильева расположилась за деревней Сахутунь (юго-восточная), изрѣдка перестрѣливаясь съ японской батареей, стоявшей на сопкѣ.

На занятой позиціи мы оставались до вечера, все время ожидая атаки непріятеля; но, какъ теперь извѣстно, японцамъ было не до этого. Въ распоряженіи Куроки на правомъ берегу Тайцзыхэ находились всего двѣ совершенно измученныя дивизіи. Согласно монографіи германскаго генеральнаго штаба (43/44 стр. 99), бригада Окасаки, занимавшая Нѣжинскую сопку, была настолько изнурена, что солдаты даже не въ состояніи были приготовить себѣ пищу и для этого пришлось назначить кавалеристовъ!!

Вечеромъ я получилъ приказаніе отойти на линію д.д. Сяйдятунь — Фандятунь, гдѣ вмѣстѣ съ

другими полками дивизіи расположиться на позиціи фронтомъ на юго-востокъ (схема № 1). Въ приказѣ по дивизіи этотъ отходъ мотивировался задачей прикрыть сосредоточеніе главныхъ силъ арміи къ Янтаю, но всѣ поняли, что это было попросту начало общаго отступленія.

Въ настоящее время безспорно установленъ тотъ фактъ, что подъ Ляояномъ вѣрная побѣда была въ рукахъ Куропаткина, еслибы только онъ не пріостановилъ начатаго противъ Куроки наступленія и не отдалъ приказанія объ отходѣ къ Мукдену. Съ другой стороны извѣстно, что эти пагубныя распоряженія были сдѣланы нашимъ полководцемъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе потери Нѣжинской сопки, долженствовавшей служить осью захожденія при предположенномъ наступленіи.

Указанныя обстоятельства придаютъ описаннымъ событіямъ особое стратегическое значеніе. Несомнѣнно настоящій полководецъ не смутился бы частной неудачей и не отказался бы изъ за нея отъ своего рѣшенія; но во главѣ русской арміи былъ Куропаткинъ, который разъ составивъ себѣ планъ, что нужно вертѣться вокругъ извѣстнаго бугра, иначе уже дѣйствовать не могъ. При такихъ условіяхъ ничтожный самъ по себѣ бой на Нѣжинской сопкѣ оказалъ роковое вліяніе на исходъ Ляоянскаго сраженія, а можетъ быть и всей кампаніи.

Всю ночь надъ Ляояномъ стояло зарево пожара отъ горѣвшихъ интендантскихъ складовъ.

На слѣдующій день (22 августа) утромъ дивизіи было приказано двинуться къ Сандопа и далѣе по Мандаринской дорогѣ на сѣверъ. При этомъ отходъ до Сандопа, на протяженіи 7 — 8 верстъ, предписывалось произвести въ боевомъ порядкѣ и только послѣ этого свернуться въ походную колонну.

Зарайскій полкъ, съ тремя батареями, въ самомъ началѣ движенія былъ выдвинутъ на аріергардную позицію на высоты верстахъ въ двухъ къ югу отъ д. Лотатай. Простоявъ здѣсь около двухъ часовъ, не видя никакого непріятеля и узнавъ, что части дивизіи уже успѣли отойти, я также пошелъ къ д. Сандопа, гдѣ, согласно полученнаго приказанія, 3 и 4 баталіоны расположились на ночлегъ, а 1 и 2 баталіоны были назначены въ сторожевое охраненіе.

Въ ночь съ 22 на 23 августа у Сандопа разыгралась паника, которая могла имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Бивакъ обоихъ Зарайскихъ баталіоновъ былъ расположенъ къ юго-западу отъ деревни. Позади его стали: обозъ I разряда, конно-охотничья команда и эскадронъ Черниговскаго драгунскаго полка, а еще болѣе въ тылу, за глубокимъ оврагомъ, артиллерія. По сосѣдству съ Зарайцами расположился Нѣжинскій полкъ, который послѣ боя на сопкѣ былъ совершенно разстроенъ и сведенъ въ

одинъ баталіонъ, заключавшій въ своихъ рядахъ 3 офицера и 923 нижнихъ чина. Ночь была холодная, тихая и чрезвычайно темная. Люди, не разбивая палатокъ, легли спать возлѣ ружей, составленныхъ въ козлы. Я самъ, завернувшись въ брезентное пальто, прилегъ на кучѣ гаоляна около знамени и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Посреди ночи меня внезапно разбудилъ невѣроятный шумъ. Мимо насъ, со стороны Нѣжинскаго бивака, съ криками — „японцы“, „японская кавалерія“, неслась въ темнотѣ огромная толпа людей. Опасаясь, чтобы мои солдаты съ просонковъ также не поддались паникѣ, я сталъ изо всей силы кричать: „Никакого непріятеля нѣтъ“, „Зарайцы ко мнѣ“. Вскорѣ оба баталіона, разобравъ ружья, собрались вокругъ меня тѣсною кучей. Между тѣмъ бѣжавшая толпа пронеслась въ тылъ нашего бивака. Оттуда доносились крики, ругательства и трескъ ломавшихся повозокъ. Черезъ нѣсколько минутъ шумъ стихъ и былъ слышенъ лишь топотъ носившихся по полю лошадей.

На разсвѣтѣ выяснилось, что на Нѣжинскомъ бивакѣ какой то солдатъ (говорятъ опять еврей) во снѣ крикнулъ „японцы“. Этого было достаточно, чтобы нервно настроенная масса людей бросилась назадъ, налетѣла на нашъ обозъ, на нашихъ охотниковъ, на бивакъ Черниговскаго эскадрона и оста-

новилась лишь тогда, когда скатилась въ находившійся позади глубокій оврагъ, по дну коего протекалъ ручей. Не будь этого, паника приняла бы еще большіе размѣры, такъ какъ за оврагомъ стояла артиллерія. Теперь же все дѣло ограничилось нѣкоторымъ числомъ помятыхъ людей и поломанныхъ повозокъ, а главное тѣмъ, что съ коновязей сорвалась бо́льшая часть нашихъ и драгунскихъ лошадей, изъ которыхъ нѣсколько десятковъ не удалось поймать.

Во время слѣдующаго перехода, когда Зарайскій полкъ остановился на большомъ привалѣ, пріѣхалъ начальникъ дивизіи и обращаясь ко мнѣ и окружавшимъ офицерамъ, въ числѣ коихъ были Влахопуловъ, Бобровъ, Ивановъ и Самароковъ, снялъ шапку и низко кланяясь, благодарилъ насъ за то, что, по его выраженію, мы спасли честь дивизіи. „А этихъ Нѣжинцевъ“ — сказалъ онъ — „я всѣхъ перепорю, семьдесятъ человѣкъ я уже выпоролъ“. Я подумалъ, что шельмовать слѣдовало не солдатъ, а того, кто, трусливо скрываясь въ глубокомъ тылу, своими преступными распоряженіями привелъ въ разстройство прекрасныя войска. Командиръ Нѣжинскаго полка полковникъ Истоминъ, справедливо возмущенный подобной массовой поркой, сначала хотѣлъ поднять это дѣло, но потомъ, по нѣкоторымъ причинамъ, отъ своего намѣренія отказался.

Выразивъ признательность офицерамъ, Добржинскій благодарилъ также и солдатъ Зарайскаго полка, но они едва ему отвѣчали. Такъ велико было негодованіе, вызванное его поведеніемъ въ Ляоянскомъ сраженіи.

Дальнѣйшее отступленіе отъ Сандопа къ Мукдену дивизія произвела въ три перехода, совершенно нетревожимая непріятелемъ, хотя все время носились зловѣщіе слухи, будто Куроки обходитъ насъ съ востока, двигаясь прямо на Мукденъ.

Съ отступленіемъ отъ Ляояна измѣнилось отношеніе нашей арміи къ китайцамъ. Вмѣсто прежняго заигрыванія нѣкоторыя части начали безплатно забирать запасы гаоляна и чумизной соломы, косить посѣвы, рубить заповѣдныя рощи китайскихъ кладбищъ, растаскивать на топливо оставленныя хозяевами фанзы и т. п. Эти, сначала единичные, факты дѣлались все болѣе частыми и подъ конецъ войны обратились въ общее правило. Отдѣльныя же команды безъ офицеровъ зачастую стали себя вести на подобіе хунхузовъ.

Указанное явленіе объясняется постепеннымъ ослабленіемъ дисциплины вслѣдствіе непрерывныхъ неудачъ, а въ скверныхъ элементахъ арміи кромѣ того и потребностью сорвать на комъ нибудь свою безсильную злобу.

Въ послѣднемъ Добржинскій показывалъ солдатамъ самый развращающій примѣръ. Вначалѣ онъ обращался съ китайцами комически галантно, пожимая каждому руку, раскланиваясь и расшаркиваясь, а потомъ сталъ предавать ихъ казни безъ всякаго суда. Стоило китайцу случайно оказаться на сопкѣ, влѣзть на крышу, или выйти изъ своей фанзы къ сторонѣ непріятеля, чтобы быть обвиненнымъ въ сигнализаціи и шпіонствѣ. Несчастнаго (иногда почти мальчика) тащили въ гаолянъ и тамъ унтеръ-офицеръ Черниговскаго драгунскаго полка, исполнявшій при Добржинскомъ обязанности палача, отрубалъ ему шашкой голову. Такая отвратительная жестокость была тѣмъ вреднѣе, что нашъ, по природѣ добрый, но темный солдатъ и безъ того не признавалъ китайца за настоящаго человѣка, серіозно увѣряя, что души у него нѣтъ.

Оставленіе Ляояна произвело сильное впечатлѣніе на армію, которая уже свыклась съ мыслью о томъ, что именно здѣсь, на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ, должна рѣшиться участь войны. Однако и послѣ этого мы всетаки старались оправдать Куропаткина, говоря, что его подвели Орловъ и Добржинскій, а главное, что на сторонѣ японцевъ будто бы оказалось подавляющее превосходство силъ.

Стоянка подъ Мукденомъ и переходъ въ наступленіе.

Расположеніе на бивакѣ.—Представленіе къ Георгію.—Жизнь солдатъ.—Полковой праздникъ.—Торговля въ Манджуріи.—Гастрономическій обѣдъ въ Мукденскомъ ресторанѣ. — Назначеніе съ отрядомъ въ Мучанъ. — Восточныя императорскія могилы.—Пожалованіе мнѣ Георгіевскаго креста.—Возвращеніе на старый бивакъ.—Широковѣщательный приказъ о наступленіи.—Сборы въ походъ.—Раздѣленіе арміи. — Переходъ къ ст. Суятунь.—Перепалзываніе къ дер. Линшинпу.—Трехдневное рытье окоповъ. — Дальнѣйшее ползаніе къ дер. Ліусандіаза. — Опять укрѣпленіе позиціи. — Довольствіе полка.

(25 августа—28 сентября).

По прибытіи къ Мукдену 25 августа Зарайскій полкъ получилъ приказаніе стать бивакомъ на томъ же мѣстѣ, на коемъ стоялъ въ іюлѣ, то есть верстахъ въ двухъ къ югу отъ города близъ старинной корейской башни. Однако назначенное мѣсто было до такой степени загрязнено проходившими войсками, что разбить на немъ палатки оказалось невозможнымъ.

Мое бывшее поэтическое жилище—усыпальница манджурскаго принца также представляла мерзость запустѣнія. Всѣ постройки и дворы были по-

ложительно завалены экскрементами, въ кумирнѣ многочисленные боги перебиты, колонна памятника опрокинута и даже у поддерживавшей ее гигантской черепахи отбита голова. Обидно было видѣть такой разгромъ, тѣмъ болѣе, что онъ не вызывался необходимостью, а представлялъ лишь проявленія безсмысленнаго вандализма.

Полкъ сталъ бивакомъ въ полуверстѣ къ юго-востоку отъ прежняго мѣста на чумизномъ полѣ. Офицерскія палатки были расположены на холмѣ въ небольшой тѣнистой рощѣ. Въ двухъ верстахъ передъ фронтомъ протекала рѣка Хуньхэ.

На другой день послѣ нашего прихода въ Мукденъ, то есть 26 августа, я получилъ письмо отъ начальника штаба III Сибирскаго корпуса полковника Орановскаго, въ которомъ онъ сообщалъ, что командующій корпусомъ генералъ Ивановъ желаетъ представить меня къ георгіевскому кресту за Ляньдянсанскій бой. Вмѣстѣ съ тѣмъ Орановскій просилъ, возможно скорѣе, прислать ему реляцію и краткое описаніе дѣйствій составленное по той формѣ, какъ это требуется для георгіевской думы. Написавъ требуемые документы, я въ тотъ же день отправилъ ихъ въ штабъ корпуса.

На моей реляціи генералъ Ивановъ сдѣлалъ 27 августа слѣдующую надпись: «Фактическая сторона дѣла, насколько мнѣ извѣстно, изложена въ

общемъ правильно. Не имѣя реляцій отъ другихъ частей, неимѣю возможности судить объ остальномъ въ подробностяхъ».

День или два спустя я былъ приглашенъ къ командиру нашего корпуса барону Бильдерлингу, который, поздравивъ меня съ успѣхомъ одержаннымъ подъ Ляньдянсаномъ, объявилъ, что за столь удачное проявленіе иниціативы, онъ, какъ бывшій главный начальникъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ на восточномъ фронтѣ, представитъ меня къ ордену св. Георгія 4-й степени. Такимъ образомъ мое представленіе къ высшей военной наградѣ было сдѣлано одновременно съ двухъ сторонъ.

Первые дни стоянки подъ Мукденомъ были посвящены полному отдыху. Солдаты, измотанные въ предшествовавшія двѣ недѣли, теперь благодушествовали, съ утра до вечера приготовляя себѣ чай и варя въ котелкахъ картофель, вырытый на оставленныхъ китайцами поляхъ.

Пища была прекрасная, благодаря обилію разнообразной свѣжей зелени: картофеля, китайской капусты, помидоровъ, лука, стручковаго перца и т. п. Кромѣ того два—три раза въ недѣлю готовили очень вкусный супъ изъ фасоли, купленной въ Харбинѣ.

Въ концѣ августа, вслѣдствіе опасеній интендантства, что скота не хватитъ, велѣно было во всей арміи уменьшить дачу мяса до $^3/_4$ фунта; но, несмот-

ря на это, мы продолжали выдавать по фунту, такъ какъ, пользуясь обильнымъ подножнымъ кормомъ, имѣли при полку гуртъ скота около 200 головъ.

Каша приготовлялась попрежнему два раза въ день, причемъ къ обѣду гречневая—изъ интендантской крупы, а къ ужину пшенная — изъ покупной чумизы. Печеный хлѣбъ мы получали изъ главнаго продовольственнаго магазина. Иногда въ этомъ бывали задержки, но въ общемъ довольствіе шло правильно.

Затѣмъ уже въ серединѣ сентября, командующій арміей приказалъ: „Вслѣдствіе недостаточнаго подвоза припасовъ по желѣзной дорогѣ, во время стоянокъ на мѣстѣ размѣръ отпуска печенаго хлѣба ограничить двумя фунтами. Вмѣсто того отпускать на усиленіе приварочнаго довольствія по одному фунту бобовъ". Эта мѣра оказалась непрактичной, такъ какъ отпускаемые бобы нужно было сутки мочить и три часа варить. Впослѣдствіи стали еще выдавать пшеничную муку, изъ коей сами солдаты пекли себѣ блины, что доставляло имъ большое развлеченіе.

Въ сахарѣ (считая по шести золотниковъ), въ это время, не было недостатка. Фуражъ въ видѣ скошенной чумизы находился въ изобиліи.

Мучившая насъ до тѣхъ поръ влажная духота къ началу сентября совершенно исчезла. Установи-

лись ясные, прохладные дни. По ночамъ бывало такъ холодно, что иногда замерзала вода и къ утру трава покрывалась инеемъ. Я приказалъ купить для каждаго солдата, на экономическія средства, по китайской ватной курткѣ, или по мѣховому жилету; послѣдній былъ особенно удобенъ тѣмъ, что его можно было поддѣвать подъ рубашку.

Санитарное состояніе полка продолжало оставаться благопріятнымъ. Такъ къ 31 августа, несмотря на то, что нижніе чины при мало-мальски серіозныхъ заболѣваніяхъ немедленно отправлялись въ госпиталь, число больныхъ во всѣхъ врачебныхъ заведеніяхъ составляло 144 человѣка.

Тридцатаго августа былъ полковой праздникъ Зарайскаго полка; но, въ виду того, что въ мирное время оффиціальное празднованіе его обыкновенно переносилось на 30 ноября — день сраженія подъ Мечкой, мы рѣшили и на этотъ разъ не нарушать принятый порядокъ. Нижнимъ чинамъ была выдана улучшенная пища и водка, а офицеры собрались на скромный товарищескій завтракъ.

Мы сидѣли въ своей дружной полковой семьѣ, когда у бивака показалась кланяющаяся фигура начальника дивизіи. Узнавъ въ чемъ дѣло и выразивъ сожалѣніе, что его не пригласили, онъ подсѣлъ къ нашему столу, чѣмъ сразу испортилъ общее настроеніе. Въ полку не было офицера, который въ

душѣ относился бы къ Добржинскому иначе, какъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Особенно недоволенъ былъ его визитомъ поручикъ Плехановъ—офицеръ большой храбрости и такой же несдержанности. Онъ сталъ выражать свои чувства столь энергично и громко, что мнѣ пришлось прибѣгнуть къ дипломатическимъ мѣрамъ для его удаленія. Мѣсяцъ спустя этотъ честный, но черезчуръ откровенный человѣкъ погибъ геройскою смертью въ бою при Ендоуніулу.

По окончаніи завтрака Добржинскій направился къ биваку солдатъ и, поздравивъ ихъ съ праздникомъ, неожиданно крикнулъ: „Ура вашему славному командиру, который васъ къ однимъ побѣдамъ водитъ“. Побѣдъ, кромѣ удачнаго эпизода подъ Ляньдянсаномъ, за нами пока еще не числилось, но Добржинскій вообще не отличался особой точностью выраженій и сверхъ того имѣлъ обыкновеніе льстить въ глаза тѣмъ, кого въ дѣйствительности былъ готовъ утопить въ ложкѣ воды.

Въ началѣ сентября я сформировалъ баталіонныя охотничьи команды по 48 человѣкъ на баталіонъ т.-е. всего въ полку 192 человѣка. Эта мѣра вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что начальникъ дивизіи, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, постоянно отрывалъ полковыхъ охотниковъ отъ полка, давая имъ разныя, по большей части вздорныя порученія.

Тѣмъ временемъ въ Мукденѣ, вокругъ котораго была сосредоточена цѣлая армія, ключемъ била жизнь. Городъ былъ переполненъ русскими, отъ нечего дѣлать толкавшимися здѣсь и дѣлавшими покупки. На главной улицѣ, гдѣ помѣщались лучшіе магазины, стояла сплошная толпа офицеровъ, врачей, сестеръ милосердія, чиновниковъ и всевозможныхъ спутниковъ арміи. Китайскіе купцы въ нѣсколько дней втридорога распродали, въ видѣ сувенировъ о Манджуріи, свой спеціальный товаръ: серебряныя чарки съ драконами, кольца съ лягушками, футляры для отпущенныхъ ногтей, серебряныя украшенія для женскихъ прическъ, палочки для ѣды, вазы и чашки клоазонне, курительные приборы для опіума, рѣзныя печати изъ камня, китайскія вышивки, женскіе халаты и т. п.

Китайцы удивительно способны къ коммерческой дѣятельности, въ чемъ съ ними не могутъ конкурировать даже евреи; но развитіе торговли въ Манджуріи сильно тормозилось дурнымъ состояніемъ путей сообщенія, отсутствіемъ правильной правительственной почты и телеграфа, грабежами хунхузовъ и взяточничествомъ чиновниковъ.

Крупнымъ неудобствомъ являлась также хаотическая денежная система. Посреди туземнаго населенія обращались различные иностранные доллары, серебряные русскіе рубли и китайская монета, че-

каненная нѣкоторыми генералъ-губернаторами; но подавляющее большинство сдѣлокъ заключалось просто на „ямбы“, то есть на серебряные бруски, различнаго вѣса и качества. При пріемѣ въ уплату такой брусокъ предварительно взвѣшивали и опредѣляли его пробу, затѣмъ, если онъ былъ слишкомъ великъ, то отъ него отсѣкали соотвѣтствующую часть. Впрочемъ и на вышеупомянутыя монеты китайцы также смотрѣли лишь какъ на товаръ, вслѣдствіе чего стоимость ихъ не была постоянной. Для опредѣленія цѣнности всякаго имущества въ Манджуріи существовала особая денежная единица—„ланъ“; но это была не монета, а лишь воображаемая величина, притомъ неодинаковая для разныхъ провинцій и въ среднемъ равная $8^1/_2$ золотникамъ чистаго серебра. Для мелкихъ разсчетовъ употреблялся мѣдный „чохъ“, соотвѣтствовавшій нашей четверти копѣйки. Чохи имѣли форму кружковъ съ квадратнымъ отверстіемъ посрединѣ и обыкновенно нанизывались на шнурокъ.

Что касается нашей арміи, то впродолженіе всей войны она расплачивалась русскими металлическими, или кредитными деньгами, которыя повсюду принимались охотно.

Для борьбы съ описанными неблагопріятными для торговли условіями, китайцы ищутъ поддержки другъ въ другѣ. Въ мірѣ нѣтъ страны, гдѣ были бы

въ такой мѣрѣ развиты всякія торговыя и промышленныя ассоціаціи какъ въ Китаѣ. Тамъ имѣются разные купеческіе союзы и ремесленные цехи, широко развѣтвленные банки съ доступнымъ дешевымъ кредитомъ, страховыя общества, ссудныя кассы и всевозможныя товарищества взаимопомощи. Почти каждое коммерческое предпріятіе основано на началахъ кооперації, причемъ всѣ служащіе до самыхъ мелкихъ включительно являются пайщиками дѣла.

Люди, близко знающіе китайцевъ, говорили мнѣ объ ихъ замѣчательной честности. Китайскіе купцы часто заключали крупныя сдѣлки, безъ всякаго документа, прямо на слово. Конечно, соприкосновеніе съ нашими многочисленными казнокрадами, сначала во образѣ желѣзнодорожниковъ, а потомъ въ видѣ всевозможныхъ тыловыхъ дѣятелей, заставило и китайцевъ приноровиться къ новой обстановкѣ.

Гуляя по Мукдену, я вмѣстѣ со своими спутниками зашелъ въ лучшій китайскій ресторанъ, находившійся около городской стѣны. Входъ былъ черезъ кухню, отличавшуюся образцовой чистотой. Затѣмъ слѣдовалъ довольно обширный дворъ, устланный каменными плитами и защищенный отъ солнца парусиннымъ навѣсомъ. Посреди двора стоялъ большой столъ, а вокругъ были устроены отдѣльные кабинеты. Мы заняли одинъ изъ послѣднихъ и заказали себѣ гастрономическій китайскій обѣдъ. Сервировка

была европейская, то есть на столъ положили ложки, ножи и вилки. Содержаніе нѣкоторыхъ непонятныхъ блюдъ намъ объяснилъ, случайно находившійся въ ресторанѣ, переводчикъ штаба арміи.

Меню было слѣдующее:

1) желтый цвѣточный чай безъ сахара.

2) закуска: куриныя яйца, сдѣлавшіяся отъ многолѣтняго храненія въ известкѣ совершенно зелеными; нарѣзанные ломтиками древесные грибы, по своей твердости и запаху похожіе на куски кожи; салатъ изъ черемши (дикаго чеснока); лукъ, огурцы, фрукты и засахаренные орѣхи.

3) креветки съ чѣмъ то въ родѣ вязиги.

4) разные сорта холоднаго мяса съ острымъ соусомъ.

5) цыплята извлеченные изъ яицъ (еще не вылупившіеся), поджаренные на сковородкѣ.

6) яйца осыпанныя сухарями и поджаренныя въ бобовомъ маслѣ.

7) земляныя груши въ патокѣ.

8) ростки бамбука отваренные въ водѣ.

9) соусъ изъ морскихъ раковинъ.

10) супъ изъ трепанговъ (морскихъ червей).

11) рыба, нарѣзанная тонкими стружками и сильно поджареная.

12) рисъ.

13) чай, какъ и въ началѣ обѣда.

Приправой почти ко всѣмъ этимъ кушаньямъ служила острая, зловонная соя, а вмѣсто вина была подана въ маленькихъ чашечкахъ теплая рисовая водка.

Во время обѣда къ намъ нѣсколько разъ подходили какія то каррикатурно размалеванныя китайскія «мадамы», очевидно исполнявшія при ресторанѣ роль обольстительницъ. Мои спутники отнеслись къ китайской кухнѣ съ брезгливостью, я же изъ любопытства перепробовалъ всѣ, безъ исключенія, кушанья, а на нѣкоторыя даже приналегъ, за что впрочемъ и былъ наказанъ, такъ какъ послѣ этого меня дня три мутило.

Между тѣмъ, въ виду ожидавшагося перехода японцевъ въ наступленіе, меня вызвали 9-го сентября въ штабъ корпуса, гдѣ дали задачу съ двумя баталіонами Зарайскаго полка, батареей и эскадрономъ драгунъ охранять восьмиверстное пространство между лѣвымъ флангомъ главной Мукденской позиціи у дер. Гуцзяцзы и правымъ флангомъ позиціи 1-го Сибирскаго корпуса у с. Фулинъ.

Получивъ на случай генеральнаго сраженія такое самостоятельное назначеніе, я весьма естественно желалъ имѣть подъ командой знакомыя мнѣ части, а потому просилъ назначить въ отрядъ 4-ю батарею подполковника Перфильева и 6-й эскадронъ Черниговскихъ драгунъ, бывшій съ нами подъ Ляньдянса-

номъ. Однако исполнить вторую половину этой просьбы оказалось невозможнымъ и ко мнѣ былъ присланъ 5-й эскадронъ, причемъ командующій Черниговскимъ полкомъ писалъ: «Все вполнѣ надежно, за это ручаюсь, дай Богъ, вамъ выполнить вашу задачу, для васъ по старому всегда блестяще».

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я уже перешелъ на указанный для охраненія участокъ Гуцзяцзы — Фулинъ, гдѣ нашелъ восемь редутовъ, выстроенныхъ вдоль праваго берега Хуньхэ. Рѣка имѣла, въ это время года, ширину около полуверсты, но была очень мелководна, такъ что на охраняемомъ пространствѣ, кромѣ бродовъ означенныхъ на выданной мнѣ схемѣ подъ №№ 10, 11 и 12, находилось еще нѣсколько другихъ. Редуты были выстроены на 1½—2 роты каждый, мнѣ же при малочисленности отряда пришлось занять ихъ лишь полуротами.

Едва мы успѣли расположиться, какъ пріѣхалъ командующій арміей. Объѣзжая линію редутовъ, онъ вездѣ говорилъ, что занимающія ихъ части должны держаться „до послѣдняго человѣка“.

Послѣ этого, находя свои силы для упорной обороны восьми-верстнаго пространства совершенно недостаточными, я просилъ прислать мнѣ остальные два баталіона Зарайскаго полка. Моя просьба была уважена, но съ тѣмъ, чтобы я выдѣлилъ двѣ

роты для прикрытія двухъ батарей 35 бригады, поставленныхъ на позицію у дер. Гуцзяцзы.

Я распредѣлилъ свои войска слѣдующимъ образомъ; восемь ротъ въ редуты (по одной въ каждомъ); четыре роты въ частные резервы за правымъ и лѣвымъ флангами; двѣ роты и батарею въ общій резервъ за центромъ обороняемой линіи близъ дер. Мучанъ. Охотники и полуэскадронъ кавалеріи были выдвинуты на лѣвый берегъ Хуньхэ, а другой полуэскадронъ распредѣленъ для передачи приказаній и донесеній.

Въ редутахъ были устроены навѣсы изъ досокъ, покрытыхъ землей для предохраненія отъ шрапнельныхъ пуль, а впереди — искуственныя препятствія, въ видѣ волчьихъ ямъ и проволочныхъ сѣтей. Завѣдывающему оружіемъ было приказано, когда выяснится наступленіе противника, передать въ редуты весь запасъ патроновъ, имѣвшійся въ двуколкахъ и снова пополнить послѣднія. Наконецъ, приказано имѣть въ редутахъ: на два дня хлѣба (кромѣ состоявшихъ на людяхъ сухарей), запасъ воды для питья и по двѣ чарки водки на человѣка.

Принявъ указанныя мѣры, мы стали ждать дальнѣйшихъ событій.

Штабъ полка помѣщался въ это время въ богатой деревнѣ Мучанъ, торговавшей лѣсомъ, огромные склады котораго находились вокругъ.

Изъ Мучана я съѣздилъ на восточныя или Фулинскія императорскія могилы, лежащія въ восьми верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Мукдена на высокомъ правомъ берегу Тайцзыхэ въ роскошной рощѣ изъ вѣковыхъ пиній, дубовъ, грабовъ и ясеней. Отсюда открываются красивые виды на окружающую богатую равнину, прорѣзанную серебряной лентой широкой рѣки. Самая усыпальница представляетъ почти точное подобіе сѣверныхъ могилъ, отличаясь отъ нихъ лишь меньшими размѣрами. Внутри зданій, между прочимъ, показываютъ рѣзной золоченый императорскій тронъ и огромную каменную доску, на которой изображена родословная богдыхановъ.

Шестнадцатаго сентября георгіевская дума присудила мнѣ орденъ Георгія 4 степени, а на слѣдующій день адъютантъ командующаго арміей князь Урусовъ привезъ въ Мучанъ этотъ крестъ, вмѣстѣ съ поздравительнымъ письмомъ Куропаткина. Награда была тѣмъ пріятнѣе, что ее назначили безъ всякаго ходатайства съ моей стороны. Впрочемъ впослѣдствіи выяснилось, что тѣ офицеры, которые сами подавали рапорты о награжденіи ихъ георгіевскими крестами, уже послѣ полученія какого либо другаго отличія, оказались въ выигрышѣ, ибо въ такихъ случаяхъ, при успѣшности ходатайства, за одно и то же дѣло давалось двѣ награды.

Въ ближайшіе дни я получилъ много поздравительныхъ писемъ и телеграммъ, какъ изъ разныхъ частей дѣйствующей арміи, такъ и изъ Россіи; генералъ Сильвестръ и французскіе офицеры, а также австрійскій агентъ графъ Шептицкій пріѣхали поздравить лично; но всего болѣе тронула меня та искренняя радость, которая была проявлена по этому поводу офицерами и солдатами Зарайскаго полка.

Для того, чтобы отпраздновать знаменательное для меня событіе, я пригласилъ всѣхъ офицеровъ и заурядъ-прапорщиковъ на общій ужинъ, а солдатамъ велѣлъ роздать по чаркѣ водки. На это полковое торжество пріѣхалъ и нашъ прежній боевой товарищъ генеральнаго штаба капитанъ Пневскій, только что вылѣчившійся отъ полученной имъ раны.

Между тѣмъ въ серединѣ сентября стали носиться слухи, что наша армія скоро двинется впередъ. На Мукденскомъ вокзалѣ, постоянно толпившіеся тамъ, офицеры уже обсуждали планъ наступленія, причемъ впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ въ точности заимствованъ изъ неразосланнаго еще войскамъ приказа Куропаткина (?!).

Съ точки зрѣнія здравой логики всѣ эти слухи и предположенія казались маловѣроятными, потому что за короткій срокъ, протекшій со времени отступленія отъ Ляояна, русская армія не получила никакого существеннаго подкрѣпленія. Къ намъ

прибыли I армейскій и VI Сибирскій корпуса, но японцы, очевидно, тоже усилились и слѣдовательно, если подъ Ляояномъ мы не въ состояніи были обороняться, опираясь на сильно укрѣпленныя позиціи и рѣку съ восемью обезпеченными переправами, то тѣмъ болѣе теперь не могли наступать.

Однако 18-го сентября я дѣйствительно получилъ приказаніе о расформированіи Мучанскаго отряда, причемъ Зарайскій полкъ долженъ былъ возвратиться въ составъ своей дивизіи и приготовиться къ предстоявшему переходу въ наступленіе.

На слѣдующій день утромъ Зарайцы перешли на свой старый бивакъ у корейской башни, откуда я отправился представиться генералу Куропаткину, по случаю пожалованія мнѣ георгіевскаго креста. Въ штабѣ арміи господствовало самое приподнятое настроеніе — говорили, что до сихъ поръ мы преувеличивали силы японцевъ, теперь же знаемъ навѣрное, что они уступаютъ намъ въ числѣ.

Девятнадцатаго сентября генералъ Куропаткинъ отдалъ по арміи слѣдующій приказъ:

„Болѣе семи мѣсяцевъ тому назадъ врагъ вѣроломно напалъ на насъ въ Портъ-Артурѣ, ранѣе объявленія войны. Съ тѣхъ поръ много подвиговъ содѣяно русскими войсками на сушѣ и на морѣ, которыми справедливо можетъ гордиться наша Родина. Но врагъ не только не поверженъ во прахъ, но въ

гордынѣ своей еще продолжаетъ помышлять о полной побѣдѣ надъ нами.

„Войска Манджурской арміи, неизмѣнно сильныя духомъ, до сихъ поръ не были достаточно сильны численно, чтобы разбить выставленныя противъ нихъ японскія арміи. Требовалось много времени, чтобы одолѣть всѣ препятствія и усилить дѣйствующую армію въ такой мѣрѣ, чтобы она съ полнымъ успѣхомъ могла выполнить возложенную на нее трудную, но почетную и славную задачу. Вотъ почему, несмотря на многократное отраженіе атакъ японцевъ на наши позиціи у Дашицяо, Ляньдянсаня и на позиціяхъ у Ляояна, я не признавалъ своевременнымъ использовать эти успѣхи переходомъ въ наступленіе и приказывалъ отступать. Вы покидали геройски обороняемыя вами позиціи, заваленныя грудами японскихъ труповъ, покидали ихъ нетревожимые врагомъ, и, въ грозной готовности къ новому бою, отходили назадъ на подготовленныя заранѣе новыя позиціи.

„Послѣ пятидневнаго боя подъ Ляояномъ, нанеся японцамъ тяжкія потери, отстоявъ съ полнымъ успѣхомъ всѣ передовыя и главную позиціи, вы отошли къ Мукдену при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, атакованные вышедшей во флангъ арміей Куроки. Вы двигались по непролазной грязи, ведя бой днемъ и ночью, вытаскивая на рукахъ орудія

и повозки и отошли къ Мукдену, не оставивъ въ рукахъ противника ни одного орудія, не оставивъ плѣнныхъ, унеся съ собою всѣхъ раненыхъ, сохранивъ всѣ обозы.

„Я приказывалъ вамъ отступать съ горестью въ сердцѣ, но съ непоколебимою вѣрою, что отступленіе наше на подходящія подкрѣпленія было необходимо, для одержанія надъ врагомъ, когда наступитъ для сего время, рѣшительной побѣды.

„Державною волею Государя Императора для борьбы съ Японіей назначены силы, вполнѣ обезпечивающія за нами побѣду. Всѣ трудности, дабы передвинуть эти силы за 10,000 верстъ, самоотверженно преодолѣваются несокрушимою энергіей и талантомъ русскихъ людей всѣхъ вѣдомствъ, всѣхъ чиновъ и положеній, приставленныхъ къ этому дѣлу, небывалому въ исторіи войнъ по своей трудности. Сотни тысячъ людей, многіе десятки тысячъ лошадей, повозокъ, милліоны пудовъ грузовъ непрерывною желѣзнодорожною рѣкою переливаются въ теченіе семи мѣсяцевъ изъ Европейской Россіи и Сибири въ Манджурію и съ теченіемъ времени этотъ потокъ все крѣпнетъ, все ширится. Если окажется недостаточнымъ присланныхъ уже полковъ, придутъ новые, но непоколебимая воля Государя Императора, дабы мы побѣдили врага, будетъ неуклонно исполнена. До сихъ поръ противникъ нашъ,

пользуясь большою численностью, и охватывающимъ насъ расположеніемъ своихъ армій, дѣйствовалъ по своей волѣ, выбирая удобное для себя время для нападенія на насъ. Но теперь уже настало желанное и давно ожидаемое всею арміей время идти самимъ впередъ, навстрѣчу врагу.

„*Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы Манджурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе.*

„Вы должны однако непрерывно помнить, что для побѣды надъ сильнымъ и храбрымъ противникомъ, кромѣ численности войскъ, необходима твердая рѣшимость всѣхъ чиновъ арміи, отъ мала до велика, одержать эту побѣду, какихъ бы жертвъ для сего ни потребовалось. Проникнитесь всѣ сознаніемъ важности побѣды для Россіи. Въ особенности помните, какъ нужна намъ она, дабы скорѣе выручить нашихъ братьевъ въ Портъ-Артурѣ, семь мѣсяцевъ геройски отстаивающихъ ввѣренную ихъ оборонѣ крѣпость. Наша армія, крѣпкая единеніемъ съ Царемъ и всею Россіей, во всѣ войны, веденныя нами, совершала великіе подвиги на защиту Престола и Родины и заслужила почетную славу среди всѣхъ народовъ. Помните ежечасно, что волею Государя Императора нынѣ вамъ ввѣрена защита достоинства Россіи и ея правъ на Дальнемъ Востокѣ.

Помните ежечасно, что вамъ довѣріемъ Государя ввѣрено поддержаніе чести и славы всей русской арміи. Державный Вождь Русской земли молится со всею Россіей за насъ и благословляетъ насъ на новые самоотверженные подвиги. Подкрѣпляемые этою молитвою, съ глубокимъ сознаніемъ важности выпавшей на насъ задачи, мы должны идти впередъ безтрепетно, съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца, не щадя живота своего. И да будетъ надъ всѣми нами воля Господня".

Этотъ широковѣщательный приказъ, столь мало похожій на тотъ краткій и сильный языкъ, на которомъ говорятъ со своими войсками настоящіе полководцы, тѣмъ не менѣе вызвалъ большое воодушевленіе въ арміи. Такъ велико было въ это время желаніе наступать!!

Между тѣмъ въ полку кипѣла работа по сборамъ въ походъ.

1) Не хватало ружей, вслѣдствіе того, что винтовки нѣкоторыхъ убитыхъ, раненыхъ и носильщиковъ были оставлены на полѣ сраженія. Кромѣ того нѣкоторые раненые, отправленные изъ полка въ госпитали съ ружьями, по выздоровленіи возвращались безъ нихъ. Точно также не хватало и патронныхъ сумокъ. Я приказалъ всѣмъ санитарамъ—носильщикамъ (128 чел.) быть безъ ружей и сумокъ, которыя ихъ только напрасно стѣсняли.

2) Патроновъ было больше положеннаго, а именно: на людяхъ по 150 (вмѣсто 120), въ обозѣ 1 и 2 разрядовъ установленное число по 66 на весь штатный составъ и сверхъ того въ дивизіонномъ обозѣ запасъ въ 42,000. Тѣмъ не менѣе начальникъ дивизіи нашелъ, что этого недостаточно и приказалъ взять съ собою еще 100,000 патроновъ. Я распорядился лишніе ящики съ патронами разсовать по повозкамъ обоза перваго разряда.

3) Шанцевый инструментъ былъ, въ значительной мѣрѣ, растерянъ. Мы получили взамѣнъ новый, но не болѣе половины нужнаго намъ количества.

4) Въ виду наступившихъ холодовъ изъ главнаго полкового склада, находившагося въ Харбинѣ, привезли мундиры и суконные шаровары. Я приказалъ синіе лѣтніе штаны надѣть поверхъ суконныхъ для сохраненія послѣднихъ.

5) Отъ интендантства мы получили 2300 паръ новыхъ сапогъ, по сроку 1905 года. Этого количества оказалось достаточнымъ, чтобы замѣнить всю плохую обувь и еще образовать нѣкоторый запасъ. Кромѣ того въ роты было выдано по нѣсколько паръ „улъ“, на случай если будутъ солдаты съ потертыми ногами.

Для дальнѣйшаго снабженія обувью, не расчитывая особенно на интендантство, я еще въ серединѣ сентября приказалъ образовать въ Телинѣ ма-

стерскую для шитья и починки сапогъ, въ которую было командировано 53 сапожника. Сапожный товаръ пріобрѣтался въ Харбинѣ и даже въ Читѣ.

6) Чтобы не обременять солдатъ излишнею ношей, китайскія куртки и мѣховые жилеты приказано сдать въ промежуточный полковой складъ у станціи Мукденъ.

7) Всѣ повозки обоза были приведены въ порядокъ. Лазаретныя линейки обиты новымъ брезентомъ. Дано двѣ двуколки для возки оружія и снаряженія раненыхъ. Къ каждой изъ десяти кухонь, которыя предполагалось взять въ походъ, было придано по одной двуколкѣ для возки крупы и другихъ продуктовъ. Слабыя лошади замѣнены новыми. Всѣ носилки (32) сдѣланы заново. Для больныхъ куплены теплые халаты.

8) Людямъ приказано взять: трехъ-дневный запасъ сухарей (вмѣсто 2½ дневнаго) и кромѣ того на первые два дня похода печеный хлѣбъ. Въ обозѣ второго разряда везли сухарей на 1½ дня и въ обозѣ третьяго разряда—на 4 дня. Крупы и другихъ продуктовъ взято на восемь дней—изъ нихъ на три дня при полку въ десяти двуколкахъ, приданныхъ къ кухнямъ. Чай и сахаръ были розданы на руки по 1 октября.

9) Вмѣсто установленной приказаніемъ по арміи суточной дачи мяса въ ¾ фунта, я приказалъ

попрежнему выдавать: во время стоянокъ (когда каша у насъ приготовлялась два раза въ день)—по 1 фунту а во время переходовъ — по 1¼ фунта. При полку въ это время былъ гуртъ скота въ 209 головъ, изъ коего 80 штукъ было рѣшено взять съ собой. Кромѣ того я разсчитывалъ на покупку свиней на мѣстахъ, что и оправдалось.

10) Для лошадей былъ взятъ трехдневный запасъ ячменя. Подножный же кормъ мы предполагали найти на пути.

Наша Манджурская армія, для предстоявшаго наступленія, была раздѣлена на три отряда:

Западный, изъ X и XVII армейскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ барона Бильдерлинга (начальникъ штаба баронъ Тизенгаузенъ).

Восточный, изъ I, II и III Сибирскихъ корпусовъ, подъ командой барона Штакельберга (начальникъ штаба баронъ фонъ-деръ Бринкенъ).

и Общій резервъ, изъ I армейскаго и IV Сибирскаго корпусовъ, во главѣ котораго стоялъ баронъ Мейендорфъ.

Такой составъ начальствующихъ лицъ далъ поводъ острякамъ, коихъ въ русской арміи всегда бываетъ достаточно, назвать всю операцію комбинаціей изъ пяти бароновъ.

Западному отряду, въ составъ котораго входилъ Зарайскій полкъ, было дано направленіе вдоль

желѣзной дороги. Правѣе его, уступомъ назади, долженъ былъ двигаться VI Сибирскій корпусъ въ составѣ 24 баталіоновъ, причемъ командиру его генералу Соболеву было указано Куропаткинымъ, что онъ составляетъ стратегическій резервъ арміи и остается въ его непосредственномъ распоряженіи. Наконецъ еще западнѣе, по правому берегу рѣки Хуньхэ, были направлены части V Сибирскаго корпуса генерала Дембовскаго, получившія назначеніе охранять правый флангъ.

Двадцать перваго сентября во всѣхъ частяхъ арміи служили молебны. На слѣдующій день, въ 9½ часовъ утра, Зарайскій полкъ выступилъ съ своего бивака и направился къ мосту № 3 на рѣкѣ Хуньхэ. На пути съ полкомъ здоровался вновь назначенный временно-командующій корпусомъ генералъ Волковъ, до тѣхъ поръ намъ совершенно неизвѣстный; при немъ находился и его начальникъ штаба полковникъ Драгомировъ, тоже являвшійся для насъ незнакомцемъ. До моста мы дошли довольно скоро, но около него долго стояли въ ожиданіи переправы.

Послѣ перехода черезъ мостъ между нами и нѣжинцами помѣстились обозъ корпуснаго штаба и телеграфная рота. При дальнѣйшемъ движеніи, огромныя повозки послѣдней постоянно застрѣвали, несмотря на то, что дорога была прекрасная. Въ одномъ мѣстѣ, окопанномъ канавами, онѣ неожи-

данно совсѣмъ остановились. Прождавъ минутъ пятнадцать я поѣхалъ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что поручикъ командовавшій телеграфной ротой остановилъ ее и раздаетъ людямъ пищу. Пришлось со всѣмъ полкомъ свернуть въ сторону и обойти по полотну желѣзной дороги. Потомъ повозки телеграфной роты рысью нагнали насъ и сдѣлали попытку врѣзаться въ колонну. Полкъ пришелъ на бивакъ близъ станціи Суятунь уже съ наступленіемъ темноты, сдѣлавъ за день всего тринадцать верстъ.

Утромъ 23 сентября мы продолжали движеніе на югъ и, пройдя семь верстъ, стали бивакомъ у дер. Линшинпу на правомъ берегу рѣки Шахэ. Тотчасъ же по приходѣ Добржинскій собралъ всѣхъ начальниковъ и отправился съ ними выбирать оборонительную позицію. Получалось нѣчто странное. Послѣ широковѣщательнаго приказа по арміи и торжественныхъ молебновъ, всѣ мы ждали быстраго, энергичнаго наступленія, а взамѣнъ этого увидѣли какое то медлительное робкое перепалзываніе съ одной оборонительной позиціи на другую.

Много часовъ, безъ всякаго толку, блуждали мы съ Добржинскимъ, теряя время въ пустословіи. Въ концѣ концовъ, поставивъ вопросъ ребромъ, я все-таки добился того, что онъ указалъ мнѣ участокъ Зарайскаго полка. Послѣ этого, съ помощью сапернаго поручика Завадскаго, я приступилъ къ по-

стройкѣ укрѣпленій фронтомъ на югъ. Между тѣмъ явился Моршанскій полкъ и началъ рыть окопы, поперекъ всей нашей позиціи фронтомъ на западъ. Когда я обратилъ на это вниманіе командующаго полкомъ подполковника Бутъ-Гуссаинова, то онъ отвѣтилъ, что самъ признаетъ происходящій абсурдъ, но исполняетъ категорическое приказаніе начальника дивизіи. Дѣлать нечего я пріостановилъ работы и отправился къ Добржинскому за разъясненіями, но изъ словъ его ничего понять не могъ.

На слѣдующій день 24 сентября Добржинскій опять потащилъ насъ на развѣдку, которая продолжалась отъ 8 часовъ утра до 1 часа пополудни. Тѣмъ временемъ я велѣлъ укрѣплять лѣвый флангъ участка, а правый пока оставить. Этимъ распоряженіемъ Добржинскій остался весьма недоволенъ, но я отвѣтилъ ему, что при томъ направленіи, которое дано окопамъ Моршанскаго полка, ни я, ни саперный офицеръ укрѣплять правый флангъ не можемъ и просимъ прислать болѣе свѣдующее лицо.

Въ 3 часа пополудни явился самъ начальникъ дивизіи и принялся за разбивку, трасировку и т. п. Вырытую нами батарею пришлось закопать и устроить другую фронтомъ на юго-западъ. Передъ этой батареей на совершенно ровной мѣстности Добржинскій приказалъ вырыть окопы для

правофланговаго баталіона, хотя было очевидно, что при открытіи артиллерійскаго огня оставаться въ нихъ было невозможно. Въ результатѣ получилась невѣроятная ерунда.

На бивакѣ у Линшинпу мы пробыли цѣлыхъ три дня. Погода въ это время стояла ясная и холодная. По ночамъ вода покрывалась довольно толстымъ слоемъ льда. Солдаты для спанья выкапывали себѣ въ палаткахъ ямы, набивали ихъ соломой и туда зарывались. Я велѣлъ привезти по желѣзной дорогѣ изъ Мукдена оставленныя тамъ китайскія куртки и мѣховые жилеты.

Однако Добржинскій вмѣсто того, чтобы поберечь солдатъ передъ ожидаемымъ сраженіемъ, продолжалъ, по своему обыкновенію, морить ихъ совершенно понапрасну. Онъ заставлялъ наряжать на аванпосты цѣлый баталіонъ, а дежурную часть всю ночь держать въ окопахъ въ то время, какъ въ пяти верстахъ впереди нашего бивака стоялъ авангардъ корпуса, а еще болѣе впереди и справа находилась многочисленная кавалерія.

Послѣ трехдневной стоянки у Линшинпу, 26-го сентября мы снова тронулись впередъ и, сдѣлавъ пять верстъ, остановились у дер. Ліусандіаза близъ желѣзной дороги, не дойдя версты полторы до рѣки Шилихэ. Вскорѣ послѣ прихода, нѣкоторыя части дивизіи были назначены на укрѣпленіе позиціи, вы-

бранной впереди Ліусандіаза, а 4-му баталіону Зарайскаго полка было приказано привести въ оборонительное состояніе, лежащее въ трехъ верстахъ къ западу, огромное селеніе Хунлинпу. На слѣдующій день этотъ баталіонъ былъ передвинутъ на двѣ версты къ юго-западу въ дер. Цун-лун-ян-тунь съ приказаніемъ укрѣпить ее и служить поддержкой передовому кавалерійскому отряду полковника Стаховича. Остальные баталіоны работали на позиціи у Ліусандіаза.

Хотя мы наступали чрезвычайно медленно съ остановками и притомъ все время вдоль желѣзной дороги, но интендантство и при такихъ исключительно легкихъ условіяхъ не сумѣло справиться съ довольствіемъ отряда. Когда къ 24 сентября былъ съѣденъ, взятый съ собою на людяхъ, двухдневный запасъ хлѣба, то корпусный интендантъ предложилъ выслать за хлѣбомъ подводы на станцію Суятунь. Подводы проѣхались, но ничего не получили. Пришлось, съ разрѣшенія начальника дивизіи, расходовать сухарный запасъ. Въ утѣшеніе дивизіонный интендантъ заявилъ, что съ 25-го сентября довольствіе хлѣбомъ будетъ производиться изъ корпусной полевой хлѣбопекарни, открываемой на станціи Суятунь. Въ дѣйствительности такой хлѣбопекарни и къ 28-му сентября, когда началось генеральное сраженіе, открыто не было.

Впрочемъ, наученный прежнимъ опытомъ, я на интендантскія обѣщанія не расчитывалъ, а тотчасъ же поручилъ это дѣло нашему настоящему незамѣнимому „интенданту“ поручику Елагину, который отправился въ Мукденъ и тамъ получилъ хлѣбъ прямо изъ вагоновъ, привозившихъ его съ Телинскихъ хлѣбопекарень. Затѣмъ этотъ хлѣбъ былъ доставленъ къ полку также въ вагонахъ—къ вечеру 25 сентября на 1 1/2 дня и 26 сентября ночью на 2 1/2 дня.

Въ остальныхъ предметахъ довольствія полкъ недостатка не испытывалъ, ибо, какъ сказано выше все нужное имѣлъ при себѣ: мясо въ видѣ гурта скота, а крупу и другіе продукты въ тѣхъ десяти двуколкахъ, которыя были мною приданы по одной къ каждой кухнѣ. Кромѣ того на станціи Шахэ мы устроили запасъ крупы на восемь дней.

Однако и въ продовольственномъ дѣлѣ не обошлось безъ борьбы. Добржинскій потребовалъ отсылки означенныхъ десяти двуколокъ обратно въ тылъ, такъ какъ онѣ „положеніемъ“ не предусмотрѣны. На это я возразилъ, что полная бездѣятельность интендантства закономъ также не предусмотрѣна и что отъ этихъ повозокъ можно отказаться лишь въ томъ случаѣ, если начальникъ дивизіи заставитъ своего интенданта своевременно удовлетворять всѣ нужды полка. Тѣмъ не менѣе Добржин-

скій продолжалъ стоять на своемъ, пока я не объяснилъ ему, что мы имѣемъ право держать упомянутыя двуколки взамѣнъ отсутствующихъ у насъ: одного экипажа командира полка, одной церковной повозки, восьми кухонь и четырехъ разрѣшенныхъ имъ самимъ кипятильниковъ.

За то въ другомъ вопросѣ Добржинскій обнаружилъ совершенно несвоевременную заботливость. Приказомъ по дивизіи отъ 27-го сентября онъ предписалъ устроить въ гор. Телинѣ полковыя мастерскія для исправленія оружія, обуви, одежды и снаряженія, а также образовать склады продовольствія. Большая часть указаннаго и безъ того уже существовала у меня въ полку, а объ организаціи недостающаго, очевидно, некогда было думать наканунѣ сраженія.

Шахэйское сраженіе.

Расположеніе XVII корпуса 28 сентября. — Приказаніе генералу Гласко выбить японцевъ изъ Ендоуніулу. — Гласко поручаетъ мнѣ ближайшее руководство атакой. — Взятіе деревни ударомъ въ штыки. — Раздѣленіе отряда Гласко на двѣ части. — Ходъ оборонительнаго боя до полудня 29-го сентября. — Рѣшительное наступленіе японцевъ противъ участка генерала Защука и очищеніе его. — Отступленіе Моршанскаго полка изъ Ендоуніулу.—Гласко съ главными силами отходитъ на Безымянную деревню, поручивъ мнѣ съ однимъ баталіономъ прикрывать отступленіе.— Атака Юхновскаго полка.—Отправленіе Моршанцевъ къ Ванновскому. — Занятіе мною позиціи у Ліутхангоу. — Общее отступленіе. — Потери. — Соперничество.

(28—30 сентября).

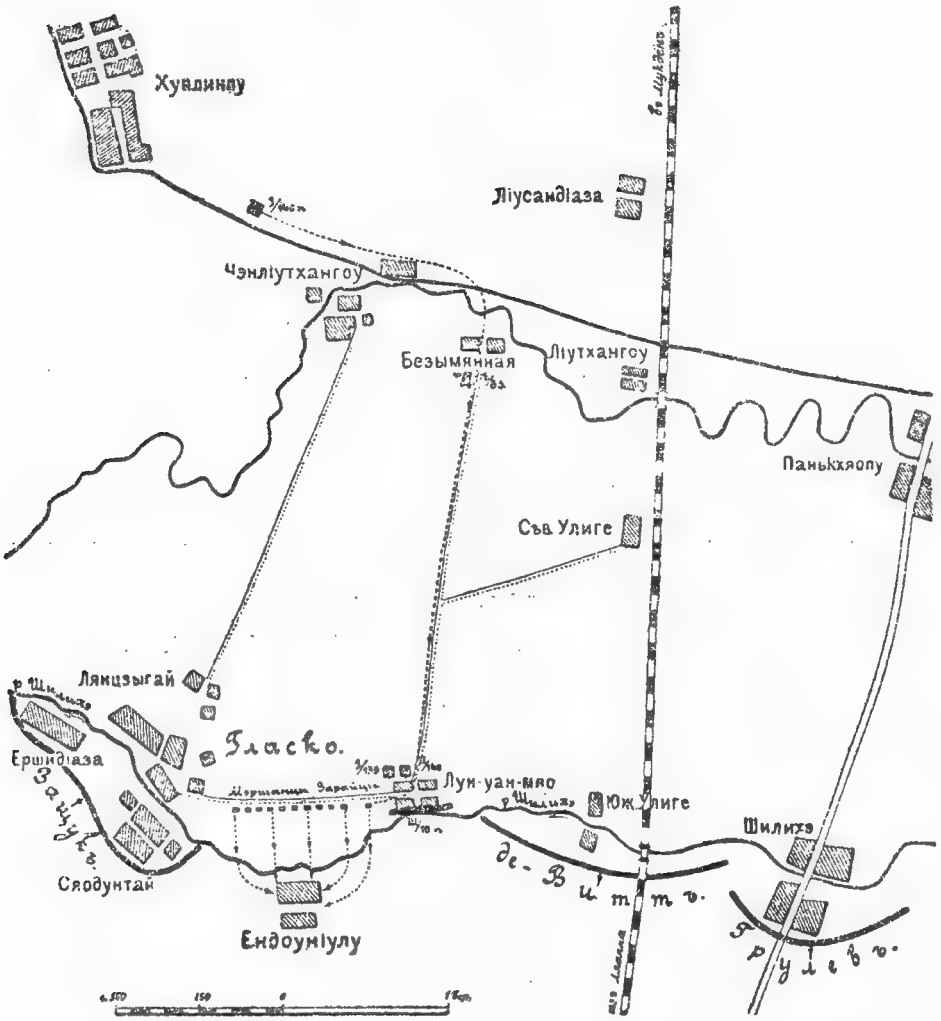
Къ 28 сентября Западный отрядъ отъ наступленія окончательно перешелъ къ оборонѣ.

Главная позиція XVII корпуса была избрана на линіи Хунлинпу, Чэнліутхангоу, Ліутхангоу, Панькхяопу (схема № 1), причемъ, какъ сказано выше, полки 35-й пѣхотной дивизіи начали укрѣпленіе ея еще 26 сентября.

Авангардъ корпуса, въ составѣ 3-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генерала Янжула, былъ выдвинутъ версты на четыре къ югу на линію рѣки

Шилихэ, отъ деревни того же имени до селенія Ершидіаза.

Схема № 1.



Первоначально предполагалось держаться на авангардной позиціи лишь столько времени, сколько понадобится для выясненія обстановки, а затѣмъ отойти на главную позицію, гдѣ принять бой. Однако

впослѣдствіи было рѣшено перенести центръ обороны на авангардную позицію, причемъ 35-я дивизія должна была составить резервъ корпуса, расположившись—1-я бригада у д. Ліусандіаза, а 2-я бригада у д. Чэнліутхангоу.

На разсвѣтѣ 28 сентября японцы перешли въ наступленіе и на всемъ фронтѣ авангардной позиціи загорѣлся бой.

Въ 8 часовъ утра генералъ Гласко получилъ слѣдующее приказаніе Добржинскаго: „Въ случаѣ явнаго развертыванія противника противъ праваго фланга позиціи—Зарайскому полку занять уступную позицію между Чэнліутхангоу и Хунлинпу включительно обѣ деревни. Моршанскому полку стать въ резервѣ за нимъ у Чэнліутхангоу".

Въ виду этого генералъ Гласко приказалъ мнѣ усилить укрѣпленія указаннаго участка. Я отправилъ въ Хунлинпу 2-й баталіонъ, а 1-й и 3-й баталіоны назначилъ для работъ въ пространствѣ между этой деревней и Чэнліутхангоу. При этомъ, находя назначенный для обороны участокъ, длиною въ три версты, черезчуръ большимъ для состоявшихъ подъ моей командой трехъ баталіоновъ, я просилъ начальника дивизіи вернуть изъ Цун-лун-ян-туня нашъ 4-й баталіонъ. Добржинскій далъ разрѣшеніе, но едва къ 3 час. пополудни баталіонъ возвратился, какъ тотъ же начальникъ дивизіи направилъ его обратно

въ Цун-лун-ян-тунь. Вскорѣ было получено приказаніе послать туда же еще одинъ баталіономъ съ батареей (я назначилъ 3-й), причемъ всѣ посланныя части должны были войти въ составъ отряда полковника Стаховича.

Еще раньше генералъ Добржинскій выслалъ конно-охотничью команду Зарайскаго полка на развѣдку въ юго-западномъ направленіи въ раіонъ, занятый нашей кавалеріей, а пѣшей охотничьей командѣ приказалъ перейти въ дер. Хунлинпу и освѣщать мѣстность на западъ, также прикрытую расположеніемъ нашихъ войскъ. Такимъ образомъ подъ моей командой остались лишь 1-й и 2-й баталіоны.

Угнавъ моихъ конныхъ охотниковъ, Добржинскій потребовалъ донесеній черезъ каждые полчаса. Когда же я отвѣтилъ, что располагаю лишь ординарцами, коихъ для столь оживленныхъ сношеній не хватитъ, то мнѣ было приказано взять на помощь ординарцевъ Моршанскаго полка, но обязательно доносить каждые полчаса, хотя бы ничего не происходило.

Между тѣмъ бой на рѣкѣ Шилихэ принялъ неблагопріятный для насъ оборотъ. Японцы овладѣли выдвинутой впередъ дер. Ендоуніулу, изъ которой позиція нашей 3-й дивизіи обстрѣливалась продольно, такъ что удержаніе ея сдѣлалось затруднительнымъ.

Около 6 час. вечера 28 сентября я получилъ приказаніе командира бригады, съ двумя наличными баталіонами Зарайцевъ «немедленно идти въ резервъ генералъ-маіору Янжулу на д. Лун-уан-мяо».

Собравъ 1-й баталіонъ, какъ сказано строившій окопы между Хунлинпу и Чэнліутхангоу и приказавъ людямъ наскоро поужинать, я выступилъ съ нимъ, а 2-му баталіону, укрѣплявшему въ это время дер. Хунлинпу, послалъ приказаніе идти вслѣдъ за мной. Въ восьмомъ часу вечера, когда уже совершенно стемнѣло, я съ 1-мъ баталіономъ Зарайцевъ подошелъ къ сѣверной окраинѣ д. Лун-уан-мяо, гдѣ засталъ стоявшій въ резервномъ порядкѣ Моршанскій полкъ.

Вскорѣ сюда прибылъ генералъ Гласко, которому Добржинскій передалъ приказаніе командующаго корпусомъ: принять общее начальство надъ упомянутыми шестью баталіонами его бригады съ батареей и «*выбить японцевъ изъ Ендоуніулу во чтобы ни стало*».

Любопытно, что почти одновременно съ этимъ рѣшительнымъ приказаніемъ Гласко получилъ отъ генерала Добржинскаго слѣдующую записку (№ 51): «Сообщаю вамъ совершенно секретно, что еслибы обстоятельства вынудили ночью отступать, то отступленіе совершать на д. Линшинпу, причемъ никоимъ образомъ не стрѣлять».

По свидѣтельству бывшаго начальника штаба 3-й дивизіи полковника Цейля, генералъ Янжулъ признавалъ ночную атаку д. Ендоуніулу не только трудной, но и крайне рискованной, такъ какъ, по его мнѣнію, въ случаѣ неудачи неизбѣжно возникла бы паника, которой могли воспользоваться японцы, перейдя сами въ рѣшительное наступленіе. Въ виду этого, вечеромъ 28 сентября, Янжулъ послалъ Цейля въ штабъ корпуса съ порученіемъ доложить генералу Волкову о возникающихъ опасеніяхъ и просить его назначить атаку на слѣдующій день; но командующій корпусомъ остался при прежнемъ рѣшеніи.

Для ознакомленія насъ съ обстановкой генералъ Янжулъ прислалъ генеральнаго штаба капитана Габаева и корнета Романова, которые объяснили по картѣ положеніе дѣлъ.

Генералъ Гласко поручилъ мнѣ ближайшее руководство атакой, причемъ на совѣщаніи было рѣшено: пользуясь ночной темнотой, попытаться взять Ендоуніулу нечаяннымъ нападеніемъ, если же вслѣдствіе бдительности японцевъ это не удастся, то отложить атаку до разсвѣта и тогда произвести ее лишь послѣ основательной артиллерійской подготовки.

Я пошелъ съ Габаевымъ и Романовымъ осмотрѣть мѣстность. Сначала мы направились на юж-

ную окраину д. Лун-уан-мяо (гдѣ должны были находиться части 10-го Новоингерманландскаго полка), а отсюда повернули въ промежутокъ между д.д. Лун-уан-мяо и Лянцзыгай. Это пространство было занято посѣвами гаоляна, частью уже срѣзаннаго и сложеннаго въ копны. Разсмотрѣть д. Ендоуніулу въ темнотѣ было невозможно, но корнетъ Романовъ, отлично знавшій мѣстность, показалъ направленіе на нее и нѣкоторые оріентировочные предметы. По его словамъ, деревня лежала за глубокимъ оврагомъ, съ обрывистыми скатами, по дну котораго протекала рѣчка Шилихэ; она была очень большая—около 500 шаговъ по фронту и 1000 шаговъ въ глубину и имѣла прочныя, преимущественно кирпичныя постройки, мѣстами приспособленныя къ оборонѣ; днемъ японскіе стрѣлки занимали сѣверную, западную и восточную окраины деревни, а въ тылу ея была расположена батарея.

Въ настоящее время изъ монографіи германскаго генеральнаго штаба извѣстно, что въ д. Ендоуніулу и позади ея была расположена бóльшая часть 3-й японской дивизіи, а именно 33-й, 18-й и 34-й пѣхотные полки. Сколько изъ этихъ войскъ находилось въ самой деревнѣ въ упомянутомъ сочиненіи не говорится *).

*) Kriegsgeschichtliche Einzelschriften, Die Schlacht am Schache. (Карта № 5).

Для производства атаки были назначены три баталіона и пѣшая охотничья команда Моршанскаго полка и одинъ баталіонъ и баталіонные охотники Зарайскаго полка.

Эти части я вывелъ на дорогу, ведущую изъ Лун-уан-мяо въ Лянцзыгай, и построилъ ихъ въ одну линію ротъ съ интервалами въ 30 шаговъ, каждая рота въ двухъ-взводной колоннѣ. На правомъ флангѣ стала охотничья команда Моршанскаго полка; лѣвѣе ея—роты 4-го, 3-го и 2-го баталіоновъ того же полка; еще лѣвѣе—роты 1-го баталіона Зарайцевъ и наконецъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ—баталіонные охотники Зарайскаго полка. Означенная боевая линія, имѣвшая протяженіе около 1000 шаговъ, была обращена фронтомъ на югъ, при чемъ разстояніе отъ середины ея до д. Ендоуніулу составляло менѣе полуверсты.

Передъ началомъ движенія я приказалъ солдатамъ оставить на мѣстѣ все снаряженіе, за исключеніемъ патронныхъ сумокъ, и переодѣться въ шинели. Послѣднее было сдѣлано по указанію генерала Гласко для того, чтобы легче отличать своихъ отъ непріятеля, такъ какъ японцы одѣты въ темныя пальто. Затѣмъ я безусловно воспретилъ стрѣлять, а приказалъ дѣйствовать исключительно штыками.

Принимая во вниманіе указанные корнетомъ Романовымъ размѣры и очертаніе деревни и поль-

зуясь виднѣвшимися въ темнотѣ отдѣльными ориентировочными предметами, я далъ частямъ боевой линіи слѣдующее направленіе: охотничьей командѣ и 4-му баталіону Моршанскаго полка — въ охватъ съ западной стороны деревни; 3-му и 2-му баталіонамъ того же полка — прямо на сѣверную окраину деревни; 1-му баталіону Зарайскаго полка — въ охватъ съ восточной стороны и наконецъ, баталіоннымъ охотникамъ Зарайскаго полка, коихъ взялся провести корнетъ Романовъ,—въ тылъ деревни, гдѣ предполагалась батарея. При этомъ двумъ среднимъ баталіонамъ было указано двигаться нѣсколько медленнѣе, съ остановками, дабы дать время фланговымъ баталіонамъ охватить деревню.

Резервъ, въ составѣ 1-го баталіона Моршанскаго полка и 2-го баталіона (который прибылъ въ 9 час. вечера) Зарайскаго полка, былъ поставленъ за д. Лунуан-мяо. Батарею генералъ Гласко пока оставилъ въ двухъ верстахъ позади у южной окраины Безымянной деревни, подъ прикрытіемъ роты Моршанцевъ.

Въ то время какъ мы готовились къ атакѣ, въ Ендоуніулу царствовало полное спокойствіе. Только изрѣдка оттуда раздавались одиночные выстрѣлы, по всѣмъ вѣроятіямъ, японскихъ часовыхъ. Между прочимъ, одна изъ такихъ случайныхъ пуль попала въ ногу генерала Гласко, но, къ счастью, съ рикошета, причинивъ ему лишь легкій ушибъ.

Въ десятомъ часу вечера, когда всѣ приготовленія были окончены, я двинулъ впередъ длинную линію ротныхъ колоннъ, самъ же перешелъ къ окраинѣ д. Лун-уан-мяо, такъ такъ въ этомъ пунктѣ меня всего легче можно было найти людямъ, посылаемымъ съ донесеніями. Кромѣ того, для поддержанія связи между мною и наступавшими частями, я приказалъ начальнику баталіонныхъ охотниковъ Зарайскаго полка оставить при переходѣ черезъ р. Шилихэ, на правомъ ея берегу, промежуточный постъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Вмѣстѣ со мною расположились генералъ Гласко и капитанъ Габаевъ.

Едва атакующія колонны скрылись въ ночной темнотѣ, какъ вправо отъ нихъ началась ружейная перестрѣлка. Огонь вскорѣ распространился по всей линіи. Впослѣдствіи выяснилось, что въ это время японцы предприняли наступленіе на оба фланга позиціи 3-й дивизіи. При такихъ условіяхъ намъ всѣмъ казалось, что нечаянное нападеніе не удастся и придется отложить дѣло до разсвѣта, какъ это было рѣшено на совѣщаніи. Однако, бѣшеный огонь японцевъ принесъ намъ лишь пользу: пули проносились высоко надъ нашими атакующими колоннами, не причиняя имъ никакого вреда, а между тѣмъ трескъ стрѣльбы заглушалъ совершенно шумъ шаговъ.

Вскорѣ колонны подошли къ находящемуся у сѣверной окраины д. Ендоуніулу обрывистому овра-

гу, по дну котораго протекаетъ рѣчка Шилихэ. Это препятствіе на нѣкоторое время задержало движеніе. Раньше другихъ перешли черезъ оврагъ, устроились и ворвались въ деревню: съ восточной стороны 4-я рота Зарайскаго полка, имѣя впереди поручика Ратнека, а съ западной стороны, по свидѣтельству командующаго полкомъ подполковника Бутъ-Гуссаинова, роты 4-го баталіона Моршанскаго полка съ подполковникомъ Богдановымъ и штабсъ-капитаномъ Бажинымъ во главѣ. Баталіонные охотники Зарайскаго полка сбились съ пути и вмѣсто того, чтобы выйти въ тылъ деревни, проникли въ нее съ востока.

При атакѣ съ нашей стороны не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Японцы были застигнуты врасплохъ. За исключеніемъ стрѣлковъ занимавшихъ сѣверную окраину деревни, они сидѣли на улицахъ, во дворахъ и по фанзамъ, занимаясь приготовленіемъ пищи, починкою одежды, снаряженія и т. п. Многіе не успѣли даже разобрать ружей.

Въ деревнѣ начался ожесточенный штыковой бой, причемъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, руководство старшихъ начальниковъ исчезло и весь отрядъ разбился на отдѣльныя кучки подъ предводительствомъ младшихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и даже предпріимчивыхъ рядовыхъ. Японцы, находившіеся въ сѣверной части деревни, почти поголовно были истреблены, вслѣдствіе того, что

колонны, направленныя мною въ охватъ съ двухъ сторонъ, отрѣзали имъ путь отступленія. Изъ южной части Ендоуніулу непріятелю удалось своевременно уйти и окопаться шагахъ въ тысячѣ къ югу на гаоляновомъ полѣ.

Въ деревнѣ осталось нѣсколько сотъ труповъ и еще большее количество ружей. Въ монографіи германскаго генеральнаго штаба сказано, что японцы понесли тяжелыя потери, причемъ особенно пострадалъ 33-й пѣхотный полкъ. Дѣйствительно убитые, лежавшіе въ сѣверной части деревни, принадлежали къ этому полку.

Первое извѣстіе объ одержанномъ успѣхѣ я получилъ отъ присланнаго поручикомъ Ратнекомъ рядового Волосянникова, который доложилъ мнѣ, что 4-я рота Зарайскаго полка ворвалась въ деревню. Немедленно генералъ Гласко, я и капитанъ Габаевъ отправились въ Ендоуніулу, гдѣ къ нашему приходу рукопашный бой уже затихалъ. Кое гдѣ раздавались еще отдѣльные выстрѣлы, укрывшихся въ фанзы японцевъ. Повсюду лежали убитые и раненые, жалобно стонавшіе отъ тяжелыхъ штыковыхъ ранъ. Плѣнныхъ было всего нѣсколько человѣкъ. На площадкѣ въ восточной части деревни мы увидѣли около 300 ружей составленныхъ въ козлы. Генералъ Гласко взялъ себѣ одно изъ нихъ на память. Вездѣ были брошены предметы одежды, ранцы, патронныя сум-

ки, котелки съ приготовлявшейся пищей, банки съ консервами и т. п. Тотчасъ же по прибытіи я сдѣлалъ распоряженіе, по возможности скорѣе, собрать разбредшіяся роты въ колонны и выдвинуть на окраины деревни сторожевые посты.

О взятіи Ендоуніулу капитанъ Габаевъ немедленно донесъ начальнику 3-й пѣхотной дивизіи. Послѣ осмотра деревни оказалось, что для обороны ея нужно не менѣе четырехъ баталіоновъ. Въ виду этого, чтобы не перемѣшивать частей, генералъ Гласко назначилъ для занятія Ендоуніулу Моршанскій полкъ въ полномъ составѣ подъ командой подполковника Бутъ-Гуссаинова, а двумъ баталіонамъ Зарайскаго полка съ 2-й батареей 35-й артиллерійской бригады подъ моей командой приказалъ расположиться по бокамъ и позади деревни такъ, чтобы способствовать ея оборонѣ.

Впослѣдствіи, когда выяснилось, что на участкѣ нашей бригады находится еще 3-й баталіонъ 10-го Новоингерманландскаго полка, онъ былъ также подчиненъ мнѣ, а баталіонные охотники Зарайскаго полка переданы подполковнику Бутъ-Гуссаинову по просьбѣ послѣдняго. Въ его же распоряженіе отправленъ присланный ночью генераломъ Янжуломъ взводъ саперъ.

Такимъ образомъ, генералъ Гласко, какъ сказано въ его реляціи, раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ

части: а) 4 баталіона подъ начальствомъ подполковника Бутъ-Гуссаинова и б) 3 баталіона и 6 орудій подъ моей командой. Эти двѣ части были совершенно независимы другъ отъ друга и подполковникъ Бутъ-Гуссаиновъ подчинялся непосредственно генералу Гласко.

Послѣ принятія указанныхъ мѣръ генералъ Гласко, въ первомъ часу ночи, послалъ начальникамъ 3-й и 35-й дивизій и временно командовавшему корпусомъ донесеніе, въ которомъ было сказано: „Доношу, что въ 10 час. вечера 28 сентября четыре баталіона Моршанскаго и два баталіона Зарайскаго полковъ ударомъ въ штыки, безъ выстрѣла, заняли д. Ендоуніулу, выбивъ оттуда японцевъ, причемъ первой въ означенную деревню ворвалась 4-я рота 140-го пѣх. Зарайскаго полка подъ начальствомъ подпоручика Ратнека, повлекшаго за собой остальныя части". (В. Уч. Арх. д. 42391).

Въ свою очередь генералъ Волковъ телеграфировалъ Куропаткину и Бильдерлингу слѣдующее: „Ночная атака Ендоуніулу Моршанцами и Зарайцами произведена блестяще. Потеря нѣсколько десятковъ человѣкъ. Деревня завалена грудами японскихъ труповъ. Есть плѣнные" *).

*) Въ реляціи генерала Волкова сказано: „Блестящее ночное дѣло подъ д. Ендоуніулу, въ коемъ участвовали Моршанскій и Зарайскій полки, прибавитъ новую ленту къ почетной репутаціи этихъ полковъ".

Моршанскій полкъ провелъ ночь въ д. Ендоуніулу, поддерживая связь: направо, своей охотничьей командой,—съ участкомъ генерала Защука, а налѣво при посредствѣ баталіонныхъ охотниковъ Зарайскаго полка,—съ участкомъ полковника де-Витта. Оба Зарайскихъ баталіона ночевали у сѣверной окраины д. Лун-уан-мяо; баталіонъ Новоингерманландцевъ—у западной окраины той же деревни; батарея—у Безымянной деревни.

Около 2 час. ночи я получилъ записку генерала Янжула (№ 27), отправленную имъ еще до полученія вышеприведеннаго донесенія Гласко о взятіи Ендоуніулу. Въ ней говорилось: „Сердечно поздравляю Васъ съ новымъ блестящимъ успѣхомъ. Увѣренъ, что Вы удержите Ендоуніулу и завтра, такъ какъ этотъ пунктъ очень важенъ". (В. Уч. Арх. д. 42391).

Далѣе въ запискѣ слѣдовали различныя распоряженія.

По свидѣтельству подполковника Цейля, она была адресована мнѣ по той причинѣ, что въ донесеніи капитана Габаева о Гласко совершенно не упоминалось, а говорилось, что атакой деревни руководилъ полковникъ Мартыновъ. Однако не будучи начальникомъ отряда, я передалъ эту записку, заключавшую въ себѣ приказаніе на слѣдующій день, генералу Гласко. Затѣмъ, когда донесеніе послѣдняго было получено въ штабѣ 3-й дивизіи, даль-

нѣйшія сношенія происходили уже въ нормальномъ порядкѣ.

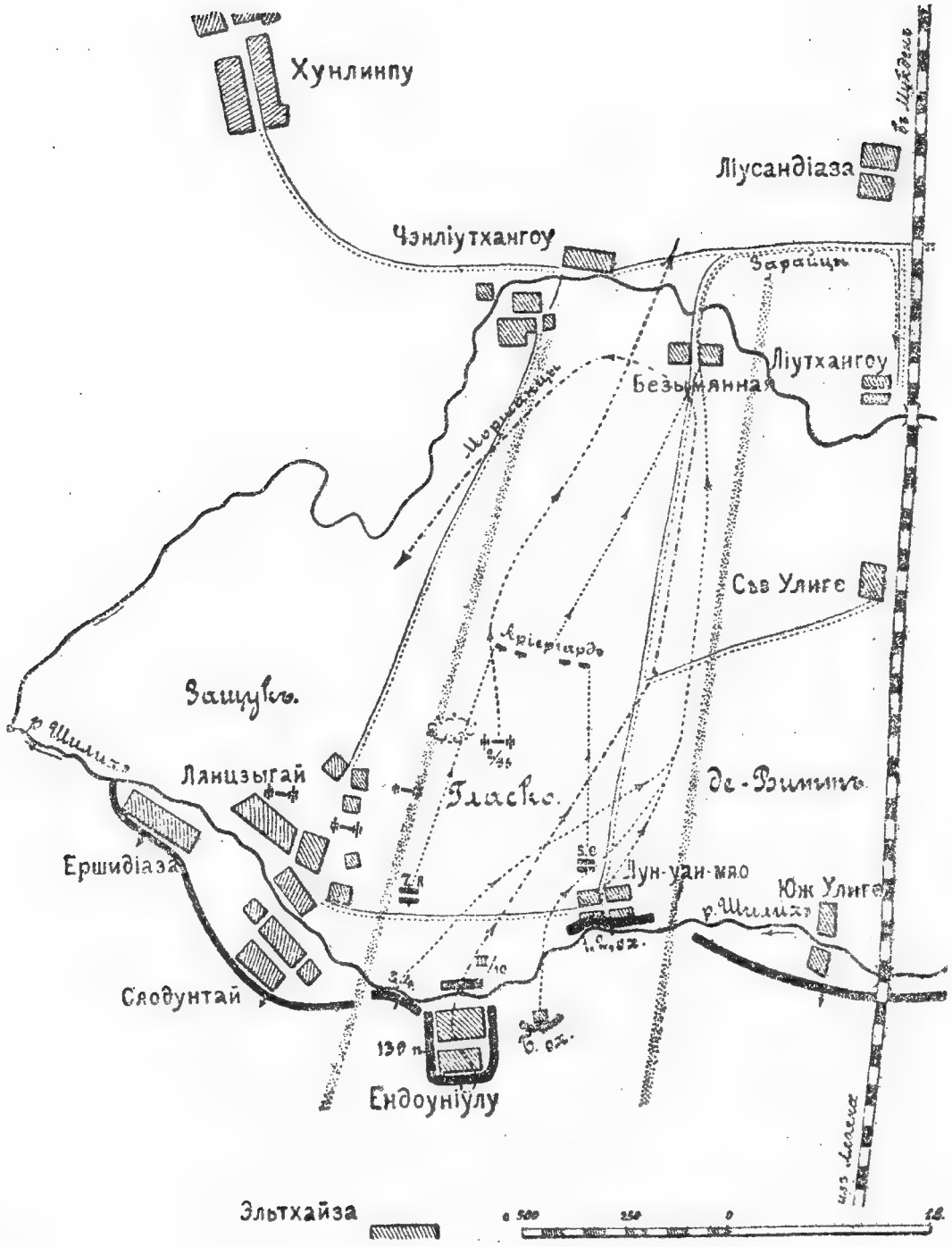
Стремительная ночная атака дер. Ендоуніулу, паника между оборонявшими ее японцами и почти поголовное истребленіе ихъ еще болѣе подняли духъ Зарайцевъ.

Ночь съ 28 на 29 сентября прошла спокойно. Передъ разсвѣтомъ прибыла изъ Хунлинпу пѣшая охотничья команда Зарайскаго полка.

На разсвѣтѣ 29 сентября Моршанцы заняли восточную, южную и западную окраины дер. Ендоуніулу, которая за ночь была приспособлена къ оборонѣ (схема № 2). Баталіоннымъ охотникамъ Зарайскаго полка подполковникъ Бутъ-Гуссаиновъ приказалъ занять отдѣльный хуторъ, расположенный къ востоку отъ деревни.

Подчиненныя мнѣ части были расположены слѣдующимъ образомъ: 1-я и 2-я роты и пѣшая охотничья команда Зарайскаго полка — на южной окраинѣ деревни Лун-уан-мяо; 3-я рота — за ними въ резервѣ (впослѣдствіи она была передвинута вправо отъ дер. Ендоуніулу); 4-я рота—по краю оврага къ сѣверо-западу отъ дер. Ендоуніулу; 5-я и 6-я роты зарайцевъ—въ резервныхъ окопахъ за дер. Лун-уан-мяо; 7-я и 8-я роты — восточнѣе дер. Лянцзыгай, также въ окопахъ; баталіонъ 10-го Новоингерманландскаго полка — въ ближайшемъ резервѣ за дер.

Схема № 2.


Хунлинпу
Ліусандіаза
Чэнліутхангоу
Зарайцы
Ліутхангоу
Безымянная
Моршанцы
Съв Улиге
Аріергардъ
Защукъ.
р. Шилихэ
Лянцзыгай
Гласко.
де-Виттъ
Ершидіаза
Лун-уан-мяо
Юж Улиге
р. Шилихэ
Сяодунтай
130 п.
Ендоуніулу
Эльтхайза
0 500 250 0 1 в.

Ендоуніулу, въ имѣвшихся тамъ окопахъ; 2-я батарея 35-й артиллерійской бригады—на позиціи въ верстѣ къ сѣверу отъ дер. Ендоуніулу. Возвратившаяся утромъ, послѣ развѣдки отъ Хунлинпу въ юго-западномъ направленіи, конно-охотничья команда Зарайскаго полка была оставлена у дер. Безымянной, гдѣ былъ открытъ перевязочный пунктъ для всего отряда.

Я лично помѣстился въ резервномъ окопѣ за дер. Лун-уан-мяо при 5-й и 6-й ротахъ. Со мной былъ генеральнаго штаба капитанъ Ждановъ, пріѣхавшій къ намъ на разсвѣтѣ. Этотъ замѣчательно храбрый офицеръ не чувствовалъ особаго призванія къ штабной службѣ и въ каждомъ бою старался присоединиться къ Зарайцамъ. Впослѣдствіи во время печальнаго Мукденскаго отступленія, командуя баталіономъ въ одномъ изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, онъ былъ, при происшедшей паникѣ, смертельно раненъ въ животъ пулею одного изъ своихъ солдатъ.

Тутъ же въ резервномъ окопѣ сначала находился и генералъ Гласко, а потомъ для удобства сношеній со штабомъ 3-й пѣхотной дивизіи, расположеннымъ въ дер. Сѣв. Улиге, онъ, съ состоявшимъ при немъ штабсъ-капитаномъ Зеньковичемъ, перешелъ къ перекрестку дорогъ, въ верстѣ сѣвернѣе дер. Лун-уан-мяо.

Весь раіонъ, занятый нашими войсками, представлялъ гаоляновыя поля, частью уже заставленныя копнами, частью же еще неубранныя, что весьма затрудняло обзоръ мѣстности, но за то скрывало наше расположеніе.

Въ монографіи германскаго генеральнаго штаба сказано, что командующій 2-й японской арміей генералъ Оку рѣшилъ на слѣдующій день (29 сентября), со всѣми своими силами, обрушиться на нашъ XVII корпусъ. Съ этою цѣлью японскія войска были направлены слѣдующимъ образомъ: правая колонна 3-й дивизіи (6 полкъ, усиленный двумя баталіонами изъ армейскаго резерва) — на дер. Шилихэ; лѣвая колонна 3-й дивизіи (18, 34 и 33 полки) — на дер. Ендоуніулу; 6-я дивизія — на д. д. Сяодунтай и Ершидіаза; 4-я дивизія—въ обходъ праваго фланга всей нашей позиціи съ запада.

Съ разсвѣтомъ японцы, окопавшіеся (какъ сказано выше) въ разстояніи около тысячи шаговъ къ югу отъ Ендоуніулу, открыли по деревнѣ частый ружейный огонь. Въ седьмомъ часу утра въ густомъ гаолянѣ были видны подходившія къ нимъ подкрѣпленія. Послѣ этого непріятельская пѣхота произвела на Ендоуніулу три послѣдовательныя атаки, поддержанныя артиллеріей, обстрѣливавшей шрапнелями и шимозами весь раіонъ занятый нашимъ отрядомъ. Эти атаки, не отличавшіяся особою

рѣшительностью, были легко отбиты Моршанцами при содѣйствіи Зарайцевъ.

Въ десятомъ часу утра наступило затишье — артиллерійская и ружейная стрѣльба почти совершенно прекратились. Затѣмъ въ одиннадцатомъ часу японскія батареи возобновили огонь, но довольно вялый. Этимъ временемъ я воспользовался для того, чтобы накормить солдатъ. Очевидно кухни подъѣхать не могли и потому я распорядился еще ночью приготовить фунтовыя порціи варенаго мяса, которыя теперь были поднесены въ мѣшкахъ къ ротамъ.

Въ монографіи германскаго генеральнаго штаба (стр. 117) малая энергія проявленная японцами при Ендоуніулу, утромъ 29 сентября, объясняется тѣмъ, что лѣвая колонна 3-й дивизіи (18, 34 и 33 полки) „понесла тяжелыя потери“ въ предшествующемъ ночномъ бою. На мой взглядъ еще болѣе серіозной причиной было то, что японцы, направленные противъ Ендоуніулу, выжидали результатовъ предпринятаго генераломъ Оку обхода нашего праваго фланга.

Въ половинѣ 11 часа было получено отъ генерала Янжула извѣстіе о томъ, что къ Чэнліутхангоу въ подкрѣпленіе намъ подходитъ бригада VI корпуса. Я тотчасъ же сообщилъ эту радостную вѣсть подполковнику Бутъ-Гуссаинову, добавивъ отъ себя: „Теперь наше положеніе совершенно упрочивается.

Нужно думать, что остальныя части VI корпуса и 10 баталіоновъ Дембовскаго сегодня къ вечеру обойдутъ японцевъ съ запада".

Изъ приведеннаго документа видно, что въ это время даже для мелкаго строевого начальника, находившагося въ самомъ разгарѣ боя, была совершенно ясна общая обстановка. Тѣмъ удивительнѣе, что командующій арміей, имѣвшій въ качествѣ стратегическаго резерва, всего въ нѣсколькихъ верстахъ уступомъ за правымъ флангомъ XVII корпуса, 24 баталіона VI корпуса, не только не воспользовался ими для обхода японцевъ, но впослѣдствіи, когда армія Оку сама охватила насъ справа, не рѣшился даже парировать этотъ охватъ!!!

Между тѣмъ, въ двѣнадцатомъ часу японцы открыли сильнѣйшій артиллерійскій огонь по расположенной западнѣе насъ д. Сяодунтай. Подъ покровительствомъ этого огня непріятельская пѣхота перешла въ рѣшительное наступленіе противъ участка генерала Защука, охватывая его съ праваго фланга.

Около полудня войска этого участка начали быстро отходить назадъ. Съ того мѣста, гдѣ я находился (за д. Лун-уан-мяо), было видно какъ батарея 3-й бригады, стоявшая въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ уступомъ впереди нашей батареи, взяла въ передки и двинулась по направленію на Чэнліутхангоу. Очистивъ д.д. Сяодунтай и Лянцзыгай, войска

генерала Защука направились далѣе на сѣверъ. Согласно реляціи генерала Янжула, «безостановочное отступленіе всего боевого порядка продолжалось до рѣки южнѣе д. Чэнліутхангоу».

При такихъ условіяхъ положеніе Моршанскаго полка, занимавшаго далеко выдвинутую впередъ д. Ендоуніулу, становилось опаснымъ. Въ первомъ часу пополудни я получилъ слѣдующую записку подполковника Бутъ-Гуссаинова, посланную въ 12 ч. 15 м. пополудни: „Правѣе насъ войска отступаютъ; гранаты и шрапнели наносятъ большое пораженіе; наша батарея молчитъ; принужденъ отступить. Прошу прикрыть отступленіе". (В.-Уч. Арх., д. 42391).

Я отправилъ эту записку генералу Гласко, а своимъ передовымъ частямъ послалъ приказаніе держаться упорно, дабы дать Моршанцамъ возможность отойти. Въ часъ дня начальникъ пѣшей охотничьей команды поручикъ Тверитиновъ донесъ мнѣ, что Моршанскій полкъ уже отходитъ отъ дер. Ендоуніулу.

Въ началѣ второго часа я получилъ отъ Гласко слѣдующую записку подполковника Цейля, отправленную въ 12 ч. 30 мин. пополудни:

„Только что получено донесеніе, что 9-й и 10-й полки отступаютъ съ своихъ позицій. При опасности вашему правому флангу отходите къ желѣзнодорожному мосту у Ліутхангоу. Здѣсь займемъ по-

зицію. Уберите батарею безусловно. Сообщаю по приказанію генерала Янжула". (В.-Уч. Арх. д. № 42391).

Эта записка какъ бы санкціонировала то, что уже было сдѣлано подполковникомъ Бутъ-Гуссаиновымъ. Пересылая ее мнѣ, Гласко просилъ содержаніе сообщить Бутъ-Гуссаинову, а самый документъ сохранить, что я и выполнилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гласко увѣдомилъ, что батареѣ онъ уже послалъ приказаніе отойти въ тылъ.

Затѣмъ генералъ Гласко, какъ упомянуто въ его реляціи, приказалъ мнѣ остаться съ однимъ баталіономъ для прикрытія отступленія, а всѣ остальныя части направить вслѣдъ за Моршанцами.

Записку Янжула я понялъ, какъ возвращеніе къ первоначальному плану — принять бой на главной позиціи (Хунлинпу, Чэнліутхангоу, Ліутхангоу, Панькхяопу), заблаговременно укрѣпленной нами.

Между тѣмъ Моршанскій полкъ отъ д. Ендоуніулу направился первоначально на сѣверо-востокъ, а потомъ, отойдя за Лун-уан-мяо, двинулся къ Безымянной деревнѣ. Вслѣдъ за Моршанцами я отправилъ сначала 1-й баталіонъ, а затѣмъ охотничью команду Зарайскаго полка. Баталіону Новоингерманландцевъ я послалъ два приказанія — также отходить къ Ліутхангоу; но они получены не были. Впрочемъ никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ это-

го не произошло, такъ какъ Новоингерманландцы отступили безпрепятственно.

Вмѣстѣ съ перечисленными выше отходившими частями 2-й бригады 35-й дивизіи отправился генералъ Гласко. Я же остался съ 2-мъ баталіономъ Зарайскаго полка — прикрывать отступленіе.

Въ это время произошелъ эпизодъ, который никогда не изгладится изъ моей памяти. Я стоялъ вмѣстѣ съ капитаномъ Ждановымъ, штабсъ-капитаномъ Влахопуловымъ и поручикомъ Бобровымъ близъ окопа занятаго 5-й ротой. Японская артиллерія провожала наши отступавшія войска шрапнелями и шимозами. Со стороны д. Ендоуніулу свистѣли одиночныя пули. Отъ Лун-уан-мяо, въ сѣверномъ направленіи, отходили санитары съ носилками и плелись легко раненые. Вдругъ я замѣтилъ, что одни носилки, на которыхъ лежалъ офицеръ, сворачиваютъ съ дороги и направляются ко мнѣ. Оказалось, что это былъ тяжело раненый въ животъ поручикъ Плехановъ, пожелавшій проститься со мною. Едва удерживая слезы, я старался его увѣрить въ скоромъ возвращеніи къ намъ. Но онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, я знаю, что умру и потому просилъ принести меня сюда, чтобы пожелать вамъ всего хорошаго“. Вечеромъ, этотъ доблестный офицеръ дѣйствительно скончался.

Между тѣмъ японцы, занявъ Ендоуніулу и Сяодунтай, заставили фланговымъ огнемъ 7-ю и 8-ю

роты зарайцевъ отойти назадъ къ сосновой рощѣ. Затѣмъ, когда была занята непріятелемъ д. Лянцзыгай, онѣ отступили еще шаговъ на четыреста къ сѣверо-востоку. Одновременно съ ними отошли также 5-я и 6-я роты, при которыхъ я находился лично.

Около 2 час. дня 2-й баталіонъ, составлявшій подъ моей командой какъ бы аріергардъ бригады, былъ расположенъ въ одну линію ротъ, къ западу отъ перекрестка дорогъ, ведущихъ изъ Лун-уан-мяо въ д.д. Безымянную и Сѣв. Улиге, перестрѣливаясь съ японскими стрѣлками, вышедшими на окраину дер. Лянцзыгай.

Въ это время генералъ Гласко съ остальными частями бригады (какъ видно изъ его полевыхъ записокъ) достигъ уже Безымянной деревни. Въ указанный моментъ, то есть около 2 час. пополудни, восточнѣе моего аріергарда неожиданно появился пѣхотный полкъ (какъ оказалось, Юхновскій), который въ компактномъ боевомъ порядкѣ быстро и смѣло наступалъ на д. Лун-уан-мяо.

Такой маневръ представлялся мнѣ тогда совершенно непонятнымъ. Если распоряженіе генерала Янжула объ отходѣ съ авангардной позиціи на главную оставалось въ силѣ, то какой смыслъ имѣло изолированное наступленіе Юхновскаго полка?! Если же генералъ Янжулъ отъ своего намѣренія отказался и рѣшилъ снова занять авангардную позицію, то

почему, находясь ближе къ намъ, чѣмъ къ Юхновцамъ, онъ своевременно не прислалъ объ этомъ приказанія ни мнѣ, ни генералу Гласко?!

Было ясно, что тутъ происходитъ какое-то роковое недоразумѣніе.

При такихъ условіяхъ примыкать съ имѣвшимся въ моемъ распоряженіи однимъ баталіономъ къ наступающему Юхновскому полку и снова атаковать тѣ деревни, которыя мы только что сами добровольно очистили, являлось очевидной нелѣпостью. Это значило бы сознательно увеличивать размѣры происходящей ошибки. Спасти Юхновцевъ отъ послѣдствій ихъ опрометчиваго наступленія мой баталіонъ все равно не могъ и лишь напрасно, безъ всякой пользы для дѣла, понесъ бы тяжелыя потери. Всего лучше было бы отыскать командира Юхновскаго полка и предупредить его о томъ, что онъ залѣзаетъ въ огневой мѣшокъ, но при быстромъ развитіи событій для этого не оставалось времени, тѣмъ болѣе, что въ моемъ распоряженіи не было ни одного верхового.

Въ виду изложеннаго я ограничился тѣмъ, что, до выясненія обстановки, задержалъ свой баталіонъ на аріергардной позиціи, съ которой онъ продолжалъ обстрѣливать дер. Лянцзыгай. Ждать пришлось недолго. Попавъ подъ фланговый огонь изъ д.д. Лянцзыгай и Сяодунтай, Юхновскій полкъ сталъ совер-

шать захожденіе направо, но при этомъ снова подвергся фланговому огню изъ Ендоуніулу, послѣ чего, потерявъ въ четверть часа около тысячи человѣкъ, совершенно разстроенный повернулъ назадъ.

При этомъ замѣчательно, что во все продолженіе описанной атаки, наша многочисленная артиллерія, расположенная на позиціи восточнѣе Чэнліутхангоу, не сдѣлала ни одного выстрѣла!! Очевидно, она ничего не знала о происходящемъ.

Впослѣдствіи выяснилось, что мое предположеніе о роковомъ недоразумѣніи было совершенно вѣрно: начальство желало двинуть Юхновцевъ, стоявшихъ въ резервѣ у Чэнліутхангоу, на правый флангъ участка генерала Защука, который былъ обойденъ японцами и гдѣ были оставлены двѣ батареи; но вслѣдствіе неясности полученныхъ приказаній, а можетъ быть и по какой либо другой причинѣ, Юхновцы попали на лѣвый флангъ участка генерала Гласко, гдѣ помощи никакой не требовалось.

По свидѣтельству Гласко, командиръ Юхновскаго полка передъ наступленіемъ явился ему близъ Безымянной деревни. Гласко, объяснивъ обстановку и указавъ расположеніе войскъ, отвѣтилъ, что ему подкрѣпленій не нужно, такъ какъ войска его участка, исполняя приказаніе генерала Янжула, уже отходятъ на главную позицію у Ліутхангоу.

Съ другой стороны въ реляціяхъ 2-й бригады 55-й пѣхотной дивизіи и Юхновскаго полка ничего не говорится о приказаніи поддержать правый флангъ генерала Защука и отбить оставленныя батареи, а сказано, что задача Юхновцевъ сводилась „къ принятію на себя 35-й пѣхотной дивизіи", причемъ въ особую заслугу вмѣняется, что „прикрытіе частей Юхновскимъ полкомъ было активное, то есть съ движеніемъ впередъ, а не на занятыхъ позиціяхъ".

Однако изъ изложеннаго видно, что къ началу наступленія Юхновскаго полка отрядъ генерала Гласко (за исключеніемъ 2-го баталіона Зарайцевъ составлявшаго аріергардъ) уже успѣлъ безпрепятственно отступить къ Безымянной деревнѣ и потому совершенно не нуждался въ какой бы то ни было выручкѣ.

Въ третьемъ часу, когда Юхновцы уже отходили, ко мнѣ подъѣхалъ вольноопредѣляющійся Черниговскаго драгунскаго полка (кажется Анитовъ) и передалъ, что полковникъ Ванновскій, намѣреваясь наступать — съ цѣлью занятія прежней позиціи генерала Защука, проситъ, чтобы на нашемъ участкѣ точно также было произведено наступленіе.

Отвѣтивъ что я не начальникъ участка и что въ моемъ распоряженіи всего лишь одинъ баталіонъ, я посовѣтовалъ вольноопредѣляющемуся нагнать наши отходившія части, которыя въ это время были

близъ д. Безымянной, и передать генералу Гласко порученіе полковника Ванновскаго. Былъ ли мой совѣтъ исполненъ—мнѣ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ на ходъ дѣла это не могло оказать ни малѣйшаго вліянія, такъ какъ еще раньше, въ 2 час. 15 мин. пополудни, вслѣдствіе приказанія командующаго корпусомъ, Гласко направилъ въ распоряженіе Ванновскаго, стоявшій въ резервной колоннѣ близъ Безымянной деревни, Моршанскій полкъ.

Около 3 час. пополудни ко мнѣ пріѣхалъ охотникъ, передавшій отъ имени генерала Гласко, что войска нашего участка отошли къ д. Безымянной и чтобы я шелъ на присоединеніе къ нимъ. Я началъ отходить съ аріергардной позиціи въ четвертомъ часу, послѣ того какъ разстроенныя части Юхновскаго полка уже успѣли отступить въ сѣверномъ направленіи.

Отойдя со 2-мъ баталіономъ къ Безымянной деревнѣ, я соединился здѣсь съ 1-мъ баталіономъ и охотничьей командой, при которыхъ былъ Гласко. Послѣдній приказалъ мнѣ поспѣшить движеніемъ къ желѣзно-дорожному мосту у Ліутхангоу и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ, что Моршанскій полкъ отправленъ имъ на поддержку отряда полковника Ванновскаго.

Давъ немного передохнуть людямъ, я двинулся по пути, ведущему къ переѣзду черезъ желѣзную

дорогу (юго-восточнѣе д. Ліусандіаза), а оттуда повернулъ на югъ на Ліутхангоу. Подходя къ этому селенію, я встрѣтилъ генерала Янжула, который велѣлъ мнѣ прикрыть артиллерію, стоявшую на позиціи западнѣе дер. Ліутхангоу. До нашего прихода ее прикрывали части 3-й пѣхотной дивизіи, которыя теперь должны были отойти въ резервъ.

Расположивъ 1-й баталіонъ въ окопахъ на берегу ручья у желѣзно-дорожнаго моста, я лично повелъ 2-й баталіонъ черезъ Ліутхангоу на западъ. Однако, достигнувъ выхода изъ деревни, мы увидѣли какъ къ батареямъ карьеромъ подъѣхали передки и затѣмъ онѣ помчались назадъ. Пѣхота, расположенная правѣе батарей, отходила бѣгомъ. Я остановился, пріостановилась и слѣдовавшая за мной голова баталіона. Въ этотъ моментъ съ юго-запада засвистали пули. Приказавъ 2-му баталіону занять цѣпью западную и южную окраины деревни Ліутхангоу, я рѣшилъ держаться, дабы дать время отойти артиллеріи и частямъ 3-й пѣхотной дивизіи. Японцы начали обстрѣливать нашу позицію ружейнымъ огнемъ и шрапнелями.

Вскорѣ я получилъ записку: „Зарайскому и сосѣднимъ частямъ отходить къ станціи Шахэ“. (В.-Уч. Арх., д. № 42391).

Записка была безъ подписи, но посланный сказалъ мнѣ, что она отъ генерала Янжула.

Такъ какъ направленіе выстрѣловъ было съ юго-запада, то, желая найти укрытіе отъ нихъ, я перевелъ баталіоны на другую сторону желѣзнодорожной насыпи и затѣмъ, прикрываясь ею, двинулся на сѣверъ. Отойдя версты три отъ Ліутхангоу, мы встрѣтили начальника дивизіи, который схвативъ меня обѣими руками за руку, просилъ спасти товарищей, прикрывъ отступленіе. Собственно говоря спасать было рѣшительно некого, такъ какъ японцы и не думали насъ преслѣдовать; но Добржинскій, по своему обыкновенію, уже впалъ въ панику.

По его указанію полкъ развернулся по обѣ стороны желѣзной дороги въ одну линію полуротныхъ колоннъ съ интервалами на 20 шаговъ, имѣя впереди посты выставленные охотниками. Потомъ къ Зарайцамъ пристроился Моршанскій полкъ и прибылъ генералъ Гласко, принявшій начальство надъ аріергардомъ. Приказавъ намъ простоять въ такомъ положеніи до 2 часовъ пополуночи и только послѣ этого двигаться къ станціи Шахэ, Добржинскій уѣхалъ.

Съ высокой желѣзнодорожной насыпи, гдѣ сидѣли Гласко, я и другіе офицеры, можно было ясно видѣть японскіе костры близъ дер. Ліусандіаза. Посреди ночной темноты на яркомъ фонѣ ихъ быстро передвигались человѣческія фигуры. Намъ казалось, что японцы танцуютъ.

Въ третьемъ часу ночи Зарайскій полкъ подошелъ къ станціи Шахэ. Здѣсь начальникъ дивизіи отдалъ мнѣ приказаніе: выждать отхода санитарнаго поѣзда, а затѣмъ, расположивъ 2-й баталіонъ на аванпостахъ по указанной линіи (которая оказалась какъ разъ позади укрѣпленій, занятыхъ Орловскимъ полкомъ!!), съ 1-мъ баталіономъ отойти къ д. Линшинпу.

Темень была страшная. Пошелъ проливной дождь. Пробраться къ Линшинпу не удалось и я съ 1-мъ баталіономъ остановился на ночлегъ у какого то кирпичнаго склада. Сильно измученные мы улеглись на кирпичи и заснули тяжелымъ сномъ. Съ разсвѣтомъ я продолжалъ движеніе съ обоими баталіонами и, согласно полученнаго приказанія, сталъ за дер. Ингуа. Здѣсь къ намъ присоединились 3 и 4 баталіоны, возвратившіеся изъ отряда полковника Стаховича.

Въ дни 28 и 29 сентября 1 и 2 баталіоны Зарайскаго полка потеряли выбывшими изъ строя 4 офицеровъ (изъ коихъ поручикъ Плехановъ умеръ отъ ранъ) и 211 нижнихъ чиновъ, причемъ большая часть этой потери выпала на долю 1-го баталіона и команды баталіонныхъ охотниковъ. Въ 3 и 4 баталіонахъ былъ убитъ 1 офицеръ (поручикъ Прозоркевичъ) и выбыло изъ строя около 100 нижнихъ чиновъ.

Ночной штурмъ дер. Ендоуніулу сдѣлался яблокомъ раздора между начальниками 3-й и 35-й ди-

визій. Каждый изъ нихъ желалъ включить этотъ блестящій эпизодъ въ свою реляцію, утверждая что успѣхъ одержанъ подчиненными ему войсками. При этомъ Добржинскій, о коемъ во время боя мы ничего не слышали, пытался даже приписать себѣ руководство дѣломъ!!! Между тѣмъ въ реляціи генерала Гласко прямо сказано, что всѣ распоряженія исходили отъ полковника Мартынова.

Затѣмъ въ позднѣйшемъ болѣе подробномъ описаніи боя, представленномъ при ходатайствѣ о награжденіи его полковымъ мундиромъ, Гласко говоритъ: „Полковникъ Мартыновъ до моего прибытія къ отряду, не теряя времени ознакомился съ мѣстностью и обстановкой насколько позволяла темнота и потомъ въ моемъ присутствіи разставилъ баталіоны и указалъ имъ направленіе атаки. На другой день начальствуя баталіонами резерва, во время и умѣло, изъ за фланговъ уступнымъ огнемъ, способствовалъ отбитію трехъ атакъ японцевъ на Ендоуніулу. Будучи назначенъ мною прикрывать отступленіе Моршанцевъ изъ Ендоуніулу, онъ выполнилъ это блистательно . . . и ушелъ послѣднимъ съ поля сраженія, по моему приказанію, когда тамъ никакихъ частей уже не было“.

Въ реляціи Моршанскаго полка написано: „Генералъ-маіоръ Гласко поручилъ полковнику Мартынову руководить атакой. Полковникъ Мартыновъ

распросилъ Габаева и корнета Романова о подступахъ къ дер. Ендоуніулу. Ознакомившись съ обстановкой, приказалъ (затѣмъ перечислены мои распоряженія) . . . . .“.

Наконецъ въ приказѣ по 35-й пѣхотной дивизіи, отданномъ генераломъ Шевцовымъ, преемникомъ Добржинскаго по должности, на основаніи единогласнаго свидѣтельства всѣхъ участниковъ войны, сказано: «Въ дѣйствительности весь штурмъ былъ организованъ полковникомъ Мартыновымъ, который лично распредѣлилъ колонны, далъ имъ направленія и разныя указанія, запретилъ безусловно стрѣльбу, приказалъ надѣть шинели и снять все снаряженіе, кромѣ патроновъ и оружія, отдалъ приказъ о движеніи на штурмъ и прибылъ въ дер. Ендоуніулу тотчасъ же по полученіи перваго донесенія о томъ, что штурмующія части ворвались въ деревню. Такимъ образомъ штурмъ Ендоуніулу удался исключительно благодаря распорядительности полковника Мартынова и мужеству и единовременному стремительному удару штурмующихъ частей обоихъ полковъ».

Бой при Ендоуніулу, какъ почти всякій успѣхъ одержанный двумя полками, вызвалъ пререканія. Дѣло въ томъ, что генералъ Гласко въ своей реляціи написалъ: «Раньше другихъ перешла черезъ оврагъ и устроилась 4 рота Зарайскаго полка; за-

тѣмъ эта рота, имѣя впереди поручика Ратнека, первою ворвалась въ укрѣпленную деревню съ сѣверо-восточной стороны; за нею послѣдовали остальныя части Зарайскаго и Моршанскаго полковъ». Тоже самое напечаталъ въ газетѣ и одинъ кореспондентъ.

Между тѣмъ Моршанцы утверждали, что они проникли въ Ендоуніулу, имѣя во главѣ подполковника Богданова и капитана Бажина, не позже, а одновременно съ Зарайцами, но только съ другой стороны.

Желая прекратить раздоръ между близкими полками, тѣмъ болѣе, что самый фактъ, очевидно, установить было невозможно, я согласился написать въ своей реляціи, что Зарайцы и Моршанцы ворвались въ Ендоуніулу одновременно—одни съ востока, а другіе съ запада.

Однако генералъ Гласко, несмотря на просьбы мою и Бутъ-Гуссаинова, наотрѣзъ отказался измѣнить свою реляцію на томъ основаніи, что первое донесеніе о занятіи деревни онъ получилъ отъ командующаго 4 ротой Зарайскаго полка поручика Ратнека.

Истинной подкладкой всѣхъ этихъ пререканій было желаніе подвести отличившихся офицеровъ подъ архаическій статутъ ордена св. Георгія, а практическимъ результатомъ то, что изъ трехъ представленныхъ—Ратнека, Богданова и Бажина, никто георгіевскаго креста не получилъ.

Сраженіе на Шахэ.

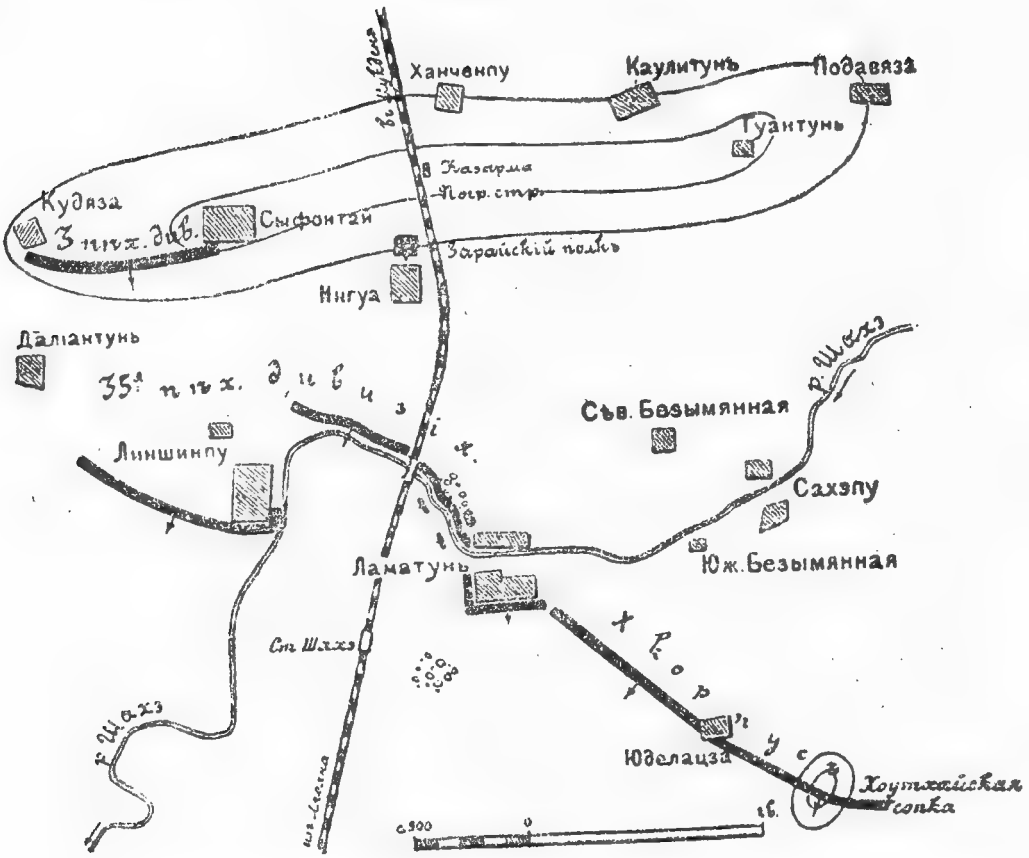
Расположеніе XVII корпуса 30 сентября.—Странная задача данная Зарайскому полку на ночь.—Бой 1 октября до полудня.—Мое назначеніе начальникомъ лѣваго участка.—Положеніе на этомъ участкѣ.—Ходъ боя до вечера.—Ночь съ 1 на 2 октября.—Распоряженія генерала Оку для атаки Ламатуни.—Начало боя.—Передача уступной позиціи войскамъ X корпуса.—Оку направляетъ противъ Ламатуни весь артиллерійскій резервъ арміи.—Словесное приказаніе командующаго корпусомъ въ случаѣ отступленія войскъ праваго участка отходить въ связи съ ними.—Двѣ записки начальника дивизіи о томъ же.—Отступленіе войскъ праваго участка.—Очищеніе Ламатунской позиціи.—Приказаніе снова занять Ламатунь. Отмѣна этого приказанія.—Потери.—Крушеніе вѣры въ Куропаткина.

(30 сентября—2 октября).

Въ день 30 сентября 35-я пѣхотная дивизія занимала позицію на линіи д. д. Даліантунь-Ламатунь, протяженіемъ около пяти верстъ (схема № 1). Эта позиція была раздѣлена на два участка: правый — къ западу отъ желѣзной дороги и лѣвый — къ востоку отъ нея.

Правѣе 35-й дивизіи, уступомъ назадъ, на линіи Сыфонтай-Кудяза стала на позицію 3-я пѣхотная дивизія; лѣвѣе, отъ д. Ламатунь по направленію на Хоутхайскую сопку, тянулась укрѣпленная позиція X корпуса.

Схема № 1.



Зарайскій полкъ составлялъ резервъ 35-й дивизіи и былъ расположенъ за дер. Ингуа. Утромъ 30 сентября генералъ Добржинскій направилъ 7-ю и 8-ю роты Зарайцевъ для занятія окоповъ западнѣе желѣзно-дорожнаго моста на рѣкѣ Шахэ, а послѣ полудня 1-я, 2-я и 4-я роты были передвинуты имъ же въ Ламатунь.

Въ теченіе дня на позиціи происходила лишь рѣдкая артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Вѣроятно, непріятель производилъ рекогносцировку

нашего расположенія. Оставшіяся у Ингуа части Зарайцевъ были заняты постройкой окоповъ впереди этой деревни.

Вечеромъ я получилъ записку Добржинскаго (№ 18), въ которой говорилось: «На ночь предписываю принять самое бдительное охраненіе. *Людямъ не спать (?!).* На командира 140-го полка возлагается охраненіе участка дивизіи съ фланговъ въ глубину.» (В.-Уч. Арх., д. 42391).

Въ дополненіе къ этому мнѣ было на словахъ приказано Добржинскимъ выдвинуться шаговъ на триста къ западу отъ Ингуа, построить полкъ въ линію баталіонныхъ колоннъ и въ случаѣ, если непріятель проникнетъ въ пространство между позиціями 35-й и 3-й дивизій, то подпустить его шаговъ на пятнадцать и затѣмъ безъ выстрѣла броситься въ штыки.

Для каждаго ясно, что подобная задача была совершенно безсмысленна. Однако это обстоятельство меня мало интересовало, такъ какъ я успѣлъ уже привыкнуть къ распоряженіямъ Добржинскаго. Меня возмущало другое: казалось бы слѣдовало воспользоваться тѣмъ, что полкъ попалъ въ резервъ и дать измученнымъ людямъ хорошенько выспаться передъ новымъ сраженіемъ, а тутъ, по своей обычной системѣ, Добржинскій хотѣлъ лишить ихъ сна на цѣлую ночь.

Конечно, я и не подумалъ исполнять такое вредное приказаніе. Отведя полкъ на указанное мѣсто и подтянувъ кухни, по обыкновенію угнанныя далеко въ тылъ, я накормилъ людей ужиномъ, а затѣмъ, выставивъ нѣсколько часовыхъ, приказалъ всѣмъ остальнымъ лечь спать. На разсвѣтѣ солдаты опять получили горячую пищу съ фунтомъ мяса на человѣка, послѣ чего кухни были отправлены къ дер. Ханченпу.

Съ разсвѣтомъ 1 октября на позиціи началась оживленная артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Очевидно, непріятель уже развернулъ противъ насъ свои силы. Между тѣмъ, въ раіонѣ X корпуса передъ разсвѣтомъ японцы овладѣли Хоутхайской сопкой и захватили три батареи, вслѣдствіе чего войска корпуса, очистивъ свои прежнія позиціи, отошли на правый берегъ р. Шахэ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ, временно командовавшій XVII корпусомъ генералъ Волковъ, около 8 час. утра, лично приказалъ мнѣ: направить одинъ баталіонъ на усиленіе войскъ, занимавшихъ Ламатунь, а съ остальной частью полка и 1-й батареей 35-й артиллерійской бригады занять уступную позицію приблизительно въ верстѣ за дер. Ламатунь для обезпеченія лѣваго фланга корпуса отъ обхода.

Я назначилъ въ Ламатунь 3-й баталіонъ, а самъ выступилъ съ 4-мъ баталіономъ, 3-й, 5-й и 6-й ро-

тами и охотничьей командой. Въ то время какъ мы переходили черезъ желѣзно-дорожный переѣздъ близъ казармы пограничной стражи, начальникъ дивизіи задержалъ слѣдовавшія въ хвостѣ 5-ю и 6-ю роты и 3-ю роту со знаменемъ и направилъ ихъ къ дер. Линшинпу на правый участокъ. Къ счастью, замѣтивъ, что у меня увели знамя, я успѣлъ вернуть 3-ю роту.

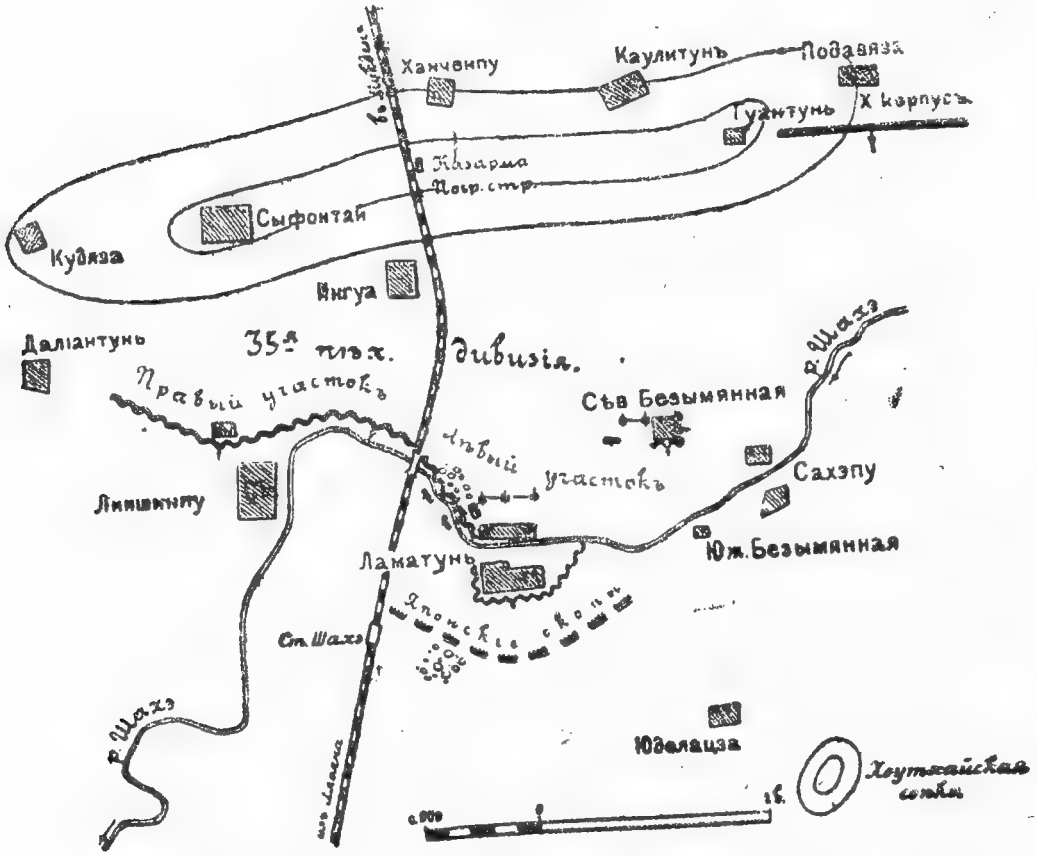
Такимъ образомъ Зарайскій полкъ былъ раздробленъ по всему боевому порядку, причемъ въ моемъ распоряженіи оставались лишь 4-й баталіонъ, 3-я рота и охотничья команда.

Подобное дробленіе Добржинскій объяснилъ мнѣ тогда желаніемъ поднять духъ другихъ частей. Дѣйствительно, настроеніе Зарайскаго полка въ это время было совершенно исключительное. На фонѣ общихъ неудачъ мы имѣли два блестящихъ наступательныхъ боя—Ляньдянсанъ и Ендоуніулу. Солдаты вошли во вкусъ наступленія и поняли, что оно выгоднѣе даже въ смыслѣ потерь. Тѣмъ не менѣе раздергиваніе тѣсно сплоченной, увѣренной въ себѣ части, хотя бы и съ такою цѣлью, нельзя признать правильнымъ.

Осмотрѣвъ мѣстность, я выбралъ уступную позицію у сѣв. Безымянной деревни, лежащей въ полутора верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Ламатуни (схема № 2). Эта позиція была занята такъ: двѣ роты и охотники расположились на восточной и

южной окраинахъ деревни, батарея стала въ густомъ гаолянѣ западнѣе селенія, съ правой ея стороны разсыпалась одна рота, а двѣ роты составили резервъ. Тотчасъ же было приступлено къ устройству окоповъ и къ укрѣпленію деревни.

Схема № 2.



Не успѣлъ я еще окончить этого дѣла, какъ около полудня получилъ отъ Добржинскаго записку, назначавшую меня начальникомъ всего лѣваго участка боевой линіи отъ желѣзной дороги до сѣверной Безымянной деревни включительно.

Протяженіе указаннаго участка составляло около четырехъ верстъ и на немъ въ это время находилось 9¼ перемѣшанныхъ баталіоновъ (кромѣ охотниковъ) X и XVII армейскихъ корпусовъ. Конечно это назначеніе было очень лестно для меня, тѣмъ болѣе что оставалось безъ дѣла два бригадныхъ командира, но съ другой стороны принимать начальство надъ такимъ количествомъ перепутанныхъ войскъ, въ разгарѣ боя, на незнакомой мѣстности было не легко.

Любопытно, что въ той же запискѣ Добржинскій писалъ: „доносите каждые полчаса“. Однако впослѣдствіи найдя и это недостаточнымъ, онъ прислалъ съ ординарцемъ требованіе—доносить черезъ каждыя четверть часа, хотя бы въ обстановкѣ не произошло никакихъ перемѣнъ (??!!). Само собою разумѣется, я подобнаго приказанія не могъ исполнить и доносилъ лишь тогда, когда это было нужно по ходу дѣла.

Передавъ непосредственное командованіе частями, расположенными у Безымянной деревни, подполковнику Космодаміанскому, я самъ поѣхалъ на Ламатунскую позицію, чтобы познакомиться съ положеніемъ дѣлъ на ней. Въ это время оттуда доносился трескъ частой ружейной стрѣльбы, надъ Ламатунью виднѣлись разрывы многочисленныхъ шрапнелей, а мѣстность въ тылу бороздилась шимозами.

На пути къ Ламатунской позиціи я встрѣтилъ отступавшіе съ нея баталіонъ Брянскаго и баталіонъ Воронежскаго полковъ, за которыми тянулись одиночные люди другихъ частей. Я пробовалъ вернуть эти баталіоны, но командиры ихъ заявили мнѣ, что они двигаются по приказанію своего начальства на присоединеніе къ X корпусу. Тогда я поручилъ полковому адъютанту штабсъ-капитану Влахопулову собрать, по крайней мѣрѣ, всѣхъ одиночныхъ людей въ команду и направить ихъ обратно въ Ламатунь. Затѣмъ, въ сопровожденіи поручика Боброва, я поѣхалъ дальше.

Подъѣзжая къ д. Ламатунь, я получилъ записку отъ и. д. начальника штаба корпуса полковника Драгомирова, въ которой говорилось: «Получено сообщеніе, что X корпусъ, не удержавшись на позиціи у Шахэ, отошелъ и занялъ позицію у д. Подавяза. Этой позиціей онъ обезпечиваетъ васъ уступомъ за лѣвымъ флангомъ, почему ваше положеніе слѣдуетъ считать вполнѣ прочнымъ. Упорно держитесь, во что бы то ни стало.»

Практическій выводъ изъ этого сообщенія былъ тотъ, что положеніе моего участка значительно ухудшилось, такъ какъ X корпусъ, прежде стоявшій рядомъ съ нами, теперь ушелъ на четыре версты къ сѣверу.

Ламатунская позиція состояла: 1) изъ окоповъ

на правомъ берегу рѣки Шахэ между желѣзной дорогой и дер. Ламатунь, 2) изъ окраины деревни приспособленной для стрѣлковъ, съ нѣсколькими ровиками для стрѣльбы съ колѣна, вынесенными впередъ и 3) изъ окоповъ, тянувшихся къ востоку отъ деревни до лѣваго берега рѣки Шахэ. Длина указанной оборонительной линіи составляла около $2^1/_2$ верстъ.

Передъ фронтомъ позиціи простирались во всѣ стороны безконечныя гаоляновыя поля, посреди коихъ слегка обрисовывался гребень небольшой возвышенности, тянувшейся отъ станціи Шахэ на востокъ. Мѣстность въ тылу позиціи, на протяженіи почти трехъ верстъ, до самыхъ высотъ Гуантунь-Сыфонтай представляла совершенно открытую, гладкую какъ столъ равнину, слегка подымающуюся къ сѣверу и засѣянную гаоляномъ, чумизой и бобами. Въ описываемое время посѣвы частью были уже сняты.

Начальствовавшаго войсками на Ламатунской позиціи подполковника Болховскаго полка Тычинскаго я нашелъ за курганомъ въ сосновой рощѣ, къ сѣверо-западу отъ дер. Ламатунь. Съ уходомъ встрѣченныхъ мною Брянскаго и Воронежскаго баталіоновъ въ его распоряженіи находились: а) $2^3/_4$ баталіона Болховскаго полка, расположенные въ окопахъ между дер. Ламатунь и желѣзной дорогой;

б) 1 3/4 баталіона Зарайскаго полка и баталіонъ Брянцевъ, занимавшіе дер. Ламатунь и окопы восточнѣе ея, и в) 2 роты Болховцевъ, составлявшія резервъ за дер. Ламатунь.

Въ монографіи германскаго генеральнаго штаба сказано, что командующій II японской арміей генералъ Оку назначилъ для атаки Ламатунской позиціи 3-ю дивизію и бригаду 6-й дивизіи. Какія именно части этихъ дивизій были введены въ дѣло днемъ 1 октября изъ описанія не видно.

Тычинскій познакомилъ меня съ положеніемъ дѣлъ на Ламатунской позиціи.

Въ ночь съ 30 сентября на 1 октября японцы вырыли окопы въ разстояніи около 2000 шаговъ отъ окоповъ Болховскаго полка и всего въ 800—1000 шагахъ отъ южной окраины дер. Ламатунь. Залегшіе въ этихъ окопахъ японскіе стрѣлки съ разсвѣтомъ открыли частый ружейный огонь. Въ то же время непріятельская артиллерія усиленно обстрѣливала д. Ламатунь и мѣстность за нею шрапнелью, а тылъ участка, приблизительно до линіи Гуантунь—казарма пограничной стражи, шимозами. Огонь былъ перекрестный: съ юго-запада со стороны станціи Шахэ; съ юго-востока отъ Хоутхайской сопки и съ фронта въ южномъ направленіи.

Въ свою очередь, для лучшаго обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности, подполковникъ Тычин-

скій выдвинулъ двѣ роты Болховскаго полка на противоположную сторону р. Шахэ, укрывъ ихъ за ея обрывистымъ берегомъ.

Около полудня японцы начали подводить къ своимъ окопамъ резервы. Послѣдніе двигались вразсыпную по густому гаоляну, покрывавшему всю мѣстность къ югу отъ окоповъ. По мѣрѣ подхода резервовъ непріятель произвелъ нѣсколько атакъ на Ламатунь, преимущественно со стороны рощи, расположенной къ востоку отъ станціи Шахэ, но онѣ были отбиты ружейнымъ огнемъ.

Однако, несмотря на отраженіе упомянутыхъ атакъ, подполковникъ Тычинскій заявилъ мнѣ, что для обороны Ламатунской позиціи оставшихся у него силъ недостаточно, тѣмъ болѣе, что отступленіе Воронежскаго и Брянскаго баталіоновъ вызвало замѣшательство въ другихъ частяхъ. Въ виду этого я послалъ полковнику Драгомирову записку, въ которой, сообщая объ уходѣ Воронежцевъ и Брянцевъ, просилъ прислать въ подкрѣпленіе два баталіона.

Переговоривъ съ Тычинскимъ, я поѣхалъ къ 4-й и 5-й батареямъ 35-й бригады, стоявшимъ подъ начальствомъ подполковника Перфильева на позиціи въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ къ сѣверу отъ дер. Ламатунь. Въ это время пошелъ проливной дождь, продолжавшійся недолго, но наполнившій окопы водой почти на полъ-аршина.

Подъѣхавъ къ артиллеріи, я замѣтилъ на равнинѣ къ сѣверу отъ Ламатуни много нижнихъ чиновъ (Болховцевъ, Брянцевъ и Зарайцевъ) въ одиночку, по два и по три отходившихъ въ тылъ. Съ помощью штабсъ-капитана Влахопулова и поручика Боброва я началъ собирать этихъ людей. Благодаря тому что мы были верхомъ, намъ удалось остановить начавшійся отходъ и сформировать три команды, каждая силою около роты.

Эти команды я лично отвелъ въ Ламатунь, послѣ чего въ 3 часа пополудни отправилъ полковнику Драгомирову слѣдующую записку: „Собралъ три роты изъ людей, смятыхъ и увлеченныхъ отступленіемъ Брянцевъ и Воронежцевъ. Водворилъ, насколько можно, порядокъ. Держимся. Необходимо (снова повторяю) два свѣжихъ баталіона“.

Затѣмъ я возвратился къ артиллерійской позиціи и сталъ за нею на небольшомъ возвышеніи. Въ это время было получено извѣстіе, что къ западу отъ желѣзной дороги, на сосѣднемъ правомъ участкѣ, японцы овладѣли дер. Линшинпу. Это обстоятельство, въ связи съ упомянутымъ выше отходомъ X корпуса къ Подавязѣ, создало для моего участка весьма неблагопріятную обстановку. Деревня Ламатунь, и безъ того представлявшая самый выдвинутый пунктъ общей позиціи, теперь врѣзалась какъ бы клиномъ въ расположеніе непріятеля,

занимавшаго Линшинпу, станцію Шахэ, Юделацзу, южную Безымянную деревню и Сахэпу.

Между тѣмъ, въ пятомъ часу ко мнѣ прибылъ по частямъ баталіонъ Новоингерманландскаго полка. Я направилъ двѣ роты его въ Ламатунь, а двѣ другія оставилъ въ общемъ резервѣ, положивъ ихъ въ небольшой лощинкѣ въ полуверстѣ позади и немного правѣе артиллерійской позиціи.

Вскорѣ послѣ этого поручикъ Драценко привелъ ко мнѣ 7-ю и 8-ю роты Зарайскаго полка, до тѣхъ поръ занимавшія окопы западнѣе желѣзнодорожнаго моста на р. Шахэ. Я послалъ ихъ въ Ламатунь.

Немного спустя прибыли баталіонъ Брянскаго и баталіонъ Воронежскаго полковъ, которые, какъ сказано выше, ушли съ Ламатунской позиціи на присоединеніе къ своему корпусу, но потомъ, по распоряженію начальника Западнаго отряда, были возвращены обратно.

Послѣдніе два баталіона я хотѣлъ оставить въ общемъ резервѣ, но осуществить это намѣреніе мнѣ не удалось, такъ какъ въ шестомъ часу вечера, почти одновременно, были получены донесенія Тычинскаго и Космодаміанскаго о томъ, что большія колонны непріятеля съ артиллеріей направляются на Сахэпу. Вслѣдствіе этого, опасаясь за лѣвый флангъ, я послалъ Космодаміанскому баталіонъ Брянскаго полка и двѣ роты Новоингерманландцевъ.

Такимъ образомъ въ моемъ общемъ резервѣ остался лишь баталіонъ Воронежцевъ, силою около 200 штыковъ, которому я велѣлъ лечь въ вышеупомянутой лощинкѣ въ полуверстѣ отъ артиллерійской позиціи. Впрочемъ, до нѣкоторой степени, это обстоятельство представлялось даже выгоднымъ. На совершенно открытой равнинѣ, простирающейся къ сѣверу отъ Ламатуни, было невозможно безопасно расположить мало-мальски значительный общій резервъ и потому было удобнѣе имѣть нѣсколько небольшихъ частныхъ резервовъ, которые могли найти укрытіе за прочными кирпичными постройками д.д. Ламатунь и Безымянной.

Затѣмъ я увидѣлъ стоявшую вдали небольшую часть. Оказалось, что это рота Козловцевъ, отбившаяся отъ своего полка. Я предложилъ ротному командиру остаться на моемъ участкѣ, на что онъ охотно согласился и былъ отправленъ мною въ Ламатунь.

Около 6 часовъ вечера я поѣхалъ на уступную позицію. Тамъ въ теченіе дня ничего серьезнаго не произошло, шла лишь рѣдкая ружейная перестрѣлка съ японцами, занимавшими деревни Сахэпу и южную Безымянную, да изрѣдка залетали шрапнели со стороны Хоутхайской сопки.

Къ вечеру части X корпуса перешли въ наступленіе и снова заняли сѣверную часть дер. Сахэпу,

(на правомъ берегу р. Шахэ), что совершенно обезпечило лѣвый флангъ моего участка, вслѣдствіе чего я снялъ съ уступной позиціи баталіонъ Брянцевъ и направилъ его въ Ламатунь.

Уже смеркалось, когда я возвратился на Ламатунскую позицію, гдѣ тѣмъ временемъ было отбито еще нѣсколько атакъ японцевъ. Подполковника Тычинскаго я засталъ въ той же сосновой рощѣ за курганомъ. Онъ жаловался на крайнее утомленіе солдатъ и на численную слабость частей, изъ коихъ большинство не имѣло, по его словамъ, и половиннаго числа рядовъ. Кромѣ того оборона ослаблялась перемѣшиваніемъ войскъ. Въ деревнѣ находилось: 3¼ баталіона Болховскаго полка, 2¼ баталіона Зарайскаго полка, 2 баталіона Брянцевъ, 2 роты Новоингерманландскаго полка и рота Козловцевъ, всего 8¼ баталіоновъ. Въ резервѣ за Ламатунью стоялъ баталіонъ Воронежцевъ.

Такимъ образомъ, Ламатунскую позицію обороняли части шести различныхъ полковъ, принадлежавшихъ къ четыремъ разнымъ дивизіямъ и двумъ корпусамъ!! Всего же подъ моимъ начальствомъ, на лѣвомъ участкѣ—отъ желѣзной дороги до сѣверной Безымянной деревни включительно, находилось въ это время 11 баталіоновъ, не считая охотниковъ.

Съ наступленіемъ темноты перемѣшавшіяся части были снова разобраны, деревня раздѣлена на

участки, въ каждомъ изъ послѣднихъ назначенъ начальникъ, пополнены патроны, вынесены всѣ раненые и т. п. Батареямъ, подъ прикрытіемъ баталіона Воронежцевъ, я приказалъ на ночь отойти версты на три назадъ къ небольшой рощѣ юго-восточнѣе дер. Ханченпу.

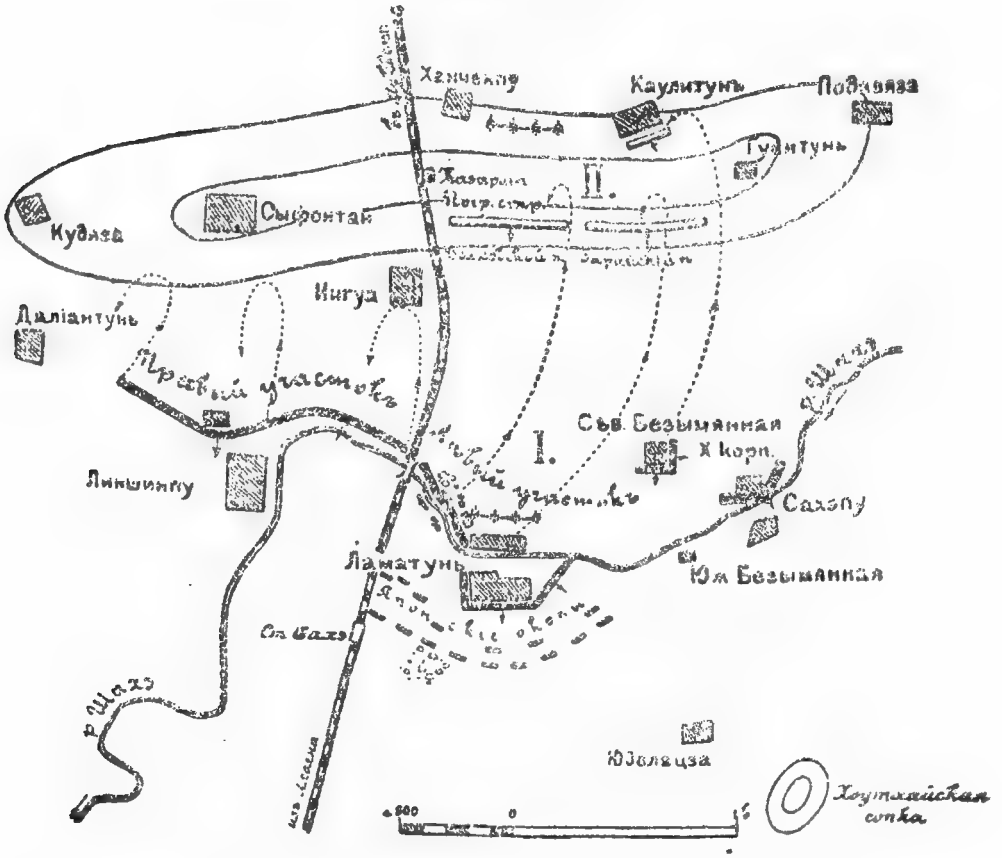
Подвезти на позицію кухни представлялось невозможнымъ и потому Зарайцамъ были принесены въ мѣшкахъ фунтовыя порціи варенаго мяса и хлѣбъ, который энергичный Елагинъ добылъ на интендантской хлѣбопекарнѣ. Передъ разсвѣтомъ солдаты опять получили по фунту варенаго мяса на человѣка. Полковникъ Драгомировъ совѣтовалъ накормить такимъ же образомъ и остальныя части, находившіеся на моемъ участкѣ, но къ сожалѣнію у меня не было для этого необходимыхъ средствъ.

Вечеромъ я получилъ приказанія начальника дивизіи и командующаго корпусомъ выслать къ переѣзду черезъ желѣзную дорогу (близъ казармы пограничной стражи), для образованія общаго резерва, баталіонъ Болховскаго и баталіонъ Новоингерманландскаго полковъ. Однако исполненіе этого распоряженія, вслѣдствіе просьбы подполковника Тычинскаго, опасавшагося ночной атаки, пришлось отложить до разсвѣта.

Въ общемъ ночь съ 1 на 2 октября прошла спокойно. Только временами, вслѣдствіе понятной

нервности людей, подымалась ружейная трескотня, скоро прекращавшаяся. По этому поводу Добржинскій, въ 3 час. 30 мин. пополуночи отправилъ полковнику Драгомирову записку, въ которой „докладывалъ“, что имъ „*лично осмотрѣны участки боевого расположенія и опрошены люди въ цѣпи*“ (?? !!).

Схема № 3.



Незадолго до разсвѣта 4-я и 5-я батареи заняли свои прежнія позиціи. На ихъ лѣвомъ флангѣ расположилась 1-я батарея, стоявшая до тѣхъ поръ у сѣверной Безымянной деревни (схема № 3).

Передъ разсвѣтомъ я снялъ съ Ламатунской позиціи баталіонъ Болховскаго и двѣ роты Новоингерманландскаго полковъ, а съ уступной позиціи двѣ роты Новоингерманландцевъ и отправилъ эти части по назначенію.

Между тѣмъ подполковникъ Тычинскій заявилъ мнѣ, что послѣ такого ослабленія его силъ, онъ считаетъ положеніе на Ламатунской позиціи крайне опаснымъ. Въ виду этого я послалъ ему послѣдній резервъ баталіонъ Воронежскаго полка. Кромѣ того, находя, что послѣ вторичнаго занятія сѣверной части дер. Сахэпу войсками X корпуса, положеніе на уступной позиціи не внушаетъ опасеній, я взялъ отъ подполковника Космодаміанскаго 14-ю и 15-ю роты Зарайскаго полка и отправилъ ихъ въ Ламатунь.

Относительно японцевъ въ монографіи германскаго генеральнаго штаба сказано, что генералъ Оку возложилъ атаку Ламатуни въ день 2 октября на начальника 6-й дивизіи со всѣми подчиненными ему войсками; но притянуть 23-й полкъ, занимавшій дер. Линшинпу, оказалось невозможнымъ и потому *противъ Ламатуни были направлены 48-й, 45-й и 13-й полки, поддержанные шестью батареями дивизіонной артиллеріи* (стр. 180).

За ночь японцы вырыли новые окопы въ разстояніи около 800 шаговъ отъ позиціи Болховскаго полка и 600 шаговъ отъ Ламатуни. Съ разсвѣтомъ

по всему фронту опять началась оживленная артиллерійская и ружейная стрѣльба, причемъ южная часть деревни обстрѣливалась съ трехъ сторонъ. Японская пѣхота нѣсколько разъ пыталась атаковать Ламатунь, но несмотря на малое разстояніе, отдѣлявшее ее отъ деревни, не могла выдержать нашего ружейнаго огня и возвращалась въ свои окопы. Въ то же время непріятельскія батареи, съ цѣлью помѣшать подходу нашихъ резервовъ, обстрѣливали всю равнину къ сѣверу оть Ламатуни.

Утромъ по войскамъ корпуса было разослано приказаніе: „Надо стойко держаться на позиціяхъ; продержитесь только сегодняшній день и война кончена“. Такое извѣщеніе помимо его оскорбительности заключало въ себѣ явное надувательство, ибо какимъ образомъ наше начальство могло опредѣлить конецъ войны да еще съ точностью до одного дня!! Впрочемъ въ Манджурской арміи почему то смотрѣли на обманъ, какъ на одно изъ средствъ для подъема духа. Напримѣръ передъ сраженіями постоянно объявляли, что отступленія не будетъ, а затѣмъ сами же отдавали приказъ объ отходѣ; сообщали объ одержанныхъ нашими войсками побѣдахъ, которыя потомъ оказывались пораженіями; пускали слухи о смерти Куроки и Ойямы (первый изъ нихъ умиралъ три раза), о невозможныхъ потеряхъ и повальныхъ болѣзняхъ въ японской арміи,

о потопленіи непріятельскаго флота, о голодѣ и бунтахъ въ Японіи и т. п. Можетъ быть на войнѣ иногда и полезно бываетъ обмануть, но надувательство, повторяемое слишкомъ часто и притомъ въ столь наивной формѣ, достигаетъ обратныхъ результатовъ.

Около полудня, находясь на Ламатунской позиціи, я получилъ отъ временно командовавшаго 31-й пѣхотной дивизіей генерала Васильева предложеніе— отпустить изъ Ламатуни Брянцевъ и Воронежцевъ, взамѣнъ чего онъ принималъ на себя оборону сѣверной Безымянной деревни. Согласившись съ этимъ, я поѣхалъ для производства смѣны на уступную позицію. Вскорѣ туда прибылъ Козловскій полкъ и смѣнилъ Зарайцевъ.

Между тѣмъ, во время моего отсутствія, бой на Ламатунской позиціи сталъ разгораться. Грохотъ орудій и трескъ ружей слились въ одинъ сплошной гулъ. Надъ деревней и мѣстностью въ тылу ея висѣла бѣлая пелена шрапнельныхъ дымковъ, а на равнинѣ, простиравшейся къ сѣверу, безпрерывно взлетали кверху клубы чернаго дыма отъ разрывовъ ударявшихся въ землю шимозъ.

По этому поводу въ монографіи Германскаго генеральнаго штаба (стр. 181) сказано: „Когда командующій второй японской арміей узналъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при атакѣ Ламатуни, то онъ направилъ для поддержки весь артиллерійскій ре-

зервъ, объединивъ начальство надъ нимъ въ рукахъ одного лица. Въ 12 час. 30 мин. пополудни *тринадцать батарей*, развернувшись на линіи Чансинтинъ Пакіатца, открыли огонь по Ламатуни". По свѣдѣніямъ, приводимымъ Лефлеромъ, на деревнѣ былъ сосредоточенъ огонь 12—15 батарей *).

Изъ частей, освободившихся въ Безымянной деревнѣ, я оставилъ охотничью команду въ резервѣ, а 3-й, 13-й и 16-й ротамъ подъ командой подполковника Космодаміанскаго приказалъ идти въ Ламатунь.

Однако не успѣли онѣ еще выступить, какъ въ началѣ третьяго часа пріѣхалъ изъ штаба корпуса генеральнаго штаба капитанъ Ждановъ и, въ присутствіи штабсъ-капитана Влахопулова, поручика Боброва и нѣкоторыхъ офицеровъ 4-го баталіона Зарайскаго полка, передалъ слѣдующее: „Староингерманландскій полкъ расположенъ въ окопахъ южнѣе д. Ханченпу. Командиръ корпуса приказываетъ Вамъ, **если начнется отступленіе войскъ праваго участка, отойти, въ связи съ ними,** за эту аріергардную позицію, не закрывая ея огня".

На мой вопросъ, чѣмъ вызывается такая перемѣна, ибо до сихъ поръ предписывалось держаться

*) „Русско-Японская война въ наблюденіяхъ и сужденіяхъ иностранцевъ". Изданіе Березовскаго. Выпускъ 11-й, стр. 31.

въ Ламатуни во что бы то ни стало, капитанъ Ждановъ отвѣтилъ, что положеніе на правомъ участкѣ настолько шаткое, что въ штабѣ корпуса не надѣются удержать линію рѣки Шахэ. Къ тому же, по его словамъ, тамъ пришли къ убѣжденію, что эта линія не имѣетъ особаго значенія и что позиція на высотахъ Гуантунь—Сыфонтай представляетъ гораздо большія выгоды.

Выслушавъ это, я прежде всего послалъ поручика Боброва къ подполковнику Тычинскому передать ему вышеприведенное распоряженіе командующаго корпусомъ. Затѣмъ, приказавъ подполковнику Космодаміанскому съ тремя ротами и охотничьей командой отойти къ д. Каулитунъ, гдѣ остановиться до выясненія обстановки, я самъ, вмѣстѣ съ капитаномъ Ждановымъ, поѣхалъ къ Ламатунской артиллерійской позиціи и сталъ за нею на небольшомъ возвышеніи, откуда можно было наблюдать мѣстность позади праваго участка. Въ это время хлынулъ ливень, быстро обратившій равнину къ сѣверу отъ Ламатуни въ топкое болото.

Тотчасъ же по пріѣздѣ на указанный пунктъ я получилъ извѣстіе о томъ, что около 2 час. дня подполковникъ Тычинскій смертельно раненъ осколкомъ шрапнели. Не зная еще кто заступилъ его мѣсто, я отправилъ замѣстителю (въ дополненіе къ словесному приказанію, переданному черезъ пору-

чика Боброва) слѣдующую записку, написанную въ присутствіи капитана Жданова: „*Пѣхоту начать отступленіе на Гуантунь* **лишь тогда когда начнутъ отходить Нѣжинцы.** *Это послѣднее приказаніе командира корпуса*“. (В.-Уч. Арх., д. 42391).

Такимъ образомъ, первоначальное распоряженіе объ упорной оборонѣ Ламатуни было оставлено въ силѣ лишь до того момента, когда начнется отступленіе войскъ праваго участка. Съ началомъ же послѣдняго войска, оборонявшія Ламатунскую позицію, должны были точно также отходить назадъ.

Немного спустя я узналъ, что вмѣсто подполковника Тычинскаго въ командованіе войсками на Ламатунской позиціи вступилъ подполковникъ Бейльбургъ.

Затѣмъ около 3 час. дня, находясь на томъ же пунктѣ, я получилъ отъ Добржинскаго записку (№ 44), отправленную въ 1 час. 30 мин. пополудни: „Въ случаѣ наступленія противника держитесь упорно; **въ случаѣ отхода войскъ согласуйте свой отходъ съ правымъ участкомъ**. Общее направленіе — вдоль желѣзной дороги. *Своевременно предупредите артиллерію и командировъ частей*“. (В. Уч. Арх. д. 42391).

Позднее полученіе этой записки (черезъ полтора часа послѣ отправленія) объясняется тѣмъ, что въ

описываемый періодъ боя начальникъ дивизіи, по словамъ его ординарцевъ, находился за правымъ участкомъ, въ верстѣ къ сѣверу отъ д. Сыфонтай, т. е. въ пяти верстахъ, по прямой линіи, отъ Ламатуни. При этомъ, какъ всегда бывало въ такихъ случаяхъ, Добржинскій не обозначилъ на своей запискѣ мѣсто отправленія.

Нѣсколько минутъ спустя я получилъ отъ него второе приказаніе, написанное уже въ болѣе безпокойномъ тонѣ и также безъ обозначенія мѣста, гдѣ онъ находился: „Въ случаѣ необходимости общаго отхода упорно удерживаться на встрѣчныхъ попутныхъ позиціяхъ. *Обратите особенное вниманіе на прикрытіе артиллеріи отъ возможности захвата ея противникомъ*“. (В.-Уч. Арх., д. 42391).

Въ виду этого въ 3 часа пополудни, въ присутствіи капитана Жданова, я написалъ и отправилъ въ штабъ корпуса, расположенный у желѣзно-дорожнаго моста къ сѣверу отъ дер. Ханченпу, слѣдующую записку: **„Капитанъ Ждановъ передалъ мнѣ приказаніе объ отступленіи въ связи съ правымъ флангомъ.** Генералъ Добржинскій пишетъ объ упорной оборонѣ и только въ крайности объ отступленіи. Если отступленіе рѣшено, то позвольте мои три батареи теперь же перевести на прекрасную позицію немного сзади Вашего аріер-

гарда. Иначе при теперешней грязи ихъ не удастся скоро отвести". (В.-Уч. Арх., д. 38264, стр. 614). *).

Едва была отправлена эта записка, какъ мы съ капитаномъ Ждановымъ замѣтили западнѣе желѣзной дороги общее и весьма быстрое отступленіе войскъ праваго участка. Въ реляціи 35-й пѣхотной дивизіи сказано, что произошелъ „отходъ всего участка между желѣзной дорогой и деревней Линшинпу".

Какъ я долженъ былъ поступить при такихъ условіяхъ?

Несомнѣнно, между словеснымъ приказаніемъ командующаго корпусомъ и запиской начальника дивизіи не было полнаго соотвѣтствія; но сущность ихъ была одна и та же: **въ случаѣ отхода праваго участка подчиненнымъ мнѣ войскамъ предписывалось точно также начать отступленіе.**

Тѣмъ не менѣе я всетаки медлилъ сдѣлать распоряженіе объ очищеніи нашихъ позицій, надѣясь, что, можетъ быть, замѣченное къ западу отъ желѣзной дороги движеніе окажется лишь минутнымъ замѣшательствомъ; но въ это время подполковникъ Беймельбургъ прислалъ мнѣ переданную ему для

*) Здѣсь необходимо обратить вниманіе на механизмъ управленія войсками. Штабъ корпуса все время сносился непосредственно со мною, минуя Добржинскаго. Однако послѣдній оставался начальникомъ боевой части и также отдавалъ приказанія. Результатомъ могла быть путаница. Причина по которой корпусный штабъ игнорировалъ Добржинскаго совершенно понятна, но въ такомъ случаѣ его слѣдовало просто устранить отъ командованія!

связи записку (№ 15) командовавшаго Нѣжинскимъ полкомъ подполковника Плавскаго, въ которой говорилось: **„Приказано отступать къ дер. Ингуа, гдѣ займутъ окопы".** (В.-Уч. Арх., д. 42391).

По полученіи этой записки всякія сомнѣнія разсѣялись и мнѣ оставалось лишь какъ можно скорѣе отдать праказаніе объ отступленіи. Терять времени было нельзя, потому что японцы могли продвинуться вслѣдъ за Нѣжинцами, въ этотъ моментъ уже подходившими къ д. Ингуа, и занять высокую насыпь желѣзной дороги близъ моста черезъ рѣку Шахэ. Это обстоятельство поставило бы мои батареи, расположенныя позади Ламатуни, въ самое критическое положеніе, такъ какъ имъ нужно было отступать, на протяженіи почти трехъ верстъ, по совершенно открытой, размокшей отъ ливня равнинѣ.

Въ виду этого, въ началѣ четвертаго часа пополудни, я черезъ подпоручика Семова, приказалъ 1-й, 4-й и 5-й батареямъ отойти на сѣверъ и занять позицію за гребнемъ, расположеннымъ впереди д.д. Ханченпу и Каулитунъ. При движеніи по низинѣ орудія и зарядные ящики пришлось везти съ помощью пѣхоты. Какъ только артиллерія тронулась, я послалъ подполковнику Беймельбургу словесное приказаніе очистить дер. Ламатунь.

Послѣ отдачи мною вышеприведенныхъ распоряженій капитанъ Ждановъ, около половины чет-

вертаго часа, отправился обратно въ штабъ корпуса, причемъ я поручилъ ему узнать, что намъ дѣлать послѣ отхода за аріергардную позицію у Ханченпу.

Впослѣдствіи выяснилось, что отступленіе на правомъ участкѣ было результатомъ недоразумѣнія. Еще наканунѣ вечеромъ командующій корпусомъ приказалъ вывести изъ боевыхъ линій и направить въ резервъ баталіонъ 9-го полка, но вмѣсто того, чтобы исполнить это приказаніе ночью, или передъ разсвѣтомъ (какъ это было сдѣлано на моемъ участкѣ), генералъ Добржинскій приступилъ къ выводу Староингерманландцевъ въ самый разгаръ боя, около 3 час. пополудни, не предупредивъ даже объ этомъ начальниковъ частей, что видно изъ вышеприведенной записки подполковника Плавскаго. Въ результатѣ получилось общее замѣшательство и отходъ войскъ праваго участка.

Съ упомянутымъ выше словеснымъ приказаніемъ объ очищеніи Ламатуни я послалъ къ подполковнику Беймельбургу штабъ-горниста. Когда послѣдній карьеромъ подскакалъ къ деревнѣ, то изъ нея показалась уже наша отступавшая пѣхота. Такимъ образомъ Ламатунь была очищена еще до полученія послѣдняго словеснаго приказанія; ее оставили на основаніи моей записки (стр. 325) и записки подполковника Плавскаго (стр. 328). Въ это время войска праваго участка уже занимали

окопы на линіи дер. Ингуа, о чемъ упоминается и въ реляціи о ихъ дѣйствіяхъ.

При очищеніи южной части д. Ламатунь и при переходѣ черезъ рѣку Шахэ наша пѣхота понесла большія потери, главнымъ образомъ, отъ фланговаго ружейнаго огня. Между прочимъ, произошелъ такой случай: 8-я рота Зарайскаго полка, подъ командой поручика Драценко, находилась въ передовомъ окопѣ, выдвинутомъ къ юго-востоку отъ Ламатуни; когда наши части начали очищать деревню, Драценко замѣтилъ спѣшившую имъ наперерѣзъ по сосѣднему оврагу японскую колонну, силою около баталіона; рѣшивъ задержать ее, чтобы дать время для отступленія изъ южной Ламатуни, Драценко исполнилъ это; но затѣмъ ему самому пришлось отходить подъ близкимъ ружейнымъ огнемъ, охватившихъ его японцевъ, причемъ его рота потеряла около половины своего состава.

Дальнѣйшее отступленіе войскъ лѣваго участка отъ Ламатуни на сѣверъ, на протяженіи трехъ верстъ по совершенно открытой мѣстности, произошло подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Къ счастью, японцы стрѣляли лишь шимозами, должно быть за отсутствіемъ шрапнелей, вслѣдствіе чего пораженіе было незначительно.

Въ концѣ четвертаго часа, въ то время какъ пѣхота отходила по равнинѣ, я получилъ записку

полковника Драгомирова, отправленную въ 3 часа пополудни, въ которой говорилось: „Сообщаю вашему Высокоблагородію для свѣдѣнія, что до командующаго корпусомъ дошло, что дер. Линшинпу весьма слабо занята японцами. Деревня обстрѣляна артиллерійскимъ огнемъ и между 3—4 часами дня предполагается выбить оттуда противника. Поэтому держитесь на вашей позиціи". (В.-Уч. Арх., д. 42391).

Въ моментъ полученія этой записки остановить отходившія по равнинѣ перемѣшанныя части разныхъ полковъ и вернуть ихъ въ Ламатунь было уже не въ силахъ человѣческихъ. Кромѣ того было очевидно, что присланное приказаніе совершенно не соотвѣтствовало существовавшей обстановкѣ, ибо о какой же атакѣ д. Линшинпу могла быть рѣчь, когда войска праваго участка уже отступили къ Ингуа.

Когда моя пѣхота подошла къ гребню высотъ, расположенныхъ южнѣе Ханченпу и Каулитуна, ко мнѣ прибылъ офицеръ, передавшій приказаніе командующаго корпусомъ: *повернуть назадъ и снова занять Ламатунь.*

Я отвѣтилъ на это слѣдующей запиской, отправленной съ аріергардной позиціи въ 4 часа 25 мин. пополудни: „Дѣла на моемъ участкѣ обстояли блестяще, когда капитанъ Ждановъ передалъ мнѣ Ваше приказаніе: *въ случаѣ отступленія праваго участка отходить назадъ*, не закрывая аріергардной

позиціи и держа связь съ нѣжинцами. Это приказаніе было въ категорической формѣ въ присутствіи многихъ офицеровъ. Оно исполнено въ точности. Когда Нѣжинскій полкъ отошелъ съ своей позиціи на версту, мои части въ полнѣйшемъ порядкѣ начали отходить на Гуантунь. Исполнивъ первое приказаніе, жду послѣдующаго письменнаго. При этомъ докладываю, что батареи стоятъ на высотѣ аріергарда на гребнѣ". (В.-Уч. Арх., д. 38264, стр. 616).

Отправивъ эту записку, я при помощи штабсъ-капитана Влахопулова, поручика Боброва, а также временно командовавшаго и нѣкоторыхъ офицеровъ Болховскаго полка, принялся собирать и устраивать части. Однако Брянцевъ, Воронежцевъ и Козловцевъ намъ удержать не удалось. Исполняя приказанія своего начальства, они ушли на присоединеніе къ X корпусу. Мы собрали лишь 14 ротъ Зарайскаго и 9 ротъ Болховскаго полковъ. Роты были чрезвычайно слабаго состава, такъ какъ, помимо большихъ потерь, много людей занималось относомъ раненыхъ; было также много заболѣвшихъ и отступившихъ въ тылъ. **Всего не набиралось и 2000 штыковъ почти безъ офицеровъ.** Въ Зарайскомъ полку въ этотъ моментъ были на лицо: 1 штабъ-офицеръ и 10 оберъ офицеровъ. Духъ войскъ значительно понизился. Послѣ страшнаго напряженія предшествовавшихъ дней наступила естественная реакція. Ко-

нечно, силы непріятеля намъ не могли быть извѣстны въ точности, но самый ходъ боя безспорно показывалъ, что онѣ значительно превосходятъ наши. Изъ монографіи Германскаго генеральнаго штаба, на которую я уже ссылался въ предшествующемъ изложеніи, видно, что японцы сосредоточили къ Ламатуни **три полка 6-й пѣхотной дивизіи, поддержанные шестью батареями дивизіонной артиллеріи и тринадцатью батареями артиллерійскаго резерва арміи.**

Непріятель сначала не мѣшалъ намъ собираться и устраиваться, но потомъ, должно быть замѣтивъ скопленіе войскъ впереди дер. Каулитунъ, началъ осыпать эту площадь шрапнелью. Появились раненые, начался безпорядокъ. Болховцевъ мы успѣли уложить въ окопы, Зарайцевъ отвели назадъ въ гаолянъ. Въ этотъ драматическій моментъ я получилъ записку (№ 48) генерала Добржинскаго, съ требованіемъ прислать ему схему новаго расположенія. Однако при существовавшей обстановкѣ, очевидно, некогда было заниматься черченіемъ, да и притомъ войска еще не были распредѣлены по позиціи.

Около этого же времени опять пріѣхалъ капитанъ Ждановъ. Я просилъ его объяснить недоразумѣніе съ очищеніемъ Ламатуни. Ждановъ отвѣтилъ, что происшедшая въ штабѣ корпуса перемѣна

во взглядахъ объясняется полученіемъ новаго приказанія командующаго арміей.

Дѣйствительно вскорѣ изъ штаба корпуса, мнѣ привезли слѣдующую записку: «Получено предписаніе командующаго арміей держаться во что бы то ни стало на правомъ берегу рѣки Шахэ. Командующій арміей лично сказалъ—на этой позиціи можно умереть, но отступать нельзя».

Немного спустя такого же содержанія записку мнѣ прислалъ и начальникъ дивизіи.

Хотя позиція на высотахъ Гуантунь-Сыфонтай, съ огромнымъ обстрѣломъ впереди (особенно восточнѣе желѣзной дороги), представляла гораздо большія выгоды, чѣмъ расположеніе въ низинѣ по линіи рѣки Шахэ, но, желая исполнить волю командующаго арміей, начальство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы поскорѣе возвратить насъ на прежнія мѣста. Сдѣлать это на правомъ участкѣ было относительно нетрудно. Здѣсь, считая отъ д. Ингуа до рѣки Шахэ, войскамъ нужно было пройти всего около версты, причемъ мѣстность представляла нѣкоторыя закрытія въ видѣ небольшихъ холмовъ, группъ деревьевъ и участковъ несняѓаго еще гаоляна. Судя по реляціи генерала Волкова, къ $5^1/_2$ час. вечера Нѣжинцы заняли уже свои прежнія позиціи, на которыхъ еще не успѣли утвердиться японцы.

Несравненно сложнѣе было положеніе на лѣвомъ участкѣ, гдѣ для вторичнаго занятія Ламатуни нужно было пройти три версты по совершенно открытой равнинѣ подъ фронтальнымъ ружейнымъ и перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ. При тѣхъ силахъ, которыя были въ моемъ распоряженіи, я считалъ это предпріятіе совершенно безнадежнымъ.

Между тѣмъ, не успѣлъ я еще привести войска въ нѣкоторый порядокъ, какъ около 6 час. вечера была получена слѣдующая записка командующаго корпусомъ: **«Вновь займите д. Ламатунь, чего бы это ни стоило».** (В.-Уч. Арх., д. 42391).

Послѣ такого категорическаго приказанія мнѣ оставалось лишь приступить къ выполненію. Съ цѣлью подготовки атаки, я приказалъ своимъ тремъ батареямъ открыть частый огонь по д. Ламатунь, самую же атаку рѣшилъ произвести лишь послѣ наступленія темноты.

Во время приготовленія къ атакѣ я получилъ записку (№ 50) генерала Добржинскаго, въ которой говорилось: «Донесите по чьему приказанію вы начали отступленіе, не испросивъ моего на то приказанія. Немедленно ожидаю донесенія по № 48 о расположеніи со схемой». (В.-Уч. Арх., д. 42391).

Что можно было отвѣтить на этотъ запросъ? Какъ видно изъ изложеннаго, приказаніе объ отступленіи въ связи съ правымъ участкомъ было не

только передано мнѣ на словахъ капитаномъ Ждановымъ, но и выражено въ приведенной выше запискѣ самого генерала Добржинскаго. При такихъ условіяхъ въ испрашиваніи какого-то повторительнаго приказанія, очевидно, не представлялось ни малѣйшей надобности, да для этого не было и времени, ибо, какъ сказано выше, начальникъ дивизіи находился въ пяти верстахъ по прямой линіи отъ Ламатуни.

Передъ началомъ наступленія, желая обратить вниманіе командующаго корпусомъ на совершенную недостаточность находившихся въ моемъ распоряженіи силъ, я отправилъ въ 7 час. 40 мин. вечера слѣдующую записку: „Я готовлюсь произвести ночную атаку на д. Ламатунь. У этой деревни находятся значительныя силы непріятеля. Въ моемъ распоряженіи 6 очень слабыхъ баталіоновъ почти безъ офицеровъ. Приказано ли будетъ, несмотря на это, произвести атаку?“. (В.-Уч. Арх., д. 38264, стр. 613).

Такимъ образомъ я не отказывался отъ наступленія, а лишь указывалъ на то, что при наличныхъ средствахъ оно имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ.

Съ точки зрѣнія моихъ личныхъ интересовъ было бы конечно всего лучше не писать этой записки, а просто, безъ всякой надежды на успѣхъ и безъ всякой пользы для дѣла, послать на убой остатки ввѣренныхъ мнѣ войскъ. Несомнѣнно, что

такъ именно и поступили бы многіе начальники русской арміи.

Посланный съ вышеприведенной запиской поручикъ Бобровъ, возвратившись, доложилъ мнѣ, что генералъ Волковъ разрѣшаетъ атаки не производить, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ крайнее неудовольствіе, такъ какъ „успѣхъ дѣла прежде всего въ головѣ и сердцѣ начальника, если же послѣдній сомнѣвается, то удачи быть не можетъ".

Въ этой резолюціи меня удивило слѣдующее: если находившихся на лѣвомъ участкѣ 6 слабыхъ баталіоновъ было достаточно для овладѣнія Ламатунью и успѣху препятствовали лишь голова и сердце полковника Мартынова, то почему командующій корпусомъ не поручилъ этого дѣла кому-либо другому? Напримѣръ генералъ-маіору Гласко, который долженъ былъ знать мѣстность и войска не хуже меня, или наконецъ своему главному совѣтнику генеральнаго штаба полковнику Драгомирову. Правда послѣдній войскъ совсѣмъ не зналъ, но когда наканунѣ, въ самый разгаръ боя, назначали полковника Мартынова (помимо двухъ бригадныхъ генераловъ) начальникомъ одиннадцати баталіоновъ, принадлежавшихъ къ четыремъ дивизіямъ и двумъ корпусамъ, то вѣдь не спрашивали—знаетъ ли онъ эти разрозненныя перемѣшанныя части!!

Впрочемъ, атака была отмѣнена также и ге-

нераломъ Добржинскимъ по совершенно другой причинѣ. Объ этомъ въ его реляціи сказано: „Всѣ распоряженія для атаки Ламатуни были уже сдѣланы, артиллерія, усиленная одной батареей, начала подготовку атаки, какъ получено сообщеніе, что X корпусъ отходитъ на позицію у дер. Подавяза, совершенно обнажая мой лѣвый флангъ. Брать послѣ этого Ламатунь становилось безполезнымъ и я атаку отмѣнилъ".

Въ заключеніе остается изложить, на основаніи сдѣланнаго мнѣ доклада, еще одинъ эпизодъ, въ которомъ приняли участіе 5-я и 6-я роты Зарайскаго полка, какъ извѣстно находившіяся на правомъ участкѣ. Утромъ 2 октября, вмѣстѣ съ двумя баталіонами другого полка, эти роты были назначены для атаки Линшинпу, причемъ имъ было приказано охватить деревню съ запада, послѣ чего баталіоны поведутъ на нее атаку съ сѣвера. Зарайцы, подъ командой капитана Малиновскаго, блестяще выполнили свою задачу, смѣло ворвавшись въ западную часть Линшинпу. Въ монографіи германскаго генеральнаго штаба сказано, что двѣ роты Зарайскаго полка проявили „величайшее мужество". Тѣмъ не менѣе баталіоны не трогались съ мѣста. Во время происшедшаго въ деревнѣ боя былъ раненъ капитанъ Малиновскій и старшій изъ уцѣлѣвшихъ начальниковъ фельдфебель Пичугинъ послалъ донесе-

ніе штабъ-офицеру командовавшему отрядомъ. Однако послѣдній почему то раздумалъ производить атаку съ сѣвера и приказалъ Зарайцамъ возвратиться обратно. Лихія роты совершенно напрасно потеряли около ста человѣкъ!!

Въ бояхъ 1 и 2 октября на рѣкѣ Шахэ убыль Зарайцевъ составляла—18 офицеровъ и 656 нижнихъ чиновъ. Изъ офицеровъ смертельно раненъ капитанъ Козелло и убитъ штабсъ-капитанъ Витте.

Всего же въ такъ называемомъ Шахэйскомъ сраженіи, съ 28 сентября по 2 октября, изъ рядовъ Зарайскаго полка выбыло 23 офицера (вмѣстѣ съ зауряд-прапорщиками) и 967 нижнихъ чиновъ.

Описанная наступательная операція сдѣлалась поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи арміи. Послѣ того какъ Куропаткинъ торжественно объявилъ, что наши силы „достаточны для перехода въ наступленіе“, нельзя уже было оправдываться превосходствомъ числа на сторонѣ японцевъ. Кромѣ того въ происшедшихъ событіяхъ гораздо рельефнѣе, чѣмъ прежде, обнаружилось крайнее убожество общаго командованія. Вѣра арміи въ Куропаткина какъ полководца рухнула окончательно.

Зимовка на позиціяхъ.

Занятіе позиціи впереди д. д. Ханченпу и Каулитунъ.—Неудавшееся покушеніе Добржинскаго.—Вопросъ объ атакѣ Ламатуни и Линшинпу.—Назначеніе Куропаткина Главнокомандующимъ.—Загроможденіе нашего участка укрѣпленіями.—Охраненіе его.—Слабость артиллеріи.—Жизнь на позиціи.—Китаянка и китайченокъ.—Китайскіе контрасты.—Поддержаніе связи.—Блиндажъ Добржинскаго.—Въ корпусномъ резервѣ у дер. Суятунь.—Недовольство офицеровъ.—Посѣщеніе Куропаткинымъ позиціи.—Инцидентъ съ мастерскими.—Опять въ боевой части.—Поискъ охотниковъ.—Восторгъ Добржинскаго.—Устройство новой позиціи.—Японская развѣдка.—Въ дивизіонномъ резервѣ за д. Каулитунъ.—Прибытіе Каульбарса и объѣздъ войскъ.—Возвращеніе полка въ боевую часть.—Бомбардировка.—Настроеніе арміи.

(2 октября—20 декабря).

Въ ночь со 2-го на 3-е октября Зарайцы и девять ротъ Болховцевъ укрѣпились на высотѣ впереди деревень Ханченпу и Каулитунъ, восточнѣе желѣзной дороги.

Укрѣпленія состояли изъ двухъ рядовъ окоповъ, вырытыхъ на скатѣ обращенномъ къ непріятелю. Четыре батареи 35-й артиллерійской бригады заняли маскированныя позиціи за гребнемъ (на противоположномъ скатѣ), для стрѣльбы поверхъ пѣхотныхъ окоповъ. По фронту вся укрѣпленная позиція

имѣла протяженіе въ двѣ версты. Разстояніе отъ нея до сѣверной окраины д. Ламатунь было около 2½ верстъ, причемъ мѣстность представляла пологій, совершенно открытый скатъ.

Японцы не мѣшали нашимъ работамъ и впродолженіе ночи насъ нисколько не тревожили.

Еще вечеромъ 2 октября отъ начальника сосѣдняго участка X корпуса генерала Васильева я получилъ сообщеніе, что командиръ баталіона Брянскаго полка, расположеннаго въ д. Сѣв. Безымянной, въ 7 час. 15 мин. вечера донесъ: „По наблюденіямъ съ крыши фанзы видно было, какъ въ д. Ламатунь двигалась непріятельская колонна около бригады".

Затѣмъ, съ наступленіемъ темноты, я выслалъ на развѣдку Ламатуни пѣшихъ охотниковъ Зарайскаго полка, начальникъ коихъ поручикъ Тверитиновъ прислалъ мнѣ записку, помѣченную 12 час. 30 мин. пополуночи, въ которой говорилось: „Въ самой деревнѣ только часовые, но около деревни къ югу и востоку стоитъ отрядъ пѣхоты и кавалеріи.... Кромѣ того дозоры сообщили, что ими замѣчены были новыя части, которыя подходили къ Ламатуни".

Въ ту же ночь охотничья команда Козловскаго полка, высланная генераломъ Васильевымъ на развѣдку Ламатуни, донесла: „Сѣверная часть деревни занята японцами и укрѣплена окопами, покрытыми гаоляномъ, а у юго-западной окраины стоитъ батарея".

Наконецъ утромъ прислали извѣстіе изъ Болховскаго полка, что въ лощинѣ восточнѣе желѣзнодорожнаго моста черезъ Шахэ расположена „большая колонна".

Изъ этихъ донесеній можно было заключить, что силы непріятеля, съ коими мы имѣли дѣло наканунѣ, не только не уменьшились, но наоборотъ увеличились.

Въ 7 час. утра 3 октября я получилъ диспозицію начальника дивизіи (№ 19), въ которой говорилось, что генералъ Куропаткинъ приказалъ всей арміи перейти сегодня въ „общее рѣшительное наступленіе", причемъ XVII корпусъ долженъ наступать въ раіонѣ между Линшинпу и Ламатунью и къ вечеру занять линію деревень Панькхяопу—Ліутхангоу, т.-е. возвратиться къ р. Шилихэ, откуда мы ушли 29 сентября.

Во исполненіе этого Добржинскій предписалъ: „Съ разсвѣтомъ начать артиллерійскую подготовку атаки на с.с. Линшинпу и Ламатунь изъ всего наличнаго числа орудій, а въ 8 час. утра штурмовать оба эти селенія".

Какъ сказано выше, я получилъ эту диспозицію только въ 7 час. утра, вслѣдствіе чего для артиллерійской подготовки оставался всего лишь одинъ часъ. Находя это совершенно недостаточнымъ, я рѣшилъ двинуть пѣхоту не въ 8, а въ 9 час. утра.

Однако, едва началось наступленіе, какъ ординарецъ Добржинскаго привезъ мнѣ слѣдующую записку (№ 53), отправленную въ 8 час. 45 мин. утра: „Въ виду неопредѣленнаго еще положенія на правомъ флангѣ, штурмовать повремените до особаго приказанія, но на мѣстахъ стойте прочно“.

Такимъ образомъ только благодаря счастливой случайности, а именно тому, что я отложилъ наступленіе на часъ, мы избѣжали изолированной атаки и сопряженныхъ съ нею огромныхъ потерь!!

Вскорѣ я получилъ записку полковника Драгомирова, въ которой онъ, по порученію временно командовавшаго корпусомъ, спрашивалъ мое мнѣніе относительно атаки Ламатуни.

Я написалъ, что считаю теперешнюю нашу позицію на высотахъ гораздо выгоднѣе Ламатунской, расположенной внизу и потому нахожу атаку послѣдней предпріятіемъ вреднымъ.

На это былъ присланъ слѣдующій отвѣтъ: „Командующій корпусомъ проситъ увѣдомить ваше высокоблагородіе, что главная наша задача на сегодняшній день удержать занятыя позиціи, Ламатунь надлежало бы занять развѣ въ томъ случаѣ, еслибы были замѣтны признаки очищенія его японцами. Всѣ соображенія ваши будутъ имѣться въ виду“.

На другой день, къ намъ на позицію пріѣхалъ Драгомировъ и сообщилъ объ успѣхѣ, одер-

жанномъ на Путиловской сопкѣ, гдѣ у японцевъ было отбито двѣнадцать орудій. „Теперь мы подвеземъ мортиры“—добавилъ онъ—„обстрѣляемъ Ламатунь и возьмемъ ее“. Дѣйствительно, 5 октября прибыла мортирная батарея, расположившаяся за дер. Ингуа, но эффектъ ея дѣйствій былъ невеликъ.

Между тѣмъ Добржинскій сдѣлалъ снова попытку свалить на меня вину за очищеніе Ламатуни. Седьмого октября я получилъ отъ него записку, въ которой говорилось: „Почему до сихъ поръ не донесено о причинахъ произвольнаго отступленія лѣваго участка отъ позиціи у Ламатуни?“

Я отвѣтилъ, что никакого произвольнаго отступленія не было, а было лишь точное исполненіе его же собственныхъ письменныхъ приказаній и словеснаго приказанія временно-командовавшаго корпусомъ. Тогда Добржинскій прислалъ мнѣ предписаніе отъ 9 октября: „Представить въ копіи означенное письменное приказаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ донести почему не представлена 2 октября по запискѣ № 48 схема“.

Въ отвѣтъ я подалъ слѣдующій рапортъ:

„На предписаніе отъ 9 октября доношу, что отступленіе 2 октября отъ д. Ламатунь было мною произведено на основаніи письменнаго приказанія вашего превосходительства, выраженнаго въ словахъ: «*въ случаѣ отхода войскъ согласуйте свой от-*

ходъ съ правымъ участкомъ». Что касается схемы расположенія войскъ, то приказаніе о представленіи ея было мною получено тогда, когда я подъ сильнѣйшимъ шрапнельнымъ огнемъ устраивалъ отступившія и перемѣшанныя части различныхъ полковъ. Въ этотъ моментъ я очевидно не могъ заняться вычерчиваніемъ плана, тѣмъ болѣе, что войска моего участка еще не успѣли расположиться на новой позиціи. Впрочемъ, требуемая схема была мною представлена вашему превосходительству на слѣдующій день". (В.-Уч. Арх., д. 38,268 стр. 459).

Затѣмъ, глубоко возмущенный несправедливымъ обвиненіемъ, я немедленно поѣхалъ къ нашему настоящему корпусному командиру барону Бильдерлингу, въ то время командовавшему Западнымъ отрядомъ, и объяснилъ ему все дѣло, показавъ имѣвшіяся у меня полевыя записки. Генералъ Бильдерлингъ всецѣло сталъ на мою сторону и тотчасъ же вызвалъ Добржинскаго. Въ чемъ состоялъ ихъ разговоръ мнѣ неизвѣстно, но когда они вышли изъ фанзы, то Добржинскій началъ меня усердно расхваливать. „Вотъ и ночной штурмъ Ендоуніулу"— говорилъ онъ — „вѣдь это все полковникъ Мартыновъ распоряжался, только онъ одинъ, лишь ему одному мы обязаны успѣхомъ" и т. д.

Послѣ ухода Бильдерлинга Добржинскій обратился ко мнѣ и, по своему обыкновенію безпрерыв-

но кланяясь, сказалъ: „Я еще до войны васъ уважалъ, а теперь тѣмъ болѣе; не знаю какіе злые люди насъ желаютъ поссорить“. На это я ничего не отвѣтилъ, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ. Само собою разумѣется, что получивъ должный отпоръ Добржинскій, въ своей реляціи о Шахэйскомъ сраженіи, не только отказался отъ всякаго обвиненія, но указалъ на меня какъ на „особенно отличившагося“.

Вечеромъ 10-го октября пріѣхалъ ко мнѣ баронъ Тизенгаузенъ, исполнявшій обязанности начальника штаба Западнаго отряда и передавъ, что Куропаткинъ настаиваетъ на необходимости взять Ламатунь, а Бильдерлингъ держится обратнаго взгляда, просилъ высказаться по этому поводу. Я повторилъ, что наша новая позиція гораздо выгоднѣе Ламатунской и при этомъ выразилъ удивленіе, что Куропаткинъ, съ такою легкостью отдавшій непріятелю важнѣйшіе пункты Манджуріи, теперь видитъ чуть ли не центръ всей войны въ ничтожной деревнѣ, не имѣющей ни стратегическаго, ни тактическаго значенія.

Три дня спустя послѣ этого откровеннаго разговора я получилъ отъ барона Тизенгаузена записку, въ которой говорилось: „Командующій арміей приказалъ разработать планъ атаки дер. Ламатунь. Начальникъ отряда проситъ васъ, какъ ближе

всѣхъ знакомаго съ положеніемъ дѣла, ... дать заключеніе въ возможно скорѣйшемъ времени".

Я немедленно набросалъ и отправилъ въ штабъ Западнаго отряда слѣдующую записку:

«Общія соображенія относительно атаки дер. Ламатунь».

„По имѣвшимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ д. Ламатунь съ сосѣдними окопами была занята не менѣе какъ бригадой японцевъ. Вчера туда прибыло еще два баталіона. По сторонамъ деревни стоятъ въ окопахъ четыре батареи. Помимо столь значительныхъ силъ, мѣстныя условія, какъ видно изъ представляемаго кроки и легенды, дѣлаютъ атаку Ламатуни задачей очень трудной. Атакующему придется пройти почти три версты по совершенно открытой мѣстности, подъ перекрестнымъ огнемъ и затѣмъ брать сильно укрѣпленную деревню, съ примыкающими къ ней на флангахъ двумя линіями окоповъ. Однако главныя затрудненія для атакующаго начнутся лишь послѣ взятія деревни. Занявъ ее, онъ очутится въ низинѣ, почти безъ всякаго обстрѣла на югъ, поражаемый съ трехъ сторонъ: съ Хоутхайской сопки, съ гребня южнѣе д. Ламатунь и отъ станціи Шахэ.

„Въ виду изложеннаго, на мой взглядъ, необходимо вести атаку не на Ламатунь въ отдѣльности, а *одновременно* на всю укрѣпленную линію: Хоутхай-

ская сопка—Ламатунь—Линшинпу. Если же будетъ найдено необходимымъ брать названные три пункта послѣдовательно, тогда нужно начать съ тактическаго ключа всей указанной линіи Хоутхайской сопки, съ занятіемъ которой японцы не могутъ держаться въ Ламатуни.

„Въ случаѣ если, несмотря на приведенныя соображенія, всетаки будетъ приказано атаковать д. Ламатунь, тогда необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

„1) Привлечь къ участію возможно бо́льшее число батарей XVII и X корпусовъ (полевыя, мортирныя и осадныя).

„2) Объединить начальство надъ всѣми этими батареями въ рукахъ одного лица.

„3) Устроить впереди лѣваго участка на имѣющейся тамъ отдѣльной фанзѣ, откуда прекрасно видна вся непріятельская позиція, наблюдательный пунктъ (мы уже пользуемся имъ).

„4) Раздѣлить непріятельскую позицію на отдѣльныя площади пораженія и обстрѣливаніе каждой площади поручить извѣстной батареѣ или группѣ батарей.

„5) Начавъ артиллерійскій огонь, вести его въ теченіе назначеннаго времени (2—4 часа) безостановочно и съ наибольшею скоростью.

„6) Подъ покровительствомъ артиллерійскаго огня продвинуть охотничьи команды возможно ближе

къ непріятельской позиціи, причемъ онѣ могутъ найти укрытіе въ находящихся передъ фронтомъ ея старыхъ окопахъ.

„7) Вмѣстѣ съ охотниками продвинуть и команды саперъ съ инструментомъ для разрушенія могущихъ встрѣтиться искусственныхъ препятствій.

„8) Тотчасъ же по прекращеніи артиллерійскаго огня, благодаря дѣйствію котораго (нужно надѣяться) большая часть японцевъ очиститъ деревню, охотники быстро занимаютъ ее, а саперы приступаютъ къ работамъ.

„9) Вслѣдъ за охотниками двигаются впередъ всѣ войска лѣваго участка, т.-е. Зарайскій и Болховскій полки. Недостающія теперь семь ротъ Болховскаго полка слѣдуетъ заблаговременно возвратить къ полку. Войска наступаютъ въ томъ же боевомъ порядкѣ, въ которомъ стоятъ на позиціи въ настоящее время .

„10) Такъ какъ можетъ случиться, что защитники Ламатуни получатъ значительныя подкрѣпленія, въ Зарайскомъ же и Болховскомъ полкахъ насчитывается всего 3500 штыковъ, то позади ихъ слѣдуетъ имѣть резервъ приблизительно такой же силы. Этотъ резервъ, съ движеніемъ боевой части впередъ, долженъ немедленно занять ея окопы, а затѣмъ, по первому требованію, въ полномъ составѣ, или частью двинуться къ деревнѣ.

„11) Фронтальную атаку Зарайцевъ и Болховцевъ полезно облегчить, хотя бы демонстраціями на флангахъ: со стороны д. Безымянной—Воронежскимъ полкомъ и близъ желѣзно-дорожнаго моста—войсками праваго участка.

„12) Тотчасъ же по занятіи Ламатуни всѣ четыре батареи лѣваго участка немедленно переѣзжаютъ на свою старую позицію, въ полуверстѣ къ сѣверу отъ деревни и открываютъ ближній огонь по фланговымъ позиціямъ и по мѣстности въ тылу.

„Частныя распоряженія сверхъ этихъ общихъ указаній слѣдуетъ уже предоставить исполнителямъ на мѣстѣ".

Баронъ Бильдерлингъ одобрилъ содержаніе моей записки и написалъ въ этомъ смыслѣ отвѣтъ въ штабъ арміи.

Между тѣмъ въ серединѣ октября мы узнали о крупномъ событіи. Адмиралъ Алексѣевъ былъ уволенъ и вмѣсто него главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствовавшими противъ Японіи, назначенъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Одновременно было рѣшено раздѣлить всѣ находившіяся въ Манджуріи войска на три частныя арміи. Несомнѣнно подобная перемѣна, уничтожавшая двоевластіе, была въ высшей степени желательна, но на насъ она не произвела особаго впечатлѣнія, потому что послѣ Шахэйскаго сраженія

репутація Куропаткина какъ полководца стояла уже очень низко.

Новый главнокомандующій потребовалъ, чтобы къ вечеру 29 октября ему были представлены проекты атаки Ламатуни и Линшинпу. Вслѣдствіе этого наканунѣ утромъ временно командовавшій XVII корпусомъ генералъ Волковъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе генераловъ Добржинскаго и Янжула, командира Псковскаго полка Грулева, командира Великолуцкаго полка де-Витта, полковника Драгомирова и меня.

Совѣщаніе пришло къ слѣдующему заключенію: позиція японцевъ въ настоящее время настолько сильно укрѣплена, что фронтальная атака ея будетъ стоить огромныхъ потерь, при весьма малыхъ шансахъ на успѣхъ; въ виду этого выгоднѣе прибѣгнуть къ дальнему обходу ея лѣваго фланга V Сибирскимъ корпусомъ, поддержаннымъ двумя нашими полками; когда скажется вліяніе обхода, войска нашего праваго участка могутъ начать бой за обладаніе южной частью дер. Линшинпу; войска же лѣваго участка должны лишь демонстрировать, для чего нѣсколькимъ ротамъ нужно ночью окопаться на высотѣ отдѣльной фанзы; съ разсвѣтомъ на всемъ фронтѣ слѣдуетъ открыть сильнѣйшій артиллерійскій огонь.

Это заключеніе, отправленное въ штабъ арміи, не было осуществлено на практикѣ. Впрочемъ, въ

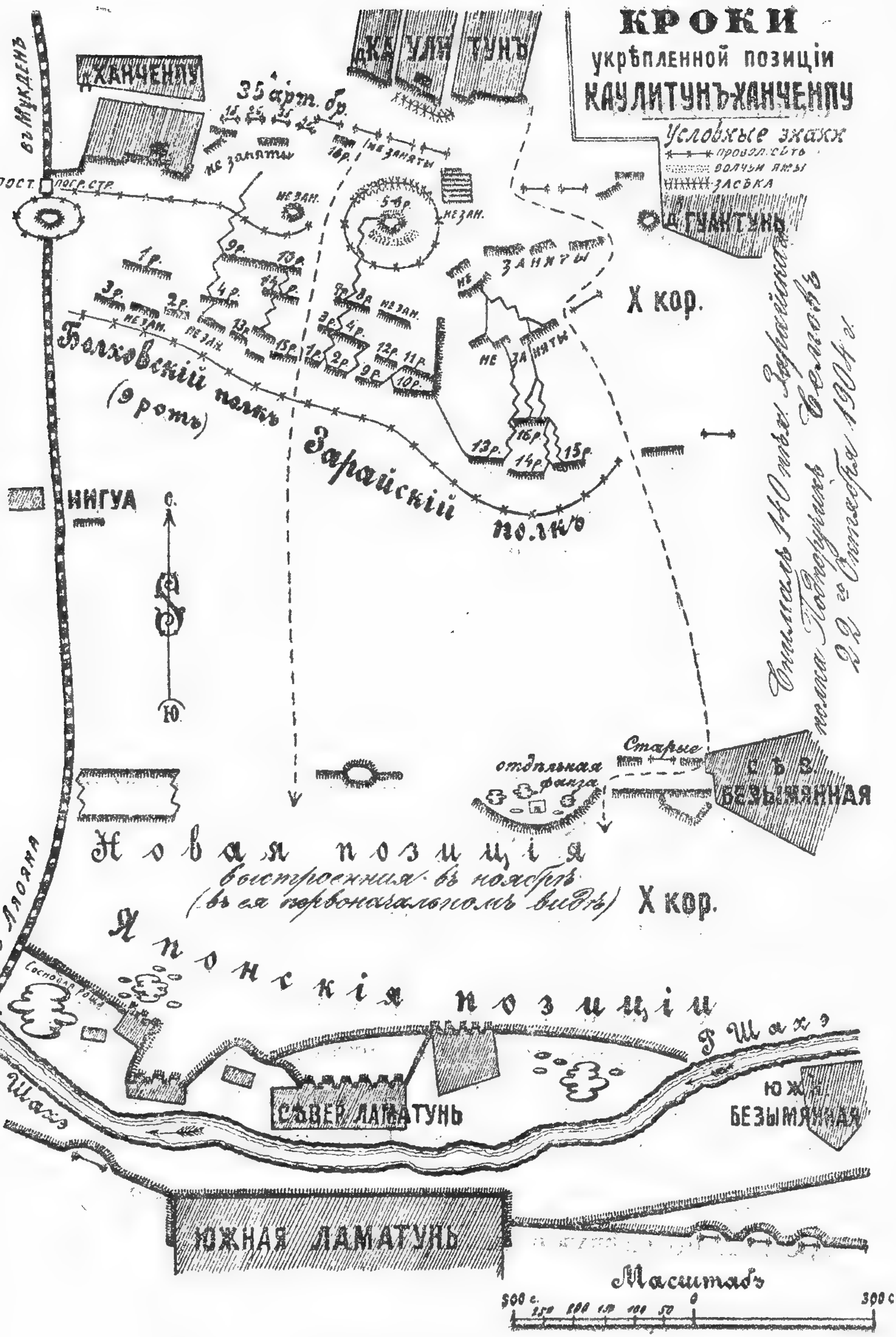
основу январской операціи у Сандепу легла именно указанная идея стратегическаго обхода лѣваго фланга японцевъ.

На позиціи впереди Ханченпу и Каулитуна Зарайцы простояли безсмѣнно съ 3 по 31 октября, занимаясь постройкою укрѣпленій, въ чемъ по прежнему не наблюдалось никакой системы.

Я находилъ достаточнымъ усовершенствовать имѣвшіяся уже двѣ линіи окоповъ, а въ видѣ опорныхъ пунктовъ привести въ оборонительное состояніе деревни Ханченпу и Каулитунъ. При такихъ условіяхъ у меня оставались бы не только полковые резервы, но и достаточный общій резервъ.

Однако высшее начальство держалось другихъ взглядовъ. Сначала было приказано выстроить редутъ за правымъ флангомъ Зарайцевъ, потомъ — третью линію окоповъ, редутъ за лѣвымъ флангомъ Болховцевъ, окопы для связи съ X корпусомъ у дер. Гуантунь, передовую позицію на одинъ баталіонъ (въ полуверстѣ впереди лѣваго фланга Зарайцевъ) и наконецъ—редутъ по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго пути у поста пограничной стражи. Къ этому были добавлены длинныя траншеи для сообщенія и многочисленныя проволочныя сѣти, волчьи ямы и засѣки.

Распоряженія по постройкѣ укрѣпленій исходили, главнымъ образомъ, отъ генерала Добржин-


КРОКИ
укрѣпленной позиціи
КАУЛИТУНЪ-ХАНЧЕНПУ
Условные знаки
проволсѣть
волчьи ямы
засѣка
д. КАУЛИТУНЪ
д. ХАНЧЕНПУ
д. ГУАНТУНЬ
въ Мукденъ
изъ Ляояна
ПОСТ.
ПОГР. СТР.
35 арт. бр.
не заняты
не занятъ
незан.
заняты
Х кор.
Болховскій полкъ
(9 ротъ)
Зарайскій полкъ
НИГУА
С.
Ю.
Старые
отдѣльная фанза
СЪВ. БЕЗЫМЯННАЯ
Новая позиція
выстроенная въ ноябрѣ
(въ ея первоначальномъ видѣ)
Японскія позиціи
Сосновая роща
Р. Шахэ
СЪВЕР ЛАМАТУНЬ
ЮЖН. БЕЗЫМЯННАЯ
ЮЖНАЯ ЛАМАТУНЬ
Масштабъ
500 с.
0
300 с
Снималъ 140 пѣх. Зарайскаго полка Подпоручикъ
22 го Октября 1904 г.

скаго, который давалъ свои указанія на основаніи плана и разныхъ теоретическихъ измышленій, ни разу не посѣтивъ самой позиціи. Кромѣ того къ намъ пріѣзжали иногда полковникъ Драгомировъ и офицеры командируемые изъ штаба арміи, послѣ чего неизмѣнно получались приказанія выстроить еще что нибудь.

Въ результатѣ была создана такая масса фортификаціонныхъ сооруженій, что всѣ резервы растаяли и, несмотря на это, окопы оказались занятыми слабо, а значительная часть ихъ даже совсѣмъ оставлена. Тѣмъ не менѣе, въ двадцатыхъ числахъ октября, присланный изъ штаба арміи инженерный офицеръ нашелъ нужнымъ выстроить впереди на линіи отдѣльной фанзы еще два редута.

Придя въ отчаяніе, я написалъ слѣдующую записку барону Бильдерлингу:

„На моемъ участкѣ 23-го октября былъ инженерный офицеръ капитанъ Рыдзевскій, присланный изъ штаба арміи. Осмотрѣвъ укрѣпленную позицію, онъ нашелъ нужнымъ для большей связи съ X корпусомъ (у дер. Безымянной) выстроить еще два редута на линіи отдѣльной фанзы, шагахъ въ тысячѣ отъ сѣверной окраины дер. Ламатунь.

„Постройку этихъ новыхъ редутовъ я считаю вредной по слѣдующимъ причинамъ:

„1) На моемъ участкѣ, какъ видно изъ прилагаемой схемы, и безъ того уже вслѣдствіе распоряженій свыше нагромождена такая масса фортификаціонныхъ сооруженій, что значительная часть ихъ остается незанятой, несмотря на то, что и въ обороняемыхъ окопахъ находится лишь половинное число защитниковъ, резервовъ же вовсе не имѣется.

„2) Въ смыслѣ обороны эти редуты, вынесенные передъ стрѣлковые окопы, что противорѣчитъ основнымъ правиламъ фортификаціи, будутъ лишь мѣшать обстрѣлу съ главной позиціи, впереди которой разстилается совершенно открытая, слегка покатая къ сторонѣ противника равнина.

„3) Постройка этихъ редутовъ и въ особенности занятіе ихъ вызовутъ лишь напрасныя потери и утомленіе войскъ.

„4) Поддержка гарнизоновъ этихъ редутовъ, доставка туда днемъ продовольствія и патроновъ на протяженіи полутора верстъ, по совершенно открытой мѣстности, будутъ очень затруднительны. Если же выстроить ходы сообщеній, то это вызоветъ новыя тяжелыя работы и наконецъ непріятель можетъ этими ходами воспользоваться.

„Въ случаѣ если войскамъ будетъ приказано расположиться на зимнія квартиры, то для сторожевыхъ заставъ гораздо удобнѣе воспользоваться не проектированными редутами, а тѣми, которые

уже выстроены на гребнѣ высотъ на линіи Гуантунь — Ханченпу. Дежурныя части могутъ расположиться за этими деревнями въ имѣющихся землянкахъ. Въ этомъ случаѣ всѣ находящіеся передъ редутами окопы необходимо зарыть. Тогда непріятелю, занимающему Ламатунь, придется наступать по совершенно открытой мѣстности, передвиженія же нашихъ резервовъ будутъ прикрыты гребнемъ высотъ".

Результатомъ этой записки было то, что я на нѣкоторое время отдѣлался отъ проектированныхъ редутовъ.

Охраненіе лѣваго участка по ночамъ было организовано слѣдующимъ образомъ: въ разстояніи отъ одной до полутора верстъ впереди позиціи на высотѣ отдѣльной фанзы выставлялась цѣпь сторожевыхъ постовъ изъ одной роты Болховскаго и одной роты Зарайскаго полковъ; эта цѣпь у желѣзной дороги связывалась со сторожевыми постами праваго участка нашей дивизіи, а восточнѣе отдѣльной фанзы—съ аванпостами X корпуса, одинъ полкъ котораго занималъ дер. Безымянную; заставы располагались шагахъ въ четырехстахъ позади постовъ.

Кромѣ того, по приказанію начальника дивизіи, на правомъ флангѣ одна рота Болховскаго полка выдвигалась въ особый окопъ, выстроенный близъ дер. Ингуа, восточнѣе желѣзной дороги, съ назна-

ченіемъ продольно обстрѣливать полотно желѣзнодорожнаго пути.

Для развѣдыванія назначались пѣшая и половина конной охотничьихъ командъ, одинъ день отъ Болховскаго, а другой день отъ Зарайскаго полковъ, причемъ наши развѣдчики доходили почти до самой непріятельской позиціи.

Съ разсвѣтомъ все описанное охраненіе снималось. Оставалась лишь часть охотниковъ въ такъ называемыхъ охотничьихъ окопахъ у отдѣльной фанзы и близъ желѣзной дороги.

Японцы своихъ сторожевыхъ постовъ не выдвигали; ночью они держали ихъ почти у окоповъ и окраины дер. Ламатунь, а днемъ на крышахъ фанзъ.

Въ продолженіе октября на лѣвомъ участкѣ не было никакихъ боевыхъ дѣйствій, за исключеніемъ артиллерійской перестрѣлки. Съ нашей стороны стрѣляли довольно часто четыре батареи 35-й бригады, поддерживаемыя изрѣдка стоявшей за дер. Ингуа мортирной батареей. Японская артиллерія отвѣчала вяло. По исчисленію одного нашего офицера она выпускала въ сутки по всему участку отъ 20 до 200 шрапнелей и шимозъ. Только въ ночь съ 17-го на 18-е октября было выпущено ею болѣе 900 снарядовъ.

Какъ только японцы начинали стрѣльбу, наши люди прятались въ окопы, гдѣ чувствовали себя въ

безопасности, потому что шрапнели были безсильны противъ земляныхъ закрытій, а шимозы, хотя и производили огромный шумъ, но наносили пораженіе лишь въ непосредственной близости отъ мѣста взрыва.

Дѣйствительность нашей стрѣльбы, по всѣмъ вѣроятіямъ, была еще меньшая, такъ какъ новыя полевыя орудія не имѣли ударнаго снаряда, необходимаго для разрушенія разныхъ закрытій. Вслѣдствіе этого упущенія приходилось часто вспоминать стрѣлявшія гранатами, старыя поршневыя пушки. При дѣйствіяхъ въ Манджуріи онѣ представляли кромѣ того и другія выгоды: бо́льшую крутизну траэкторіи, весьма полезную для стрѣльбы въ горахъ и болѣе высокій ходъ, необходимый при движеніи по непролазной грязи. Главнымъ же преимуществомъ новыхъ орудій — скорострѣльностью все равно нельзя было пользоваться въ полной мѣрѣ, потому что во всѣхъ сраженіяхъ неизмѣнно предписывалось беречь снаряды.

Вообще послѣдняя война показала насколько нѣкоторые увлекавшіеся теоретики преувеличивали роль артиллеріи, увѣряя что отнынѣ она будетъ царствовать на поляхъ сраженій. Медицинская статистика свидѣтельствуетъ, что изъ общей суммы потерь за цѣлую кампанію на долю этой новой „царицы“ приходится всего 8%, почти столько же

сколько на штыкъ, въ то время какъ ружейному огню принадлежитъ около 85%!! *)

Погода въ октябрѣ была настолько холодная, что за день, несмотря на довольно сильно грѣвшее солнце, вода въ лужахъ не успѣвала оттаивать. Къ счастью, всѣ солдаты въ полку имѣли теплыя куртки и мѣховые жилеты, купленные, какъ сказано выше, еще въ сентябрѣ. Кромѣ того 26-го октября были привезены, полученные въ предыдущемъ году отъ интендантства, полушубки. Наконецъ я приказалъ по телеграфу пріобрѣсти въ Харбинѣ теплой шерстяной матеріи на портянки. Офицеры также одѣлись въ полушубки, ибо наши форменныя пальто хороши лишь для прогулокъ въ городахъ.

Люди въ первое время спали прямо во рвахъ окоповъ, зарывшись въ солому. Потомъ были сдѣланы землянки, сообщавшіяся со рвомъ. Въ дер. Каулитунъ я приказалъ устроить баню, въ которой за недѣлю успѣвалъ перемыться и ошпарить бѣлье кипяткомъ весь полкъ.

Горячую пищу, въ видѣ щей изъ свѣжей китайской капусты и очень густого рисоваго супа, подвозили два раза въ день, причемъ, такъ какъ кашу доставлять было затруднительно, то мяса от-

---

*) „Русско-японская война въ наблюденіяхъ и сужденіяхъ иностранцевъ". Изданіе Березовскаго. Выпускъ III, стр. 8.

пускалось по 1¼ фунта на человѣка (половина свинины).

Хлѣбъ мы получали отъ корпуснаго интенданта въ двухдневной пропорціи, считая дачу по 2½ фунта. Иногда бывали задержки, но полкъ всегда имѣлъ въ резервѣ нѣкоторое количество, взятое прямо изъ пекарни.

Что касается сахару, то сначала мы расходовали собственный полковой запасъ, выдавая по шести золотниковъ въ день, а съ середины октября стали получать отъ корпуснаго интенданта китайскій сахаръ очень плохого качества. Я послалъ офицера въ Телинъ съ порученіемъ добыть русскій сахаръ изъ центральнаго интендантскаго магазина, но тамъ удалось выпросить только двадцать пудовъ.

Въ октябрѣ полкъ заготовилъ большіе запасы чумизной соломы, частью собирая ее съ оставленныхъ китайцами полей, частью же пріобрѣтая по очень дешевымъ цѣнамъ. Эта солома вмѣстѣ съ гаоляновымъ зерномъ составила главный кормъ лошадей, такъ какъ покупать ячмень въ большихъ количествахъ въ это время было невозможно.

При расположеніи войскъ на позиціяхъ китайцы-разнощики туда не допускались, какихъ либо лавокъ по сосѣдству не было, а между тѣмъ солдаты, осужденные на томленіе въ траншеяхъ, сдѣлались особенно падки на всевозможныя покупки.

Этимъ воспользовалось нѣсколько нижнихъ чиновъ евреевъ, образовавшихъ компанію для эксплоатаціи своихъ товарищей. Пріобрѣтая въ Мукденѣ, а отчасти даже выпрашивая въ разныхъ складахъ, сахаръ, бѣлый хлѣбъ, копченую колбасу, сыръ, монпансье, табакъ, спички и т. п., они разносили эти товары по окопамъ, сбывая ихъ втридорога. Узнавъ объ этомъ, я приказалъ пріобрѣтать все нужное въ Мукденѣ на счетъ суммъ солдатской чайной, доставлять на позицію и продавать солдатамъ по покупной цѣнѣ.

Во все время стоянки на Шахэ въ полку получалось изъ разныхъ мѣстъ Россіи много подарковъ для нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Въ числѣ ихъ были вещи полезныя, были и совершенно ненужныя; но независимо отъ этого самый фактъ полученія подарковъ оказывалъ прекрасное нравственное вліяніе, внося нѣкоторое разнообразіе въ скучную, монотонную жизнь войскъ, а главное напоминая имъ о томъ, что на родинѣ думаютъ и заботятся о нихъ.

Санитарное состояніе полка въ октябрѣ было удовлетворительное. Согласно свѣдѣнію отъ 30-го октября больныхъ во всѣхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ числилось 175 человѣкъ. Многіе выздоровѣвшіе отъ ранъ нижніе чины вернулись въ свои роты, вслѣдствіе чего боевая сила полка достигла 2000 штыковъ.

При этомъ нужно замѣтить, что изъ госпиталей выписывали черезчуръ рано. Такъ напримѣръ, 30-го октября вернулся унтеръ-офицеръ 1-й роты Бобыревъ, раненый 28-го сентября въ грудь на вылетъ. Ему еще трудно было ходить. Всѣхъ прибывающихъ раненыхъ я лично опрашивалъ и тѣхъ, которые чувствовали себя слабо, отправлялъ въ полковой лазаретъ.

Въ октябрѣ къ намъ прибыло на укомплектованіе 19 офицеровъ. Изъ нихъ 1 старый подполковникъ, 1 капитанъ, 2 штабсъ-капитана, остальные — поручики и подпоручики.

До 5-го октября я жилъ въ Ханченпу, а затѣмъ, желая быть въ раіонѣ Зарайскаго полка, переселился въ дер. Каулитунъ. Между тѣмъ Добржинскій, не зная какое дать назначеніе генералу Гласко, додумался до того, что сдѣлалъ его „комендантомъ Ханченпу!“ Надъ этимъ опереточнымъ званіемъ — коменданта разрушенной китайской деревушки, мы всѣ, начиная съ самого Гласко, очень потѣшались.

Въ Каулитунѣ я поселился въ крошечной фанзѣ, гдѣ прежде была китайская аптека. Въ ней не хватало дверей и оконъ, которыя пришлось сдѣлать, но зато она была очень чистая. Вообще въ деревнѣ еще до нашего прихода хозяйничали какія то войска, повытаскавшія изъ построекъ почти всѣ деревянныя части на топливо.

Вмѣстѣ со мной въ той же фанзѣ помѣстились штабсъ-капитанъ Влахопуловъ, поручикъ Бобровъ и подпоручикъ Ляховъ. Остальные офицеры жили при своихъ частяхъ въ землянкахъ. Хозяйственная часть полка и офицерское собраніе расположились въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ позиціи въ дер. Суятунь. Ежедневно походная кухня привозила офицерамъ обѣдъ. Въ это время, благодаря стоянкѣ на мѣстѣ вблизи Мукдена и развившейся дѣятельности экономическихъ обществъ, можно уже было многое достать и потому нашъ столъ значительно улучшился.

При осмотрѣ деревни Каулитунъ въ одной изъ фанзъ былъ найденъ слѣпой и больной китайченокъ, возрастомъ около двухъ лѣтъ, а въ другой—совершенно дряхлая старуха. Оставить ихъ безъ помощи было невозможно, заниматься же ими некогда и потому я приказалъ ихъ накормить, закутать въ теплыя одѣяла и отправить на двуколкѣ въ Мукденъ въ распоряженіе китайскихъ властей. Провожатымъ вызвался быть полковой переводчикъ Люфа.

Черезъ день онъ вернулся, привезя росписку какого то китайскаго чиновника въ пріемѣ старухи и кромѣ того слѣдующее письмо Мукденскаго генералъ-губернатора:

„Милостивый Государь, почтенный командиръ! Получилъ ваше любезное письмо и китайскій ре-

бенокъ и три постели. Я очень вами благодаренъ за вашимъ добрымъ вниманіемъ, я уже приказалъ найти его родители для принятіи. Примите увѣреніе въ моей благодарности. Мукденскій Цзянцзюнъ Цзэнъ".

Къ письму была приложена визитная карточка этого китайскаго сановника, представлявшая большой кусокъ ярко-красной бумаги съ изображенными на немъ тушью іероглифами.

Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что по дѣламъ объ оставленіи старухи и ребенка назначено разслѣдованіе. При этомъ, если будетъ доказано несчастное стеченіе обстоятельствъ, то оставленныхъ просто возвратятъ въ свои семьи; если же обнаружится злой умыселъ, то сыновья старухи будутъ наказаны смертью, родители ребенка подвергнуты строжайшей карѣ, а пострадавшіе помѣщены въ благотворительныя заведенія. Этому рѣшенію нельзя отказать въ мудрой, хотя и жестокой справедливости.

Вообще современный Китай представляетъ поразительное соединеніе самыхъ рѣзкихъ контрастовъ. Въ немъ уживаются рядомъ: отрицаніе всякой религіи—съ самой строгой моралью; всеобщая грамотность—съ отсталостью науки; честность населенія—съ повальнымъ взяточничествомъ чиновниковъ; мягкіе нравы въ семьѣ—съ чрезвычайной жестокостью въ судахъ; миролюбіе народа — съ организованнымъ разбойничествомъ; отсутствіе патріотизма—

съ глубокимъ сознаніемъ своего національнаго превосходства; презрѣніе къ смерти — съ нежеланіемъ драться на войнѣ; высокая земледѣльческая культура и устроенная на кооперативныхъ началахъ торговля — съ низкимъ состояніемъ техники, полнымъ бездорожьемъ, отсутствіемъ правильной правительственной почты и телеграфа, примитивной монетной системой и т. п.

Въ частности, относительно военнаго дѣла, не можетъ быть двухъ мнѣній. Китаецъ представляетъ отличный боевой матерьялъ. Онъ не боится смерти, хорошо развитъ умственно, дисциплинированъ съ дѣтства, отличается физической силой и выносливостью. Для созданія могучей, побѣдоносной арміи остается лишь возродить въ китайскомъ народѣ тотъ энергичный, самоотверженный патріотизмъ, безъ коего немыслимо прочное существованіе какого бы то ни было государства.

Во время зимовки на Шахэ генералъ Добржинскій со штабомъ помѣщался въ дер. Сяокишинпу, расположенной въ верстѣ къ юго-западу отъ станціи Суятунь. Разстояніе отъ этой деревни до дер. Каулитунъ, гдѣ я находился, составляло по прямой линіи около пяти верстъ. Насъ связывалъ телефонъ, который постоянно звонилъ, такъ какъ начальникъ дивизіи ежеминутно справлялся о положеніи дѣлъ на участкѣ и давалъ свои „указанія“.

Какъ видно изъ вышеописаннаго, рѣшительно никакихъ дѣлъ у насъ не происходило. Что же касается характера даваемыхъ указаній, то онъ всего лучше виденъ изъ слѣдующей типичной телефонограммы начальника штаба дивизіи, случайно у меня сохранившейся: „На сегодняшній день командиромъ корпуса особой задачи не поставлено. Начальникъ дивизіи приказалъ донести какія предположенія вы имѣли бы въ виду на сегодняшній день на основаніяхъ обстановки на вашемъ участкѣ, дабы начальникъ дивизіи могъ вамъ указать, что должно быть исполнено въ связи съ общими предположеніями его превосходительства. Настойчивѣе снимайте японскіе посты и часовыхъ, усиливайте укрѣпленія и устраивайте приспособленія для ночной стрѣльбы изъ винтовокъ, устраивайте засѣки и проволочныя сѣти, рвы и волчьи ямы“.

Дабы имѣть покой отъ этого постояннаго пустословія, я предусмотрительно устроилъ телефонную станцію не въ своей, а въ сосѣдней фанзѣ, причемъ на вызовъ приходилъ обыкновенно подпоручикъ Ляховъ, неизмѣнно отвѣчавшій, что командиръ полка находится на позиціи и затѣмъ принимавшій приказаніе.

Помимо телефона Добржинскій поддерживалъ со мною связь еще при помощи кавалеріи, для чего каждый вечеръ являлся въ Каулитунъ офицерскій

разъѣздъ Черниговскаго драгунскаго полка. Прибывшихъ лошадей ставили во дворѣ, драгуны помѣщались съ нашими вѣстовыми, а офицеръ ужиналъ и игралъ съ нами въ преферансъ или въ винтъ, послѣ чего, установивъ связь, весь разъѣздъ возвращался въ штабъ дивизіи.

Между прочимъ драгунскіе офицеры разсказывали, что кромѣ того Добржинскій посылалъ сильные разъѣзды ловить по ночамъ воображаемыхъ китайскихъ сигнальщиковъ, наблюдать съ деревьевъ, росшихъ позади нашихъ позицій, за передвиженіями японцевъ, осматривать давно извѣстную мѣстность въ раіонѣ расположенія сосѣднихъ войскъ и т. п. Становилось обидно за прекрасную часть, съ молодымъ офицерскимъ составомъ, пылко стремившимся къ настоящему дѣлу, сидѣвшую на чудныхъ коняхъ, коей пользовались столь несоотвѣтственнымъ образомъ.

Въ концѣ октября, все для той же связи, было приказано разставить на позиціи и въ тылу ея осмоленыя вѣхи, которыя при наступленіи непріятеля немедленно зажечь. Тщетно я возражалъ, что такимъ способомъ мы лишь напрасно освѣтимъ японцамъ передвиженіе своихъ резервовъ—логика не дѣйствовала.

Вообще связи было болѣе чѣмъ достаточно, за то самого Добржинскаго за весь разсматриваемый періодъ мы ни разу на позиціи не видѣли.

Впослѣдствіи онъ придумалъ слѣдующую комбинацію. Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ дер. Ханченпу, у самаго полотна желѣзной дороги, было приказано устроить углубленный блиндажъ съ небольшой амбразурой для наблюденія, закрытый сверху и съ боковъ рельсами, балками, досками и толстымъ слоемъ земли. Этотъ блиндажъ получилъ громкое названіе „позиціи“, или „блиндажа у ченпу“, хотя въ дѣйствительности, какъ сказано выше, онъ находился въ двухъ верстахъ по зади упомянутой деревни.

Иногда утромъ Добржинскій, навѣсивъ на себя револьверъ, бинокль и огромную сумку съ письменными принадлежностями, садился въ этотъ блиндажъ и начиналъ отсюда звонить въ телефонъ и разсылать полевыя записки. Это называлось „выѣхать на позицію“.

Однако и такіе выѣзды скоро прекратились. Шутники—офицеры разбросали вокругъ пресловутаго блиндажа нѣсколько шрапнельныхъ стакановъ и пустили слухъ, что во время ночной перестрѣлки непріятель направлялъ свой огонь спеціально на этотъ пунктъ. Послѣ этого Добржинскій уже болѣе „на позицію“ не выѣзжалъ. Впрочемъ къ этому времени относится его «контузія», за которую онъ въ настоящее время получаетъ пенсію изъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

Въ ночь на 1 ноября Зарайцы и Болховцы были смѣнены Нѣжинцами и отошли въ корпусный резервъ къ дер. Суятунь, въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ позиціи. Одновременно съ этимъ раіонъ занятый 35-й дивизіей былъ ограниченъ однимъ лѣвымъ участкомъ позиціи восточнѣе желѣзной дороги, а правый участокъ къ западу отъ послѣдней былъ переданъ 3-й дивизіи. Такимъ образомъ, наконецъ то корпусный штабъ отказался отъ принциповъ линейной тактики, примѣнявшихся имъ во все продолженіе Шахэйскаго сраженія и распредѣлилъ войска не по фронту, а въ глубину.

Около Суятуни Зарайцы и Болховцы простояли двѣ недѣли, причемъ выстроили себѣ землянки съ печами.

Бо́льшая часть офицеровъ поселилась въ обширной фанзѣ, наскоро приведенной въ обитаемый видъ. Сойдясь вмѣстѣ послѣ цѣлаго мѣсяца разрозненной жизни на позиціи, офицеры обмѣнялись впечатлѣніями. Итогъ ихъ былъ неутѣшительный. Въ прошломъ оставалось Шахэйское пораженіе, которое уже нельзя было объяснить никакими стратегическими софизмами; въ ближайшемъ будущемъ виднѣлась перспектива тяжелой, а главное безполезной зимовки въ мокрыхъ траншеяхъ.

Тѣмъ не менѣе настроеніе было довольно веселое. Таково уже свойство русскаго человѣка бы-

стро оправляться отъ ударовъ судьбы. Впродолженіи всей войны мы всегда умѣли находить себѣ утѣшеніе: когда японцы топили нашъ флотъ, у насъ говорили — что-жъ удивительнаго, они природные моряки, а вотъ пускай выйдутъ на сушу; послѣ ряда неудачъ въ горахъ единогласно рѣшили, что они горцы — посмотримъ какъ будутъ дѣйствовать на равнинахъ; когда и на ровномъ мѣстѣ ничего не вышло, стали видѣть причину всего въ проклятомъ гаолянѣ; по снятіи послѣдняго начали надѣяться на манджурскіе морозы и т. п.

Въ разговорахъ офицеровъ очень часто затрогивалось больное мѣсто строевого состава, то привиллегированное положеніе, въ которое былъ поставленъ въ арміи весь нестроевой элементъ. Тогда какъ ротный командиръ получалъ 170, а младшій офицеръ 110 руб. въ мѣсяцъ, ихъ сверстники, ушедшіе на разныя административныя должности, вознаграждались по меньшей мѣрѣ вдвое, не говоря уже о гораздо бо́льшихъ шансахъ на производство въ чины.

Казалось бы офицеру, подставлявшему свой лобъ подъ пули, слѣдовало оставить хоть нѣкоторое нравственное утѣшеніе въ боевыхъ наградахъ. Однако въ дѣйствительности и этого не было. Ордена съ мечами раздавались въ тылу еще щедрѣе, чѣмъ въ войскахъ, причемъ ихъ получали даже такія лица,

какъ чиновники разныхъ Харбинскихъ канцелярій, завѣдывающіе столовыми главныхъ квартиръ, игумены при госпиталяхъ, поставщики скота и т. д.

Несправедливо было и отношеніе къ родамъ оружія. На долю пѣхоты выпадала главная боевая работа и почти полностью всѣ потери, роль кавалеріи была незначительна и ея убыль ничтожна, а между тѣмъ, въ общемъ, пѣхотные офицеры получали наградъ меньше, чѣмъ кавалерійскіе.

Вслѣдствіе такихъ порядковъ въ рядахъ арміи исчезло всякое уваженіе къ военнымъ отличіямъ. Огромное большинство офицеровъ, имѣющихъ ордена съ мечами, за исключеніемъ Владиміра, въ настоящее время даже не носятъ ихъ при сюртукѣ, какъ это установлено правилами!!

Стоянкой около Суятуни мы воспользовались для того, чтобы поправить одежду и обувь, а также подвезти недостававшія теплыя вещи. На экономическія суммы были куплены ватные китайскіе шаровары. Каждый солдатъ имѣлъ башлыкъ, наушники, полушубокъ, ватную китайскую куртку, или мѣховой жилетъ, рукавицы, ватные китайскіе шаровары, теплые китайскіе чулки, шерстяныя портянки и валенки.

Носить на себѣ весь этотъ тяжелый магазинъ въ походѣ было конечно невозможно, но при сидѣніи въ окопахъ онъ былъ необходимъ. Безспор-

но, при высокомъ качествѣ вещей, ихъ могло быть меньше и онѣ были бы легче, но мы располагали или интендантской дешевкой или рыночными китайскими издѣліями и потому поневолѣ должны были качество замѣнить количествомъ.

Что касается продовольствія, то вслѣдствіе недостатка крупы приходилось давать людямъ кашу лишь разъ въ день, зато дача мяса составляла 1¼ фунта.

Расположеніе въ корпусномъ резервѣ не было для солдатъ полнымъ отдыхомъ. За исключеніемъ первыхъ дней, отъ полка постоянно требовали команды рабочихъ для постройки какихъ то укрѣпленій въ тылу, исправленія дорогъ, проложенія колонныхъ путей и т. п.

Удивительно какъ мало экономіи у насъ соблюдалось въ расходѣ людей. На многочисленныхъ колонныхъ путяхъ были повсюду поставлены небольшія вѣхи обмотанныя соломой. Около каждаго такого двухъ - аршиннаго дрючка мерзъ постъ изъ трехъ человѣкъ. На вопросъ — для чего стоятъ, они отвѣчали — охраняемъ вѣху и объясняемъ проѣзжающимъ куда идетъ дорога!

Въ первыхъ числахъ ноября было приказано сформировать во всѣхъ европейскихъ пѣхотныхъ полкахъ конно - охотничьи команды силою въ 100 всадниковъ. Команды Сибирскихъ полковъ были еще

многочисленнѣе — въ 150 всадниковъ. Какъ сказано выше, Зарайскій полкъ располагалъ, заведенными по моему почину еще въ апрѣлѣ, 40 конными охотниками. При правильномъ взглядѣ на послѣднихъ какъ на придатокъ къ пѣшей охотничьей командѣ, этого числа было совершенно достаточно. Сформированіе же цѣлыхъ конно-охотничьихъ сотенъ породило лишь ложный взглядъ на нихъ какъ на „дивизіонную“ и даже чуть ли не „армейскую“ конницу. Въ концѣ войны дошли до такого абсурда, что иногда стали сводить конныхъ охотниковъ въ особые полки!!

Утромъ 5 ноября пріѣхалъ въ Суятунь генералъ Куропаткинъ и тотчасъ же съ многочисленной свитой посѣтилъ позицію на высотѣ впереди деревень Ханченпу и Каулитунъ. На сей разъ Добржинскому, въ числѣ прочихъ начальствующихъ лицъ, пришлось поневолѣ сопровождать его. Этимъ случаемъ онъ, конечно, не преминулъ воспользоваться и на слѣдующій же день отдалъ приказъ по дивизіи, въ которомъ говорилось: „Посѣтивъ вчера позиціи я убѣдился, что со времени послѣдняго моего посѣщенія укрѣпленія мало усовершенствованы“. Въ дѣйствительности никакого предыдущаго посѣщенія не было.

По этому поводу въ приказѣ, отданномъ преемникомъ Добржинскаго по командованію дивизіей

генераломъ Шевцовымъ, сказано: „По единогласному утвержденію всѣхъ участниковъ войны ... въ продолжительный, почти пятимѣсячный періодъ Шахэйскаго сидѣнія, на возводимыхъ и усовершенствуемыхъ позиціяхъ, генералъ Добржинскій ни разу не посѣтилъ позиціи участка 35-й пѣхотной дивизіи за время занятія его Болховскимъ и Зарайскимъ полками, хотя въ приказахъ своихъ и упоминалъ о личномъ посѣщеніи имъ боевого участка своей дивизіи".

Вечеромъ генералъ Куропаткинъ пригласилъ меня къ себѣ въ вагонъ, гдѣ долго распрашивалъ о тактическихъ пріемахъ, примѣнявшихся японцами въ тѣхъ бояхъ, въ коихъ я принималъ участіе, а также о нуждахъ войскъ.

Около этого же времени произошелъ слѣдующій инцидентъ. Какъ уже сказано, приказомъ отъ 27 сентября, Добржинскій предписалъ устроить въ городѣ Телинѣ сапожную и оружейную мастерскія, швальню и складъ продовольствія. Сапожная мастерская и продовольственный складъ Зарайскаго полка существовали въ Телинѣ еще значительно раньше этого приказа, что же касается швальни и оружейной мастерской, то я нашелъ болѣе удобнымъ устроить ихъ не въ Телинѣ, удаленномъ отъ насъ на сто верстъ, а въ раіонѣ полка въ дер. Даянельтунь.

Между тѣмъ Добржинскій, командировавъ въ Телинъ для осмотра мастерскихъ начальника штаба

полковника Сухомлина, отдалъ 8 ноября приказъ, въ которомъ говорилось:

„Въ 138 пѣхотномъ Болховскомъ полку устроены оружейная, сапожная и швальня, работаютъ 2 слесаря, 3 портныхъ и 5 сапожниковъ. Склада продовольствія нѣтъ".

„Въ 140 пѣхотномъ Зарайскомъ полку устроена лишь одна сапожная мастерская. Работаетъ 53 сапожника, съ 1 октября сдѣлано 500 паръ головокъ, починено 136 паръ сапогъ. Въ настоящее время производится починка валеныхъ сапогъ, которыхъ имѣется до 2000 паръ, уже починено 410 паръ. Швальни и оружейной мастерской совсѣмъ нѣтъ. На вокзалѣ имѣется складъ, въ которомъ хранятся консервы, 85 мѣшковъ ячменной муки, 39 мѣшковъ ржаной муки, 362 мѣшка ячменя, 871 штука старыхъ шароваръ, 5 тюковъ сапожнаго товара, 3 ящика новыхъ сапогъ, 5 тюковъ головокъ и 5 новыхъ собственныхъ походныхъ кухонъ".

Далѣе въ приказѣ было сказано: „За успѣшную и правильную постановку дѣла въ мастерскихъ, устроенныхъ въ Телинѣ, прошу командира 138 пѣхотнаго Болховскаго полка полковника Орлова принять мою искреннюю признательность. Командирамъ остальныхъ полковъ приложить болѣе заботливости къ обезпеченію на зимнее время нижнихъ чиновъ исправными обувью и одеждой".

Такимъ образомъ оказалось, что полковнику Мартынову, коего полкъ впродолженіе всей кампаніи былъ одѣтъ и накормленъ сверхъ всякой нормы, надлежало брать примѣръ съ того, кто въ трехъ мастерскихъ орудовалъ съ 2 слесарями, 3 портными и 5 сапожниками и не имѣлъ никакого запаса продовольствія!!!

Конечно, для меня похвала Добржинскаго представляла лишь отрицательную величину, но я не могъ допустить подобной несправедливости по отношенію къ своимъ подчиненнымъ и потому, повторивъ означенный приказъ полностью въ приказѣ по полку, добавилъ къ нему слѣдующее поясненіе:

„Во исполненіе вышеприведеннаго приказа по дивизіи, предписываю немедленно перевести въ Телинъ состоящіе при полку швальню и оружейную мастерскую, не взирая на представленное мнѣ объясненіе, что въ военное время починку винтовокъ и прочаго оружія неудобно производить въ ста верстахъ отъ мѣста расположенія полка.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ приношу глубокую благодарность чинамъ хозяйственнаго управленія за ихъ заботливость по части устройства въ Телинѣ запасовъ обуви и продовольствія, которые, какъ видно изъ приведеннаго выше приказа по дивизіи, во много разъ превосходятъ запасы остальныхъ полковъ въ совокупности.

„Благодаря ихъ трудамъ нижніе чины Зарайскаго полка не только имѣютъ на себѣ совершенно исправную обувь, но кромѣ того полкъ располагаетъ запасомъ сапогъ (въ готовомъ видѣ и въ товарѣ), а также валенками и бродняими на весь составъ. Считаю также своимъ долгомъ поставить въ особую заслугу завѣдывающему хозяйствомъ подполковнику Духовскому тотъ фактъ, что самое устройство сапожной мастерской въ Телинѣ произошло по его иниціативѣ, причемъ эта мастерская открыла свои дѣйствія болѣе чѣмъ за двѣ недѣли до изданія приказа по дивизіи отъ 27 сентября за № 143.

„Изъ теплой одежды всѣ нижніе чины полка получили ватныя китайскія куртки, такіе же шаровары, полушубки, теплые китайскіе чулки, башлыки, наушники и рукавицы. При этомъ куртки и шаровары (стоившіе болѣе 10000 рублей) пріобрѣтены безъ всякаго отпуска изъ казны на экономическія средства полка.

„Не могу также обойти молчаніемъ и заботливости чиновъ хозяйственнаго управленія о довольствіи нижнихъ чиновъ. Въ отличіе отъ другихъ въ Зарайскомъ полку, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней боевыхъ столкновеній, нижніе чины втеченіе всей предшествующей кампаніи получали горячую пищу два раза въ день, во время же стоянокъ на мѣстѣ имѣли кашу не только къ обѣду, но и къ

ужину (послѣдняя на экономическія суммы). Въ настоящее время, когда ощущается недостатокъ въ крупѣ, вторая дача каши замѣняется усиленнымъ отпускомъ мяса (1¼ фунта вмѣсто 1 фунта). Такъ же удачно разрѣшалось до сихъ поръ снабженіе нижнихъ чиновъ и другими предметами довольствія: хлѣбомъ, чаемъ, сахаромъ и т. п.

„За все изложенное прошу чиновъ хозяйственнаго управленія и въ особенности подполковника Духовскаго и поручика Елагина принять мою глубокую благодарность. Всей своей неутомимой и плодотворной дѣятельностью они доказали, что заботятся о солдатѣ на дѣлѣ, а не на бумагѣ, какъ это часто бываетъ".

Періодъ съ 14 по 30 ноября Болховцы и Зарайцы снова простояли на позиціи впереди Ханченпу и Каулитуна, причемъ за послѣдней деревней въ землянкахъ расположился дивизіонный резервъ.

За это время было получено предписаніе Добржинскаго произвести ночной поискъ охотничьими командами. Я приказалъ имъ выступить въ 7 час. вечера: Болховцамъ отъ передоваго окопа у желѣзной дороги на сосновую рощу, а Зарайцамъ отъ отдѣльной фанзы на Ламатунь.

Задача состояла въ томъ, чтобы опредѣлить какъ велики находящіяся противъ насъ непріятельскія силы, для чего слѣдовало подкрасться къ япон-

скимъ окопамъ и, внезапно ворвавшись въ нихъ, проникнуть до рѣки Шахэ, а если возможно то и на другой ея берегъ.

Въ назначенный часъ охотники Зарайскаго полка начали движеніе, но въ темнотѣ забрали слишкомъ вправо и, по ихъ словамъ, подползли на 20—30 шаговъ къ окопамъ западной части дер. Ламатунь. Только послѣ этого японцы ихъ замѣтили и открыли ружейный огонь — спереди изъ окоповъ и справа изъ небольшой осиновой рощи. Охотники сначала залегли, но потомъ, когда у нихъ выбыло пять человѣкъ и когда былъ раненъ тремя пулями въ руку подпоручикъ Родзевичъ, возвратились обратно. Что касается охотниковъ Болховскаго полка, то они, по какому то недоразумѣнію, совсѣмъ не пошли.

Согласно условію, по окончаніи поиска, участвовавшіе въ немъ офицеры явились ко мнѣ. Зарайцы упрекали Болховцевъ въ томъ, что они оставили ихъ однихъ и тѣмъ подвели подъ фланговый огонь изъ рощи. Дабы положить конецъ этимъ пререканіямъ, я велѣлъ начальнику охотничьей команды Болховскаго полка додѣлать приказанное.

На этотъ разъ Болховцы выполнили задачу блестяще: незамѣтно приблизились къ непріятельскимъ окопамъ, прорвались черезъ нихъ, проникли въ сосновую рощу, захватили тамъ одного японца

и привели его ко мнѣ невредимаго. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отсутствія переводчика, я не могъ его самъ опросить и, ограничившись подробнымъ осмотромъ, отправилъ въ штабъ дивизіи.

Этотъ японскій пѣхотинецъ былъ одѣтъ замѣчательно хорошо. Поверхъ бѣлья на немъ была толстая шерстяная фуфайка, составлявшая одно цѣлое съ такими же кальсонами, затѣмъ—суконные мундиръ и штаны, безрукавка козьяго мѣха и наконецъ—пальто изъ мягкаго верблюжьяго сукна, до пояса подбитое мѣхомъ, съ мѣховымъ воротникомъ и капюшономъ. На головѣ онъ имѣлъ форменную фуражку, на рукахъ—мѣховыя перчатки, на ногахъ—толстые шерстяные чулки и прекрасные башмаки съ теплыми гетрами.

Всѣ эти вещи были сдѣланы изъ дорогого матерьяла, очень мало похожаго на ту дешевую рвань, изъ которой наше интендантство „строитъ“ свои знаменитыя шинели, тулупы и сапоги. Въ японскомъ окопѣ Болховцы захватили также нѣсколько теплыхъ одѣялъ.

Добржинскій до такой степени обрадовался плѣнному, что, какъ мнѣ разсказывали, на слѣдующій день, возсѣвъ на коня, водилъ его въ штабъ 3-й дивизіи, въ штабъ корпуса и по сосѣднимъ бивакамъ, вездѣ объясняя, что этотъ непріятель взятъ въ плѣнъ ввѣренной ему дивизіей.

По этому поводу бывшій командиръ Псковскаго полка Грулевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о войнѣ» говоритъ слѣдующее: „До чего мы измельчали — просто совѣстно. На дняхъ напримѣръ, получилось оффиціальное отношеніе сосѣдняго начальника дивизіи, который сообщаетъ, что войсками этой дивизіи, при нечаянномъ нападеніи охотниковъ, захваченъ 1 японецъ и онъ (начальникъ дивизіи) проситъ разрѣшенія провести этого плѣннаго по нашимъ бивакамъ съ цѣлью показать нашимъ войскамъ этотъ трофей. Не говоря про то, что это пріемъ весьма невыспренній съ точки зрѣнія боевой этики — человѣку повидимому и въ голову не приходитъ, что такимъ пріемомъ въ глазахъ нашихъ же солдатъ будутъ достигнуты обратные результаты, когда одинъ несчастный плѣнный водится на показъ какъ рѣдкая диковинка“.

Произведенная рекогносцировка выяснила, что японцы занимаютъ окопы у Ламатуни лишь небольшими сторожевыми заставами. Искусственныхъ препятствій совсѣмъ не оказалось. Кромѣ того еще раньше было замѣчено, что непріятель отвелъ назадъ свою артиллерію, стоявшую прежде у Ламатуни. На мѣстахъ остались лишь батареи близъ Хоутхайской сопки и станціи Шахэ. Однимъ словомъ японцы приняли такое расположеніе, при которомъ ихъ войска могли пользоваться возможно полнымъ отдыхомъ.

Не то было у насъ. Въ серединѣ ноября инженерный генералъ Величко объѣхалъ всѣ позиціи и нашелъ нужнымъ подать лѣвый участокъ впередъ, дабы выровнять фронтъ. Для этого былъ присланъ изъ главной квартиры инженеръ-капитанъ Рыдзевскій, который вечеромъ, когда уже смеркалось, разбилъ линію новыхъ укрѣпленій на высотѣ отдѣльной фанзы, въ разстояніи отъ 1 до 1 1/2 верстъ отъ прежней первой линіи окоповъ.

Въ Зарайскомъ полку работало два баталіона, причемъ 3-й баталіонъ устроилъ редутъ съ «усами», а 4-й баталіонъ вырылъ длинный окопъ. Болховцы выстроили двѣ линіи окоповъ для двухъ баталіоновъ. Работа вызывала большія затрудненія, такъ какъ земля оказалась промерзшей вершковъ на семь, а между тѣмъ изъ инженернаго парка было доставлено недостаточное число кирокъ и мотыгъ. Къ счастью японцы намъ совершенно не мѣшали, хотя не могли не замѣтить происходившаго.

На слѣдующее утро я, въ сопровожденіи поручика Боброва, обошелъ новую позицію Зарайскаго полка. До редута мы добрались спокойно, но когда оттуда переходили по открытому мѣсту въ окопъ 4-го баталіона, то японскіе стрѣлки, лежавшіе на крышахъ фанзъ въ Ламатуни, открыли по насъ огонь. Тоже самое повторилось и при нашемъ уходѣ. Вечеромъ я осмотрѣлъ новую позицію Болховскаго полка,

Съ наступленіемъ темноты 3-й и 4-й баталіоны Зарайцевъ были смѣнены 1-мъ и 2-мъ баталіонами, которые ночью продолжали работу. Дальнѣйшая смѣна производилась каждые сутки вечеромъ. Редутъ и окопъ были связаны траншеей; внутри ихъ устроены блиндажи, матерьяломъ для коихъ послужили росшіе около отдѣльной фанзы тополи; впереди расположены проволочныя сѣти.

Новая позиція, во всѣхъ отношеніяхъ, никуда не годилась.

Окопы Болховскаго полка были удалены отъ японскихъ окоповъ у сосновой рощи всего на семьсотъ шаговъ; окопы Зарайскаго полка отстояли отъ окоповъ у Ламатуни на тысячу шаговъ. При такой близости непріятеля приходилось все время быть на сторожѣ. По ночамъ охраненіе состояло изъ нѣсколькихъ секретовъ отъ охотниковъ, заложенныхъ въ 200—300 шагахъ впереди. Японцы также стали съ наступленіемъ темноты выдвигать свои посты изъ Ламатуни.

Мѣстность въ тылу новой позиціи представляла пологій скатъ къ непріятелю, вслѣдствіе чего нельзя было скрытно передвигать резервы. Для того, чтобы парализовать этотъ недостатокъ, изъ состава дивизіоннаго резерва каждую ночь наряжались части для устройства ходовъ сообщенія отъ старой позиціи къ новой, но эта работа подвигалась впе-

редъ крайне медленно. Кромѣ того было предположено вырыть на новой позиціи окопы для резервовъ. Однако это не удалось осуществить даже къ серединѣ декабря.

Такимъ образомъ половина войскъ занимала новую позицію, а другая была разбросана по многочисленнымъ окопамъ и редутамъ старой позиціи. Очевидно, въ случаѣ внезапной непріятельской атаки, войска, оборонявшія передовыя укрѣпленія, не получили бы помощи своевременно. Между тѣмъ съ своей старой позиціи мы господствовали надъ всей равниной до Ламатуни и легко могли однимъ огнемъ остановить всякое наступленіе японцевъ.

Наконецъ огромное зло новой позиціи заключалось въ томъ, что она находилась въ низинѣ, гдѣ уровень почвенныхъ водъ былъ очень высокъ. Вслѣдствіе этого въ блиндажахъ была страшная сырость, тѣмъ болѣе чувствительная, что разводить огонь на такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля воспрещалось. Во рвахъ, несмотря на отводныя канавы, мѣстами стояла вода, что при морозахъ еще было терпимо, но во время оттепелей являлось крупнымъ неудобствомъ. При такихъ условіяхъ люди, хотя и снабженные теплой одеждой, страдали отъ холода и сырости, особенно по ночамъ. Дабы облегчить ихъ положеніе, я приказалъ купить на экономическія суммы нѣсколько сотъ ватныхъ ки-

тайскихъ одѣялъ. Пищу на новую позицію подносили въ котелкахъ уже остывшую, а между тѣмъ разогрѣвать ее, по указанной выше причинѣ, было невозможно.

Вообще организація нашей зимовки была для меня совершенно непонятна. Теорія учитъ, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ, при первой же возможности, располагать войска по квартирамъ и въ землянкахъ, оставляя передъ непріятелемъ лишь однѣ охраняющія части. Вмѣсто этого Куропаткинъ, изъ чрезмѣрной осторожности, разсовалъ почти всю свою армію по окопамъ и траншеямъ на протяженіи болѣе ста верстъ!! Въ результатѣ, кромѣ напраснаго мученія войскъ, создалось еще крайне невыгодное положеніе для будущаго генеральнаго сраженія.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября, въ темную ночь, японцы сдѣлали развѣдку новой позиціи. Сначала они открыли сильный огонь по всей линіи лѣваго участка, а затѣмъ ихъ цѣпи отъ сосновой рощи и Ламатуни продвинулись на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ и, оттѣснивъ секреты нашихъ охотниковъ, залегли въ гаолянѣ. Болховцы отвѣчали частымъ огнемъ. Зарайцы молчали, выжидая дальнѣйшаго приближенія непріятеля. Я приказалъ дежурной батареѣ обстрѣлять всю полосу между нашей и японской позиціями. Передъ разсвѣтомъ японцы отошли. Болховцы потеряли 1 убитаго и 3 раненыхъ; За-

райцы — 2 раненыхъ и 1 контуженнаго. Добржинскій пытался раздуть это дѣло въ громкую побѣду. Онъ многократно и долго звонилъ въ телефонъ, требуя отъ меня подробной реляціи въ побѣдоносномъ духѣ, но получилъ въ отвѣтъ лишь краткую полевую записку, въ коей говорилось о ничтожной перестрѣлкѣ.

Само собою разумѣется, что какъ только у насъ поднялась пальба, то начальникъ дивизіи, жившій въ дер. Сяокишинпу, въ семи верстахъ по прямой линіи отъ новой позиціи Зарайскаго полка, прежде всего приказалъ уложить свои вещи и запречь повозки, однимъ словомъ, по обыкновенію, изготовился къ бѣгству!

Представленіе дутыхъ реляцій было еще занятіе, сравнительно безвредное. Гораздо хуже было то, что Добржинскій прибѣгалъ къ обману и во время самыхъ боевъ. По этому поводу офицеръ Зарайскаго полка Драценко, нынѣ причисленный къ генеральному штабу, пишетъ слѣдующее: „Когда у Сандепу рѣшалась участь сраженія, Добржинскій, преслѣдуя свои личныя выгоды, дѣлалъ ложныя донесенія, объ атакѣ японцами позиціи 35-й пѣхотной дивизіи, такихъ случаевъ у меня записано нѣсколько“.

На Георгіевскомъ праздникѣ 26-го ноября, передъ представителями всѣхъ частей XVII корпуса, Добржинскій снова распространялся объ одержан-

ной имъ побѣдѣ. Какъ единственный въ то время георгіевскій кавалеръ въ корпусѣ, я былъ назначенъ командовать парадомъ, но, неявившись вслѣдствіе простуды, былъ лишенъ возможности вывести оратора на чистую воду.

Между прочимъ на парадѣ обнаружилось, что по числу кавалеровъ Зарайцы занимаютъ въ корпусѣ первое мѣсто, за ними слѣдовали Псковцы. Всего въ итогѣ войны Зарайскій полкъ получилъ 2 офицерскихъ георгіевскихъ креста и 1113 знаковъ отличія Военнаго Ордена.

Тридцатаго ноября Зарайцы смѣнились съ позиціи и стали въ дивизіонномъ резервѣ за дер. Каулитунъ, причемъ солдаты и офицеры размѣстились въ относительно хорошихъ сухихъ землянкахъ. Послѣднее было особенно важно, такъ какъ съ начала декабря установилась суровая безснѣжная зима. По утрамъ морозы доходили до 20°. Зато днемъ ярко свѣтило солнце и въ воздухѣ все время стояла полнѣйшая тишина.

Второго декабря пріѣхалъ въ Мукденъ командующій третьей арміей генералъ Каульбарсъ. Для встрѣчи его была выставлена на вокзалѣ, въ качествѣ почетнаго караула, рота Зарайскаго полка, составленная изъ кавалеровъ Военнаго Ордена. Ротный командиръ капитанъ Бѣляевъ былъ съ такимъ же знакомъ отличія за Турецкую войну. По-

добный караулъ произвелъ впечатлѣніе. Обнявъ Бильдерлинга, Добржинскаго и меня, Каульбарсъ обратился къ солдатамъ съ нѣсколькими энергическими словами.

Нѣсколько дней спустя командующій арміей объѣхалъ и обошелъ позиціи. Зарайцы были выстроены у своихъ землянокъ. Каульбарсъ опять говорилъ съ солдатами и произвелъ на нихъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Между прочимъ они были довольны тѣмъ, что онъ привелъ на позицію все начальство и особенно генерала Добржинскаго. Впрочемъ послѣдній и тутъ сумѣлъ уклониться. Когда командующій арміей со свитой пошелъ по окопамъ, то начальникъ дивизіи, подъ какимъ то предлогомъ, остался у землянокъ позади д. Каулитунъ!!

Первымъ послѣдствіемъ этого объѣзда явился приказъ, предписывавшій дѣлать въ день три варки. При чайномъ довольствіи эта мѣра была совершенно ненужной. Къ тому же она совпала съ истощеніемъ мѣстныхъ запасовъ скота и крупы. Къ 10-му декабря имѣвшійся при полку гуртъ скота былъ уже использованъ и съ этого времени мы стали покупать по довольно высокимъ цѣнамъ привозимое изъ Сибири мороженое мясо (говядину и свинину)*).

*) Впрочемъ цѣны сами по себѣ насъ не смущали. Несмотря на постоянные экстраординардые расходы, при сдачѣ мною полка въ серединѣ декабря, въ денежномъ ящикѣ оказалось 60 тысячъ рублей экономическихъ суммъ.

Пріобрѣтать крупу для каши на ужинъ, какъ сказано выше, стало затруднительнымъ еще съ начала ноября.

Тѣмъ не менѣе, исполняя приказаніе, я велѣлъ приготовлять на третью варку кашицу по раскладкѣ—10 фунтовъ крупы и 3 фунта сала на 100 человѣкъ, причемъ отпускъ этихъ продуктовъ не долженъ былъ идти въ ущербъ обѣду или ужину, а производиться сверхъ нормы. Солдаты, уже избалованные хорошей пищей и по цѣлымъ днямъ пившіе чай, по большей части не брали этой бурды. Несравненно лучше было бы употребить расходуемыя такимъ образомъ деньги на усиленіе довольствія сахаромъ, сверхъ выдававшихся шести золотниковъ.

Приготовляемые на обѣдъ и ужинъ щи изъ свѣжей китайской капусты и рисовый супъ начали уже надоѣдать солдатамъ, но намъ удалось пріобрѣсти въ Харбинѣ большое количество фасоли. Хлѣбъ, чай и русскій сахаръ мы получали отъ интендантства.

Что касается лошадей, то онѣ питались главнымъ образомъ чумизной соломой, большіе запасы которой, какъ сказано выше, были заготовлены полкомъ еще въ октябрѣ. Зерновымъ фуражемъ для казенныхъ лошадей служилъ гаолянъ, а для офицерскихъ — ячмень, который приходилось скупать небольшими количествами въ разныхъ пунктахъ.

Въ началѣ декабря интендантство отпустило папахи на весь полкъ и китайскія теплыя одѣяла

на половинный составъ. Трудно было придумать болѣе безобразный головной уборъ, чѣмъ эти интендантскія папахи: огромныя и тяжелыя—онѣ были страшно неудобны для головы, особенно при сильномъ вѣтрѣ; въ дождь, намокшая длинная шерсть свѣшивалась на лицо и закрывала глаза; на снѣгу, вслѣдствіе своего чернаго цвѣта, онѣ рѣзко выдѣлялись уже издали. Между тѣмъ въ Манджуріи можно было пріобрѣсти въ любомъ количествѣ китайскія мѣховыя шапки (въ родѣ финляндскихъ)—небольшія, легкія, съ отгибающимися клапанами для защиты ушей, лба и затылка.

Въ первой половинѣ декабря прибыли въ полкъ двѣ партіи запасныхъ, одна въ 400, а другая въ 100 человѣкъ. Они производили благопріятное впечатлѣніе и были одѣты во все новое; не хватало лишь валенокъ. Около этого же времени пріѣхало много офицеровъ.

Вечеромъ 14 декабря Зарайцы опять заступили на позицію, но я уже не былъ начальникомъ участка, такъ какъ получилъ новое назначеніе, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Восемнадцатаго декабря я ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Мукденъ. Во время моего отсутствія, между 2 и 3 часами пополудни, японцы неожиданно открыли частый огонь шимозами и шрапнелями по дер. Каулитунъ и мѣстности непосредственно поза-

ди ея. Нѣсколько снарядовъ легло въ раіонѣ землянокъ дивизіоннаго резерва. Одна шимоза зарылась въ землю у самаго моего жилища. Другая отбила уголъ фанзы, занятой офицерами охотничьей команды. Осколки ея обратили въ рѣшето постель подпоручика Бойсмана. Самъ онъ, находясь въ это время на дворѣ, былъ напоромъ воздуха опрокинутъ на землю и въ первый моментъ ничего особаго не почувствовалъ, но потомъ появились сильная опухоль затылка и шеи, головная боль и рвота.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о настроеніи войскъ. Изъ предшествующаго изложенія видно, что въ первые дни войны армія относилась къ Куропаткину съ замѣчательнымъ довѣріемъ, видя въ немъ ученика и сподвижника знаменитаго Бѣлаго генерала, наслѣдника его безсмертной славы. Однако постепенно, шагъ за шагомъ, Куропаткинъ сумѣлъ растратить этотъ огромный нравственный капиталъ и послѣ Шахэ никто уже не вѣрилъ въ него какъ въ полководца. Тѣмъ не менѣе надежда на побѣдоносный исходъ борьбы еще не совсѣмъ исчезла изъ рядовъ войскъ. Армія надѣялась, что Россія, затянувъ войну, задавитъ Японію уже не своимъ военнымъ искусствомъ, а просто грубымъ численнымъ превосходствомъ—вѣсомъ пушечнаго мяса.

Сдача полка.

Разговоръ съ Харкевичемъ.—Характеристика генерала Добржинскаго.—Мой уходъ изъ полка.—Проводы.—Прощальный приказъ.—Назначеніе начальникомъ штаба корпуса.—Отношеніе ко мнѣ подчиненныхъ.

Въ серединѣ сентября генералъ-квартирмейстеръ арміи Харкевичъ, въ происшедшемъ между нами разговорѣ, сообщилъ о намѣреніи Куропаткина—возможно скорѣе произвести меня въ генералы, причемъ добавилъ отъ себя, что при открытіи соотвѣтствующей должности онъ будетъ просить о моемъ переводѣ обратно въ генеральный штабъ. Поблагодаривъ за доброе ко мнѣ отношеніе, я отвѣтилъ, что не чувствую влеченія къ штабной службѣ и предпочелъ бы быть произведеннымъ въ генералы съ оставленіемъ въ должности командира Зарайскаго полка.

Предпринятый вскорѣ общій переходъ въ наступленіе, воодушевленіе первоначально вызванное имъ въ арміи и крушеніе нашихъ надеждъ въ же-

стокой хаотической бойнѣ заставили на время забыть объ этомъ разговорѣ. Однако послѣ сраженія на Шахэ, когда вмѣстѣ съ томительной зимовкой въ траншеяхъ начались постоянныя тренія съ начальникомъ дивизіи, я вспомнилъ о словахъ Харкевича.

Личность генерала Добржинскаго достаточно обрисована приведенными мною фактами. Это былъ прежде всего совершенно исключительный, феноменальный трусъ, у котораго страхъ за свою особу доходилъ до болѣзненности.

Отличаясь огромнымъ усердіемъ, при весьма малыхъ способностяхъ, онъ въ періоды затишья войны никому не давалъ покоя. Нелѣпыя выдумки, вздорныя, чисто мирныя требованія и глупыя деморализирующія рѣчи сыпались изъ него какъ изъ рога изобилія. Даже заимствовавъ отъ другихъ какую либо вѣрную мысль, онъ ухитрялся доводить ее до абсурда.

Съ началомъ операцій, пока мы еще были вдали отъ непріятеля, Добржинскій продолжалъ проявлять чрезвычайную дѣятельность. Онъ таскалъ начальниковъ на осмотръ всевозможныхъ позицій, требовалъ представленія подробнѣйшихъ кроки, высылалъ охотниковъ на безцѣльныя развѣдки, заставлялъ войска совершенно зря рыть землю, морилъ ихъ чрезмѣрными сторожевыми нарядами, по ночамъ

зачастую отдавалъ приказанія цѣлымъ полкамъ не спать, угонялъ кухни въ тылъ и т. п.

По сближеніи съ противникомъ вся эта лихорадочная дѣятельность мгновенно обрывалась и начальникъ дивизіи со своею свитой поспѣшно удалялся въ тылъ, передавъ все управленіе боемъ полковымъ командирамъ. Однако и тутъ, дабы сохранить декорацію командованія, онъ продолжалъ ихъ путать своими пустословными, или запоздалыми полевыми записками, установленіемъ срочныхъ донесеній черезъ каждые полъ и даже четверть часа, а иногда въ самые критическіе моменты боя еще требованіемъ какихъ то схемъ!!

Въ сраженіи подъ Мукденомъ такой способъ управленія войсками обратилъ на себя вниманіе временно командовавшаго корпусомъ, крутаго генерала Селиванова, который предписалъ Добржинскому — не удаляться отъ своей дивизіи даже подъ предлогомъ выбора тыловыхъ позицій, когда же это не помогло, то представилъ его къ отрѣшенію отъ должности и только возвращеніе барона Бильдерлинга остановило это дѣло.

Къ перечисленнымъ командным свойствамъ Добржинскаго присоединялись еще: холопство передъ начальствомъ, хамство съ подчиненными, крайняя лживость, безсердечное отношеніе къ солдату и отвратительная жестокость къ мирнымъ жителямъ.

Очевидно подобный начальникъ не могъ внушать къ себѣ ничего кромѣ ненависти и презрѣнія. Солдаты называли его не иначе, какъ «лютый змій», офицеры гадливо отъ него сторонились и лишь нѣсколько пролазъ терлось вокругъ, устраивая свои награды. Только при господствовавшей на верхахъ нашей арміи системѣ непротивленія злу можно было оставлять подобнаго генерала во главѣ 16 тысячъ штыковъ и 72 орудій.

Посреди опасностей войны дисциплина основывается не столько на лишней звѣздочкѣ, сколько на вѣрѣ въ умъ, мужество и самостоятельность начальника, на любви къ нему за его заботливость о подчиненныхъ. Генералъ не внушающій къ себѣ довѣрія и нелюбимый войсками для войны вреденъ, а презираемый и ненавидимый ими составляетъ настоящее бѣдствіе. Не даромъ еще Великій Петръ, разсуждая о выборѣ сравнительно мелкаго начальника — полковаго командира, говорилъ, что нужно смотрѣть: «дабы онъ полку своему не гнусенъ былъ».

Для того, чтобы охранить доблестный Зарайскій полкъ отъ развращающаго вліянія начальника дивизіи, мнѣ приходилось постоянно быть на чеку и иногда даже прямо не исполнять его вредныхъ приказаній. Однако такая обстановка въ концѣ концовъ сдѣлалась нестерпимой и въ послѣднихъ

числахъ октября я обратился къ генералу Харкевичу съ напоминаніемъ о нашемъ разговорѣ. Моментъ для этого былъ особенно удобный, потому что какъ разъ въ это время формировались многочисленные штабы трехъ манджурскихъ армій.

Двадцать восьмаго ноября въ полку былъ полученъ приказъ Куропаткина о моемъ назначеніи въ распоряженіе командующаго первой арміей генерала Линевича. Командиромъ Зарайцевъ, послѣ усиленныхъ хлопотъ съ моей стороны, былъ назначенъ старшій изъ бывшихъ на лицо штабъ-офицеровъ полковникъ Плавскій.

Десятаго декабря офицеры устроили мнѣ прощальный обѣдъ, на который пріѣхали также наши прежніе боевые товарищи—генеральнаго штаба подполковникъ Пневскій, служившій тогда въ главной квартирѣ и капитанъ Ждановъ, назначенный въ штабъ 1-го сибирскаго корпуса. Проводы носили чрезвычайно сердечный характеръ. Оркестръ игралъ посвященный мнѣ маршъ, а одинъ изъ офицеровъ прочелъ свое стихотвореніе, которое потомъ, за подписью всѣхъ чиновъ полка, было мнѣ передано на память:

Четырнадцатаго декабря я обошелъ всѣ роты полка, заступавшаго въ этотъ день на позицію, и прощался съ ними. Отношеніе солдатъ тронуло меня до слезъ.

Передъ отъѣздомъ я отдалъ слѣдующій приказъ: „Уѣзжая къ новому мѣсту служенія, въ первую Манджурскую армію, я долженъ разстаться съ своими старыми сослуживцами, съ которыми меня такъ тѣсно связали почти девять мѣсяцевъ боевой и походной жизни. За это время Зарайскій полкъ создалъ себѣ прочную боевую репутацію и пріобрѣлъ не менѣе почетную извѣстность какъ часть, въ которой солдату даютъ не только то, что положено по закону, но и значительно больше. Приписывая всѣ достигнутые результаты, главнымъ образомъ, самоотверженной работѣ офицеровъ, врачей и чиновниковъ, а также молодецкой службѣ нижнихъ чиновъ, прошу Зарайскій полкъ, въ полномъ его составѣ, принять искреннюю благодарность своего бывшаго командира. Глубоко убѣжденъ въ томъ, что и въ будущемъ Зарайцы всегда, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сумѣютъ поддержать свою добрую славу“.

Утромъ 20 декабря я выѣхалъ въ главную квартиру Линевича, откуда тотчасъ же по прибытіи былъ назначенъ начальникомъ штаба III Сибирскаго корпуса.

Описанная дѣятельность во главѣ славнаго Зарайскаго полка не прошла мнѣ даромъ. Успѣхи одержанные въ тѣхъ случаяхъ, когда я дѣйствовалъ самостоятельно, популярность пріобрѣтенная въ средѣ солдатъ и офицеровъ, независимость съ которой

я вездѣ держалъ себя, а по окончаніи войны кромѣ того открытая критика нашихъ военныхъ порядковъ и бездарнаго, малодушнаго командованія—чрезвычайно увеличили количество моихъ и безъ того многочисленныхъ „доброжелателей“. Противъ меня, съ разныхъ сторонъ, былъ произведенъ рядъ гнусныхъ нападеній, продолжающихся и теперь.

Тѣмъ не менѣе, хотя командованіе Зарайцами принесло мнѣ лично много непріятностей, оно навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей службы. За это время, посреди боевой и походной обстановки, я узналъ высокія качества нашего несравненнаго солдата—храбрость, выносливость, преданность начальнику. Простое исполненіе послѣднимъ его обязанностей уже вызывало въ солдатской средѣ чувства горячей къ нему любви и слѣпой въ него вѣры.

Многіе раненые солдаты, уѣзжая на родину, гдѣ въ большинствѣ ихъ ожидала печальная участь, прощались со мною трогательными письмами, другіе передавали свою общую благодарность черезъ сестеръ милосердія, какъ напримѣръ черезъ М. М. Іолшину, сестру столь геройски погибшаго въ Портъ-Артурѣ офицера Генеральнаго штаба.

Изъ этихъ писемъ я приведу одно наиболѣе характерное:

„1904 года 15 декабря. Милостивый Государь, Ваша высоко Благородія Командиръ 140 Пѣхот-

наго Зарайскаго Полка, Полковникъ Мартыновъ. Желаю поблагодарить васъ Ваша высоко Благородія можытъ быть послѣдній разъ. Какъ я солдатикъ 5 роты Масалитиновъ 140 п. Зарайскаго полка былъ нѣсколько разъ подъ японскими пулями. Но какъ были подъ вашой командой какъ подъ кровомъ Присветой Богородицы и помогалъ намъ Господь поражать врага японца храбро стоять за русь святую и за Царя Батюшку и пришлось бы еще несколько побыть здаровому если бы я Былъ подъ командою вашой земной Нашъ Ангелъ а то попались 1 октября какимъ то глупымъ на поддержку (слѣдуетъ описаніе атаки Линшинпу), а если только Былъ бы вашъ Ангелскій образъ здѣсь, то Были бы всѣ живы и ни отдали бы японцамъ этой деревни. Я сейчасъ даже плакалъ что больша ни придется видать вашъ сердечной привѣтъ и Еще вотъ что ваша Высоко Благородія всѣ солдатики Зарайска го полка, которои со мной находятся желаютъ васъ Вашо Высокоблагородія поблогодарить зато что хорошой отѣцъ такъ ни досматриваетъ своихъ дѣтей, какъ вы вашо Высокоблагородія Свой полкъ, всѣгда были мы накормлены и напоены обуты и одѣты и когда только увидишъ васъ такъ все равно какъ царя Батюшку. Я въ своемъ полку служилъ бы и Бога фалилъ за посланія намъ Благочестивыхъ людѣй а сейчасъ я остался безчасной нигодинъ на службу

раненъ я въ ногу сильно, разбита кость. Сейчасъ мнѣ вже Георгіевъ ни заслуживать прѣждѣ надо подумать объ своемъ горю а сейчасъ прощайтѣ Ваша Высоко Благородія Буду я васъ помнить по Гробъ своей жызни А вамъ желаю постоять за Свѣтую русь и Царя Батушку и побѣдить врага японца разбить его а я Буду завасъ Малить Бога о вашамъ здравіи. Извиняйтѣ что я ни магу лутшы Благодарить рядовой 5 роты Ѳеодоръ Прох. Масалитиновъ Курской губ. Грайворонского уѣзда Лисичанской волости села Казачей Лисички я еду дамой на поправку".

Съ офицерами въ теченіи всей кампаніи мы составляли одну дружную, тѣсную семью. Эта связь не порвалась съ моимъ уходомъ изъ полка, а продолжается и теперь. Когда въ октябрѣ прошлаго года я посѣтилъ Скопинъ—мѣсто постояннаго квартированія Зарайскаго полка, то уцѣлѣвшіе отъ войны 27 офицеровъ устроили мнѣ такую встрѣчу, какая вѣроятно рѣдко выпадала на чью либо долю.

Провожая меня, они отправили въ полки нынѣ командуемой мною Стрѣлковой бригады слѣдующую телеграмму: „Зарайцы послѣ долгой тоскливой разлуки съ восторгомъ встрѣтивъ въ своей семьѣ одинадцатаго октября своего бывшаго боеваго, любимаго и лихого командира полка, нынѣ Вашего начальника бригады, генерала Мартынова и сегодня съ грустью

провожая его, высоко поднимаютъ бокалы при громкомъ „ура“ за славу и процвѣтаніе молодцовъ стрѣлковъ бригады, теперь уже родныхъ намъ. Какъ они неизмѣнно любили и берегли его просятъ и Васъ любить и беречь лихого героя на славу и честь Россіи быть можетъ въ скоромъ новомъ боевомъ испытаніи“.

Хорошія отношенія установились у меня и съ тѣми частями, которыя временно состояли подъ моимъ начальствомъ. Такъ командиръ батареи, постоянно сопровождавшей насъ въ сраженіяхъ, подполковникъ Перфильевъ (нынѣ командиръ 34-й арт. бригады), поздравляя меня съ производствомъ въ генералы, писалъ: „Воображаю какъ огорченъ полкъ, прощаясь съ Вами. Васъ такъ горячо, такъ искренно любили и вѣрили въ Васъ“.

Штабсъ-ротмистръ Черниговскаго драгунскаго полка Ведерниковъ, бывшій съ эскадрономъ въ составѣ моего отряда во время боя подъ Ляньдянсаномъ, въ своемъ письмѣ высказалъ слѣдующее: „Недолго мнѣ пришлось дѣйствовать подъ Вашимъ начальствомъ, но эти мгновенія скрашиваютъ, то безконечное горе, которое принесла нашей арміи эта кампанія. Безъ лести (не въ моемъ духѣ и не въ моихъ правилахъ она) могу сказать, что въ Васъ Ваше Превосходительство, я—человѣкъ служащій по духу, а не по формѣ, увидѣлъ съ перваго же дня,

когда судьба послала меня во главѣ 6 эскадрона въ Ваше распоряженіе, того съ кѣмъ можно итти умирать, кому можно было вѣрить, кого можно было послушать и у кого можно было поучиться. Того же мнѣнія были и будутъ всѣ офицеры 6 эскадрона".

Такая единогласная оцѣнка со стороны бывшихъ подчиненныхъ представляетъ для начальника самую высокую боевую награду и даетъ ему право съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣть на всѣ направленныя противъ него интриги.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. Березовскаго

(С.-Петербургъ, Колокольная, 14)

НАХОДЯТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„Стратегія въ эпоху Наполеона I и въ наше время". 1894 г. . . . . **3 р.**

„Методическая стратегія и ея критики". 1894 г. . . **60 к.**

„Л.-Гв. Егерскій полкъ въ войну съ Турціей 1877—78 г.г.". 1896 г. . . . . **2 р.**

„Къ двадцатой годовщинѣ боя подъ Телишемъ" (по архивнымъ матеріаламъ) 1897 г. . . . . **20 к.**

„Обязанности политики по отношенію къ стратегіи". 1899 г. . . . . **60 к.**

„Историческій очеркъ развитія древне-греческой тактики" (по древнимъ авторамъ). 1900 г. . . . . **2 р.**

„Какъ возникла Плевна" (по архивнымъ матеріаламъ. 1900 г. . . . . **75 к.**

„Блокада Плевны" (по архивнымъ матеріаламъ). 1900 г. . **3 р.**

„Изъ печальнаго опыта Русско-Японской войны". 1907 г. **75 к.**

„Участіе Зарайцевъ въ бою при Ляньдянсанѣ и въ сраженіи на Шахэ". . . . . **1р 25к.**

СКЛАДЪ НАСТОЯЩАГО ИЗДАНІЯ

у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

(С.-Петербургъ, Колокольная, 14).

2 р. 50 к.